

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

5 · 1976

СЕНТЯБРЬ · ОКТЯБРЬ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (главный редактор),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора),
В. И. КАСЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (зам. главного редактора),
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ,
И. И. МИНС, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. М. САХАРОВ,
Г. А. ЦЫПКИН, Л. В. ЧЕРЕПНИН

Адрес редакции:

103031. Москва, К-31. Кузнецкий мост, 19, тел. 294-29-31

Ответственный секретарь Г. С. Осипян, тел. 223-56-93

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (Editor-in-Chief),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. E. ZELENIN (Assistant Editor-in-Chief),
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (Assistant Editor-in-Chief),
V. I. KULIKOV, V. Ya. LAVERYCHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCINITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY, A. M. SAKHAROV,
G. A. TSYPKIN, L. V. CHEREPNIN

Address:

19, Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 294-29-31

Managing Editor G. S. Osipian, tel. 223-56-93

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
15 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТр. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА) В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР. ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ



И. И. ОРЛИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО И ПРОВАЛ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ»

В истории становления и развития мирового социалистического содружества особое место занимает экономическое сотрудничество СССР и других социалистических государств. Тесные экономические связи обеспечили создание материальной базы социализма в этих странах, оградили их от попыток империалистической реакции путем экономического бойкота и торговой дискриминации воспрепятствовать развитию социализма.

Исследование международных условий, в которых развивалось экономическое сотрудничество стран социализма, дает возможность осветить ряд сложных и малоизученных проблем развития социалистического содружества. В то же время ознакомление с международно-экономическими условиями этого развития, с методами и целями внешнеполитической стратегии западных держав позволяет увидеть корни многих явлений современной политики этих государств в отношении стран социалистического содружества, понять действие противоречивых тенденций этой политики в наши дни.

Отдельные вопросы внешнеэкономической политики империалистических государств в отношении социалистических стран нашли освещение в ряде работ советских авторов¹ и авторов из других социалистических государств². Довольно обширная литература по этой теме издана и на Западе. Но большинство буржуазных авторов в апологетическом плане трактуют внешнеэкономические акции США и ряда западноевропейских государств в отношении стран социалистического содружества, в ложном свете показывают политику стран — членов СЭВ, извращают сущность и цели их совместных конструктивных предложений, направленных на установление широких и равноправных экономи-

¹ См., напр., «Общеввропейское экономическое сотрудничество». М., 1973; А. М. Войнов, В. Я. Иохиз, Л. А. Родина. Экономические отношения между социалистическими и развитыми капиталистическими странами. М., 1975; «Проблемы экономического сотрудничества между Востоком и Западом Европы». М., 1973; «Экономические связи Восток — Запад: проблемы и возможности». М., 1976; «Проблемы развития экономических отношений между социалистическими и капиталистическими странами». М., 1974.

² Szita J. Az összeurópai gazdasági együttműködés távlatai. Бп., 1975; A. Puiu. Relațiile economice dintre țările socialiste și cele capitaliste dezvoltate. Buc., 1973; Z. Kamecki. Integracja gospodarcza krajów RWPG i możliwości rozwoju handlu Wschód — Zachód. «Sprawy międzynarodynar.», 1973, № 9.

ческих отношений между государствами различных общественных систем³.

Разоблачение этих фальсификаций — важная задача историков и международников социалистических стран, научная и политическая актуальность которой тем более очевидна, что в последнее время, несмотря на разрядку международной напряженности, вновь дают о себе знать рецидивы «холодной войны», снова раздаются голоса противников развития экономического сотрудничества между Востоком и Западом.

Несмотря на существенные изменения в международных экономических отношениях, ликвидация дискриминации, устранение препятствий на пути равноправного экономического сотрудничества продолжает оставаться важной задачей социалистической внешнеэкономической политики. Она была четко сформулирована Л. Н. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии: «Добиваться устранения дискриминации и любых искусственных препятствий в международной торговле, ликвидации всех проявлений неравноправия, диктата, эксплуатации в международных экономических отношениях»⁴.

* * *

Становление и развитие мировой социалистической системы происходило в тяжелых международных условиях, порожденных «холодной войной», которую развязал империализм против социалистических государств⁵. Сокращение экономических отношений с социалистическими странами, а затем и установление экономической блокады были одним из основных направлений политики Запада в отношении этих стран. В конце 40-х годов Соединенные Штаты Америки фактически установили контроль над торговыми отношениями между капиталистическими и социалистическими государствами. В значительной степени для этого использовался аппарат «плана Маршалла»⁶. Однако он не мог обеспечить обширную программу экономической блокады, которая была разработана государственным департаментом США. По мнению его руководителей, необходимо было создать более широкий и в то же время более оперативный аппарат контроля над торговыми отношениями с социалистическими странами. Был разработан план создания специальной системы экспортного контроля.

Первые мероприятия по созданию такой системы были осуществлены в 1949 г. на основе закона о контроле над экспортом. В рамках министерства торговли Соединенных Штатов были созданы специальные отделы, которые взяли на себя функции контроля над экономическими отношениями с социалистическими государствами не только самих Соединенных Штатов, но и других капиталистических стран. Общие функции контроля над экспортом Соединенных Штатов осущест-

³ S. Pisar. Transactions entre l'Est et l'Ouest, Paris, 1972; K. Bolz, P. Plötz. East-West Cooperation. «Intereconomics», 1974, № 5; Handelspartner Osteuropa. Berlin, 1974; J. Pinder, P. Pinder. The European Community's Policy towards Eastern Europe. Lnd., 1975.

⁴ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 26.

⁵ См. И. И. Орлик. Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968.

⁶ «Международные отношения после второй мировой войны». М., 1962, т. 1, стр. 574—580.

влял консультативный совет экспортной политики, возглавленный заместителем министра торговли по иностранным делам.

Министерство торговли составило пространные списки товаров, экспорт которых запрещался «по соображениям государственной безопасности». Это ограничение экспорта привело к резкому сокращению экономических отношений США с социалистическими государствами. К началу 50-х годов, например, экспорт США в Чехословакию сократился более чем в 10 раз⁷. Были расторгнуты торговые соглашения с Румынией, Болгарией. Права наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами были лишены Польша и Венгрия. В августе 1951 г. были ликвидированы таможенные льготы, которые предоставлялись ранее Соединенными Штатами Албании и ГДР. Одновременно были установлены чрезвычайно высокие торговые пошлины на товары, ввозимые в Соединенные Штаты из социалистических стран.

Система ограничений, установленная Соединенными Штатами на торговые отношения с социалистическими странами, превратилась в своеобразное экономическое наступление против этих стран. Правительство США нарушало заключенные соглашения с отдельными социалистическими странами. Так, например, летом 1951 г. было принято решение о прекращении вывоза из США в Чехословакию товаров на 27 млн. долларов, хотя эта сумма уже была внесена в американские банки. Под категорию «стратегических» попадали товары, которые не имели никакого отношения к военному производству. Такие, например, как фармацевтическое оборудование, техника для производства сухого молока, электрический провод и пр.

Как отмечают авторы монографии «Экономические связи Восток—Запад: проблемы и возможности», «правящие круги США, развязав «холодную войну» против стран социализма, стали проводить дискриминационную внешнеэкономическую политику по отношению к этим странам. В стремлении любой ценой помешать успехам мирового социализма реакционными кругами США была разработана и последовательно принята целая система законов и правил, направленных на всестороннее ограничение торговых отношений с социалистическими государствами»⁸.

США стремились создать международную систему контроля над экономическими отношениями с социалистическими странами. Под их давлением уже в 1949 г. такие страны, как Англия, Франция, ФРГ, Бельгия, Дания, Португалия, Италия, Норвегия, Канада и другие, были вынуждены ограничить свои торговые связи с социалистическими странами.

К концу 1949 г. под руководством США в Париже была создана консультативная группа, которая должна была разрабатывать для стран-участниц рекомендации относительно торговли с социалистическими странами. В январе 1950 г. в Париже был образован Консультативный совет, а позже — сформирован Координационный комитет (КОКОМ), оформивший создание системы «стратегического контроля», в которую сначала входили 12 стран, а в 1953 г. с присоединением Греции и Турции — 14 стран. КОКОМ располагал большим аппаратом и представителями во многих западных странах. Руководящую роль в нем осуществляли Соединенные Штаты, правительство которых оказывало прямое давление на своих партнеров. В одном из законодательных актов Соединенных Штатов прямо говорилось: «Соединенные

⁷ «US Bureau of the Census». Washington, 1952, p. 117.

⁸ «Экономические связи Восток—Запад: проблемы и возможности». М., 1976, стр. 63.

Штаты прекращают экономическую и финансовую помощь всем странам, экспортирующим в Советский Союз или его сателлитам товары, которые могут быть использованы как военные материалы»⁹. В США были разработаны даже специальные санкции в отношении союзников Соединенных Штатов, в случае если они станут вести какие-либо торговые отношения с социалистическими государствами.

В конце 1951 г. в США был принят так называемый «закон Бэттла», согласно которому устанавливалась система взаимодействия военных и внешнеэкономических правительственных ведомств, призванных осуществлять контроль над экспортом. «Закон Бэттла» стал основой дальнейшего ужесточения контроля над любыми формами экономических отношений со странами социализма.

Контролем за торговлей с социалистическими странами занимался также созданный в рамках НАТО Комитет по финансовой и экономической защите. Функции контроля Соединенные Штаты пытались распространить и на ряд других международных организаций, в которых они играли решающую роль. Введенные ограничения на экономические отношения с социалистическими странами тяжело сказывались в хозяйстве западноевропейских стран, нуждавшихся в развитии экономических связей со странами Восточной Европы. На VII съезде Итальянской коммунистической партии в апреле 1951 г. отмечалось: «Чтобы помешать связям, которые для нас были бы самыми естественными и самыми выгодными, нам были навязаны пресловутые ограничительные списки, в том числе один секретный, и на их основании запрещена свободная, широкая торговля с теми странами Восточной Европы, которые в настоящее время могли бы доставлять нужное нам сырье и вдоволь загрузить работой всю нашу машиностроительную и обрабатывающую промышленность»¹⁰.

Совершенно очевидно, что деятельность органов «стратегического контроля» нарушала всю систему международного права и международных отношений, угрожала суверенитету самих участников «стратегического контроля». Экономические последствия введения этой системы были весьма обременительными.

Основываясь на принципах экономической дискриминации в отношении стран социализма, она дезорганизовывала международные экономические отношения, была формой экономической войны против социалистических стран, одним из главных рычагов «холодной войны». Это признавали и многие западные авторы. Так, например, американский банкир Дж. Уорбург в вышедшей в 1959 г. книге «Запад в кризисе» писал: «На протяжении последних десяти лет экономическая политика западных государств, особенно Соединенных Штатов, по отношению к советскому блоку заключалась почти в таком же полном ограничении торговли, которое обычно наблюдается во время войны по отношению к противнику»¹¹. Эту политику Соединенные Штаты продолжали проводить особенно интенсивно в течение второй половины 50-х годов. В сентябре 1955 г. в США был принят закон, запрещавший продавать техническую документацию и патенты, установлен строгий контроль над вывозом лицензий. Товарооборот между Соединенными Штатами и социалистическими странами сократился еще больше.

Ограничение экономических связей восточноевропейских стран с государствами Западной Европы и США, с которыми до войны были

⁹ «The Department of State Bulletin», 6.IV.1950.

¹⁰ П. Тольятти. Избранные статьи и речи. М., 1965, т. 1, стр. 700.

¹¹ J. Warburg. The West in Crisis. N. Y., 1959, p. 55.

довольно развитые торговые отношения, значительно осложняло задачи восстановления народного хозяйства стран Восточной Европы, порванного в годы войны.

После окончания второй мировой войны экономическое положение стран Восточной Европы было чрезвычайно тяжелым. Война нанесла огромный ущерб народному хозяйству. В конце 1944 г. промышленное производство Болгарии составляло 64% довоенного уровня, сельскохозяйственное производство — 70%¹². В Венгрии за годы войны сельскохозяйственное производство полизилось до 45% довоенного уровня, 45% национального богатства страны было уничтожено фашистами¹³. Наполовину был разрушен экономический потенциал Польши. Почти 2/3 промышленности Польши было разрушено за годы войны. Сельскохозяйственное производство сократилось на 45%. Были разрушены 30% железнодорожного полотна, 90% железнодорожных мастерских, 70% крупных мостов. В Варшаве было полностью разрушено около 70% всего жилого фонда. 6 млн. человек или 22% всего населения страны было уничтожено гитлеровцами¹⁴.

Ограблению фашистами подверглась во время войны Румыния. После окончания войны промышленное производство составляло 40% довоенного уровня. Общая сумма ущерба, понесенного румынским хозяйством в ходе войны, превышала в 3,5 раза национальный доход страны в 1938 г.¹⁵ Огромный ущерб был нанесен экономике Чехословакии. В 1945 г. в стране производилось лишь 50% промышленной продукции довоенного времени¹⁶. В Восточной Германии, где война нанесла гораздо больший ущерб экономике, чем в Западной Германии, объем промышленного производства в 1946 г. составлял всего 42% от уровня 1935 г.

Несмотря на тяжелое экономическое положение, сложную внутриполитическую ситуацию в этих странах, несмотря на действия международной реакции, народам восточноевропейских стран уже в первые послевоенные годы удалось восстановить свое народное хозяйство. В условиях, когда западные державы объявили экономическую блокаду, огромную роль в развитии народного хозяйства восточноевропейских стран сыграла помощь Советского Союза. Восточноевропейские страны получили из Советского Союза промышленное оборудование, сырье. На основе многочисленных торговых соглашений товарооборот между Советским Союзом и этими странами увеличился за 1946—1950 гг. в три раза. Доля восточноевропейских стран в советской внешней торговле в 1950 г. составила 80%, Советский Союз предоставил восточноевропейским странам кредиты. Ряду стран народной демократии были переданы бывшие немецкие активы, которые ранее перешли в собственность Советского Союза¹⁷. Нефть, уголь, продовольствие, техническая документация, оборудование, хлопок, марганцевая и железная руда, нефтепродукты, цветные металлы и многие другие товары непрерывным потоком шли в страны народной демократии из СССР. И это несмотря на то, что и сам Советский Союз переживал огромные трудности восстановительного периода.

Экономическая блокада, установленная западными державами в отношении восточноевропейских стран, естественно, привела к переори-

¹² «История Болгарии». М., 1955, т. 2, стр. 265—267.

¹³ Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи. М., 1974, стр. 27.

¹⁴ «История Польши», М., 1958, т. 3, стр. 531—542.

¹⁵ «История Румынии. 1918—1970». М., 1970, стр. 239.

¹⁶ «История Чехословакии». М., 1960, т. 3, стр. 449.

¹⁷ «История внешней политики СССР». М., 1976, т. 2, стр. 56—61.

ентации их внешнеэкономических связей. Западногерманский экономист Э. Гофман отмечает: «Эмбарго показало, насколько было опасно строить важные отрасли на основе зависимости от Запада. В этих условиях только Москва, обладающая большим потенциалом, могла оказать помощь, как бы тяжело ей самой ни пришлось, с тем, чтобы выбитое из колеи производство народно-демократических стран в какой-то степени удержать в рамках определенного равновесия. Эмбарго способствовало укреплению восточной солидарности. Страны восточного блока увидели, что сейчас, как никогда, они могут рассчитывать только друг на друга»¹⁸.

По мере расширения экономического сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами формы этого сотрудничества совершенствовались. В начале января 1949 г. в Москве состоялось Совещание представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, посвященное проблемам экономического сотрудничества. Обсудив внешнеэкономическую политику западных держав, участники совещания признали необходимым создать организацию в целях широкого экономического сотрудничества. Так был создан Совет Экономической Взаимопомощи — первая международная организация социалистических стран.

Успешное экономическое развитие социалистических стран в 50-е годы, в значительной степени обусловленное их широким сотрудничеством с Советским Союзом и друг с другом, убедительно показало несостоятельность надежд западных стратегов на использование системы «стратегического контроля» против стран социализма. Экономическая блокада оборачивалась против участников этой системы. Еще в 20-е годы В. И. Ленин предупреждал западные державы: «Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует»¹⁹. Страны Западной Европы, заинтересованные в торговле с Восточной Европой, стали искать любой повод для ликвидации ограничений. Вновь сбывались слова В. И. Ленина о том, что «есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения...»²⁰.

Вопреки давлению со стороны Соединенных Штатов на западноевропейских партнеров торговые отношения между обеими частями Европы уже в середине 50-х годов стали медленно восстанавливаться. Участились выступления против «закона Бэттла», заявления о необходимости пересмотреть концепцию «стратегического контроля». Многие экономисты, в том числе и американские, понимали бесперспективность, неэффективность политики торгового бойкота в отношении стран Восточной Европы. В ходе разворачивавшейся дискуссии между Соединенными Штатами и их западноевропейскими партнерами вносились некоторые изменения в списки товаров, которые ранее были запрещены к экспорту в социалистические страны. В основе этих процессов лежало улучшение экономического положения западноевропейских государств.

Проблема «стратегического контроля» стала предметом обсуждения во многих правительственных кругах стран Западной Европы. В английском парламенте в феврале 1954 г. обсуждались предложения относительно сокращения списков стратегических товаров. Английское

¹⁸ Цит. по: Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи. М., 1974, стр. 33.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 44, стр. 301.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 44, стр. 304—305.

правительство обратилось ко всем участникам системы «стратегического контроля» с предложением рассмотреть этот вопрос, что и было поддержано многими странами — участниками системы. В течение мая — первой половины июня 1954 г. на конференции участников системы «стратегического контроля» в Париже обсуждались перспективы торговых отношений с восточноевропейскими государствами. Представителям Соединенных Штатов пришлось согласиться на пересмотр списков стратегических товаров. Однако они попытались внести самые минимальные сокращения в эти списки.

В ходе острых дискуссий списки все-таки претерпели существенные изменения. В общей сложности число товаров, запрещенных ранее к экспорту в восточноевропейские страны, сократилось с 450 до 250 наименований. Это было первым ударом по системе «стратегического контроля», проявлением начала ее кризиса. США вынуждены были признать, что идет процесс ревизии контроля над стратегическим экспортом.

Соединенные Штаты пытались приостановить дальнейший процесс распада системы. Американский сенат заявил, что пересмотр стратегических списков был якобы ошибочным, и выразил мнение о необходимости восстановить и ужесточить старое положение. Раздавались голоса о применении санкций согласно «закону Бэттла» по отношению к Англии и другим западноевропейским странам, нарушившим соглашение о системе «стратегического контроля».

Оказывая давление на своих союзников, представители Соединенных Штатов утверждали, что якобы торговые отношения с Восточной Европой укрепляют военное положение социалистических государств. В Соединенных Штатах была создана специальная комиссия, которая должна была рассмотреть перспективы экономических связей с Восточной Европой. Комиссия осудила принятое в 1954 г. решение о сокращении списков стратегических товаров, признав его ошибочным. Однако приостановить или повернуть вспять процесс расширения экономических связей между двумя частями Европы Соединенным Штатам уже не удалось.

В первой половине 1958 г. США предприняли еще раз попытку давления на союзников. Однако после продолжительных и довольно острых обсуждений было принято решение о новом сокращении списка стратегических товаров (почти до 100 наименований), которое вводилось с середины сентября 1958 г. и свидетельствовало о глубоком кризисе всей системы «стратегического контроля». Американская газета «Джорнэл оф коммерс» в сентябре 1958 г. писала: «Наши союзники не только ликвидировали многие барьеры в своей торговле с коммунистами, но и активно конкурируют друг с другом в приобретении заказов из Восточной Европы»²¹.

Новые удары система «стратегического контроля» получила в начале 60-х годов. Многие реалистически мыслящие представители Запада стали признавать, что экономическая блокада социалистических стран не наносит им никакого ущерба. Кроме того, появился ряд новых внутриэкономических факторов и в самих Соединенных Штатах, что заставляло пересмотреть старую политику. Так, например, английский журнал «Нейши» писал: «Для Соединенных Штатов нет иного способа избавиться от своих излишков товаров и снизить безработицу, кроме как торговать с социалистическими странами»²².

²¹ «Journal of Commerce», 18.IX.1959.

²² «Nation», 25.III.1963.

Неэффективность политики давления на своих западных партнеров, как и всей политики ограничения экономических связей с социалистическими странами, понимал американский президент Д. Кеннеди, который в течение 1963 г. неоднократно выступал за отмену ограничений на торговлю с Восточной Европой. Однако предложения Кеннеди отрицательно встречались в конгрессе, хотя Комиссия сената по иностранным делам в июле 1963 г. вынесла решение о расширении экономических связей с социалистическими странами.

За пересмотр экономической политики в отношении социалистических стран выступает все большее число американских бизнесменов. Многочисленные дискуссии, которые развертывались в Соединенных Штатах, показали, что широкие круги делового мира признавали необходимость пересмотра законов относительно торговли с социалистическими государствами. В западноевропейских странах также все большее число предпринимателей выступало за снятие ограничений на торговлю, в особенности в связи с тем, что в первой половине 60-х годов эти страны испытывали серьезные экономические трудности.

Таблица 1

Товарооборот стран—членов СЭВ с промышленно развитыми капиталистическими государствами в 1960—1970 гг.
(в млн. руб.) *

Страны — члены СЭВ	1960 г.	1970 г.	Среднегодовой прирост (%)
Болгария	142	572	14,9
Венгрия	384	1222	12,2
ГДР	836	2067	9,5
Польша	755	1743	8,7
Румыния	274	1227	16,1
СССР	1917	4694	9,3
Чехословакия	599	1509	9,7

* «Экономические связи Восток—Запад: проблемы и возможности», М., 1976, стр. 58.

Дальнейшее сохранение системы «стратегического контроля» вело к обострению противоречий между западными странами. Весьма острые столкновения по проблемам экономических отношений с Восточной Европой происходили как между Соединенными Штатами и западноевропейскими государствами, так и между самими западноевропейскими государствами. Отношения между Англией и Западной Германией обострялись по мере расширения торговли обеих стран с социалистическими государствами. Летом 1964 г. усилились столкновения между ФРГ и Францией. Весьма острой проблемой являлся вопрос о долгосрочных кредитах, которые предоставлялись странам Восточной Европы при поставках оборудования. Усилились противоречия также между Англией и Францией. Попытки администрации «Общего рынка» сгладить противоречия между западноевропейскими странами ни к чему не привели. Ощущалась подозрительность, недоверие у союзников по «Общему рынку» в связи с перспективами развития экономических отношений со странами Восточной Европы.

В середине 60-х годов и особенно во второй половине этого десятилетия правительство США вынуждено было официально проявить какое-то стремление к пересмотру своей торговой политики в отношении стран социализма.

11 мая 1966 г. государственный секретарь США выдвинул в конгрессе законопроект о либерализации американской торговли нестратегическими товарами с Восточной Европой²³. Суть предложения сводилась к следующему: президент мог распространить режим наибольшего благоприятствования на любую социалистическую восточноевропейскую страну, за исключением ГДР. Предлагая этот законопроект правительство не надеялось, что он быстро пройдет через конгресс. Так оно и получилось. Через несколько недель после выдвижения законопроекта сенатор Дирксен заявил, что возражения конгресса против него столь сильны, что его можно считать «провалившимся делом на этой сессии»²⁴. В обстановке расширения войны во Вьетнаме реакционные круги встретили в штыки даже этот ограниченный проект. Американская печать назвала судьбу законопроекта «достойным сожаления результатом вьетнамской войны».

В начале июня 1966 г. заместитель государственного секретаря по вопросам торговли подчеркнул, что «мы совершенно не намерены внести изменения в политику эмбарго на экспорт оружия и других военных товаров и оборудования в коммунистические страны», что расширение торговли в случае принятия законопроекта было бы не очень значительным и что намерение расширить торговлю со странами Восточной Европы имеет в виду поощрение «их эволюции в направлении независимости...» Таким образом, в правящих кругах США снова возобладала политические соображения над экономической целесообразностью.

9 октября 1966 г. президент Л. Джонсон в который раз повторил, что он хочет «навести мосты» в восточноевропейские страны²⁵, т. е., в частности, предпринять шаги в сторону либерализации торговли.

Но, как предвидела газета «Нью-Йорк Таймс», которая писала, что «мосты на восток натолкнутся на оппозицию в конгрессе» и что в связи с политическими осложнениями, вызванными вьетнамской войной, надежды правительства на одобрение конгрессом законопроектов, «предусматривающих открытие новых каналов сотрудничества между Востоком и Западом, становятся все слабее и слабее»²⁶, законопроект о торговле был похоронен в папках конгресса.

Между тем во второй половине 60-х годов товарооборот между социалистическими и капиталистическими странами Европы продолжал расти. Согласно данным Экономической комиссии ООН для Европы, в эти годы увеличился экспорт в Румынию, Венгрию, Польшу; увеличился экспорт из ряда стран социализма в Западную Европу: из Бол-

²³ «East-West Trade Relation Act of 1966». Washington, 1966.

²⁴ «New York Herald Tribune», 30.V.1966.

²⁵ Двумя днями ранее, 7 октября 1966 г., президент Джонсон объявил, что экспортно-импортный банк США готов финансировать американский экспорт для советского автомобильного завода, который должен быть построен с участием итальянской фирмы ФИАТ.

Как отмечает Г. Адлер-Карлсон, «это сразу же вызвало переполох в конгрессе, где комитет по делам банков и валюты выпустил специальный отчет, построенный на широком использовании материалов ЦРУ, что, между прочим, показало, до какой степени ЦРУ занято экономическим шпионажем».

В начале августа 1967 г. сенат отказал экспортно-импортному банку в праве финансировать автозавод ... в Советском Союзе. Таким образом, это было не просто продолжением старой политики, но и ослаблением расположения, которое Америка питала по отношению к Италии». И далее Г. Адлер-Карлсон добавляет, что «антикоммунистическую торговую политику начать легче, чем от нее отказаться, даже если она потерпела провал и даже если обстоятельства за 20 лет совершенно изменились». G. Adler-Karlsson, Western Economic Warfare. Stockholm, 1968, p. 104.

²⁶ «New York Times», 9.I.1967.

гарии — на 12%, из Румынии — на 9%, из Чехословакии — на 9%, из Венгрии — на 7%, из ГДР — на 5%²⁷.

Расширились экономические связи восточноевропейских стран со странами «Общего рынка», особенно в конце 60-х годов. Так, в 1968 г. на «Общий рынок» приходилось 38,9% всего товарооборота европейских стран Совета Экономической Взаимопомощи (без СССР) с капиталистическими странами. Динамика товарооборота стран СЭВ с «Общим рынком» показывает значительное ежегодное увеличение экспорта стран ЕЭС в страны СЭВ. Так, если в 1960 г. экспорт стран «Общего рынка» в страны СЭВ составлял 990 млн. долларов, то в 1965 г. — 1420 млн. долларов, а в 1969 г. — 2380 млн. долларов. Соответственно, экспорт стран СЭВ в страны «Общего рынка» составлял в 1960 г. 930 млн. долларов, в 1965 г. — 1480 млн. долларов, а в 1968 г. — 2060 млн. долларов. За период с 1955 по 1968 г. экспорт стран ЕЭС в страны СЭВ вырос в 5,5 раза, в то время как в целом экспорт стран «Общего рынка» за это же время вырос только лишь в 3,4 раза²⁸.

В конце 60-х годов были сняты многие ограничения на экспорт товаров из стран «Общего рынка» в социалистические страны. В списке запрещенных товаров вместо 450 позиций (что равно, примерно, 2300 наименований) осталось 150. Правда, в этот реестр были внесены и некоторые новые товары.

Во внешнеэкономической политике «Общего рынка» отчетливо проявлялись две тенденции: одна — ведущая к созданию единого фронта всех стран ЕЭС; вторая — направленная на развитие торговли с социалистическими странами, минуя органы ЕЭС, на двусторонней основе. Несмотря на серьезные ограничения, создаваемые официальными положениями «Общего рынка», торговые отношения в конце 60-х годов развивались более или менее нормально, хотя аграрная политика ЕЭС в ряде случаев и воздвигала препятствия сельскохозяйственному экспорту стран социализма.

Расширение торговли между государствами двух систем в Европе серьезно тревожило представителей американских деловых кругов. Во второй половине 60-х годов в Соединенных Штатах предпринимаются попытки, с одной стороны, создать благоприятные условия для успешного конкурирования американских фирм с фирмами Западной Европы при расширении в перспективе торговых отношений со странами социализма; с другой стороны, разрабатываются новые меры для проведения единой внешнеэкономической политики западных держав в отношении восточноевропейских стран. Эти две в общем противоречивые тенденции наиболее наглядно были отражены в рекомендациях правительству США, разработанных в конце 60-х годов Комитетом по выработке национальной политики при Американской ассоциации содействия ООН²⁹.

Одной из основных мер политики в отношении стран Восточной Европы правительству США рекомендовалось расширение торговли. Комитет критически оценил внешнеэкономическую политику США и других западных держав, признал по существу провал системы «стратегического контроля».

«Одной из важнейших областей, требующих безотлагательных действий со стороны Организации Объединенных Наций, является проблема торговли между Востоком и Западом, — отмечалось в документе. — На товары, импортируемые из стран Восточной Европы, установлены высочайшие в истории США тарифы. Американским бизнесменам отка-

²⁷ «Общеввропейское экономическое сотрудничество». М., 1973, стр. 104.

²⁸ Там же, стр. 97—105.

²⁹ «Toward the Reconciliation of Europe». Washington, 1969.

зывают в кредитах, которые позволили бы им (паряду с другими западными державами.— *И. О.*) конкурировать на мировом рынке со странами Восточной Европы. Это полностью лишает их ценного в экономическом и политическом отношении опыта, который можно приобрести в торговле нестратегическими товарами со странами Восточной Европы.

Комитет считает принятие законопроекта о развитии торговых отношений между Западом и Востоком и отмену всех неприменяемых ограничений делом первостепенной важности. С принятием этого законопроекта президент будет иметь дискреционную власть, что даст ему право решать вопрос о предоставлении нестратегическим товарам из стран Восточной Европы статуса наибольшего благоприятствования, который предоставляется товарам, импортируемым из других стран, а также решать, будет ли это полностью служить интересам Соединенных Штатов»³⁰.

Комитет рекомендовал также ослабить контроль над экспортом, сохраняя полный контроль только над теми товарами, которые бесспорно могли бы «способствовать значительному усилению военного потенциала какого-либо восточноевропейского государства», не производящего эти товары и не имеющего возможности приобрести их у другой страны.

Одновременно США продолжали оказывать давление через КОКОМ на своих союзников, настаивавших на дальнейшем пересмотре списков стратегических товаров. Такие пересмотры проводились в течение 60-х годов. Однако они носили чисто технический характер, касались отдельных деталей, но не вызвали существенных изменений политики.

Несмотря на предпринятое сокращение экспортных ограничений, списки Координационного комитета продолжали вызывать конфликты между Соединенными Штатами и Западной Европой.

В одном из официальных американских отчетов о пересмотре списков отмечалось, что «некоторые товары, входящие в список эмбарго, стали предметом так называемых „административных исключений“— процедуры, позволяющей правительствам в одностороннем порядке выдавать разрешения на экспорт в страны коммунистического блока, если они уверены, что это не затрагивает интересов безопасности и если при этом соблюдаются предписанные условия. В таких случаях о выданном разрешении следует немедленно сообщить в Координационный комитет»³¹.

Эта «процедура административных исключений» была широко использована западноевропейскими странами, в особенности Францией, решившей расширить торговлю с социалистическими странами товарами, на которые было наложено эмбарго. Решение Франции было с гневом встречено в Западной Германии, где сочли, что политика де Голля ведет к краху эмбарго, несогласованности курса Франции с политикой Координационного комитета.

Однако не только Франция стремилась к ликвидации ограничений в торговле со странами СЭВ. В конгрессе США выражалось недовольство тем, что непрерывные предложения США расширить перечень Координационного комитета отклоняются и другими странами. Даже наиболее близкий союзник Соединенных Штатов — Англия выражала недовольство ограничениями в торговле. Лидер лейбористов Г. Вильсон накануне прихода к власти его партии говорил: «Вопросом, по которому мнения обеих основных партий в Британии сходятся, является вопрос

³⁰ Ibid., p. 26.

³¹ «Battle Act Report», № 14, p. 4.

о торговле с советским блоком. Американская позиция все еще основана на надежде задержать советское экономическое развитие отказом торговать, особенно заводами и оборудованием, включая западное „поу-хау“. По мнению Британии, советская технология прогрессирует высокими темпами, и отказ поставлять оборудование способствует расширению советской стратегической промышленности, и при условии, что не будет осуществляться продажа товаров, имеющих непосредственное военное значение, разумное ведение торговли может содействовать улучшению контактов и уменьшению напряженности»³².

Однако лейбористское правительство Вильсона в течение 60-х годов все же продолжало сотрудничество в рамках Координационного комитета, хотя и нарушало подчас его ограничения и поднимало вопрос об упразднении Координационного комитета.

Обострение отношений между западными державами было одним из проявлений кризиса всей системы «стратегического контроля».

Основными факторами, предопределившими провал системы «стратегического контроля», было прочное экономическое сотрудничество восточноевропейских стран с Советским Союзом, развитие социалистического сотрудничества всех стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Вопреки пессимистическим прогнозам буржуазных экономистов, Совет Экономической Взаимопомощи полностью доказал жизнеспособность идеи равноправного сотрудничества социалистических государств. «Установление более тесного сотрудничества между Советским Союзом и странами народной демократии сыграло в то время исключительно важную роль в борьбе с вмешательством империализма во внутренние дела социалистических стран, в борьбе за преодоление попыток организовать международную изоляцию социалистических стран. Создание братского содружества государств, объединившихся в Совете Экономической Взаимопомощи, позволило противостоять натиску империализма, защитить социалистические завоевания их народов и совместными усилиями более успешно решать мирные творческие задачи строительства социализма»³³.

Сотрудничество в рамках СЭВ предопределило успешное строительство социализма в странах народной демократии. Экономическая блокада, установленная западными державами, не смогла воспрепятствовать росту экономики этих стран. К началу 60-х годов в странах народной демократии в основном завершается построение основ социализма. Была ликвидирована многоукладность экономики; в социалистическом секторе стран Восточной Европы в начале 60-х годов создавалось около 96% промышленной продукции, около 90% всего национального дохода.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи предопределила создание рациональной системы разделения труда между социалистическими странами. Было налажено международное социалистическое сотрудничество, на базе которого развивалась экономика всех социалистических стран. В первой половине 60-х годов был построен и вступил в строй нефтепровод «Дружба», в строительстве которого принимали участие СССР, ГДР, Чехословакия, Польша и Венгрия, где на основе поставок нефти была создана нефтехимическая промышленность. Только в течение 1965 г. в эти страны поступило более 15 млн. т нефти. Началось обсуждение проекта строительства второй нити нефтепровода «Дружба».

³² Цит. по: G. Adler-Karlsson. *Western Economic Warfare*. Stockholm, 1968, p. 99.

³³ Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи, стр. 37.

Важной формой сотрудничества стало осуществление долгосрочных соглашений о совместном строительстве предприятий по добыче сырья. Страны СЭВ договорились об объединении своих энергетических систем. Энергетическое кольцо, получившее название «Мир», связало ГДР, Чехословакию, Польшу, Венгрию, Румынию, Болгарию и Советский Союз³⁴.

В середине 60-х годов был создан общий парк товарных вагонов для международных перевозок; созданы организация сотрудничества железных дорог, единая система телефонной связи, система телевизионной связи «Интервидение», Международный банк экономического сотрудничества, организация по сотрудничеству в области подшипниковой промышленности и в области черной металлургии и многие другие международные организации.

Важным направлением сотрудничества стран СЭВ было осуществление международной специализации и кооперирования производства. В середине 60-х годов специализацией было охвачено около полутора тысяч видов изделий машиностроения; значительно расширилось научно-техническое сотрудничество стран СЭВ. К середине 60-х годов увеличилась взаимная торговля стран СЭВ, которая составляла 65% всего их внешнеторгового оборота³⁵.

В течение 60-х годов продолжалось дальнейшее экономическое и политическое укрепление стран социализма, росло их влияние на мировой арене. Все это происходило, несмотря на довольно сложные международные ситуации, которые возникали по вине империалистических держав в течение 60-х годов (провокации в Берлине в 1961 г., угроза интервенции США на Кубу в конце 1962 г., эскалация войны во Вьетнаме в середине 60-х годов). В социалистических странах, несмотря на некоторые трудности объективного и субъективного порядка, включая и действия империалистических держав, обострявших международную обстановку, укреплялась материально-техническая база социализма.

В середине 60-х годов народное хозяйство стран социализма вступило в новый этап своего развития. В 1965 г., например, промышленное производство стран Восточной Европы увеличилось по сравнению с довоенным уровнем: в Болгарии — в 21 раз, в Польше — в 11 раз, в Румынии — почти в 10 раз, в Югославии — в 7 раз, в Венгрии — в 6 раз, в Чехословакии — в 5 раз, в ГДР — более чем в 4 раза. Возросла роль промышленности в народном хозяйстве этих стран. Например, в Болгарии доля промышленности в национальном доходе достигла двух третей. Промышленное производство Венгрии в первой половине 60-х годов выросло на 50%.

Развитие и укрепление экономики социалистических стран создали условия для перехода к более совершенным формам экономического сотрудничества на многосторонней основе в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. К середине 60-х годов страны — члены СЭВ перешли от внешнеторговых связей к новым направлениям сотрудничества — координации народнохозяйственных планов, совместной разработке и решению широких производственных проблем. Была подготовлена долгосрочная программа расширения и углубления экономических отношений внутри социалистического содружества. В июне 1962 г. на Московском совещании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран — членов СЭВ были одобрены разработанные XV сессией Совета Экономической Взаимопомощи «Основные принципы международного социалистического разделения

³⁴ «Мировая социалистическая система». М., 1970, стр. 88.

³⁵ Там же, стр. 88—92.

труда». На совещании был обобщен опыт сотрудничества социалистических стран, намечены направления и средства дальнейшего развития социалистического разделения труда.

Экономическое сотрудничество стран социализма постоянно совершенствовалось. Этому содействовала налаженная система консультаций между социалистическими странами. В июле 1966 г. на встрече в Бухаресте руководители коммунистических и рабочих партий и главы правительств отметили, что Совет Экономической Взаимопомощи провел значительную работу по координации народнохозяйственных планов, специализации и кооперированию производства, расширению экономических связей между странами социализма. На совещании в Бухаресте было выражено единодушное стремление и впредь «прилагать усилия, направленные на развитие взаимного сотрудничества в соответствии с принципами полного равноправия, уважения суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи и тем самым содействовать дальнейшему укреплению пролетарского интернационализма, единства и сплоченности стран мировой социалистической системы»³⁶.

Во второй половине 60-х годов по основным экономическим показателям социалистические страны приблизились к уровню производства капиталистических стран. В то время, как для ведущих стран Западной Европы уже позади был период экономического бума и наступала полоса тяжелых экономических затруднений, в странах социализма отчетливо проявлялись преимущества нового общественного строя, эффективность планового хозяйства, системы управления и сотрудничества. Английский журнал «Экономист» в июле 1968 г. признавал, что «в развитии эффективности руководства предприятиями в социалистических странах достигнут действительно существенный прогресс»³⁷.

Согласно Обзору экономического положения Европы за 1967 г., опубликованному Секретариатом Экономической Комиссии ООН, «экономическое развитие в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря Европы продолжало идти вперед быстрыми темпами в течение 1967 г. Характерной чертой явилось быстрое развитие производства товаров широкого потребления при продолжающемся расширении выпуска продукции в области производства средств производства. Этот факт, а также достаточные поставки сельскохозяйственной продукции и совершенствования сферы обслуживания в значительной мере способствовали росту реального дохода на душу населения, приблизительно на 6%. Такие тенденции были характерны для всех социалистических стран».

Экономический рост стран социалистического содружества в конце 60-х — начале 70-х годов стал важным фактором расширения торговых связей с капиталистическими государствами. К этому времени стало совершенно очевидным, что процесс ликвидации западными державами ограничений в торговле с социалистическими странами, ослабления торговой дискриминации в отношении этих стран оказался необратимым. Он продолжался и в начале 70-х годов. Как справедливо отмечают авторы советского исследования «Актуальные проблемы международных экономических отношений», «это не результат добровольного пересмотра странами Запада обанкротившегося торгово-политического курса, выработанного в разгар „холодной войны“, это — одна из важных побед социалистических государств, одержанных в ходе их решительной, спло-

³⁶ «Правда», 8 июля 1966 г.

³⁷ «The Economist», 15.VII.1968.

ченной и последовательной борьбы за утверждение принципов равноправия в международной торговле»³⁸.

В течение 1969—1973 гг. ослабление торговой дискриминации проявлялось, например, в сокращении количественных ограничений импортируемых западными странами товаров из социалистических стран.

Англия, которая осуществляла ранее наиболее жесткие ограничения импорта из стран социализма, за эти годы сократила ограничения импорта из стран—членов СЭВ (кроме ГДР) на 147 тарифных позиций, а ФРГ—на 1424 позиции³⁹. Значительно сократили ограничения импорта из социалистических стран Швейцария, Бельгия, Швеция, Люксембург. А Австрия с 1971 г. полностью устранила дискриминацию импорта из СССР; в 1974 г. она установила со всеми европейскими социалистическими странами такой же режим ввоза, как и из капиталистических стран⁴⁰. Другие западноевропейские страны также идут по пути отказа от дискриминационного регламентирования импорта из социалистических стран.

Провал системы «стратегического контроля» был предопределен не только неэффективностью самой этой системы, ее экономического механизма. Он был обусловлен многими политическими факторами, в первую очередь изменением соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, провалом политики «холодной войны».

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Л. И. Брежнев отмечал: «Переход от „холодной войны“, от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменением в соотношении сил на мировой арене. Но потребовались большие усилия, чтобы люди — и особенно те, кто руководит политикой государств, — стали привыкать к мысли, что естественным делом является не балансирование на грани войны, а переговоры по спорным вопросам, не конфронтация, а мирное сотрудничество»⁴¹.

Экономическое развитие стран социализма в 60-е годы создавало материальный фундамент более активной внешнеполитической деятельности социалистических стран. Была создана основа для еще более эффективного противодействия империалистической политике западных держав, для нейтрализации и ликвидации их враждебных замыслов в отношении стран социализма.

Страны социализма разработали четкую программу обеспечения мира в Европе. В Бухарестской Декларации 1966 г. об укреплении мира и безопасности в Европе отмечалось: «В Европе все более нарастают и развиваются тенденции к ликвидации наслоений холодной войны и препятствий, стоящих на пути нормального развития общеевропейского сотрудничества, к разрешению спорных вопросов путем взаимопонимания, к нормализации международной жизни и сближению народов»⁴².

В Декларации далее подчеркивалось, что «европейские страны, связанные традиционными торговыми отношениями, могут лишь выиграть в результате развития их экономического сотрудничества на взаимной основе. Расширение экономических отношений между европейскими государствами, устранение дискриминации и препятствий, существующих в этой области, представляют собой особо важный фактор сближе-

³⁸ «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 1976. Прил. 1, стр. 27 (далее: «БИКИ»).

³⁹ «Economic Bulletin for Europe». U. N., Vol. 25, 1974, p. 57; «БИКИ», 1976. Прил. 1, стр. 27.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 16.

⁴² «Правда», 9 июня 1966 г.

ния и установления атмосферы доверия и взаимопонимания между народами. Развитие экономических связей между европейскими странами предоставляет возможность расширить их товарообмен с партнерами из других частей света. Эти связи вместе с всесторонним развитием научно-технического и культурного сотрудничества, позволяющим достигнуть лучшего взаимного ознакомления между народами, могут по мере их развития стать материальной основой европейской безопасности и упрочения мира во всем мире»⁴³.

Идеи Декларации были развиты во многих совместных документах социалистического содружества, особенно в связи с подготовкой в первой половине 70-х годов Общеευропейского совещания в Хельсинки.

Изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма существенным образом повлияло на формирование внешнеполитических концепций и конкретной внешнеполитической деятельности западных держав. На политику Запада оказало также существенное влияние изменение экономического и политического положения в капиталистических странах, глубокие экономические кризисы и обострение классовой борьбы.

Несмотря на эти недуги, капитализм все же располагал еще силами для того, чтобы угрожать миру и безопасности народов. Эти угрожающие тенденции внешнеполитического курса капиталистических стран учитывались социалистическими государствами при разработке своей политики. Не случайно поэтому, в конце 60-х годов были предприняты важные меры по укреплению экономического, политического и военного сотрудничества стран социализма. Это оказало сдерживающее воздействие на многих буржуазных государственных и политических деятелей, которые не могли не считаться с возросшей мощью социализма на мировой арене.

Изменения, происшедшие в мире, заставили империалистических политиков заняться проблемами отношений со странами социализма. Многие из них, не отказываясь от своих империалистических целей, выдвинули предложения об изменении политики в отношении стран социализма, в том числе и об изменении внешнеэкономической политики. В ходе разработки новой политики шла довольно острая борьба между теми, кто выступал за ее смягчение, и крайне правыми силами, которые продолжали выступать с позиции доктрины «освобождения».

Разрабатывая политику в отношении стран социализма, западные стратеги вынуждены были считаться и с теми изменениями в расстановке сил, которые произошли внутри империалистического лагеря. Известно, что некоторые представители правящих кругов западноевропейских государств высказывались за нормализацию отношений с социалистическими странами Европы, за расширение с ними экономических отношений.

Тенденция к улучшению отношений с социалистическими странами, которая отчетливо проявлялась с середины 60-х годов в политике Запада, — это довольно сложное, противоречивое явление международной жизни. Появление этой тенденции и ее развитие вовсе не означало, что те или иные буржуазные деятели добровольно примирились с социализмом. Новая обстановка заставила некоторых, наиболее дальновидных представителей буржуазии проявить определенную степень реализма в оценке существующего соотношения сил в мире, в оценке прочности социализма.

⁴³ «Правда», 9 июня 1966 г.

Среди буржуазных деятелей, выступающих за развитие этой тенденции, за установление более прочных контактов со странами социализма, отчетливо проявляются две группы, которые различаются своими целевыми установками. Одна считает, что эти контакты неизбежны в связи с растущей ролью социалистических стран на мировой арене и могут содействовать оздоровлению международной обстановки; другая же рассматривает вопрос о связях со странами социализма с точки зрения возможностей воздействия на социализм, давления на него.

Провал системы «стратегического контроля» — серьезный урок западным внешнеполитическим стратегам. И многие из них, учтя этот урок, выступают ныне за развитие экономических связей с Советским Союзом, другими социалистическими странами.

Однако на Западе есть довольно влиятельные силы, особенно в Соединенных Штатах Америки, которые все еще пытаются использовать экономические отношения как возможный рычаг политического давления на социалистические страны. Но если подобного рода попытки оказались неэффективными в 50-е годы, то тем более они обречены на провал в 70-е годы, когда социалистическое содружество достигло новых высот в своем развитии.



Г. Б. КУЛИКОВА

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Построение в СССР зрелого социалистического общества непосредственно связано с всесторонним совершенствованием его политической системы. «Теперь мы уже не только из теории, но и из многолетней практики знаем: как подлинная демократия невозможна без социализма, так и социализм невозможен без постоянного развития демократии, — подчеркнул в докладе на XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Совершенствование нашей социалистической демократии мы понимаем, прежде всего, как неуклонное обеспечение все более широкого участия трудящихся в управлении всеми делами общества, как дальнейшее развитие демократических основ нашей государственности, как создание условий для всестороннего расцвета личности»¹.

Реализация этих важнейших задач невозможна без активизации деятельности представительных органов страны — Советов депутатов трудящихся — политической основы социалистического государства. Органически сочетая в себе в условиях общественного государства черты государственной и общественной организации, Советы объединяют и представляют весь народ, избираются всем взрослым населением страны и работают под постоянным контролем масс.

Анализ деятельности Советов на современном этапе привлекает большое внимание ученых. В ряде монографий рассматриваются общие проблемы развития государства, советской демократии, возрастания роли представительных органов². Отдельные исследования посвящены непосредственно деятельности местных Советов³. Богатейший опыт их работы широко освещается в статьях, публикуемых в журналах «Советское государство и право», «Советы депутатов трудящихся»⁴. В ряде книг и статей раскрываются основные направления партийного руководства Советами, некоторые аспекты их хозяйственной, культурной и организаци-

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 85—86.

² Н. П. Фарберов. Государство и демократия в период строительства коммунизма. М., 1968; Д. А. Керимов, Е. М. Чехарин. Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., 1970; Б. Н. Топорнин. Политическая система социализма. М., 1972; Л. А. Григорян. Народоправие в СССР. М., 1972; Г. Х. Шахназаров. Социалистическая демократия. Некоторые вопросы теории. М., 1972; изд. 2. М., 1974; «XXIV съезд об укреплении Советского государства и развитии социалистической демократии». М., 1973; Е. М. Чехарин. Советская политическая система в условиях развитого социализма. М., 1975; «Демократия развитого социалистического общества». М., 1975.

³ А. И. Лепешкин. Советы — власть народа. М., 1967; Б. И. Габричидзе. Городские Советы депутатов трудящихся. М., 1968; И. А. Азюкин. Местные Советы в системе органов власти. М., 1971; В. И. Васильев. Демократический централизм в системе Советов. М., 1973.

⁴ «Историографию проблемы см. Н. Н. Демочкин, Г. Б. Куликова. Советы в период коммунистического строительства в историографии 1956—1970 годов. «Вопросы истории», 1971, № 11.

онно-массовой деятельности⁵. Вместе с тем необходима дальнейшая углубленная разработка данной темы, в частности, проблем всестороннего расширения прав местных Советов, усиления их хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности, повышения роли рабочего класса в Советах на современном этапе, выявления специфики работы Советов отдельных звеньев и различных районов страны, особенно Советов крупнейших промышленных и административных центров и т. д.

Цель данной статьи — рассмотреть основные направления деятельности местных Советов, укрепление их как полномочных представительных органов общенародного государства, проследить повышение их роли в решении задач хозяйственного и культурного строительства.

Развитие производительных сил и культуры в социалистическом обществе сопровождается, как это и предвидел В. И. Ленин, неослабной работой по совершенствованию «организации Советов и Советской власти»⁶, постоянным улучшением структуры и расширением сферы деятельности представительных органов, укреплением их состава и усилением связей с массами, всемерном стимулировании их инициативы⁷.

Советы как органы государственной власти на местах принимают самое активное и заинтересованное участие в создании таких условий жизни, которые бы в полной мере отвечали и соответствовали значительно возросшим социальным и интеллектуальным запросам населения, их современным материальным потребностям, интересам всестороннего развития личности каждого советского гражданина как в городе, так и на селе. Создание наиболее оптимальных условий жизни народа является важнейшим фактором формирования советского образа жизни, той атмосферы правственного здоровья общества, о котором говорил в Отчетном докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев⁸.

В. И. Ленин, рассматривая в своих работах принципы организации и деятельности Советов, намечая пути их дальнейшего укрепления и развития, выделял в качестве основных две задачи: во-первых, чтобы каждый член Советов обязательно нес постоянную работу по управлению государством; во-вторых, чтобы рядом постепенных, неуклонно проводимых мер все большее число граждан, а затем и поголовно все граждане привлекались к непосредственному и ежедневному несению службы государственного управления⁹.

Эти указания В. И. Ленина успешно осуществляются в условиях развитого социалистического общества. В Программе КПСС отмечено, что в ходе коммунистического строительства роль Советов будет неуклонно повышаться. В ней раскрываются важнейшие принципы организационного построения и деятельности Советов — выборность, сменяемость депутатов, коллегиальность и гласность, повышение роли Советов в госу-

⁵ «Советы за 50 лет». М., 1967; «СССР на пути строительства коммунизма» (1959—1970 гг.). М., 1971; Л. А. Михайлов. КПСС о ведущей роли рабочего класса в Советах. Ярославль, 1972; А. П. Савко. Партийное руководство Советами в период строительства коммунизма. М., 1973. См. также статьи: В. Д. Чернов. Забота партии о повышении роли Советов на современном этапе. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 11; Н. Н. Демочкин. Советы в условиях развитого социализма. «Вопросы истории», 1974, № 12; Н. Н. Демочкин, П. Д. Котков, А. С. Павлов. Повышение ведущей роли рабочего класса в Советах. «Вопросы истории КПСС», 1976, № 3.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 204.

⁷ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 81.

⁸ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 87.

⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 73—74; т. 38, стр. 93.

дарственном, хозяйственном и культурном строительстве, расширение их связи с массами и т. д.¹⁰

Пути и методы совершенствования деятельности местных Советов в условиях развитого социалистического общества глубоко и всесторонне обоснованы и раскрыты в документах XXIII и XXIV съездов партии, пленумов ЦК, докладах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, конкретизированы в ряде постановлений ЦК КПСС, специально посвященных работе Советов.

Важный шаг по пути совершенствования деятельности Советов сделан после октябрьского и ноябрьского Пленумов ЦК КПСС 1964 г. Был восстановлен (март 1965 г.) территориальный принцип построения системы Советов, ликвидировано разделение местных Советов на промышленные и сельские. С конца 1965 г. в связи с перестройкой управления промышленностью в ведение местных Советов начал передаваться ряд предприятий и целых отраслей местного хозяйства.

Поднятию уровня работы Советов на качественно новую ступень способствовала целостная система мероприятий партии и правительства, осуществленная после XXIII съезда КПСС. На XXIII съезде партии было подчеркнуто, что Советы должны в полном объеме использовать свои полномочия и проявлять инициативу в решении задач хозяйственного и культурного строительства и проверки исполнения, осуществляя свою деятельность на основе дальнейшей демократизации — повышении активности сессий Советов, их постоянных комиссий, обеспечении регулярной отчетности депутатов, исполнительных органов¹¹.

Партия и законодательные советские органы стремились к тому, чтобы акты и положения, регламентирующие деятельность каждого звена Советов, наиболее полно учитывали уровень экономики и культуры, достигнутый страной¹². В марте 1967 г. вышло постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», а затем Указ Президиума Верховного Совета СССР, регламентировавший их основные права и обязанности. В течение 1968 г. во всех союзных республиках были приняты законы о сельских и поселковых Советах¹³. В марте 1971 г. ЦК КПСС рассмотрел вопрос о мерах по дальнейшему улучшению работы районных и городских Советов. В принятом постановлении отмечалось, что период коммунистического строительства предъявляет новые, более высокие требования к деятельности районных и городских Советов по обеспечению практического осуществления на местах политики партии и государства. Вслед за постановлением ЦК на основании Указов об основных правах и обязанностях районных и городских Советов были оперативно разработаны республиканские законы¹⁴.

Что же нового было внесено в права и обязанности местных Советов? Прежде всего конкретизированы и последовательно обоснованы все стороны организации и деятельности Советов, закреплен порядок, при котором решения и распоряжения, принятые ими в пределах предоставленных прав, являются обязательными для исполнения всеми колхозами, совхозами, предприятиями, учреждениями и другими организация-

¹⁰ «Программа и Устав КПСС». М., 1962, стр. 172—175.

¹¹ «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 76—77, 197.

¹² См. «Демократия развитого социалистического общества», стр. 36, 122.

¹³ См. «Справочник партийного работника», вып. 7. М., 1967, стр. 347—350; «Законы о сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся союзных республик». М., 1969.

¹⁴ См. «Справочник партийного работника», вып. 11. М., 1972, стр. 380—382; «Законы о городских и районных в городах Советах депутатов трудящихся». М., 1972; «Законы о районных Советах депутатов трудящихся». М., 1972.

ми, расположенными на их территории, а также должностными лицами и гражданами. Городские, районные в городах, районные Советы получили право координировать и контролировать работу всех предприятий и организаций, независимо от их ведомственной подчиненности, при решении проблем жилищного, социально-культурного, коммунального строительства, производства товаров народного потребления, при разработке и проведении мер во всех областях, связанных с обслуживанием населения.

Существенно расширялись права Советов по вопросам текущего и перспективного планирования, финансово-бюджетного характера. Местные Советы, например, могли оставлять в своем распоряжении средства, дополнительно полученные при исполнении бюджета, суммы превышения доходов над расходами, образующиеся в результате перевыполнения доходов или экономии по расходам, и направлять их на финансирование подведомственного хозяйства и социально-культурные мероприятия.

Законы закрепляли за ними право объединять средства предприятий и организаций, колхозов и совхозов и использовать их в жилищном, коммунальном и других видах строительства и благоустройства. Тем самым устанавливалась такая система формирования бюджетов, при которой максимально стимулировался активный поиск местными органами власти резервов, усиливалась их заинтересованность в развитии местного хозяйства, увеличивались возможности воздействия Советов на работу всех предприятий и учреждений.

XXIV съезд партии поставил перед советскими органами задачу укрепления авторитета и усиления активности депутатов, их ответственности перед избирателями¹⁵. В сентябре 1972 г. был принят закон «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР». Он содержал ряд новых положений и предусматривал разнообразные средства влияния депутатов на решение вопросов хозяйственного и культурного строительства, требовал усиления внимания государственных и общественных органов, всех должностных лиц к их мнению и предложениям, расширения связей депутатов как со своими избирателями, так и с коллективами и организациями, выдвинувшими их кандидатуры в Советы.

«Долг депутатов, — указывалось в законе, — отдавать все силы и знания делу строительства коммунизма, всемерно способствовать дальнейшему укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства, дружбы и братства народов СССР, упрочению социально-политического единства советского общества, неуклонному повышению благосостояния и культуры трудящихся, усилению могущества социалистической Родины»¹⁶.

Новое законодательство о Советах знаменовало значительный шаг в развитии принципа демократического централизма, повышении инициативы советских органов, усилении эффективности деятельности депутатов. Тем самым, как это отмечено в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду, юридические нормы были приведены в соответствие с новым уровнем, достигнутым нашим обществом. Л. И. Брежнев выдвинул предложение о необходимости продолжения этой работы, с целью принятия законов, определяющих компетенцию краевых, областных и окружных

¹⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 204.

¹⁶ «Закон о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР». М., 1973, стр. 1.

Советов, после чего все звенья местных Советов будут иметь современные законодательные акты¹⁷.

Мероприятия по расширению прав местных Советов и укреплению их материально-финансовой базы создавали широкие возможности для решения сложных и многообразных задач развития хозяйства и культуры. Только в 1966 г. они получили в свое подчинение свыше 2 тыс. промышленных предприятий¹⁸.

Шла постепенная передача в ведение местных Советов жилого фонда, культурных учреждений, коммунально-бытовых предприятий. Особенно многоотраслевым и сложным становилось хозяйство крупных городских Советов. Так, к концу восьмой пятилетки в систему Московского городского Совета входило 295 промышленных предприятий, производящих продукция на сотни миллионов руб. в год, более 10 тыс. единиц подвижного состава городского транспорта, Метрополитен, около 700 школ, дошкольные учреждения на 1,3 млн. мест, более 10,5 тыс. предприятий торговли, или 94% их общего числа, 7 тыс. предприятий общественного питания, или 84%, около 5 тыс. (98%) мастерских, ателье и других предприятий службы быта. Райсоветы столицы осуществляли почти в полном объеме капитальное строительство в городе, в их управлении находилось 66,6% всего жилого фонда¹⁹. Постепенное сосредоточение местного хозяйства под руководством Советов продолжалось и в годы девятой пятилетки и было характерно для всех республик страны.

Объем капиталовложений в развитие хозяйства городов, поселков, сел страны неуклонно увеличивался. Особенно ярко это видно на примере Москвы. Общий объем капиталовложений в развитие города в годы девятой пятилетки составил 13,3 млрд. руб., из них 8,8 млрд. руб. были направлены непосредственно в сферу городского хозяйства, что превысило более чем на 4 млрд. руб. затраты 1961—1965 гг.

Значительно возрастали местные бюджеты, расходы Советов на хозяйственные и культурные нужды. В 1956 г. местные бюджеты составляли 8,8 млрд. руб., или 15,6% бюджетных ассигнований союзных республик, в 1965 г. они выросли почти в 2,5 раза и достигли 21 млрд. руб., а в 1972 г. превысили 30 млрд. руб. (около 40% республиканских бюджетов)²⁰.

Материальные возможности Советов значительно увеличивались и за счет объединения средств предприятий и организаций, имеющих разную ведомственную подчиненность, на жилищное, социально-культурное строительство и благоустройство. Так, в Свердловске в годы девятой пятилетки средства предприятий составили 82% капитальных вложений в жилищное строительство города, 32% — в коммунальное, 36% — в создание новых медицинских учреждений, 84% — детских дошкольных учреждений, что позволило за 5 лет ввести в эксплуатацию около 3 млн. кв. м жилья (больше, чем было предусмотрено планом), довести

¹⁷ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 81—82.

¹⁸ «Советы депутатов трудящихся», 1967, № 10, стр. 16.

¹⁹ «Совершенствовать работу Советов депутатов трудящихся». М., 1970, стр. 247, 277—279, 285; Б. Грязнов, Н. Виноградов. Партийная организация столицы и Советы. М., 1974, стр. 16—17. Для сравнения можно указать, например, что в начале 60-х годов около половины всего жилищного строительства вели более 200 строительных организаций совнархоза, министерств и ведомств (см. «Заседания Верховного Совета РСФСР». Стеногр. отчет 7-й сессии V созыва. М., 1962, стр. 66).

²⁰ «Советы за 50 лет». М., 1967, стр. 441; «Заседания Верховного Совета СССР». Стеногр. отчет 3-й сессии VIII созыва. М., 1972, стр. 71. Г. Б. Поляк, Е. В. Софронова. Генеральный план и бюджет Москвы. М., 1973, стр. 24—25.

до 84% обеспеченность жилого фонда газом и канализацией, до 64% — центральным отоплением, построить за 1971—1974 гг. 7725 мест в дошкольных учреждениях из 9530 запланированных на пятилетку²¹.

Существенно возрастали и возможности объединения средств колхозов и совхозов. За 1965—1971 гг. удельный вес колхозов страны с валовым доходом свыше 20 тыс. руб. в расчете на 100 га пашни увеличился с 36,9 до 55,7%²². Это позволяло изыскивать значительные средства на социально-культурное строительство. В селах Костромской обл., например, в 1971—1973 гг. за счет объединения Советами местных средств и материальных ресурсов было сооружено школ на 10 тыс. мест, 31 спортивный зал, 42 учебных мастерских, 113 домов для учителей, пристроено классных комнат более чем на 6 тыс. мест, открыты новые интернаты на 2,3 тыс. учащихся. В Башкирской АССР за те же годы изысканы фонды на постройку 339 школьных зданий, 59 медпунктов. Привлечение средств колхозов и совхозов в Гродненской обл. БССР позволило открыть в 1971—1973 гг. в селах 123 дома быта и комплексных приемных пункта, 108 из которых по предложению местных Советов были выделены или построены правлениями колхозов и дирекцией совхозов²³.

В соответствии с требованиями научно-технической революции в годы девятой пятилетки в крупных городах (в 1974 г. в городах, насчитывающих более 100 тыс. населения, проживало 33% населения страны) началось внедрение территориальных и функциональных автоматизированных систем управления. АСУ появились прежде всего в сфере строительства, транспорта, жилого фонда, коммунальных услуг. В таких крупнейших городах, как Москва, Ленинград, Киев, Свердловск, Челябинск, Одесса, и ряде других АСУ успешно применяется для планирования развивающегося городского хозяйства²⁴.

Успехи в хозяйственной и организаторской деятельности Советов, их вклад в решение задач коммунистического строительства в значительной мере определяются укреплением их состава, ростом образовательного и политического уровня депутатов, уровнем профессиональной квалификации кадров исполнительных органов.

По сравнению с концом 50-х годов общее число местных Советов к 1975 г. сократилось (в 1959 г. — 57 366, в 1975 г. — 50 437). Эти изменения произошли прежде всего за счет укрупнения и значительного сокращения числа сельских и районных Советов. В то же время численность городских, поселковых, районных в городах Советов непрерывно увеличивалась. Общее число депутатов за тот же период выросло с 1,8 млн. до 2,2 млн., или более чем на 400 тыс. человек²⁵.

Почетное имя депутата — избранника народа с честью несли представители всех национальностей Советского Союза, всех слоев трудящихся — рабочих, колхозников, интеллигенции (см. табл. 1).

Как известно, для социальной структуры развитого социалистического общества характерно значительное увеличение численности рабочего класса, уменьшение численности и удельного веса колхозного кре-

²¹ «Советы депутатов трудящихся», 1975, № 11, стр. 54, 55.

²² «Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг.» М., 1972, стр. 265.

²³ «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 2, стр. 16; № 12, стр. 31; «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1974, № 15, стр. 456.

²⁴ Там же, 1974, № 3, стр. 18—19; «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 3, стр. 18, 19; Г. Б. Поляк, Е. А. Софронова. Генеральный план и бюджет Москвы, стр. 33; «Правда», 1 июля 1974 г.

²⁵ «Состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся 1959 г.» Статист. сб. М., 1959, стр. 27; «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1975 г.» Статист. сб. М., 1975, стр. 9, 12

Изменение состава местных Советов (в %) *

Группа	Созыв						
	1969 г.	1965 г.	1967 г.	1969 г.	1971 г.	1973 г.	1975 г.
Рабочие	18,8	28,8	29,6	35,0	36,5	39,3	40,5
Колхозники	43,2	33,3	31,3	29,3	28,8	28,0	27,2
Служащие	38,0	37,8	39,1	35,7	34,7	32,7	32,3

* «Состав депутатов... 1959 г.», стр. 32—33; «Состав депутатов, избранных в местные Советы депутатов трудящихся в марте 1965 г.» Статист. сб. М., 1965, стр. 11; «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1967 г.» Статист. сб. М., 1967, стр. 14; «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1969 г.» Статист. сб. М., 1969, стр. 18; «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1971 г.» Статист. сб. М., 1971, стр. 14; «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1973 г.» Статист. сб. М., 1973, стр. 18; «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся 1975 г.» Статист. сб. М., 1975, стр. 14.

стьянства при возрастании отряда аграрных рабочих, группы научно-технической интеллигенции²⁶. Все эти процессы нашли отражение и в составе Советов. Значительно уменьшились удельный вес и число колхозников. Если в 1959 г. они составляли самую большую группу депутатов — 778 тыс., или более 43%, то в 1975 г. их численность уменьшилась до 602 тыс., или 27,2%. Внутри группы служащих увеличилось число работников промышленности, строительства, транспорта и связи. В 1967 г. было избрано в местные Советы 69 тыс., в 1975 г. — более 80,5 тыс. руководителей предприятий и специалистов²⁷.

Анализ состава местных Советов позволяет проследить одну из важных закономерностей — последовательное возрастание числа депутатов-рабочих. Рабочий класс как самый многочисленный, политически активный и общественно подготовленный укреплял свою роль в управлении государством. Он пользовался огромным доверием всех социальных слоев и групп населения.

В абсолютных цифрах число рабочих в местных Советах возросло со 102,6 тыс. в 1939 г. до 338,6 тыс. в 1959 г. и почти до 900 тыс. человек в 1975 г.

Из данных табл. 2 видно, что в городских, районных Советах городов, поселковых Советах с 1969 г. рабочие составляли более половины депутатов, а в 1975 г. их удельный вес достиг 60%. В других звеньях Советов рабочие были второй по удельному весу группой. Среди депутатов значительно увеличилось число аграрных рабочих — ведущего отряда трудящихся деревни. В созыве 1975 г. число рабочих совхозов и других предприятий сельского хозяйства составило почти 380 тыс. человек, что превышало на 100 тыс. человек показатели 1967 г. По сравнению с 1959 г. число рабочих в сельских Советах выросло более чем на 20%.

В 1969 г. в состав исполкомов были избраны 41 598 рабочих, или 19,9%, и 70 037 колхозников, или 33,5%; в 1975 г. — 47 720 рабочих (22,4%) и 67 497 (31,7%) колхозников²⁸.

В годы восьмой и девятой пятилеток подавляющее большинство депутатов было занято в отраслях материального производства. Причем

²⁶ «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР», М., 1976, стр. 242—317.

²⁷ «Состав депутатов... 1959 г.», стр. 32; «Итоги выборов... 1967 г.», стр. 16; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 14—16.

²⁸ «Итоги выборов... 1969 г.», стр. 196—197; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 205.

Таблица 2

Рост удельного веса рабочих по отдельным звеньям местных Советов *

Совет	Созыв						
	1959 г.	1965 г.	1967 г.	1969 г.	1971 г.	1973 г.	1975 г.
Краевые } областные } окружные }	23,2	32,4	33,6	37,1	38,2	39,7	40,3
Районные	14,7	23,4	24,3	29,2	31,4	34,2	35,2
Городские	43,9	47,6	47,4	55,0	56,4	59,6	60,3
Районные в го- родах	47,5	48,0	48,4	55,5	56,1	59,7	60,5
Сельские	12,1	22,8	23,7	28,0	29,5	31,8	32,9
Поселковые	38,0	44,8	44,3	53,5	54,8	58,3	59,0

* «Состав депутатов... 1959 г.», стр. 38, 44, 50, 56, 62, 68; «Состав депутатов... 1965 г.», стр. 11; «Итоги выборов... 1967 г.», стр. 14—15; «Итоги выборов... 1969 г.», стр. 18—19; «Итоги выборов... 1971 г.», М., 1971, стр. 14—15; «Итоги выборов... 1973 г.», стр. 18—19; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 14—15.

число депутатов, работавших в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи возрастало, а в сельскохозяйственном производстве — несколько уменьшилось. Росло также число депутатов, занятых в сфере торговли и общественного питания, жилищного и коммунального хозяйства, службе быта.

Заметно увеличивалось в Советах число женщин (1959 г.—38,3%, в 1965 г.—42,7, а в 1975 г.—48,1% всех депутатов). В 26 краях и областях РСФСР, в том числе в таких ведущих промышленных областях, как Московская, Ленинградская, Ивановская, Калининская, в созыве 1975 г. женщины составляли более половины депутатов²⁹.

Основной тесной, проверенной практикой Советского государства связь партии и Советов является нерушимый блок коммунистов и беспартийных. Говоря о нем, Л. И. Брежнев подчеркивал: «Это — не временный, а постоянный фактор нашей политической жизни. Если вдуматься, то в нем в конечном счете воплощен священный для нас принцип: дела заботы и устремления народа — это дела, заботы и устремления партии»³⁰.

В состав местных Советов постоянно избирается около 45% (примерно 950—970 тыс.) членов и кандидатов в члены партии, что свидетельствует о большом доверии народа КПСС. В исполкомах местных Советов члены и кандидаты в члены КПСС составляют более 70%³¹. Важную роль в определении планов деятельности Советов, в укреплении государственной дисциплины принадлежит партийным группам Советов и партийным организациям исполнительных органов, роль которых за последнее десятилетие значительно активизировалась³².

В Советах всех звеньев творчески выполняли свои обязанности депутаты люди разных возрастов — и те, кто обладает большим жизненным опытом, и представители молодого поколения страны. В местных Советах в 1967 г. депутаты до 29-летнего возраста составили 16,4%, в 1975 г.—30,1%. Соответственно возросло и число членов ВЛКСМ.

²⁹ См. «Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся РСФСР 1975 г.», М., 1975, стр. 26—29.

³⁰ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, стр. 87.

³¹ См. «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 227—229.

³² См. Н. Н. Виноградов. Партийные группы во внепартийных организациях. «Вопросы истории КПСС», 1973, № 5.

Если в 1967 г. комсомольцы имели 4,8% мандатов, то в 1975 г. — почти в 4 раза больше — 18,7%³³.

При выборах в Советы неуклонно соблюдается один из важнейших принципов социалистической демократии — принцип периодического обновления их состава, вовлечения в них все новых и новых представителей трудящихся. Законодательством предусмотрено обновление Советов каждого созыва не менее чем на 1/3. На практике же обновляемость состава Советов была более высокой, составляя от 45 до 58%³⁴. С конца 50-х до начала 70-х годов в местных Советах прошли школу государственного управления более 9 млн. советских граждан.

Заметен рост образовательного уровня депутатов. Если в 1959 г. в местных Советах депутаты с высшим и средним образованием составляли около 40%, в том числе в городских Советах — 56,8%, в сельских — около 33%, то в 1975 г. высшее и среднее образование имели почти 70% депутатов, в их числе, в городских — более 82%, в краевых, областных и окружных — около 90%, в сельских Советах — почти 63% всех депутатов³⁵.

Нельзя не отметить и такие важные источники овладения культурой, как охватывающая все коллективы система политического и экономического образования трудящихся, народные университеты, а также специальные формы депутатской учебы. Так, в 1974 г. в школах советского актива, советского строительства, на краткосрочных курсах и семинарах прошли подготовку 1791 тыс. депутатов местных Советов — 81,5% их общего числа. В городских и районных Советах городов в школах и семинарах занималось около 84% всех депутатов. Только за 1973—1974 гг. исполкомами местных Советов были организованы более 350 тыс. семинаров и «дней депутата»³⁶.

Учитывая требования времени, партийные и советские органы уделяли постоянное внимание укреплению кадров исполнительных органов, росту их квалификации и образовательного уровня. После выхода в свет Постановлений ЦК КПСС «Об организации постоянно действующих курсов по переподготовке руководящих партийных и советских кадров» (декабрь 1966 г.), «О мерах по улучшению подготовки и переподготовки работников Советов депутатов трудящихся» и «Об организации в республиках, краях и областях постоянно действующих курсов по переподготовке партийных и советских работников» (октябрь 1967 г.)³⁷ система учебы кадров значительно усовершенствовалась.

Масштабы подготовки советских работников, депутатов год из года возрастают. Только в 1973 г. постоянно действующие курсы посещали 13 859, или 27,6%, председателей исполкомов, 2244 секретаря исполкомов местных Советов. На курсах советского строительства, советского актива, на краткосрочных курсах при исполкомах местных Советов занимались 35 619 председателей исполкомов, или 71,1%, 22 586 заместителей председателей, или 41,0%, 35 447, или 70,7%, секретарей исполкомов³⁸.

³³ «Итоги выборов... 1967 г.», стр. 12, 14; «Итоги выборов..., 1975 г.», стр. 12, 14.

³⁴ «Программа и Устав КПСС». М., 1962, стр. 173. Например, состав местных Советов страны созыва 1969 г. был обновлен на 50,6%, созыва 1975 г. — на 44,8% (см. «Итоги выборов и состав депутатов... 1969 г.», стр. 16; «Итоги выборов и состав депутатов... 1975 г.», стр. 12).

³⁵ «Состав депутатов... 1959 г.», стр. 31, 49, 61; «Итоги выборов... 1975 г.» стр. 12, 13.

³⁶ «Советы депутатов трудящихся», 1975, № 5, стр. 30—31.

³⁷ «Справочник партийного работника», вып. 7. М., 1967, стр. 317—323; вып. 8. М., 1968, стр. 308—309, 310—311.

³⁸ «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 5, стр. 75.

Все это способствовало укреплению кадров советских органов, повышению их образовательного, политического и делового уровня. Если в 1961 г. среди председателей исполкомов местных Советов было лишь 40,1% работников с высшим и средним образованием, то в 1967 г. — около 53%, в 1970 г. — почти 70%, в 1973 г. — 88,2%. Среди секретарей исполкомов высшее и среднее образование имели в 1961 г. 41,5%, в 1964 г. — 54%, в 1973 г. — 81,8%³⁹. В 1974 г. в краевом, областном, окружном звене среди председателей имели высшее образование 99,3%, в районных Советах — 97,6%, районных Советах в городах — 96,9%. Существенно укреплялось сельское и поселковое звено Советов. В сельских Советах число председателей и секретарей с высшим и средним образованием составило в 1961 г. соответственно 32,1 и 35,9%, в 1967 г. — уже около половины, в 1974 г. — 87,7% среди председателей и 86,4% среди секретарей исполкомов⁴⁰. Председателями и секретарями исполкомов выдвигались специалисты промышленности и сельского хозяйства, способные творчески и смело решать поставленные задачи.

Советы играют значительную роль в грандиозном процессе повышения жизненного уровня народа, работают, как подчеркивал В. И. Ленин, «всецело на осуществление интересов масс»⁴¹.

Все демократические формы организационно-массовой деятельности Советов направлены на успешное решение практических задач развития местного хозяйства и культуры, всех сторон труда и быта людей.

Полномочные органы, выражающие волю народных масс, подлинных собрания «трудовых представителей»⁴², Советы на своих сессиях решают актуальные вопросы хозяйственного и культурного строительства, систематически рассматривают проблемы укрепления социалистической законности, все большее внимание уделяют контролю за выполнением принятых решений⁴³.

В 1971—1975 гг. на сессиях всех Советов обсуждался ход осуществления решений XXIV съезда КПСС и Пленумов ЦК, заданий девятой пятилетки, претворения в жизнь законодательства о Советах и Закона о статусе депутатов. Только в 1973 г. были рассмотрены 704 тыс. вопросов, из них свыше 121 тыс. посвящены проблемам развития сельского хозяйства, рационального использования земли, воды, лесов, охраны природы, 94 тыс. — плановым и бюджетно-финансовым вопросам, более 13 тыс. — развитию промышленности, строительства, транспорта и связи. В 1973—1974 гг. Советы рассмотрели свыше 95 тыс. вопросов о соблюдении социалистической законности, около 85 тыс. — об утверждении и ходе реализации приказов избирателей⁴⁴.

Ежегодно местными Советами проводилось более 300 тыс. сессий. На них выступали 1,2—1,4 млн. депутатов (50—63% их общего числа)⁴⁵. Решения Советов являлись результатом большой подготовительной работы, проводимой постоянными комиссиями, депутатами, советскими работниками. При этом учитывались замечания, предложения производственных коллективов и населения, которые широко осведомлялись о повестке дня сессий и привлекались к обсуждению проектов решений⁴⁶.

³⁹ «Итоги выборов в местные Советы... 1961 г.», стр. 99, 103; «Совершенствовать работу Советов депутатов трудящихся». М., 1970, стр. 57; «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 5, стр. 75.

⁴⁰ «Советы депутатов трудящихся», 1975, № 5, стр. 30.

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 110.

⁴² Там же, стр. 307.

⁴³ См. «Советы депутатов трудящихся», 1971, № 6, стр. 84; 1975, № 5, стр. 28.

⁴⁴ «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 5, стр. 72; 1975, № 5, стр. 29.

⁴⁵ Там же, 1969, № 5, стр. 54; 1975, № 5, стр. 28.

⁴⁶ См., напр., «Известия», 4 июля 1969 г.

Конкретность, эффективность воздействия Советов на все стороны жизни страны в значительной мере определяются уровнем организаторской, контролирующей деятельности постоянных комиссий.

В 1959 г. в местных Советах действовало около 233 тыс. постоянных комиссий, которые объединяли 1,3 млн., или 72,9% всех депутатов; общественный актив составлял около 1,8 млн. человек. В 1965 г. в постоянных комиссиях работало более 1,6 млн. депутатов, или 81,5% их общего числа, в 1975 г. в 327 681 постоянной комиссии были заняты почти 1,8 млн. депутатов и более 2,6 млн. активистов⁴⁷.

Росту активности постоянных комиссий способствовало не только их численное укрепление, но и более планомерная организация работы, четкое закрепление их прав в законодательных актах, внедрение в повседневную практику таких эффективных форм работы, как совместные и выездные заседания, оперативные штабы и депутатские посты на главных строительных объектах, усиление контроля, проверок и обследований деятельности предприятий, школ, медицинских учреждений.

Таблица 3

Профиль комиссии	1968 г.	1974 г.
Плановые бюджетно-финансовые	106 453	св. 128 тыс.
Сельскохозяйственные	163 338	св. 236 тыс.
Торговли, общественного питания, бытового обслуживания и благоустройства	81 321	92 тыс.
Социалистической законности	54 452	ок. 109 тыс.

Повысилась активность постоянных комиссий при подготовке вопросов, выносимых на сессии и заседания исполкомов. Так, в 1962 г. ими было составлено около 528 тыс. докладов и содокладов, в 1968 г. — около 990 тыс. В 1974 г. они изучили более 1,3 млн. вопросов, по 359 тыс. из них делегаты выступали с докладами и содокладами на сессиях⁴⁸. Если в начале 60-х годов партийные и советские органы отмечали недостаточную активность постоянных комиссий поселковых и сельских Советов, то в 1969 г. на сессиях были заслушаны сообщения 76,5% постоянных комиссий сельских Советов, а в 1973 г. — более 81%⁴⁹. Сравним число вопросов, подготовленных некоторыми постоянными комиссиями в 1968 и 1974 гг. (табл. 3)⁵⁰.

Одним из важных показателей повышения роли представительных органов было усиление их контроля за работой исполкомов. Принцип подотчетности исполнительных органов Советам предусмотрен Конституцией СССР. В 1965 г. перед Советами отчиталось около 95% исполкомов, а с 1968—1970 гг. ежегодно отчитывалось не менее 99%. В 1974 г. их число достигло 99,7%, в том числе 100% окружных Советов, 99,9% районных и сельских, 99,5% городских Советов⁵¹.

Эффективным средством оперативного и гласного контроля, выявления недостатков стали запросы депутатов к исполнительным комитетам,

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 75, л. 562, л. 5; «Состав депутатов... 1965 г.», стр. 202; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 208; «Советы депутатов трудящихся», 1975, № 5, стр. 30.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 78, л. 767, л. 1; «Советы депутатов трудящихся», 1969, № 5, стр. 97; 1975, № 5, стр. 30.

⁴⁹ См., напр., «Справочник партийного работника», вып. 6, 1966, стр. 393; «Советы депутатов трудящихся», 1970, № 6, стр. 93; 1974, № 5, стр. 74.

⁵⁰ «Советы депутатов трудящихся», 1969, № 5, стр. 97; 1975, № 5, стр. 30.

⁵¹ «Советы депутатов трудящихся», 1970, № 6, стр. 85; 1973, № 5, стр. 29.

их отделах и управлениям, а также к руководителям предприятий и учреждений, расположенных на территории Совета. Депутатами местных Советов союза 1969 г. было сделано около 90 тыс. запросов, 1971 г. — более 90 тыс., 1973 г. — более 115 тыс. запросов, касавшихся проблем обслуживания населения и благоустройства, рационального использования материальных и денежных средств, повышения ответственности должностных лиц⁵².

Более многогранными становятся обязанности депутатов. «Быть депутатом Совета — это почетная, но вместе с тем и очень ответственная, сложная работа, — говорил в своей речи на собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы в июне 1975 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Депутат у нас и выразитель интересов трудящихся своего избирательного округа в органах власти, и представитель общегосударственных интересов на местах, проявляющий заботу о последовательном осуществлении политики партии в интересах советского народа в целом»⁵³.

Умение сочетать общегосударственные интересы с интересами своих городов, районов, поселков, целой отрасли промышленности с делами собственного предприятия, своего избирательного округа хорошо проявляется в деятельности депутатов местных Советов.

Четкие ориентиры основных направлений работы местных советских органов определены народнохозяйственными задачами, которые выдвинуты и поставлены перед советским народом Коммунистической партией на ее съездах и конкретизированы в пятилетних народнохозяйственных планах, в постановлениях партийных и государственных органов.

Анализ практической деятельности местных Советов показывает, что они усилили ответственность за развитие общественного производства, глубже стали вникать в экономические вопросы, добились повышения уровня руководства местной промышленностью.

В каждой республике, в каждом городе и районе Советами накоплен ценный и разнообразный опыт в области комплексного развития хозяйства, правильной специализации и размещения предприятий по производству товаров народного потребления, максимального использования местных ресурсов, установления контактов между промышленностью и торговлей, концентрации средств предприятий в области жилищного и культурно-бытового строительства. На сессиях, в ходе работы постоянных комиссий, территориальных депутатских групп решались наиболее важные задачи, обобщался и распространялся опыт передовых коллективов, брались под контроль основные пусковые объекты, устанавливалось строгое наблюдение за выполнением плановых заданий по производству товаров народного потребления, повышением качества строительства, расширением и улучшением работы предприятий и организаций здравоохранения, народного образования, бытового обслуживания и т. д.

Депутатами, членами постоянных комиссий Ленинградского городского и районных Советов вместе с партийными органами, работниками исполкомов в годы восьмой пятилетки была проделана огромная подготовительная работа по анализу положения дел в промышленности города, изучению установившихся производственных связей, высказаны научно обоснованные рекомендации по созданию производственных и

⁵² См. там же, 1969, № 5, стр. 94; 1970, № 6, стр. 92; 1971, № 6, стр. 85; 1972, № 6, стр. 85; 1973, № 5, стр. 74; 1974, № 5, стр. 73; 1975, № 5, стр. 29.

⁵³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 316.

⁵⁴ См. «Забота партии и правительства о благе народа». Сб. документов. М., 1974.

научно-производственных объединений. Опыт ленинградцев был одобрен XXIV съездом КПСС⁵⁵.

Постоянные комиссии Московского городского Совета принимали самое активное участие в разработке таких определяющих развитие города вопросов, как технико-экономические основы Генерального плана развития столицы (декабрь 1966 г.), совершенствование планирования капитального строительства и усиление экономического стимулирования строительного производства (декабрь 1966 г.), меры по дальнейшему улучшению качества жилищно-гражданского строительства (август 1970 г.), улучшение использования научно-технических достижений в промышленности, на транспорте и в коммунальном хозяйстве Москвы (февраль 1971 г.) и ряда других вопросов⁵⁶.

Постоянные комиссии активно содействовали осуществлению экономической реформы в городском хозяйстве. Они, привлекая специалистов, глубоко и всесторонне занимались вопросами внедрения новой системы планирования и экономического стимулирования⁵⁷. Систематический контроль был установлен депутатами и за ходом внедрения новой техники, комплексной механизации предприятий. Так, за годы восьмой пятилетки в системе местной промышленности Мосгорисполкома были комплексно механизированы 2 предприятия, введено в эксплуатацию более 1000 единиц нового оборудования, внедрено 69 поточных и конвейерных линий, свыше 280 усовершенствованных технологических процессов. Это дало значительный экономический эффект (более чем в 6 млн. руб.) и позволило высвободить от трудоемких работ около 2 тыс. рабочих⁵⁸.

В годы девятой пятилетки постоянные комиссии по промышленности Моссовета и районных Советов Москвы, в которые входили 425 депутатов, приняли активное участие в разработке планов реконструкции и технического перевооружения местной промышленности. Депутаты были привлечены к большой работе, проведенной исполкомом и его управлением местной промышленностью по оценке изготавливаемой продукции и снятию с производства устаревших изделий. Только в 1972 г. с производства снято свыше 250 наименований продукции и внедрено около 400 новых видов изделий.

В целях усиления координации работы предприятий, занятых в сфере производства товаров народного потребления, Московский городской и районные Советы создали специальные комиссии при исполкомах, которые выявляли возможности увеличения выпуска товаров массового спроса, осуществляли контроль за выполнением планов производства и поставок товаров в торговую сеть. Проверив в 1972 г. 260 предприятий, депутаты вскрыли неслышимые резервы. Выпуск товаров народного потребления был начат еще на 69 крупных московских предприятиях, было создано 56 новых цехов и 180 участков по производству предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения, дополнительно произведено продукции на 135 млн. руб.⁵⁹

Совместные поиски Советов и хозяйственных организаций новых подходов к решению народнохозяйственных задач определялись необходи-

⁵⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 68; «Вопросы истории КПСС», 1974, № 9, стр. 4.

⁵⁶ «Бюллетень Исполкома Моссовета», 1966, № 24; 1970, № 1, 17; 1971, № 1, 5.

⁵⁷ «Совершенствовать работу Советов депутатов трудящихся». М., 1970, стр. 285, 302; «Заседания Верховного Совета СССР». Стеногр. отчет 3-й сессии VIII созыва. М., 1972, стр. 40.

⁵⁸ Г. Б. Поляк, Е. В. Софронова. Генеральный план и бюджет Москвы. М., 1973, стр. 77.

⁵⁹ «Заседания Верховного Совета СССР». Стеногр. отчет 5-й сессии VIII созыва. М., 1972, стр. 77; «Вечерняя Москва», 20 марта 1973 г.

мостью повышения эффективности производства, своевременного и высококачественного освоения капиталовложений в промышленное и гражданское строительство, комплексного формирования новых микрорайонов городов и поселков с учетом проблем благоустройства, размещения объектов коммунального хозяйства и культурно-бытового назначения.

Характерен в этом отношении опыт Орловского городского Совета. В Орле в годы девятой пятилетки была создана и проверена на практике система непрерывного планирования и поточного строительства — «Орловская непрерывка». Ее введение потребовало большой работы депутатов, исполнительных органов. Система организационно-хозяйственных мероприятий по совершенствованию процесса жилищно-гражданского строительства включала: концентрацию средств на строительство в руках одного заказчика — управления капитального строительства исполкома, сочетание комплексных двухлетних планов строительства с перспективным планированием размещения жилья, инженерных сетей и предприятий бытового обслуживания до 1980 г., улучшение работы проектных организаций, повышение четкости в составлении проектно-сметной документации, совершенствование структуры и материально-технической базы строительных организаций. Эта система позволила наиболее рационально расходовать средства и обеспечивать ритмичность сдачи объектов в эксплуатацию, их высокое качество. Единовременный экономический эффект от сокращения сроков строительства и совершенствования производства составил в 1973—1975 гг. в Орле 1 млн руб.⁶⁰.

Опыт орловцев изучен и успешно применен с учетом местных условий более чем в 70 городах страны. В Ярославле, например, проблемы улучшения качества и планирования строительства были рассмотрены на сессии городского Совета; проекты двухлетних планов, подготовленные специалистами, широко обсуждались в исполкомах, постоянных комиссиях; на наиболее важных стройках города были установлены оперативные штабы, депутатские группы и посты. Это позволило поднять производительность труда в строительстве на 15—20%, сократить сроки ввода объектов почти вдвое, выдерживать четкий ритм работы. В Туле введением «непрерывки» занимался специальный координационный совет из 17 депутатов и специалистов, созданный при горисполкоме.⁶¹

На XXIV съезде КПСС было отмечено, что в плановой работе следует полнее учитывать и использовать местные особенности, правильно сочетать отраслевое и территориальное планирование. В связи с этим очень важное значение приобрели территориальные комплексные планы экономического и социального развития городов, районов, поселков и сел, разрабатываемые и создаваемые местными органами на основе планов предприятий и организаций. Они позволяли максимально полно и обоснованно определять денежные и материальные затраты, предусматривали наиболее рациональное размещение промышленных предприятий, жилых массивов, культурно-бытовых объектов, обеспечение населения транспортом и связью. Тщательно подготовленные планы комплексного развития становились той основой, на которой строилась вся хозяйственная, культурная и организационно-массовая работа местных Советов. Инициаторы перспективного планирования — Ленинградская партийная организация, городской и районные Советы.⁶² На основе

⁶⁰ «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 5, стр. 40—41; «Правда», 6 февраля 1976 г.

⁶¹ «Советы депутатов трудящихся», 1975, 8, стр. 7, 8; 1974, № 5, стр. 40—41; «Известия», 14 октября 1975 г.

⁶² «Из опыта идеологической работы», вып. 2, М., 1974, стр. 16.

генерального плана развития Москвы, рассчитанного на 25—30 лет, составляют пятилетние планы комплексного развития промышленности и городского хозяйства столицы. Эти планы являются частью намеченной партией грандиозной программы превращения столицы в образцовый коммунистический город, в котором будут созданы все условия для высокопроизводительного труда, высокоорганизованного быта и отдыха трудящихся⁶³.

Благодаря усилиям районных, сельских и поселковых Советов к 1972 г. планы и проекты комплексной застройки населенных пунктов имели свыше 93% районов страны, в том числе 99% районов РСФСР. Они предусматривали большой объем работ по созданию современной сети торговли и общественного питания, культурного и бытового обслуживания, жилищному строительству. В них учитывались лучшие достижения архитектуры, опыт создания современных колхозных и совхозных поселков⁶⁴.

Во всех республиках страны возникают укрупненные поселки городского типа. В Молдавии, например, за 1959—1975 гг. число поселков с количеством жителей до 100 человек сократилось с 207 до 89, а число крупных поселков с населением свыше 3 тыс. человек выросло со 162 до 219⁶⁵. Эти мероприятия — только часть намеченной партией сложной программы коренного преобразования быта на селе, неуклонного сближения сельских условий жизни с жизнью города.

Хозяйское, государственное отношение к делу проявляли местные Советы в решении одной из важнейших проблем — защиты природы, обеспечении рационального использования земель, охраны недр. Установление постоянного контроля за использованием земель и других природных богатств позволило изыскать и ввести в хозяйственный обиход новые массивы, усилить внимание к агротехническим и лесомелиоративным работам, проводить хозяйственно обоснованный отвод земель для несельскохозяйственного пользования⁶⁶.

Усилению деятельности местных Советов в этой области способствовали Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов», принятые Верховным Советом СССР основы водного, земельного законодательства, законодательства о недрах, законы об охране природы и кодексы, выработанные в союзных республиках.

Одними из первых в стране проявили инициативу по выявлению и введению в хозяйственный обиход дополнительных земельных площадей Ивановпольский сельский и Красногорский поселковый Советы Донецкой области УССР, которые запланировали до конца девятой пятилетки дополнительно включить в посевные площади 295 га. Они призвали каждого депутата республики творчески отнестись к поиску резервов земли. Инициатива была подхвачена и обсуждена на сессиях местных Советов, собраниях колхозников и рабочих совхозов, сельских сходах граждан Донецкой, Киевской, других областей Украины, а затем и всех республик страны. Она послужила началом всесоюзного массового соревнования-переклички сельских и поселковых Советов под девизом «Ценишь и беречь землю».

⁶³ «Коммунист», 1972, № 14, стр. 32.

⁶⁴ С. И. Сдобнов. Советская деревня на пути социального прогресса. М., 1974, стр. 176—178, 184—187.

⁶⁵ «Научный коммунизм», 1976, № 2, стр. 35.

⁶⁶ По данным земельного баланса, для промышленного, транспортного, гражданского строительства в восьмой пятилетке в среднем за год отводилось больше 2 млн. га земли. «Заседания Верховного Совета СССР». Стеногр. отчет 4-й сессии VIII созыва. М., 1972, стр. 34.

Опыт Советов Украины был поддержан 4-й сессией Верховного Совета СССР (сентябрь 1972 г.), одобрен ЦК КП Украины. Иванопольский и Красноготорский Советы за годы девятой пятилетки перевыполнили обязательства и ввели в оборот около 600 га посевных площадей, а всего в УССР в 1972—1975 гг. было дополнительно включено в хозяйственный обиход 288 тыс. га пустовавших земель, что позволило, несмотря на широкий размах строительства в республике, не только сохранить, но и несколько расширить размеры пашни. В целом по стране только в 1973 г. было освоено под посевы около 1 млн. га⁶⁷.

В РСФСР, Казахстане, на Украине и в других республиках депутаты творчески участвуют в решении проблемы окружающей среды, социалистического природопользования. По их инициативе приняты меры по расширению зеленых зон и сети водоемов, установлен строгий контроль за вводом в строй и усовершенствованием систем очистных сооружений. В Москве, например, вопросы сохранения чистоты воздуха и водоемов являются предметом заботы депутатов каждого созыва. Благодаря их деятельности за несколько лет было газифицировано около 1500 промышленных и коммунальных объектов, ликвидировано свыше 4 тыс. мелких котельных, построены очистные сооружения на 780 промышленных предприятиях и автохозяйствах, число пыле- и газоулавливающих установок на предприятиях превысило 7 тыс., свыше 300 предприятий, вредных в санитарном отношении, были либо реконструированы, либо выведены за пределы города. В результате удалось значительно очистить атмосферу и водоемы, снизить запыленность и загазованность воздуха в 3—4 раза⁶⁸.

Увеличилась сфера приложения сил местных Советов и в области торговли, общественного питания, бытового обслуживания. В годы восьмой и особенно девятой пятилеток шел интенсивный процесс превращения службы быта в крупнейшую механизированную отрасль⁶⁹.

В 1969—1974 гг. вопросы развития торговли, общественного питания, благоустройства, бытового обслуживания были рассмотрены почти на 230 тыс. сессий Советов. В постоянных комиссиях данного профиля в 1963 г. работало около 113 тыс., а в 1975 г. уже почти 170 тыс. депутатов⁷⁰. Большую помощь оказывали и около 3 тыс. внештатных отделов торговли, коммунального и бытового обслуживания, созданных главным образом в исполкомах районных и городских Советов. Депутатами ставились и решались вопросы специализации и концентрации предприятий торговли и сферы быта, рационального расположения сети бытовых предприятий, повышения культуры обслуживания.

Сложной является задача интенсивного развития службы быта в сельской местности. За 4 года девятой пятилетки на развитие и укрепление ее материально-технической базы направлено 336,7 млн. руб. капиталовложений, число мастерских и ателье выросло на 7 тыс., приемных пунктов — на 14,6 тыс., в районных центрах всех республик строились Дома быта. В ряде районов Курганской, Московской областей, Краснодарского края, Мордовской АССР, в республиках Прибалтики, в Бело-

⁶⁷ «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 5, стр. 4; «Известия», 27 декабря 1975 г.; 8 апреля 1976 г.; А. И. Лукьянов. Закон о статусе депутатов и его проведение в жизнь. М., 1974, стр. 8.

⁶⁸ «Заседания Верховного Совета СССР». Стеногр. отчет 4-й сессии VIII созыва. М., 1972, стр. 24, 124. Для сравнения можно указать, что содержание окиси углерода в атмосфере Москвы в 10 раз ниже, чем в Лондоне и Риме, в 5 раз — чем в Вене (см. «Новый мир», 1976, № 3, стр. 223).

⁶⁹ «Забота партии и правительства о благе народа». М., 1974, стр. 240—242.

⁷⁰ «Советы депутатов трудящихся», 1975, № 5, стр. 29; «Итоги выборов... 1963 г.», стр. 180; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 214.

русии было достигнуто такое положение, когда объем услуг на одного сельского жителя не только не уступал городскому, а даже превышал его⁷¹.

Инициатива и смелость в постановке и решении крупных хозяйственных и социально-культурных проблем, расширение форм воздействия Советов, рост активности комиссий позволили местным Советам внести весомый вклад в реализацию выдвинутой партией широкой социальной программы, в обеспечение значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа.

Каждый день работы местных Советов ярко и наглядно конкретизирует ленинское определение представительных органов в нашей стране как власти, открытой для всех, делающей все на виду у массы, доступной массе, исходящей непосредственно от массы, прямого и непосредственного органа народной массы и ее воли⁷².

Подлинно всенародный характер избирательных кампаний, рост требовательного и заинтересованного подхода трудящихся к выдвижению кандидатов в депутаты служит залогом успешной работы представительных органов. Со строгой периодичностью, один раз в два года, все взрослое население страны под руководством Коммунистической партии осуществляет формирование местных органов власти.

В период подготовки каждых выборов в производственных коллективах, в избирательных округах подводились итоги деятельности Советов предыдущих созывов, заслушивались отчеты депутатов и исполнительных органов, вырабатывались указы и пожелания новому составу Советов. Тем самым трудящиеся не только оценивали работу Советов, но и участвовали в планировании дальнейшей программы их действий. За последние десятилетия выросло организующее и воспитательное значение трудовых коллективов, общественных организаций⁷³. Они формируют органы, непосредственно ведающие подготовкой и проведением выборов — окружные, участковые, центральные избирательные комиссии. В период каждых выборов в 2 млн. избирательных комиссий работало от 8,7 до 9,2 млн. советских людей. Во время избирательных кампаний ярко проявлялись ведущая политическая и организующая роль рабочего класса, активность колхозного крестьянства, которые направляли в комиссии более 60% всех их членов. Рабочие и колхозники составляли в 1973 г. 61,8%, в 1975 г. — 62,2% председателей комиссий. Почти $\frac{2}{3}$ членов избирательных комиссий составляли беспартийные трудящиеся⁷⁴.

Коллективами трудящихся, общественными организациями выдвигались наиболее достойные и авторитетные кандидаты в депутаты, причем крупнейшие промышленные предприятия страны были представлены в Советах значительным числом депутатов⁷⁵.

Важнейшим политическим мероприятием являются выборы в Советы. Л. И. Брежнев подчеркивал, что «выборы — это своего рода испытание прочности связей коммунистов с массами, а голосование —

⁷¹ «Известия», 28 марта 1975 г.; «Правда», 12 июня 1974 г.; 6 февраля 1976 г.

⁷² В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 381.

⁷³ По данным Всесоюзной переписи 1970 г., трудовые коллективы в СССР объединяли 115,2 млн. чел., что составляло около 90% всего населения в трудоспособном возрасте. Из них в производственных коллективах было занято около 77 млн. чел., т. е. свыше 70% всех занятых в народном хозяйстве (см. «Народное хозяйство СССР в 1972 г.». Статист. сб. М., 1973, стр. 33, 42, 406, 504—505).

⁷⁴ «Итоги выборов... 1973 г.», стр. 235; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 219.

⁷⁵ См. «Московская правда», 30 марта 1973 г.; «Известия», 15 июня 1973 г.; «Правда», 2 июня 1973 г.; «Депутаты и жизнь», 1971, стр. 26.

высшая форма народного волеизъявления, всенародная оценка деятельности партии, ее политики»⁷⁶. В каждом выборах принимало участие примерно 99,9% избирателей, практически все взрослое население страны; в 1965 г. оно составляло 142 млн., в 1975 г.— более 163,5 млн. человек, из их числа более 99,9% отдавали голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных⁷⁷. Имелись и случаи забаллотирования некоторых кандидатов, если они не удовлетворяли требованиям избирателей. Так, в 1965 г. во время выборов были забаллотированы 208, в 1969 г.—145, в 1973—80 кандидатов. Во всех этих случаях были проведены новые выборы⁷⁸.

Важнейшей формой воздействия населения на определение планов работы советских органов, их конкретных мероприятий в период каждого созыва являются указы избирателей. Тщательно рассматривая все поступившие указы, учитывая реальные возможности Советов, депутаты брали их выполнение под постоянный контроль⁷⁹.

В период выборов 1971 г. местными Советами были приняты к исполнению 849 403 наказа, из них к концу созыва были выполнены 742 317, или 87,4%; в ходе выборов 1973 г. местные Советы получили от населения 847 тыс. наказов и уже к 1 января 1975 г., т. е. за полгода до окончания созыва, выполнили 640,5 тыс., или более 75,6%⁸⁰.

О конкретном содержании и характере этих важнейших документов, определяющих деятельность Советов, можно судить по тем наказам, которые получил в 1971 г. Московский городской Совет. Из 530 наказов 105 касались проблем жилищного и культурно-бытового строительства; в них обращалось внимание на необходимость комплексного выполнения планов, на ускорение ввода в строй одновременно с жилыми домами школ, магазинов, предприятий обслуживания; 90 содержали предложения о благоустройстве и озеленении, 65 затрагивали транспортные проблемы, 40 касались развития торговли, остальные были посвящены проблемам развития народного образования, здравоохранения, бытового обслуживания⁸¹. Каждый из них касался той или иной стороны труда и быта советских людей и учитывался в предложениях, вносимых депутатами в свои Советы. В докладе на XXV съезде партии Л. И. Брежнев подчеркивал, что «предложения, вносимые депутатами на основании наказов избирателей, отражают потребности и нужды нашего народа, нашей жизни в целом»⁸².

Законодательство о местных Советах предусматривает расширение участия трудящихся в решении вопросов, касающихся их сел, районов, городов, а значит, и политики государства в целом. Сегодня стала обязательной практика предварительного обсуждения населением важнейших проектов решений Советов и исполкомов, отчетов (не реже одного раза в год) исполнительных органов не только перед Советами, их избравшими, но и на собраниях трудящихся, отчетов депутатов (не реже двух раз в год), созывов общих собраний, сходов граждан сел и поселков. Законами союзных республик закреплена обязанность местных Советов выносить вопросы государственного, хозяйственного и социально-

⁷⁶ Л. И. Брежнев в Ленинском курсом. М., 1971, т. 1, стр. 426.

⁷⁷ «Состав депутатов... 1965 г.», стр. 3; «Итоги выборов и состав депутатов Верховного Совета союзных и автономных республик 1975 г.», стр. 6.

⁷⁸ «Состав депутатов... 1965 г.», стр. 4; «Итоги выборов... 1969 г.», стр. 4; «Итоги выборов... 1975 г.», стр. 4.

⁷⁹ Подробнее см. В. Ф. Коток. Наказы избирателей в социалистическом государстве. М., 1967; Н. Г. Старовойтов. Наказы избирателей. М., 1975.

⁸⁰ «Советы депутатов трудящихся», 1974, № 5, стр. 73; 1975, № 5, стр. 31.

⁸¹ «Бюллетень Исполкома Моссовета», 1971, № 15, стр. 3.

⁸² «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 81.

культурного строительства на обсуждение собраний трудящихся по предприятиям, учреждениям, организациям, а также по месту жительства, регулярно информировать население о деятельности Советов и исполкомов⁸³. Все это расширяет контроль населения за деятельностью депутатов и исполнительных органов.

За последнее десятилетие исполкомы местных Советов уделяли большое внимание дальнейшему развитию одного из важнейших лепинских принципов депутатской деятельности — ответственности депутатов перед избирателями, подотчетности народу его избранников. В законодательных актах предусмотрены отчеты депутатов перед населением не реже двух раз в год, а по требованию избирателей — в любое время⁸⁴. В 1966 г. провели отчеты 93,8% депутатов, в 1968 г. — 96,0% (45,8% отчитались дважды), в 1972 г. — 98,8% (78,7% — дважды), в 1974 г. — 99,9% (95,5% — дважды). Только в 1974 г. было проведено свыше 3 млн. встреч депутатов с избирателями⁸⁵.

Таблица 4

Динамика отчетов перед населением исполнительных органов *

	1966 г.	1970 г.	1974 г.
Отчиталось исполкомов	90,0%	97,6%	99,6%
Число собраний	187 тыс.	св. 225 тыс.	ок. 300 тыс.
Число участников	ок. 36,7 млн.	ок. 45 млн.	св. 51 млн.
	1968 г.	1970 г.	1974 г.
Отчиталось отделов	25 724	32 438	44 222
Число собраний	49 223	н/д	св. 92 тыс.
Число участников	9,4 млн.	н/д	ок. 17 млн.

* «Советы депутатов трудящихся», 1969, № 5, стр. 96; 1970, № 6, стр. 84; 1971, № 6, стр. 83; 1975, № 5, стр. 29.

Важным средством контроля населения за деятельностью депутатов является право отзыва выборных представителей. Процедура порядка отзыва депутатов Советов различных ступеней разработана в законодательных актах 1959—1961 гг. Избиратели строго спрашивают с тех, кто не оправдывает их доверия. Так, в период работы Советов 9-го созыва (1963—1964 гг.) было отозвано около 650 депутатов, 10-го (1965—1966 гг.) — около 850, 11-го (1967—1968 гг.) — 841 депутат, 12-го (1969—

⁸³ В законах, принятых союзными республиками, выделялся специальный раздел, подробно регламентирующий формы участия населения в деятельности Советов для того, чтобы «обеспечить активное участие граждан в решении вопросов местного и общегосударственного значения». См., напр., «Законы о сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся союзных республик». М., 1969, стр. 77—78, 120; «Законы о городских и районных в городах Советах депутатов трудящихся союзных республик». М., 1972, стр. 55—56, 95.

⁸⁴ «Закон о статусе депутатов...», стр. 20.

⁸⁵ Для сравнения укажем, что в 1961 г. отчитались 80,8% депутатов местных Советов, в 1963 г. — 81,1%. ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 78, д. 767, л. 1; «Советы депутатов трудящихся», 1967, № 10, стр. 13; 1969, № 5, стр. 96; 1973, № 5, стр. 76; 1975, № 5, стр. 30.

1970 гг.)—799, 13-го (1971—1972 гг.)—915, 14-го (1973—1974 гг.)—831 депутат⁸⁶. Вместо отозванных и выбывших до окончания срока созыва избирались новые депутаты.

Влияние масс на работу местных органов власти усиливается. Этому способствует широкая практика отчетов исполкомов, а затем и их отделов и управлений в производственных коллективах, перед населением микрорайонов городов, сел и поселков (см. табл. 4).

Постоянно растет актив местных Советов. Если в начале 60-х годов он насчитывал около 19 млн. человек, а в середине 60-х — примерно 23 млн., то к 1971 г. он увеличился до 25 млн., а к концу девятой пятилетки превысил 31 млн. человек и составил почти пятую часть взрослого населения страны⁸⁷.

Важной формой усиления связей Советов с массами является развитие общественных начал в деятельности исполнительных органов. В них плодотворно работают внештатные сотрудники, инструкторы и инспекторы отделов и управлений, функционируют общественные советы, внештатные отделы. Привлечение общественного актива увеличивает возможности штатного аппарата, является одним из важнейших путей вовлечения трудящихся в непосредственное выполнение ряда государственных функций⁸⁸.

В 1974 г. штатные отделы привлекли себе в помощь около 426 тыс. активистов. В местных Советах были созданы 7,7 тыс. внештатных отделов, в которых работали на общественных началах 66 тыс. активистов⁸⁹. Внештатные отделы получали распространение главным образом в городских и районных Советах и занимались организационно-массовой работой, вопросами торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, культуры, здравоохранения.

Через уличные, домовые, участковые и родительские комитеты, товарищеские суды, женские советы, народные дружины, общественные советы при медицинских и культурно-просветительных учреждениях и другие организации общественность оказывала огромную помощь Советам в сохранении жилого фонда, организации воспитательной работы по месту жительства, благоустройству и озеленению, охране общественного порядка.

Деятельность самодеятельных организаций направлялась с помощью территориальных депутатских групп, получивших с начала 60-х годов самое широкое распространение по всей стране. К середине 70-х годов на Украине действовали 24 тыс., в Белоруссии — около 1300, в Москве — 546 депутатских групп⁹⁰.

В конце 60-х годов возросла роль сельских самодеятельных организаций. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1968 г. «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся» предусматривал созыв сельских сходов, на которых избирались сельские комитеты — селькомы. Им было предоставлено право посылать представителей для участия в сессиях Советов⁹¹.

⁸⁶ «Советы депутатов трудящихся», 1962, № 2, стр. 5; 1964, № 5, стр. 96; 1969, № 5, стр. 94; 1970, № 6, стр. 84; 1971, № 6, стр. 87; 1972, № 6, стр. 83; 1973, № 5, стр. 77; 1974, № 5, стр. 75; 1975, № 5, стр. 31.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 78, д. 712, л. 1; д. 769, л. 1; «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 77. «Правда», 11 февраля 1976 г.

⁸⁸ И. А. Азовкин. Местные Советы в системе органов власти. М., 1971, стр. 162.

⁸⁹ «Советы депутатов трудящихся», 1975, № 5, стр. 29.

⁹⁰ «Вечерняя Москва», 30 марта 1973 г.; «Известия», 3 марта 1976 г.; Е. Н. Тагунов. Народный контроль над деятельностью аппарата местных Советов. Минск, 1975, стр. 111.

⁹¹ «Законы о сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся». М., 1968, стр. 77, 78, 105.

Сельские комитеты и другие самодеятельные организации являются активными помощниками местных Советов в налаживании воспитательной работы, коммунально-бытового и культурного обслуживания населения, в организации социалистического соревнования и конкурсов на звание лучшей улицы, села образцового порядка, поселка отличного благоустройства⁹².

Таким образом, в Советах находит прямое и непосредственное выражение подлинное народовластие — народ формирует свои представительные органы, в них и через них решает важнейшие вопросы, касающиеся как отдельных регионов, так и жизни страны в целом, осуществляет контроль за деятельностью исполнительного аппарата, обеспечивает все более широкое и всестороннее участие в управлении делами общенародного государства.

Этап развитого социализма характерен тем, что социально-экономические, политические и культурно-нравственные факторы его поступательного движения обеспечивают все необходимые условия для роста общественной активности трудящихся. Этому служит и всестороннее развитие политической системы советского общества, совершенствование общенародного государства, основой которого являются Советы депутатов трудящихся. Уделяя особое внимание работе Советов, осуществляя последовательный курс на расширение их прав, повышение роли и ответственности, партия тем самым все больше укрепляет и развивает социалистическую демократию, которая, как это еще раз подчеркнул XXV съезд партии, служит интересам народа, интересам коммунистического строительства⁹³.

XXV съезд партии наметил широкую программу социального развития и повышения уровня жизни народа на десятую пятилетку. Большая роль в выполнении этих планов принадлежит Советам, которые призваны еще более активно влиять на рост экономики и культуры, уделять неослабное внимание увеличению производства товаров для населения, сделать все, чтобы условия труда и быта советских людей постоянно улучшались, а их общественная активность и инициатива получали дальнейшее развитие.

⁹² Подробнее см. «Совершенствовать работу Советов». М., 1970, стр. 261, 301, 322—323; «Бюллетень Исполкома Мособлсовета», 1970, № 8, стр. 27; «Известия», 26 августа 1970 г.; 11 августа 1975 г.

⁹³ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 85.



КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ГЕГЕМОНИИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

В ленинской исторической концепции первой русской революции центральное место отводится изучению героической борьбы российского пролетариата — гегемона первой народной революции эпохи империализма. «Революция 1905—1907 гг. — первая в истории буржуазно-демократическая революция, в которой пролетариат выступил самостоятельной политической силой, вождем угнетенных масс, борющихся за социальное освобождение. Воплощением его руководящей роли была большевистская партия во главе с В. И. Лениным»¹.

Разработка марксистской истории борьбы российского пролетариата в русской революции проходила в непримиримой борьбе с различным толком антимарксистскими взглядами, и прежде всего с меньшевистской фальсификацией революционных событий 1905—1907 гг. «В бурные 1905—1907 годы меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была его суть»².

Эта коренная классовая сущность меньшевизма находила свое воплощение как в практически-политическом плане, так и в области историографии. Такая позиция меньшевиков вызывала одобрение и поддержку либеральной буржуазии. В. И. Ленин неоднократно указывал на эту двойную в политике и историографии зависимость меньшевиков от либералов³.

Уже с самого начала революции в острейшей идейной борьбе с фальсификаторскими теориями меньшевиков закладывалась В. И. Лениным марксистская концепция гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Эта борьба шла на протяжении многих лет. Для В. И. Ленина разоблачение меньшевистской антиистории революции не являлось чисто академической проблемой. Ее главное значение он видел в служении непосредственным нуждам революционной борьбы рабочего класса. Подвергнув сокрушительной критике антимарксистские теории меньшевиков о роли и месте рабочего класса в буржуазной революции эпохи империализма, В. И. Ленин разработал ее научную концепцию, которая и ныне является методологической основой для советской исторической науки.

Борьба В. И. Ленина с меньшевистской фальсификацией ведущей роли российского пролетариата в период первой русской революции

¹ «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России». Постановление ЦК КПСС. «Коммунист», 1975, № 2, стр. 4.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 344 (разрядка наша. — Авт.).

³ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 49; т. 13, стр. 35—36; т. 20, стр. 286; т. 21, стр. 304; т. 26, стр. 345.

заслуженно привлекает внимание исследователей. Многие стороны этой проблемы освещены в литературе⁴. Тем не менее ряд существенных вопросов раскрыт не полностью и требует более внимательного изучения. Так, в нашей литературе недостаточно раскрыта ленинская критика меньшевистской трактовки категории «буржуазной революции» — важный вопрос, связанный с оценкой роли пролетариата в революции. Не получил в нашей литературе должного освещения факт воздействия борьбы пролетариата на размах и характер крестьянского движения⁵, который имеет научное и политическое значение. Его правильное освещение показывает несостоятельность утверждения меньшевиков и современной антикоммунистической историографии, что рабочий класс в период высшего подъема революции (октябрь — декабрь 1905 г.) оказался изолированным, а декабрьское восстание — искусственно вызванным.

Углубленное изучение борьбы В. И. Ленина, большевиков с меньшевиками за научное, марксистское освещение исторической роли рабочего класса в первой русской революции имеет исключительно важное значение в современной идеологической борьбе, в развитии мирового революционного процесса в наши дни. В нынешних условиях, когда во многих странах рабочий класс завоевывает руководящую роль в широком и мощном демократическом антиимпериалистическом движении, исторический опыт первого осуществления гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции эпохи империализма, ленинские идеи о гегемонии пролетариата в борьбе за демократию и социализм приобретают особую актуальность. Это налагает большую ответственность на исследователей, освещающих борьбу российского пролетариата на этапе буржуазно-демократической революции в России. Однако при освещении данного вопроса порой встречаются ошибки серьезного методологического характера.

Научной общественностью уже дана оценка ошибочному выводу, содержащемуся в книге «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», где утверждалось, будто в период деятельности I и II Государственных дум пролетариат утрачивал свою гегемонию⁶. Нам хочется обратить внимание и на другое неверное положение, выдвинутое в работе «Ленинизм и диалектика общественного развития», в которой, в частности, указывается на то, что «только Октябрьская политическая стачка 1905 г. доказала, что русская буржуазно-демократическая революция становится действительно пролетарской по методам и способам

⁴ См., напр., Б. Б. Граве. Борьба В. И. Ленина против меньшевистской концепции исторического развития России. В кн. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 3. М., 1963; А. Т. Маслова. Разоблачение В. И. Лениным меньшевистской концепции движущих сил революции 1905—1907 гг. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 1; А. П. Косульников. Критика В. И. Лениным оппортунистической тактики меньшевиков в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. В кн. «Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма». М., 1966; Н. Н. Яковлев. Некоторые вопросы истории первой русской революции в трудах В. И. Ленина и в советской историографии. В кн. «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968; М. С. Волин, Г. М. Деренковский, Д. А. Колесниченко, С. В. Тютюкин, В. В. Шелохаев. О гегемонии пролетариата в первой русской революции. «История СССР», 1973, № 4; «Большевизм и реформизм». М., 1973; «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции». М., 1975; «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М., 1975.

⁵ См. М. С. Волин, Г. М. Деренковский, Д. А. Колесниченко, С. В. Тютюкин, В. В. Шелохаев. О гегемонии пролетариата в первой русской революции. «История СССР», 1973, № 4, стр. 54.

⁶ См. «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». М., «Наука», 1970, стр. 21.

борьбы, что пролетариат действительно выступил гегемоном этой революции»⁷.

Такая точка зрения не соответствует действительности, ленинской оценке рассматриваемого вопроса. Нет сомнения, что Октябрьская политическая стачка — важная, зримая веха в процессе осуществления российским пролетариатом своей гегемонии.

Но справедливо напрашивается вопрос: а разве пролетариат не возглавил революцию в самом ее начале и доказал свою способность осуществить миссию гегемона освободительного, революционного движения? Еще за четыре месяца до Всероссийской Октябрьской стачки, в июне 1905 г., В. И. Ленин в статье «Революционная армия и революционное правительство» прямо указывал, что «рабочий класс своей кровью, пролитой на улицах Петербурга, Риги, Литвы, Варшавы, Лодзи, Одессы, Баку и массы других городов, доказал свое право на роль авангарда в демократической революции»⁸. В свете этого ленинского вывода вряд ли стоит категорично утверждать, что только октябрь 1905 г. воочию подтвердил факт гегемонии пролетариата в революции.

Не претендуя на исчерпывающее изложение вопроса, авторы данной статьи ставят задачу — осветить некоторые существенные стороны борьбы В. И. Ленина с меньшевистскими измышлениями о роли пролетариата в революции 1905—1907 гг.

* * *

Революция 1905—1907 гг. в России явилась первой буржуазной революцией империалистической эпохи. Она разразилась в период, когда мировой капитализм, сыграв свою прогрессивную роль, стал уже реакционной силой, когда созрели материальные предпосылки для победы социалистической революции.

Опыт мировой истории показал, что объективное значение буржуазных революций XVI—XIX вв. заключалось в уничтожении феодальных отношений и расчистке почвы для беспрепятственного развития капитализма. Вождем и вдохновителем этих революций выступила буржуазия, являвшаяся носителем капиталистических производственных отношений. Это было время, когда ее идеологи провозглашали возвышенные цели: свободу, равенство, братство. Но господство буржуазии не было похоже на ту модель общества «справедливости, свободы, разума», о котором так много говорили ее идеологи накануне революции. В более поздних буржуазных революциях буржуазия начинает растрчивать свой революционный потенциал и явственно обнаруживает склонность к компромиссу с феодализмом за счет народа и против народа. Отныне она стремилась к созданию строя, увековечивающего ее господство, а между тем, выражаясь словами Ф. Энгельса, «за спиной крупной буржуазии» уже стоял пролетариат⁹. Отныне решительная ломка отживших феодальных отношений начинала угрожать самому господству буржуазии и капиталистического строя. «С этого момента, — указывал Ф. Энгельс, — она теряет способность к исключительно политическому господству; она ищет себе союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она делит свое господство, или уступает его им целиком»¹⁰.

⁷ «Ленинизм в диалектика общественного развития». М., 1970, стр. 27.

⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 10, стр. 344 (разрядка наша. — Авт.), см. также т. 10, стр. 303, 326; т. 11, стр. 14.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 416.

Это чрезвычайно важное положение является основополагающим для понимания характера, особенностей и движущих сил буржуазно-демократических революций на различных стадиях развития капитализма. И действительно, если такой «поворотный пункт» в поведении буржуазии, о котором говорит Ф. Энгельс, наступает в стране в тот момент, когда еще не пройден этап буржуазно-демократической революции, а пролетариат уже формируется как класс со своими самостоятельными требованиями, то буржуазия уже не способна будет стать ни вождем этой революции, ни даже ее движущей силой. Если еще в преддверии буржуазно-демократической революции буржуазия начнет замечать, что класс, противостоящий ей в системе производственных отношений, — пролетариат — начинает перерастать ее, она будет заинтересована уже не столько в свержении феодального или полуфеодального режима, сколько в союзе с господствующими силами старого режима против пролетариата¹⁰. А если такие условия уже созрели, то естественно, что буржуазия будет решительно сторониться революции, усердно искать союза с реакцией. Такое поведение буржуазии «проявилось уже так ярко в германской буржуазной революции 1848 года, что коммунист Маркс все острее пролетарской политики направил тогда на борьбу с „соглашательской“ (выражение Маркса) либеральной буржуазией»¹².

Аналогичная и в то же время еще более рельефно выраженная социальная и политическая обстановка сложилась в России накануне 1905 г. Она характеризовалась чрезвычайно своеобразной ситуацией, которую вкратце можно определить следующим образом: буржуазная революция без революционной буржуазии, буржуазно-демократическая революция, в которой буржуазия в силу своего экономического и политического положения не может выполнить миссии вождя, гегемона, ибо уже не «за спиной буржуазии», а впереди ее на авансцену истории выступил пролетариат. Объективное положение российской буржуазии исключало возможность ее последовательной, решительной борьбы за демократические преобразования. В России буржуазия была тесно привязана к царскому самодержавию, ибо царизм оберегал ее классовые устои, частную собственность, жестоко подавлял любое выступление пролетариата и широких масс крестьянства как против капитала, так и власти помещиков. Такие привилегии заставляли российскую буржуазию «бережно относиться» к монархии¹³.

Весь ход политической практики, предшествовавшей первой русской революции, наглядно подтвердил, что из всех классов капиталистической России только рабочий класс в силу своего особого положения сможет выполнить в ней роль гегемона. На эту роль российский пролетариат выдвигался всем ходом экономического и политического развития страны.

Являясь по своему классовому содержанию диктатурой крепостников-помещиков, царизм защищал и оберегал интересы крупной буржуазии. Полицейский абсолютистский строй России исключал всякую возможность политической организации рабочего класса. Российский пролетариат был лишен самых элементарных гражданских прав: свободы печати, права собраний и сходок, возможности создавать профсоюзы и т. д. Стачки, считавшиеся легальной формой борьбы в странах Западной Европы, в России карались как государственное преступление.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 416.

¹¹ См. там же.

¹² В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 206.

¹³ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 10, стр. 259.

В. И. Ленин отмечал, что во всех других капиталистических странах «рабочие имеют право... устраивать союзы, кассы, открыто сопротивляться фабриканту, предлагать ему свои условия, устраивать стачки. У нас этого не полагается»¹⁴. В силу такого положения рабочий класс России был особенно заинтересован в демократизации страны, ибо такая демократизация создала бы благоприятные условия для борьбы за социализм. «Только один пролетариат,— указывал В. И. Ленин еще в 1897 г.,— может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения... только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих»¹⁵. На рубеже XIX—XX вв. рабочий класс России все более зримо выступал как главная революционная сила общества, сплачивая вокруг себя всех эксплуатируемых и угнетенных, все шире разворачивая борьбу против самодержавия и буржуазии. Сформировавшийся в масштабе всей страны, сконцентрированный на крупных капиталистических предприятиях¹⁶ многих городов промышленными районами центра и национальных окраин¹⁷, пролетариат под руководством марксистской партии проходил по всей Российской империи богатейшую школу революционной закалки. Уже в забастовках и политических демонстрациях 1902 г. рабочий класс проявил себя как самостоятельная политическая сила. Оценивая этот факт, В. И. Ленин в работе «Первые уроки» (1902 г.) писал: «Пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и... правительству»¹⁸. В процессе острой классовой борьбы преодолевались в широких кругах пролетарских масс реформистские и другие чуждые влияния, плодотворно использовался опыт и богатые революционные традиции мирового пролетариата. Определяющим фактором в формировании российского пролетариата как класса-гегемона являлось наличие у него марксистской партии, партии нового типа, в программе которой были четко определены назревавшие задачи буржуазно-демократической и социалистической революции, записано требование установления диктатуры пролетариата.

Указывая на особые условия, в которых разворачивалась русская революция, В. И. Ленин писал, что истории известны буржуазные революции, где торгово-промышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна как победа определенного слоя буржуазии над ее противниками (например, привилегированного дворянства или неограниченной монархии). «Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,— все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый характер*»¹⁹.

Этот особый характер — главная черта революции—состоял в том, что, являясь буржуазной по своему социально-экономическому содержанию, она была пролетарской по формам, методам и средствам

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 283.

¹⁵ Там же, стр. 454—455.

¹⁶ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 498, 305, 582—583.

¹⁷ См. А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906, стр. XVI, XVII, XX, 51, 52; А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 207, 418, 438, 565.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 251.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 44.

борьбы, которые в ней применялись, и по руководящей роли, которую в ней играл пролетариат; крестьянской — поскольку аграрный вопрос был в ней главенствующим, составлял ее экономическую основу, определял ее национальную особенность, и народной, так как весь народ, т. е. пролетариат и крестьянство, принимал активное участие в ней, выступая со своими самостоятельными экономическими и политическими требованиями.

Этих особенностей буржуазной революции эпохи империализма не признавали меньшевики, находившиеся в плену старых, безжизненных схем. Оперировавшие общими, абстрактными понятиями, меньшевики весьма убого трактовали самую категорию «буржуазная революция». «Начиная с женевских газет „Вперед“ и „Пролетарий“ и продолжая брошюрой „Две тактики“, — писал В. И. Ленин, — русские большевики всегда основу своей борьбы с меньшевизмом видели в извращении правых с-д понятия: „буржуазная революция“. Сотни раз говорили мы и показывали на бесчисленных заявлениях меньшевиков, что понимать категорию „буржуазная революция“ в смысле признания за буржуазией главенства и руководящей роли в русской революции есть оплошление марксизма»²⁰.

На V съезде РСДРП в докладе «Об отношении к буржуазным партиям» В. И. Ленин вновь подчеркивал, что большевики и меньшевики расходились в понимании категории «буржуазная революция» и «в оценке практически-политических выводов из нее»²¹.

Меньшевики в содержание категории «буржуазная революция» включали ряд условий, без которых, по их мнению, победа революции подобного типа невозможна. Например, меньшевик А. Мартынов рассматривал стихийность движения и анархию атрибутом такой революции. Буржуазная революция, писал Мартынов, «невозможна без дезорганизации государственной власти. В этом смысле „анархия“ есть необходимое условие всякой революции, и если пролетариату выгодна длительность революции, то ему выгодна также длительность такой анархии»²². В этом определении наглядно проявилась антинаучная методология меньшевизма, не представлявшая себе массового революционного движения без наличия в нем стихийности, граничащей с анархией.

Одновременно Мартынов демонстрирует беспомощность в анализе одного из сложнейших вопросов всякой революции — соотношении стихийности и сознательности, диалектики их взаимодействия. Элемент стихийности присущ каждой революции, а тем более такой, какой являлась революция 1905—1907 гг., в которой участвовали десятки миллионов людей. Но оппортунизм Мартынова состоял в принижении деятельности активного и сознательного авангарда самого революционного класса — пролетариата и его политической партии, которая имела научно обоснованную программу антиабсолютистского переворота.

Партия российского пролетариата, большевистская партия, осознавая материальные условия переворота, как отмечал В. И. Ленин, и ставшая во главе передовых классов²³, являлась главным идейно-политическим и организующим центром народной революции. Партия готовилась и готовила пролетариат и крестьянство к революции. Именно партия воплощала в себе сознательность в смысле руководства политической армией буржуазно-демократической революции, определения ее победонос-

²⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 14, стр. 184.

²¹ Там же, т. 15, стр. 330.

²² А. Мартынов. Старые схемы и современная действительность. «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 2.

²³ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 31.

ной стратегии и тактики. Между тем Мартынов, развивая свои взгляды на «механизм» буржуазной революции, пришел к выводу, что для ее успеха необходимо образование и развитие «открытой политической организации общественных сил, борющихся со старым порядком». Иначе, считал он, «это будет не революция, а бунт, или ряд бунтов»²⁴. Эта аморфная, открытая политическая организация, по мысли меньшевистского автора, должна взять на себя руководство революцией.

Нетрудно догадаться о политической подоплеке рассуждений Мартынова, являвшейся на деле плохо замаскированной попыткой отстранить от руководства революцией сознательный авангард пролетариата — его партию. Будучи одним из видных теоретиков оппортунизма в российской социал-демократии, Мартынов отстаивал главный постулат меньшевизма, согласно которому победа революции буржуазного типа невозможна без гегемонии буржуазии и ее партии.

Позиция Мартынова, указывал В. И. Ленин, которую разделяло большинство меньшевиков²⁵, его толкование и понимание категории «буржуазная революция» «ведет прямоком к предательству дела пролетариата в руки буржуазии»²⁶.

Ненаучное, антимарксистское понимание категории «буржуазная революция» накладывало отпечаток на всю политику и тактику меньшевиков по всем коренным вопросам революционных классовых боев 1905—1907 гг., и прежде всего на определение движущих сил революции, ее класса-гегемона. Меньшевики больше всего боялись, что решительные действия пролетариата отпугнут буржуазию. «Как бы не отшатнулась буржуазия!» — вот в чем заключалась суть тактики меньшевиков, тактики предательства революции, тактики, которая пыталась превратить пролетариат в бессильный придаток буржуазии.

Еще накануне революции, выступив с относительно законченной по существу платформой дезориентации пролетариата, меньшевики не ограничились одними словесными реверансами в пользу либеральной буржуазии. Достаточно веское подтверждение этому — письмо меньшевика Н. Иорданского (Негорева) от 18 мая 1904 г. лидеру «освобожденцев» П. Струве. Написанное в преддверии революции, оно вполне ясно определяло позицию меньшевизма по отношению к либеральной буржуазии. «Я не вижу никакой необходимости, — писал Иорданский, — концентрировать внимание на борьбе с „Освобождением“, которое является наиболее ценным сотрудником и союзником социал-демократов в России по дороге к политической свободе»²⁷.

В начавшейся революции борьба двух направлений в российской социал-демократии вокруг вопроса о том, какую роль сыграет пролетариат — роль пособника буржуазии или роль вождя народной революции, — ставилась непосредственно на почву практики. «Суть спора между обоими крыльями русской социал-демократии, — писал В. И. Ленин, — лежит в решении, признавать ли гегемонию либералов, или стремиться к гегемонии рабочего класса в буржуазной революции»²⁸.

Большевистское, ленинское крыло партии было вооружено решениями III съезда РСДРП, выдающейся работой В. И. Ленина «Две тактики

²⁴ А. Мартынов. Старые схемы и современная действительность «Отклики современности», 1906, № 3, стр. 3 (разрядка наша. — Авт.).

²⁵ Позицию Мартынова в этом вопросе разделяли меньшевики Черевани, Громай, Мартов, Иорданский и др. См., напр., «Вопросы момента», М., 1906, стр. 47—48, 50. См. также Н. Иорданский. Задачи революции. СПб., 1906, стр. 8.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 85.

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 302, оп. 1, ед. хр. 48, л. 295.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 45.

социал-демократии в демократической революции», в которых с позиций творческого марксизма были всесторонне проанализированы особенности русской революции, обосновано положение о гегемонии пролетариата и его союзе с крестьянством, о классовом характере и форме государственной власти, о революции, ее перспективах, о возрастании роли и значения пролетарской партии, о формах и методах борьбы рабочих и крестьян.

Краеугольным камнем всей стратегии и тактики партии являлась ленинская идея о гегемонии пролетариата в народной революции. Это важнейшее положение было принято и получило силу партийного закона в решении III съезда партии, которое гласило: «Пролетариат, будучи по своему положению наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении в России»²⁹. Оно свидетельствовало о решимости российского пролетариата возглавить всенародную борьбу против самодержавия и довести ее до победы. Решения же конференции меньшевиков в Женеве определялись их главной линией на превращение пролетариата в пассивного участника и скромного «чернорабочего» буржуазно-демократической революции.

По мысли меньшевиков, победа революции в России должна была поставить у власти буржуазию, как это было в предшествовавших буржуазных революциях в западноевропейских странах XVII—XIX вв., и открыть эпоху «мирного, конституционного» развития капитализма. Пролетариат должен был в этот период политически просвещаться, количественно расти, накапливать силы и готовиться к социалистической революции, которая, однако, рассматривалась меньшевиками как весьма отдаленная перспектива.

Сдерживая революционную активность пролетариата, меньшевики ограничились абстрактными пожеланиями о том, чтобы «пролетариат завоевал себе в ходе буржуазной революции наиболее важные позиции, которые могли бы обеспечить ему успех в дальнейшей его борьбе за социальное свое освобождение»³⁰. В резолюциях меньшевистской конференции не было ничего сказано об условиях, обеспечивающих гегемонию пролетариата в революции (отсутствовало даже самое слово «гегемония» пролетариата). Меньшевики обошли и вопрос о союзниках рабочего класса в революции, отвергли даже мысль о возможности перерастания ее буржуазно-демократического этапа в социалистический и т. д.

В. И. Ленин определил, что тактические лозунги Женевской конференции совпадают с лозунгами конституционно-демократической партии. Тем самым в начале революции меньшевизм вновь оказался в хвосте либеральной буржуазии³¹. Знаменательно, что взгляды меньшевиков относительно расстановки классовых сил в революции полностью смыкались со взглядами духовного отца ревизионизма, немецкого социал-демократа Эд. Бернштейна, который утверждал, что революция в России может быть только буржуазно-либерально-демократической и пролетариат в этой революции не сможет быть господствующим классом³². Руководствуясь глубоко ошибочной теорией о двух политических лагерях, выступавших в революции, пущенной в оборот самой буржуазией,

²⁹ «Третий съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 450.

³⁰ «Первая общерусская конференция партийных работников». Отдельное приложение к № 100 «Искры». Женева, 1905, стр. 19.

³¹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 32—39, 109.

³² См. Э. Бернштейн. Революция и Россия. В кн. «Освободительная библиотека». Сб. 1, СПб., 1906, стр. 318.

меньшевики считали, что все классы, участники буржуазной революции, подразделялись на два лагеря — правительственный и революционный. При этом либеральную буржуазию меньшевики не просто зачисляли в лагерь революции, но и считали ее ведущей силой, выразительницей интересов всех социальных сил этого лагеря. Разоблачая эти взгляды меньшевиков, В. И. Ленин указывал, что в революции выступают не два, а три самостоятельных классовых лагеря, имеющих свою программу и тактику. В России, подчеркивал В. И. Ленин в работе «Политические партии за 5 лет третьей Думы», «*борются и будут бороться три главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики*»³³. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, рабочий класс мог проводить свою, а не либеральную рабочую политику. Теоретики меньшевизма плелись в хвосте демократической фразеологии либеральной буржуазии, попались на их уловку.

Исходя из наличия «двух политических лагерей» в революции, меньшевики выдвинули теорию «общенациональной революции». Основу ее составляла абсолютизация опыта ранних буржуазных революций в Западной Европе, в которых антагонизм между пролетариатом и трудящимися массами, с одной стороны, и буржуазией — с другой, не проявился в полной мере. Эта теория провозглашала самобытность России, где государство закрепощало и угнетало якобы все классы и сословия, создавая их общность в борьбе против самодержавия. Большевики утверждали, что революция 1905—1907 гг. воочию продемонстрировала антагонизм царизма со всеми классами русского общества. В России, считал, например, Мартов, все классы находились под тиранией самодержавия. Связь этих классов, писал он, напоминает связь, которая соединяет двух каторжников, закованных на одной цепи и вынужденных влечь одну и ту же тачку³⁴.

Исходя из этой надуманной теории, меньшевики сознательно закрывали глаза на антагонизм между пролетариатом и буржуазией, старались изобразить его незначительным, находящимся в зачаточном состоянии. По этой теории, пролетариат и буржуазия, имея немалую общность классовых интересов и общего врага — царское самодержавие, борются «во имя достижения общенациональных интересов». И в этой борьбе пролетариат играет роль придатка либеральной буржуазии.

В статьях «Обывательщина в революционной среде» (1906 г.) и «К вопросу об общенациональной революции» (1907 г.) В. И. Ленин подробно останавливается на меньшевистской интерпретации тезиса «общенациональная революция», указывает, что понятие «общенациональная революция» носит слишком общий характер и поэтому не может служить критерием тактики для марксистской партии. Политическая подоплека меньшевистской теории «общенациональной революции», подчеркивает В. И. Ленин, заключается в игнорировании и затемнении классовых противоречий, уже вскрытых ходом русской революции. Эта теория вела к превращению пролетариата из передового борца, ведущего *самостоятельную* революционную политику, в придаток либеральной буржуазии, чего последняя сама и добивалась³⁵. Большевизм явно припирал требования кадетов.

Концепцию общенационального антагонизма, затуманивавшую самостоятельные классовые цели пролетариата, меньшевики отстаивали

³³ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 172.

³⁴ См. Л. Мартов. Кадеты в затруднении. В сб. «Отклики». Кн. 1, 1906, стр. 13.

³⁵ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 14, стр. 51.

на всем стратегическом этапе буржуазно-демократической революции вплоть до Великого Октября.

Между тем практика революции с первых же ее дней опрокинула меньшевистские измышления о том, что российскому пролетариату предстоит еще пройти длительную школу политической подготовки у либералов.

В январские дни пролетариат России, как никогда раньше, показал высокую политическую сознательность и классовую солидарность. Число стачечников в январе достигло, по неполным официальным данным, 444 тыс. человек³⁶. За один месяц бастовало рабочих больше, чем за предшествующие десять лет. На политическую направленность январских стачек указывали и царские власти. В отчетах отдела промышленной статистики Министерства торговли и промышленности на вопрос о причинах январских забастовок 1905 г. часто приводились следующие ответы: «Желают выразить сочувствие погибшим 9 января 1905 г.» ...«Политическая забастовка без предъявления каких-либо требований»³⁷. В течение первой революционной волны (январь—март 1905 г.) количество бастующих превысило 810 тыс. человек, из которых почти половина — участники политических стачек³⁸. Знаменательным в начавшемся революционном движении пролетариата было и то, что в качестве решающих форм борьбы с самодержавием выдвигались всеобщая стачка и вооруженное восстание. «Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание», — писал В. И. Ленин в январе 1905 г.³⁹

Борьба российского пролетариата, носившая в своих политических требованиях общенародный характер, не могла не вызвать сначала понимания и сочувствия, а затем и прямой поддержки со стороны крестьян. Констатируя влияние борьбы пролетариата на крестьян, В. И. Ленин в марте 1905 г. писал: «...Городское рабочее движение приобретает нового союзника в революционном крестьянстве»⁴⁰.

Деятельность большевиков была направлена на всемерное развитие крестьянского движения, повышение уровня организованности и сознательности, укрепления союза рабочих и крестьян. Этому служила и аграрная программа большевиков, разработанная В. И. Лениным. Выдвигая главным требованием конфискацию помещичьих и национализацию всех земель, она отвечала интересам борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, создавала благоприятные экономические и политические условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Не понимая особенностей буржуазной революции в России, не признавая ее крестьянский характер, меньшевики обвиняли в ошибках большевиков, которые видели в крестьянстве «надежного союзника пролетария»⁴¹.

³⁶ Данные о стачечной борьбе пролетариата в революции заимствованы из официальной статистики. «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.». Сост. В. Е. Варзар. СПб., 1908; «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг.». Сост. В. Е. Варзар. СПб., 1910. Необходимо отметить, что в данном случае составитель В. Е. Варзар не учитывал стачки рабочих на транспорте, в горной и военной промышленности, на заводах Сибири, Средней Азии, Кавказа, а также на предприятиях с числом рабочих менее 10—15 человек.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, 1905 г., оп. 17, д. 314, лл. 2—3, 29, 31.

³⁸ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 216.

³⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 208.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XV, стр. 439; В. Горн, Г. Меч, Н. Череванин. Борьба общественных сил в русской революции. Вып. II. М., 1907, стр. 57.

Отстаивая свою точку зрения, теоретики меньшевизма пытались заручиться поддержкой со стороны западноевропейской социал-демократии. В 1906 г. Г. В. Плеханов обратился к К. Каутскому с рядом вопросов. В одном из них Г. В. Плеханов спрашивал, «какова должна быть позиция социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая, по-своему, тоже борется за политическую свободу?»⁴²

В данном вопросе Плеханова полностью обнажается основная методологическая ошибка меньшевиков в выяснении роли крестьянства как одной из основных движущих сил революции. Меньшевики не понимали, какие именно элементы буржуазии могут в союзе с пролетариатом осуществить победоносную буржуазно-демократическую революцию. Меньшевики путали вопрос о роли крестьянства в демократической революции с ролью буржуазной демократии вообще.

«И крестьянство и либералы, — отмечал В. И. Ленин, — подходят под научное понятие „буржуазной демократии“, по отношению пролетариата к этим двум разновидностям „буржуазной демократии“ неизбежно должно быть существенно различным»⁴³.

В работе «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?» (1906 г.) В. И. Ленин раскрывает положение крестьянства как той части радикальной буржуазной демократии, которую объективные причины толкают на глубокий демократический переворот. Крестьянство, пишет В. И. Ленин, есть тоже «буржуазная демократия», но совсем иного «цвета», чем кадеты или октябристы. «Перед этой буржуазной демократией, независимо от того, чего она хочет, поставлены историей цели действительно революционные по отношению к „старому порядку“ в России. Эта буржуазная демократия вынуждена бороться против самых основ помещичьей власти и связанной с нею старой государственной власти. Эту буржуазную демократию объективные условия не „вынуждают“ стремиться всеми силами к сохранению старой власти, к завершению революции путем сделки со старой властью. Эта буржуазная демократия является поэтому, по ее тенденциям, — обусловленным тем, что она вынуждена делать, — революционной демократией»⁴⁴.

Таким образом, объективные причины революционности крестьянства России крылись в его социально-экономическом положении. Но чтобы революционные потенции крестьянства привести в широкое действие, придать борьбе крестьян по возможности более зрелый политический характер, крайне необходимы были широко развернутая, целенаправленная классовая борьба пролетариата как гегемона революции, руководство большевистской партии революционными выступлениями трудящихся. Именно революционная борьба пролетариата и, в первую очередь, волны массовых стачек рабочего класса в 1905 г. пробудили и подняли крестьянство на революцию⁴⁵.

Меньшевики пытались всячески преуменьшить и даже вовсе замолчать факт воздействия борьбы рабочего класса на крестьянское движение. Идеино-политический смысл этого замалчивания состоял в отрицании возможности союза пролетариата и крестьянства и руководящей роли пролетариата в нем. В соответствии со своей реформистской политической линией, меньшевистские историки пытались представить развернувшееся в 1905 г. массовое крестьянское движение как «смуту» и

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 264, оп. 1, ед. хр. 126, л. 4; см. также К. Каутский. Соотношение общественных сил в России. М., 1907, стр. 21.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 386.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 150—151.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 316.

«бунт», направленные якобы не на ликвидацию остатков крепостничества, уничтожение помещичьего землевладения и власти помещиков в деревне, а лишь на удовлетворение чисто местных нужд крестьян. Так, меньшевик Е. Маевский, вопреки историческим фактам, утверждал, что борьба крестьян в революции по своему характеру «мало чем отличалась от крестьянских беспорядков 1902 г. и выражалась в разгромах и расхищении имений»⁴⁶. В целом, заключал меньшевистский автор, русская деревня 1905—1907 гг. «продолжала жить, в сущности, вне общественно-политической жизни», и главный вопрос своей борьбы — земельный, крестьяне еще не связывали с политическими вопросами, с борьбой за волю в широком понимании этого слова⁴⁷.

Выступления крестьян в период высшего подъема революции меньшевики пытались объяснить влиянием царского манифеста 17 октября и «свособразным» толкованием его крестьянами. П. Маслов в работе «Крестьянские движения в России в эпоху первой революции», претендуя на объективность исследования борьбы крестьян в 1905—1907 гг., в специальной главе, посвященной крестьянскому движению после 17 октября 1905 г., подчеркивал, что «поводом осеннего движения (крестьян. — Авт.) во многих местах, как это ни странно, явился манифест 17 октября»⁴⁸. Меньшевистский историк ни одним словом не обмолвился о значении Всероссийской Октябрьской политической стачки для развития революционной борьбы крестьян. П. Маслов вообще игнорировал взаимосвязь крестьянских выступлений и рабочего движения на всем протяжении первой русской революции. В этом, как и во многих других вопросах, меньшевики смыкались с оценками, данными либеральной буржуазией⁴⁹.

Безусловно, вырванная пролетариатом у царизма уступка в виде манифеста 17 октября и завоеванные на время ограниченные политические свободы создавали более благоприятные условия для ведения агитации и пропаганды в деревне, что не могло не сказаться на пробуждении политической активности крестьян, на росте крестьянского движения. Но ведь издание манифеста было прежде всего результатом революционной борьбы пролетариата с самодержавием. Говоря словами В. И. Ленина, успех Всероссийской политической стачки сказал «больше уму и сердцу мужика, чем сбивчивые слова каких угодно манифестов и закопов»⁵⁰.

Практика революции показала, что рабочий класс являлся главным двигателем революции, «главной пружиной общего направления событий». Движение других классов, и в первую очередь крестьянства, группировалось вокруг этого центра, за ним следовало, им направлялось или определялось, от него зависело⁵¹. «Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно „союзом сил“ пролетариата и крестьянства... Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в „итогах“ русской революции»⁵².

⁴⁶ «Общественное движение в России в начале XX века». Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 1. СПб., 1909, стр. 60.

⁴⁷ «Общественное движение в России в начале XX века», т. 1. СПб., 1909, стр. 62, 119.

⁴⁸ П. Маслов. Крестьянское движение в России в эпоху первой русской революции. Изд. 2. М., 1924, стр. 70. См. также стр. 22, 76.

⁴⁹ См. Б. Веселовский. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 гг.). СПб., 1907; С. Прокорович. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912.

⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 12, стр. 34.

⁵¹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 395; т. 15, стр. 333.

⁵² В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 342.

Это важное достижение первой русской революции отрицали меньшевики. Не хотят понять этого факта и современные фальсификаторы истории нашей первой революции, которые настойчиво пытаются протащить меньшевистские измышления о «реакционности» российского крестьянства, об отсутствии его союза с пролетариатом, определяющего воздействие рабочего движения на революционную борьбу крестьян⁵³. Между тем пагубность подобных утверждений современных западных историков, гальванизирующих меньшевистские оценки борьбы рабочих и крестьян в первой русской революции, очевидна в свете тех материалов (большая часть которых опубликована, а следовательно, доступна для зарубежной историографии), которые находятся в распоряжении современных исследователей.

Произведенный нами подсчет численности рабочих, участвовавших в стачках, и числа крестьянских выступлений по месяцам в сравнении дает возможность более точно очертить периоды революционной борьбы пролетариата и крестьянства и проследить динамику воздействия стачечной борьбы пролетариата на крестьянское движение в первой русской революции. Чтобы отчетливее показать влияние революционной борьбы пролетариата на развитие крестьянского движения в революции 1905—1907 гг., сопоставим периоды борьбы рабочего класса с крестьянскими выступлениями (см. «Приложение» на стр. 59).

Из приведенных данных видно, что на всем протяжении революции крестьянское движение идет вслед за стачечной борьбой рабочего класса. Для начала активной борьбы крестьянству требовалось время на раскачку. По окончании подъема стачечной волны пролетариата число крестьянских выступлений идет на убыль. Чем шире и продолжительнее был размах борьбы пролетариата, тем выше была волна крестьянских выступлений. Спады и паузы в стачечной борьбе рабочего класса вызывали отливы и в крестьянском движении.

Период раскачки был особенно продолжителен в начале революции. Для развертывания активных и массовых выступлений крестьянства в мае — июне 1905 г. потребовались две волны стачечной борьбы пролетариата России, вызванные расстрелом рабочих 9 января в Петербурге и празднованием 1 Мая.

Следующий подъем крестьянского движения, непосредственно связанный с Всероссийской Октябрьской политической стачкой, начинается в конце октября 1905 г., достигая вершины в ноябре, на который приходится (по губерниям Европейской России) свыше половины выступлений крестьян за октябрь—декабрь 1905 г. (796 из 1590). По отдельным губерниям и районам страны размах крестьянского движения в ноябре 1905 г. является еще большим. На ноябрь 1905 г. падает примерно 60% крестьянских выступлений последней четверти года в губерниях Черноземного центра. В губерниях Промышленного центра из 314 крестьянских выступлений в октябре—ноябре 1905 г. 274 имели место в ноябре⁵⁴.

Следует отметить, что размах крестьянской борьбы в декабре 1905 г. также оставался высоким.

Борьба крестьян в октябре—декабре 1905 г. подтверждает ленинское положение об определяющем значении боевых выступлений рабочего

⁵³ См. A. Fischer. Russische Sozialdemokratie und bewaffneter Aufstand im Jahre 1905. Wiesbaden, 1967; L. Shapiro. The communist party of the Soviet Union. Ld., 1970; P. Pomper. The Russian revolution intelligentsia, N. Y., 1970.

⁵⁴ См. П. Н. Абрамов. Из истории крестьянского движения в 1905—1906 гг. в центрально-черноземных губерниях. «ИЗ», т. 57, стр. 301; П. И. Климов. Революционная деятельность в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960, стр. 143—144.

класса в революционизировании деревни. Но даже в период высшего подъема крестьянское движение продолжало отставать и от самого рабочего движения по времени своего развития, и от лозунгов, выдвигающихся пролетариатом под руководством большевиков, что явилось одной из причин поражения первой русской революции.

Весенне-летний (1906 г.) подъем крестьянских волнений начинается в мае, а подъем стачечной волны пролетариата — в апреле. Высшая точка крестьянских выступлений в 1906 г. приходится на июнь. На росте крестьянского движения в мае—июле 1906 г. сказались не только апрельско-майские стачки, но и июльские забастовки пролетариата, вызванные разгоном I Государственной думы и поддержкой рабочими участников Свсаборгского восстания. Революционная активность в деревне усиливалась и влиянием возвратившихся в родные места отходников, которые несли с собой раскаты пролетарского грома периода бури и натиска 1905 г. Апрельско-июньский (1907 г.) подъем крестьянских выступлений (наименьший за годы революции) был также связан с волной стачечной борьбы периода II Государственной думы.

Развитие крестьянского движения под прямым влиянием революционной борьбы пролетариата в 1905—1907 гг. говорило о реальности существования союза пролетариата и крестьянства. Подобного рода процесс имел место во всех губерниях Европейской России, Прибалтики и Кавказа, в которых развернулось массовое крестьянское движение в период революции 1905—1907 гг.⁵⁵ Самым важным фактором в этом процессе была гегемония пролетариата. «... Единственная реальная победа, одержанная революцией, — указывал В. И. Ленин в статье «Исторический смысл внутривластной борьбы в России», — была победой пролетариата, который отбросил либеральные советы идти в булыгинскую Думу и повел за собой крестьянские массы на восстание»⁵⁶.

Поражение революции меньшевики пытались использовать для нападков на тактику большевиков, курс которых на гегемонию пролетариата, его союз с крестьянством и изоляцию либеральной буржуазии они объявляли ошибочным, приведшим в итоге к поражению революции. В своей тактической платформе, представленной к V съезду РСДРП, которая, по меткому замечанию В. И. Ленина, являлась покаивной речью социал-демократов перед либералами, меньшевики заявили, что в силу «неправильного понимания исторической роли городской буржуазии, пролетариат начинает односторонне возлагать все свои революционные надежды на движение... крестьянства»⁵⁷. Поправки меньшевиков к большевистскому проекту резолюции об отношении к буржуазным партиям свидетельствовали о полном непонимании ими роли пролетариата в русской революции. Меньшевикам была глубоко чужда не только идея, но и само слово гегемония пролетариата. Под различными предлогами они пытались заменить слово «вождь» революции применительно к пролетариату словом «авангард», «передовой отряд» или «главный двигатель». Собственно говоря, еще задолго до Лондонского съезда меньшевики в своих писаниях старательно избегали слова «гегемон» по отношению к пролетариату. По свидетельству Мартынова, «меньшевики уже давно, еще до Лондонского съезда стали заменять выражение „вождь революции“ в применении к пролетариату другим выражением — „главная движущая сила“»⁵⁸. Другой лидер

⁵⁵ Подробнее об этом см. В. И. Тропин. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970, стр. 102—127, 155—163.

⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 371. См. также т. 20, стр. 172.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 199.

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 21470, л. 3.

меньшевизма — Аксельрод также указывал, что «в случае политического кризиса русский пролетариат, благодаря всему прошлому своему (имеется в виду революция 1905—1907 гг. — авт.) будет играть более видную роль. Пусть это будет роль авангарда, а не роль гегемона»⁵⁹.

Принципиальное политическое значение этих меньшевистских «поправок» В. И. Ленин разбирает в работе «Отношение к буржуазным партиям» (1907 г.). В ней В. И. Ленин подчеркивает, что определение «вождь» революции является более емким и широким, нежели понятия «авангард», «передовой отряд» или «главный двигатель», поскольку последние являются необходимым элементом признания «задачи пролетариата» руководить другими демократическими классами⁶⁰, но имеют подчиненное значение по отношению к понятиям гегемонии.

Вскрывая политическую сущность меньшевистских попыток подмены одного понятия другим, В. И. Ленин отмечал, что пролетариат может быть главным двигателем и помещичье-урезанной буржуазной революции, может быть главным двигателем победы другого класса, не умея в то же время отстоять интересов своего класса. «Ослабить указание на роль *вождя* в революции, — подчеркивал В. И. Ленин, — значило открыть двери для оппортунизма»⁶¹. Задачу большевиков В. И. Ленин видел в том, чтобы помочь пролетариату от пассивной роли главного двигателя подняться до активной роли вождя революции. В этом, считал В. И. Ленин, гвоздь различия меньшевистской и большевистской тактики в буржуазной революции, поскольку первая тактика мирится на роли пролетариата, как главного двигателя, а вторая тактика направляется к осуществлению им роли вождя, отнюдь не только «двигателя»⁶².

В годы реакции меньшевики открыто отреклись от идеи гегемонии пролетариата, этого коренного положения марксизма, всесторонне обоснованного В. И. Лениным и подтвержденного опытом революции. Обоснование этого отречения составляло поистине главную тематику писаний виднейших меньшевистских авторов. Например, Мартов, которого В. И. Ленин метко окрестил виртуозом «по части облачения реформистских рассуждений, теорий, платформ словечками эффективно-марксистского и эффективно-революционного вида!», на сей раз скинул с себя эту маску и открыто провозгласил, что «роль гегемона для пролетариев отошла уже после 17 октября в прошлое»⁶³. Основным уроком, который вынес меньшевик Мартов из практики революции, заключался в том, что «общественный переворот не может завершиться победой до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее движущей силой»⁶⁴. Ярче, пожалуй, и сказать нельзя!

Обоснованию этой тактики была посвящена также широко разрекламированная меньшевиками серия статей Мартынова «Движущая сила русской революции». Статьи Мартынова изобиловали грубыми выпадами против большевиков. Автор упрекал большевиков в «перешагивании революционной потенции пролетариата». Венцом этих измышлений являлась следующая тирада автора: «Большевистская социал-демократия не понимала, что «явление либерала народу» в 1905 г. и

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 21472, л. 8.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 381.

⁶¹ Там же, стр. 380. См. также т. 17, стр. 373.

⁶² В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 381.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 21472, л. 7.

⁶⁴ Л. Мартов. «Левение» буржуазии. «Возрождение», 1909, № 1—2, стр. 30. См. его же. Заметки журналиста. «Возрождение» 1909, № 5—6, стр. 32.

позже было одним из проявлений организующей политической силы прогрессивной **городской буржуазии**, которая составляла не тормоз для революции, а, напротив того, одно из необходимых условий для ее решительных побед»⁶⁵.

Из вышеизложенного видно, как меньшевики извлекали уроки из «исторического опыта» революционных битв 1905—1907 гг. Анализ их работ свидетельствует о том, что они окончательно перешли на точку зрения либералов: буржуазная революция не может завершиться победой, пока буржуазия не станет ее движущей силой, ее гегемоном.

В работах «О „природе“ русской революции» (1908 г.), «К оценке русской революции» (1908 г.), «„Левение“ буржуазии и задачи пролетариата» (1909 г.) В. И. Ленин вскрывает несостоятельность и ликвидаторскую сущность меньшевистской оценки движущих сил русской революции. Критикуя статьи Мартова в журнале «Возрождение» о «левении» буржуазии, В. И. Ленин подчеркивает, что в них отражается «вся политическая теория нашего меньшевизма со всеми ее выводами»⁶⁶.

Отрицание гегемонии пролетариата, отмечал В. И. Ленин, есть формула самого последовательного реформизма. В. И. Ленин вскрывает истинную суть ликвидаторства меньшевиков, которое состояло «идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и, в частности, в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции»⁶⁷.

Отрицание гегемонии российского пролетариата в революции, утверждения о его незрелости к исполнению этой роли проходят красной нитью через весь меньшевистский пититомпик «Общественное движение в России в начале XX века», начавший выходить в 1909 году, в пору разгула реакции, столыпинщины.

Меньшевистская концепция движущих сил первой русской буржуазно-демократической революции была представлена в этом сборнике с откровенно ликвидаторских позиций. Коллективная работа меньшевистских лидеров ставила целью перечеркнуть основные программные и тактические принципы большевиков, и в первую очередь идею гегемонии пролетариата. По мнению меньшевистских лидеров, российский пролетариат ни в предреволюционный период, ни в годы революции и в последующее время не был готов к роли гегемона.

Все это явно проступает за многословием пухлых томов сборника, призванным придать ему наукообразную, солидную форму. Так, Д. Кольцов изображал рабочее движение в России в предреволюционный период как чисто экономическое, не имеющее опыта политической борьбы. Вследствие этого, считал меньшевистский автор, главным борцом против самодержавия являлась интеллигентская демократия⁶⁸. К Д. Кольцову присоединялся Н. Череванин, утверждавший, что интеллигенция является авангардом по отношению к массе пролетариата⁶⁹. Череванину и Кольцову вторил А. Мартынов, который считал, что весь опыт первой русской революции не дает «права говорить о гегемонии пролетариата в истекший период»⁷⁰. Подобный взгляд проповедовал и А. Потресов⁷¹.

⁶⁵ А. Мартынов. Движущая сила русской революции. «Голос социал-демократов», 1908, № 4—5, стр. 19.

⁶⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 409.

⁶⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 45.

⁶⁸ «Общественное движение в России в начале XX века», т. 1. СПб., 1909, стр. 205.

⁶⁹ См. там же. т. 2, ч. II, кн. 4, СПб., 1910, стр. 196.

⁷⁰ См. там же. стр. 306.

⁷¹ См. там же, т. 1, стр. 569.

С откровенно реформистских позиций фальсифицировал соотношения классовых сил революции П. Маслов. Начав с того, что рабочий класс в предреволюционный период «был исторически молод», не имел «опыта ни в политической, ни в экономической борьбе»⁷², автор свел затем все преимущество пролетариата к количеству. Рассматривая его как чисто физическую силу, автор писал, что это обстоятельство «позволило впоследствии к чрезмерной переоценке сил рабочего класса»⁷³. На этом «основании» Маслов обвинял большевиков в том, что они рассматривали либеральную буржуазию «как безнадежно реакционный класс и ничтожную величину», и безапелляционно заявлял: «Сила и значение буржуазии не только недооценивались, но и историческая роль этого класса рассматривалась вне исторической перспективы»⁷⁴.

В. И. Ленин характеризовал коллективный «труд» меньшевиков как оппортунистическую историю русской революции, историю революции, в которой фактически проагандируется утверждение ренегатов, что пролетариат «переоценил» свои силы, «недооценил» силы буржуазии⁷⁵. «Духом отречения от революции», — писал В. И. Ленин, — веет от статей Череванина, от Потрессова, от всего „Общественного движения“»⁷⁶.

В статье «О некоторых источниках современного идейного разброда» (1909 г.) В. И. Ленин приводит выдержку из статьи Маслова, где последний обвинял большевиков в «переоценке сил рабочего класса» и недооценке силы и значения либеральной буржуазии. Комментируя эту тираду, В. И. Ленин отмечает, что она целиком веховская. «Марксизм» автора пятитомника, пишет В. И. Ленин, брентановский, зомбаровский или струвистский, т. е. в практически-политическом отношении — либерализм, идейная защита крайнего ликвидаторства⁷⁷.

В союзе с меньшевистскими фальсификаторами выступал Троцкий. В 1910 г. совместно с Мартовым в журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit» он опубликовал ряд статей, в которых грубо искажался действительный смысл внутривнутрипартийной борьбы и история революции 1905—1907 гг. Расхождения между большевиками и меньшевиками Троцкий пытался представить как борьбу среди марксистской интеллигенции из-за влияния на «политически незрелый пролетариат». Разоблачая меньшевистско-троцкистские взгляды, В. И. Ленин подчеркивал, что корни борьбы большевиков с меньшевиками лежат в экономическом содержании русской революции. «Революция 1905—1907 годов обострила, сделала открытым, выдвинула на очередь дня антагонизм крестьянства и либеральной буржуазии в вопросе о *форме* буржуазного порядка в России. Политически созревший пролетариат не мог не принять самого энергичного участия в этой борьбе, и отражением его отношения к разным классам нового общества явилась борьба большевизма и меньшевизма»⁷⁸. Борьба большевизма и меньшевизма неразрывно связана с этой историей, как борьба либо из-за поддержки либералов, или из-за высвобождения крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии⁷⁹.

⁷² «Общественное движение в России в начале XX века», т. I. СПб., 1909, стр. 656.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 661.

⁷⁵ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 308.

⁷⁶ Там же, стр. 145.

⁷⁷ Там же, стр. 137.

⁷⁸ Там же, стр. 372.

⁷⁹ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 362.

В меньшевистской литературе настойчиво проводилась мысль, что никакой практической возможности осуществления союза пролетариата с крестьянством не было. Игнорируя факт революционной закалки крестьянства, полученной под руководством пролетариата в классовых боях 1905—1907 гг., меньшевики утверждали, что в России союз численно слабого пролетариата со 100 миллионами крестьян, которые буд-то бы еще не испытали «воспитательного воздействия капитализма», не побывали «в школе капиталистической буржуазии», — перелачен⁸⁰.

Усиленной фальсификации меньшевики подвергли и стачечную борьбу пролетариата. Они выдвинули лживый тезис, что массовая политическая стачка будто бы явилась одним из факторов, который привел к изоляции пролетариата от буржуазно-либерального движения и в конечном итоге — к поражению революции. Причины успеха Всероссийской октябрьской стачки меньшевики видели в том, что ее поддерживали все слои общества, включая и буржуазию. Причины же поражения ноябрьской и декабрьской всеобщих стачек меньшевики связывали с «изменением состава освободительной армии», что обусловило, по их мнению, слабость движения и явилось источником поражения. «Враждебность значительной части капиталистической буржуазии по отношению к новому фазису движения, исчезновение земского либерализма, отхождение, или, в лучшем случае, пассивное сочувствие широких интеллигентских слоев», по мнению Ф. Дана, лежало в основе неудачи этого движения, «делало ее поражение — поражением, ликвидацией целой полосы революционного развития»⁸¹. Утверждение Дана показывало порочность аргументации и его метода исследования. Меньшевистский автор связывал успех специфически пролетарской формы борьбы с преобладанием буржуазных элементов в социальном базисе ее движения, оппозиционность которых быстро улетучилась с появлением царского Манифеста 17 октября.

Высшую точку революции, декабрьское вооруженное восстание меньшевики объявили искусственным, результатом бланкистских действий большевиков. В изданном ими сборнике «Москва в декабре 1905 г.» меньшевики искусственно подобранными фактами пытались подвести документальную основу под печально-известное изречение Плеханова «не надо было братья за оружие». Опровергая эти домыслы, В. И. Ленин научно доказал, что Декабрь был естественным и неизбежным завершением массового революционного движения, нараставшего по всей стране в течение первого года революции. «Об этом свидетельствует даже сухая статистика. Число чисто политических (т. е. не предъявлявших никаких экономических требований) стачечников было: в январе 1905 г. — 123 тысячи, в октябре — 328 тысяч, в декабре — 372 тысячи. И нас хотят уверить, будто этот рост был „искусственный“! Нам преподносят сказки, будто *подобный* рост массовой политической борьбы *наряду* с восстаниями в войсках *возможен* без неизбежного перехода в вооруженное восстание! Нет, это не история революции, а либеральная клевета на революцию»⁸², — гневно заявлял В. И. Ленин меньшевистским фальсификаторам.

Подытоживая результаты героической борьбы российского пролетариата, В. И. Ленин в статье «Исторический смысл внутрипартийной

⁸⁰ См. там же, стр. 359—360; «Die Neue Zeit», 1910, № 51, S. 909. См. также Л. Мартов. Кризис революционной романтики. «Голос социал-демократа», 1909, № 12, стр. 6; «Общественное движение в России в начале XX века», т. 2, ч. 1, стр. 60.

⁸¹ «Общественное движение в России в начале XX века», т. IV, ч. 1, СПб., 1910, стр. 365; Ф. Булкин. Рабочий класс и рабочая партия. СПб., 1914, стр. 165.

⁸² В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 368.

борьбы в России» (1910 г.) отмечал, что «из всех классов русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 годы *наибольшую* политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия, которая вела себя у нас так же подло, трусливо, глупо и предательски, как немецкая в 1848 г., *именно потому* ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 году *достаточно зрел политически*, чтобы вырвать у этой буржуазии *руководство* движением, чтобы беспощадно разоблачить предательство либералов».

Российский пролетариат, подчеркивал В. И. Ленин, «завоевал *себе* роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм»⁸³.

В этом В. И. Ленин, большевистская партия видели главный итог революции в России, который начисто опрокидывал меньшевистские измышления о якобы политической неготовности российского пролетариата для осуществления роли гегемона.

Обобщение и использование большевиками опыта первой русской революции и его главного достижения — гегемонии пролетариата явились тем единственно верным ориентиром, который облегчил и ускорил свержение царизма в феврале 1917 года и победоносный штурм эксплуататорского строя в дни Великого Октября.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сравнительные данные о пролетарском и крестьянском движении в 1905—1907 гг.*.

Период	Число рабочих, участвовавших в стачках (в тыс.)	Число крестьянских выступлений в числителе — количество крестьянских выступлений по кварталам, в знаменателе — отдельно по каждому месяцу)
1905 г.		
январь — март	810	229 17, 109, 103
апрель — июнь	481	935 144, 299, 492
июль — сентябрь	294	474 248, 155, 71
октябрь — декабрь	1977	1590 219, 796, 575
Всего за 1905 г.	2862	3228
1906 г.		
январь — март	269	286 179, 27, 33, 47
апрель — июль	648	1581 160, 739, 682
август — декабрь	190	733 224, 198, 117, 106, 88
Всего за 1906 г.	1107	2600
1907 г.		
Апрель — июль	327	620 193, 211, 216

* См. В. И. Тропин. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. стр. 157—158 и диаграмму на стр. 160.

⁸³ В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 358—359, 371.



ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Член-корреспондент АН СССР И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, Н. В. СИВАЧЕВ

СТРУКТУРАЛИЗМ И СТРУКТУРНО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

XXV съезд КПСС, высоко оценивший роль науки в развитии советского общества, призвал советских ученых к дальнейшему расширению и углублению исследований по наиболее актуальным в практическом и научном отношении направлениям и проблемам. Важные задачи стоят перед общественными науками, в том числе и перед исторической.

Их успешное решение требует повышения идейно-теоретического и научно-методологического уровня исторической науки, совершенствования методов исторического исследования, усиления критики буржуазной и ревизионистской социологии и историографии.

Вопросы теории и методологии всегда занимали в науке, в том числе и в исторической, важное место. Однако современный этап в развитии науки характеризуется возрастанием внимания к теории и особенно методологии научного познания. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, в условиях научно-технической революции наряду с продолжающейся дифференциацией науки, возникновением и выделением новых областей знания идет интенсивный процесс интеграции, переплетения и слияния наук и отдельных их направлений, а также возрастает роль синтеза накопленных знаний и обобщающих исследований. Во-вторых, возникают и получают все более широкое распространение как отдельные принципы и методы, так и целые дисциплины, которые имеют общенаучное значение и применение. Достаточно указать на всевозрастающую роль кибернетики, учения об информации, системного анализа, количественных методов исследования¹. Все эти явления оказывают воздействие и на развитие исторической науки. Наконец, в современной буржуазной историографии, переживающей глубокий идейно-методологический кризис, отчетливо прослеживается тенденция к поискам передовыми учеными выхода из кризиса. Эти поиски ведутся прежде всего в области методологии исторического познания и совершенствования методов исторического исследования.

¹ См. Б. В. Бирюков. Кибернетика и методология науки. М., 1974; И. В. Блауберг, Б. Г. Юдин. Понятие целостности и его роль в научном познании. М., 1972; Э. С. Маркарян. Вопросы системного исследования общества. М., 1972; А. Д. Урсул. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975, и др.

Все это настоятельно выдвигает на первый план методологические проблемы исторической науки. О росте интереса к ним свидетельствуют многочисленные публикации, дискуссии и обсуждения, которые ведутся как в нашей стране, так и за рубежом. Ведущее место проблемы методологии исторической науки занимали и на состоявшемся в августе 1975 г. в Сан-Франциско XIV Международном конгрессе исторических наук².

Из обширного круга общих методологических проблем исторической науки в настоящей статье рассматриваются лишь вопросы, связанные со структурализмом и структурно-количественными методами исследования. Выбор для анализа этих вопросов обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, структурализм получил в современной буржуазной историографии весьма широкое распространение и претендует на роль методологии исторического познания, которая якобы способна вывести буржуазную историографию из глубокого кризиса и сделать ее подлинно научной. Средством, которое позволяет решить эту задачу, являются, по мнению структуралистов, научно-естественные и прежде всего структурно-количественные методы исследования. В этой связи советским историкам надо иметь ясное представление о том, что же представляет собой структуралистская методология исторического познания, каково ее место в буржуазной методологии истории, насколько она действительно преодолевает идейно-методологический кризис буржуазной историографии, в каком соотношении находится с марксистской методологией исторического познания. Судить об этом теперь уже можно не только по тем исходным принципам, на которых основывается структурализм, но и по той историографической практике, которую он имеет, и прежде всего по итогам применения буржуазными учеными структурно-количественных методов в исторических исследованиях.

Во-вторых, структурно-количественные методы исследования, как известно, широко применяются и историками-марксистами. Более того, именно марксистская методология научного познания впервые дала обоснование места и роли структурных и количественных методов исследования в изучении общественной жизни и открыла широкий простор для их применения. Следовательно, сопоставление принципов применения структурно-количественных методов буржуазными учеными и историками-марксистами важно не только для выработки правильного подхода к буржуазной историографии, но и имеет большое значение для практики марксистских исторических исследований, основанных на структурных и количественных методах.

Учитывая все это, авторы настоящей статьи поставили своей целью обобщить наблюдения и выводы советских исследователей по указанным вопросам. Понятно, что такое обобщение, требующее изучения большого круга проблем, ни в коей мере не претендует на полноту и выполнено лишь в первом приближении. Статья состоит из двух частей. В первой из них рассматривается структуралистская методология исторического познания, раскрывается ее основное содержание и выясняется место в буржуазной методологии истории, а также ее соотношение с марксизмом. Во второй части характеризуются те различия,

² См. Е. М. Жуков, О. Д. Соколов. История и общество. К итогам XIV Международного конгресса исторических наук. «Коммунист», 1976, № 2; А. М. Сахаров, С. С. Хромов. XIV Международный конгресс исторических наук. «Вопросы истории», 1976, № 3; С. Л. Тихвинский, В. А. Тишков. Проблемы новой и новейшей истории на XIV Международном конгрессе исторических наук. «Новая и новейшая история», 1976, № 1.

которые имеют место при применении структурно-количественных методов в исследованиях буржуазных и советских историков.

Как известно, методология структурализма разрабатывалась и наиболее активно обсуждалась французскими учеными. Практика же исторических исследований, основанных на структурно-количественных методах, получила особенно широкое распространение в США. Этим обусловлено внимание авторов к французской и американской литературе по данному вопросу.

I

Прежде чем перейти к сути рассматриваемых проблем, необходимо указать на некоторые общие вопросы теории и методологии исторического познания, о которых будет идти речь в дальнейшем. Хорошо известно, что всякое научное познание опирается на определенную теорию и методологию. Теория исторического познания представляет собой совокупность посылок и идей, раскрывающих основные закономерности и черты общественного развития в его целостности. Теория является средоточием знания. Она обобщает основные итоги общественной, в том числе и научной, практики³. Марксистской теорией исторического (и вообще общественного) познания является исторический материализм. Буржуазные теории исторического познания представляют собой разновидности идеализма или вульгарного материализма.

Под методом понимается совокупность общих принципов, путей, способов и приемов познания явлений общественной жизни. Метод обычно отождествляется с методологией. Это не совсем точно. Методология — не просто метод, а учение о методе, т. е. это теория метода, в задачу которой входит обобщение и обоснование методов, применяемых в той или иной области познания. Совокупность положений, обосновывающих определенный метод, является его конкретной методологией.

Метод познания имеет две тесно взаимосвязанные стороны — объективную и субъективную. «Метод включает в себя,— указывает П. В. Копнин,— познание объективных закономерностей, на основе которых возникают приемы или их системы для познания и практического действия. Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, возникшие на их основе приемы исследования и преобразования явлений — субъективную»⁴. Объективная сторона метода опирается на соответствующую теорию познания, поэтому он тесно связан с теорией познания, между ними должно существовать единство. Единство теории и метода последовательно воплощено в марксизме, где теории исторического материализма в полной мере соответствует диалектический метод.

Единство теории и метода является диалектическим. Теория служит основой для выработки метода. Этот же последний направляет на приобретение новых знаний, что ведет к обогащению теории.

Совокупность методов научного, в том числе и исторического, познания весьма разнообразна, и они имеют ряд уровней. Это — методы общепhilosophические, общенаучные, специально научные и частно-, или конкретно-научные. Все эти категории методов

³ П. В. Копнин. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.

⁴ П. В. Копнин. Указ. соч., стр. 508—509.

взаимосвязаны, ибо в объективной действительности имеет место взаимосвязь всеобщего, особенного и единичного.

Основным отличием философского метода научного познания от других его уровней «является не то, что он применим всюду (т. е. обладает свойством всеобщности.— *Авт.*), а то, что он пытается вскрыть закон движения человеческого мышления к истине»⁵. Цель философского метода — раскрыть процесс научного познания в целом, определить тенденции его развития, способствовать его обогащению новыми методами.

Общепознавательными являются методы, которые применяются во многих науках. К числу таких методов относятся, например, формально-логический, индуктивный, дедуктивный, системный, кибернетический и др. Они отличаются от философских методов тем, что охватывают процесс познания не в целом, а лишь его отдельные аспекты и тенденции.

К специально научным методам относятся такие, которые используются в отдельных науках. Например, историко-сравнительный метод, хотя и применяется в ряде наук, но присущ, прежде всего, исторической науке.

Частно-, или конкретно-научные методы рассчитаны на изучение конкретных явлений и процессов, исследуемых в той или иной науке.

Высказываются мнения, что методы, имеющие узкое применение (в данном случае это — специально и конкретно-научные методы), являются методиками⁶. С этим едва ли можно согласиться. Различие между методом и методикой не сводится к диапазону применения.

Метод определяет принципы и пути, способы и приемы познания, практическая реализация которых невозможна без определенных правил и процедур. Разработка таких правил и процедур исследования и есть предмет методики. Всякий метод опирается на определенную методику, но она не тождественна ему, а составляет один из его компонентов.

Наконец, для проведения любого исследования необходимы соответствующие орудия и инструменты в широком их понимании, т. е. не только как материальные средства. Их совокупность и составляет технику научного исследования.

Таким образом, метод научного познания на любом своем уровне складывается из трех компонентов:

конкретной методологии, т. е. теории метода, на основе которой определяются принципы и пути, способы и приемы познания исследуемого объекта;

методики, формулирующей правила и процедуры реализации способов и приемов познания;

техники, представляющей совокупность орудий и инструментов, необходимых для исследования.

Все компоненты, составляющие метод познания, тесно взаимосвязаны. Взаимосвязь эта является диалектической, идет как сверху вниз, так и наоборот. Поэтому на развитие и совершенствование методов познания оказывают воздействие все его компоненты. Например, применение новой техники исследования требует совершенствования методики и углубления конкретной методологии познания. Общая эффективность метода

⁵ П. В. Копнин. Указ. соч., стр. 517.

⁶ См. П. В. Копнин. Указ. соч., стр. 520.

научного познания определяется, во-первых, тем, в какой мере теория, на которую он опирается, всесторонне и глубоко раскрывает основную суть и закономерности исследуемых объектов, и, во-вторых, тем, насколько гармонично сочетаются и являются адекватными составляющие его компоненты.

Таковы некоторые предварительные замечания, которые следует иметь в виду при оценке сущности структурализма и структурно-количественных методов, определении их места в современной исторической науке.

* * *

Наиболее широко распространенным в современной буржуазной исторической науке является субъективистское направление в методологии исторического познания. Объектом исторического познания здесь выступают отдельные события и прежде всего их индивидуальные и неповторимые стороны и черты. Поэтому это направление и называют событийной историографией.

Сущность методологии познания субъективистской историографии хорошо известна. Напомним лишь ее основные принципы с тем, чтобы в дальнейшем более отчетливо вырисовывались те отличия, которые имеет сравнительно с ней структуралистская методология исторического познания.

Прежде всего, представители субъективистской историографии, абсолютизируя, с одной стороны, индивидуальное и неповторимое, а с другой — момент изменения и движения в общественной жизни, отрицают наличие внутренней обусловленности и объективной закономерности в историческом развитии. Если историк, по мнению субъективистов, и оперирует понятием закономерности, то это не более как чисто мыслительная категория. Они считают, что в практике исторического исследования историк может лишь показать «как это было», установить последовательность событий и выявить побудительные мотивы и непосредственные причины действий их участников. При этом истоки мотивов и причин, как правило, усматриваются в факторах индивидуально-психологических или внешних по отношению к общественной жизни (природно-географических, биологических, психических и т. д.), т. е. объяснение и интерпретация строятся на субъективно-идеалистической или вульгарно-материалистической основе.

Таким образом, субъект, индивидуальность, неповторимость и изменчивость его действий — таково, по мнению субъективистов, главное содержание и особенность объекта исторического познания.

С другой стороны, в процессе научного исторического познания решающая роль отводится познающему субъекту. Теория и метод познания всецело подчинены этому субъекту и лишены всякого объективного содержания. Абсолютизация роли познающего субъекта в современной буржуазной методологии общественного познания достигла своего апогея в экзистенциализме. Экзистенциалисты, и в частности один из их крупнейших и виднейших представителей — Поль Сартр, в философии научного познания исходят из того, что основой научных знаний является не объективный мир, а духовное творчество познающего субъекта. Человек, по мнению экзистенциалистов, брошен в мир без сущности, этот мир — лавина переживаний, и человек сам создает его сущность, а вся картина окружающего — творение разума познающего субъекта.

Основой абсолютной роли субъекта как источника и творца знаний является трансцендентное, изначально данное ему восприятие⁷.

Черты, присущие субъективистскому направлению в буржуазной методологии исторического познания, нашли свое наиболее яркое выражение в широком распространении презентизма в современной буржуазной историографии. Презентизм отождествляет прошлое с настоящим и рассматривает настоящее как единственную основу для познания прошлого. Поскольку события прошлого якобы индивидуальны, неповторимы и невозпроизводимы, а их отражение в источниках будто бы является всецело субъективным, то познать прошлое как нечто объективное невозможно, и судить о нем историк может только на основе настоящего. Один из основоположников презентизма, американский историк Карл Беккер, писал еще в 1926 г.: «Вся канва фактов и их связь — творение историка. Эти факты не имеют никакого отношения к истории. Они — настоящее. Вне историка нет истории»⁸.

Научное познание прошлого презентизм подменяет субъективным представлением о нем историка. Последний либо чувственно переживает события прошлого, либо рационалистически их реконструирует. И то, и другое он делает на основе собственного опыта, а опыт историка — это современность. Таким образом, история как наука упраздняется. Ее место занимает калейдоскоп представлений историков о прошлом. Историй столько, сколько историков. В этих представлениях нет и не может быть какой-либо преемственности и движения, присущих науке. Старые представления просто отбрасываются и на смену им приходят новые, поскольку личный опыт отдельных историков индивидуален.

Естественно, что при таком подходе исторические исследования могут носить только описательный характер. Определяющая роль теории и методологии в историческом исследовании фактически отрицается. Методы исторического исследования превращаются исключительно в субъективную категорию, необходимость их совершенствования в свете общего прогресса науки исключается, а возможность установления истинности исторического знания отвергается.

Субъективистско-релятивистская методология исторического познания уже давно привела буржуазную историческую науку к глубокому кризису. Современный презентизм вообще завел ее в тупик. История при таком подходе фактически утрачивает свои важные научно-познавательные и воспитательные функции в деле общественного прогресса.

Господство указанных черт и тенденций в развитии новейшей буржуазной историографии не могло не породить чувства неудовлетворенности среди передовой части буржуазных ученых, не могло не заставить их искать выход из того тупика, в котором оказалась буржуазная историография. Необходимость этих поисков становилась тем более очевидной, что кризис буржуазной историографии протекает в условиях успешного развития марксистской исторической науки, позиции которой в мировой историографии после второй мировой войны непрерывно расширялись и укреплялись, а ее воздействие на буржуазную историографию усиливалось. Все это и обусловило обращение буржуазных историков к структурализму.

⁷ См. Э. Ю. Соловьев. Экзистенциализм и научное познание. М., 1967; «Философия марксизма и экзистенциализма». М., 1971; Т. М. Ярошевский. Личность и общество. М., 1973; Т. А. Сахарова. От философии существования к структурализму. М., 1974 и др.

⁸ С. L. Becker. What are Historical Facts? «The Western Political Quarterly», vol. VIII, № 3, 1955.

Структурализм как методология научного познания не представляет собой чего-то совершенно единого. Он включает в себя целый комплекс направлений, объединенных тем, что изучение структур рассматривается как центральный момент в процессе познания, т. е. понятие структуры а л и з м является собирательным.

Структурализм возник в первые десятилетия XX в. в лингвистике. Основоположником его был швейцарский ученый Фердинанд де Соссюр. Он выдвинул идею системности языка, разработка которой привела к крупным успехам в языкознании. Из языкознания структурализм стал распространяться в другие области (литературоведение, психология и др.), а со второй половины XX в. начал проникать и в историческую науку. Структуралистская методология научного познания, как уже отмечалось, наиболее активно разрабатывалась французскими учеными. Виднейшую роль в этой разработке, а также во внедрении структурализма в историческую науку сыграл известный французский этнограф Клод Леви-Стросс. Он является основоположником исторического структурализма⁹.

Тот факт, что методология структурализма наиболее активно разрабатывалась французскими учеными, не случаен. В буржуазной методологии научного познания структурализм выступил как антигега субъективистской идеологии, доведенной до крайности французским экзистенциализмом. В области исторической науки передовые буржуазные ученые не могли принять ограничения субъективистами сферы исторического познания изучением индивидуального и неповторимого, абсолютизации роли познающего субъекта, приводившей к отрицанию какого-либо объективного знания, противопоставлению наук естественных и общественных, исключению всякой возможности применения точных методов исследования в истории.

Поиск выхода из того тупика, в который завела историческую науку субъективистско-релятивистская методология исторического познания, естественно, должен был начаться с критики основополагающих посылок этой методологии и выработки новых принципов исторического познания. В каком направлении шла эта критика, какие принципы выдвигались и какими путями и методами предполагалось их реализовать,— все это было достаточно отчетливо изложено в серии работ К. Леви-Стросса, вышедших в 50—60-х годах, и прежде всего в его книге «Структурная антропология (1958 г.)»¹⁰. После ее выхода появилась огромная литература о структурализме и его методологии исторического познания. Однако основополагающие идеи, выдвинутые К. Леви-Строссом, остаются «классическими». Поэтому авторы статьи, излагая суть струк-

⁹ Среди марксистских исследователей изучением структуралистской методологии научного познания занимались прежде всего философы. См., напр., «Основные направления структурализма», М., 1964; Л. Сев. Современная французская философия. М., 1968; Е. М. Мелитинский. Клод Леви-Стросс и структурная типология мифов. «Вопросы философии», 1970, № 7; его же. Только этнология? «Вопросы литературы», 1971, № 4; А. А. Медникова. Критический анализ идей и методов К. Леви-Стросса. «Вопросы философии», 1971, № 11; М. Н. Грецкий. Французский структурализм. М., 1971; Т. М. Ярошевский. Указ. соч.; Л. Н. Филиппов. Структурализм. «Буржуазная философия XX века». М., 1974; Т. А. Сахарова. Указ. соч.; Ш. Парен. Структурализм и история. «Структурализм „за“ и „против“». М., 1975. Проблемам структурализма посвящен также специальный номер журнала французских коммунистов «La Pensée» (1967, № 135).

¹⁰ C. Lévi-Strauss. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958.

туралистской методологии исторического познания, опираются в основном на эту работу.

В поисках новой методологии общественного познания противники субъективистски-релятивистского подхода исходили из стремления предельно устранить субъективный момент как в объекте познания общественных наук, так и в самом процессе познания. «Сознание,— писал К. Леви-Стросс,— предстает как скрытый враг наук о человеке и в своем аспекте спонтанности, имманентном объекту наблюдения, и в аспекте рефлексии — осознания сознания,— присущем ученому»¹¹. Структуралисты стремились преодолеть заблуждения и предрассудки традиционной буржуазной философии и превратить изучение общественной жизни «из метафизического знахарства» и сентиментально-политической болтовни в науку»¹².

Поставив вопрос таким образом, структуралисты прежде всего должны были указать на те проявления общественной жизни, которые, по их мнению, были свободны от субъективного момента, не подвергались осознанному воздействию со стороны их участников. К числу таких проявлений или выражений общественной жизни они и относят структуры. Так в объекте исторического познания главенствующую роль вместо субъекта заняла структура.

Структуралисты, естественно, не могли не видеть, что далеко не все общественные структуры свободны от субъективного воздействия. Поэтому, следуя принципу устранения этого момента из объекта познания, они выделили категорию так называемых бессознательных структур. Изучение именно этих структур и должно быть, по их мнению, главной задачей историков. Исследователь, указывает К. Леви-Стросс, «посвящает свой анализ главным образом бессознательным элементам социальной жизни»¹³. Изучая общественную жизнь, он должен прежде всего выявить «всю совокупность несознательных структур»¹⁴. Исследуя подобные структуры, историк получает возможность понять и объяснить многие другие явления и стороны исторического развития, так как бессознательная деятельность людей всегда имеет одни и те же формы «для древних времен и современности», а «структуры одного типа могут повторяться на самых различных уровнях пространства и времени»¹⁵. Поэтому достаточно, подчеркивает К. Леви-Стросс, «выявить бессознательную структуру в основе каждого института и каждого обычая для того, чтобы обрести принципы обоснованной интерпретации других институтов и других обычаев»¹⁶.

Совокупность бессознательных структур в общественной жизни, по мнению структуралистов, весьма обширна. Такие структуры присущи брачным, родственным и семейным отношениям, системам мифов и преданий, обычаев и традиций, разного рода общественным институтам и т. д.

Экономическое развитие, считал К. Леви-Стросс, также «в большой степени история бессознательных операций»¹⁷. По его мнению, всякая значительная совокупность исторических феноменов имеет за собой определенную бессознательную структуру. С другой стороны, все эти структуры так или иначе связаны с наиболее глобальными, так называ-

¹¹ Цит. по статье М. Жаллей-Крампа «Понятие ментальной структуры в трудах К. Леви-Стросса» («La Pensée», 1967, № 135, p. 55).

¹² Т. М. Ярошевский. Указ. соч., стр. 258.

¹³ C. Lévi-Strauss. Op. cit., p. 31.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid., p. 319.

¹⁶ Ibid., p. 28.

¹⁷ Ibid., p. 31.

емыми ментальными бессознательными структурами. Ими являются структуры, выражающие представления людей о пространстве и времени.

Как видим, принцип бессознательного занимает центральное место в представлениях К. Леви-Стросса об объекте исторического и вообще общественного познания. Этот принцип в конечном счете определил и структуралистское понимание сущности структуры, ее основных свойств, согласно которому общественная структура, будучи свободной от сознательных субъективных воздействий, представляет собой нечто гармоничное и внутренне не противоречивое. Ее элементы и свойства взаимно уравновешены и взаимосвязаны. Структура не содержит в себе ничего, что могло бы сколько-нибудь существенно ее трансформировать и тем более разрушить. К качественному изменению структуры или ее упразднению могут привести лишь внешние по отношению к ней факторы и воздействия. Бессознательные исторические структуры предстают у структуралистов как нечто не только не зависимое от активного воздействия всей многообразной общественной практики людей, протекающей в сложных и противоречивых условиях, но и изначальное по отношению к деятельности людей и общественным отношениям.

Таково решение структуралистами вопроса об объекте исторического познания и путь, по которому они идут, для того чтобы устранить из него субъективный фактор.

Другую свою задачу структуралисты, как указывалось, видят в предельно возможном исключении субъективного момента из процесса познания общественной жизни. Ее решение усматривается во внедрении в общественные науки, в том числе и историческую, методов естественных и точных наук. Выступая против субъективизма, К. Леви-Стросс писал: «Мы не можем поместить точные и естественные науки по одну сторону, а социальные и гуманитарные — по другую... Научен по своему духу только подход точных и естественных наук, к которому должны стремиться гуманитарные науки, когда они изучают человека как часть этого мира»¹⁸. Он подчеркивал, что «значение структурного исследования определяется именно надеждой на то, что более развитые в этом отношении науки смогут предоставить этнологам (обществоведам. — *Авт.*) соответствующие модели и методы»¹⁹.

Тем главным методом, который, по мнению структуралистов, позволяет поднять на научный уровень исследование общественной жизни и, прежде всего, решить задачу изучения структур, является моделирование. «Задачей структурных исследований, — указывал К. Леви-Стросс, — является изучение социальных явлений с помощью моделей»²⁰.

Понятие модели занимает у структуралистов такое же центральное место, как и понятие структуры. Главная цель структурного исследования — построение модели, характеризующей структуру — она средство познания структуры объекта. Структура и ее суть могут быть обнаружены и познаны только в результате построения и изучения модели. Иначе говоря, структура не только существует независимо и фактически вне связи со всей реальностью, с общественной жизнью, но и познается лишь путем абстрактного анализа исследователем модели. Модель, будучи раз построенной на конкретных данных, затем отрывается от них и функционирует самостоятельно, т. е. может быть источником познания без обращения к реальности. К. Леви-Стросс в

¹⁸ Цит. по: Т. А. Сахарова. Указ. соч., стр. 240.

¹⁹ C. Lévi-Strauss. Op. cit., p. 304.

²⁰ Ibid., p. 317.

этой связи прямо подчеркивал, что нет оснований считать раз построенную на конкретных фактах модель «менее полезной для конструкции аналогичной модели в рамках истории цивилизаций, чем модель, в основу которой легли данные, непосредственно почерпнутые в этой области»²¹. Таким образом, модель, построенная, например, по данным древности или средневековья, якобы может быть не менее эффективным средством изучения структуры аналогичного явления или института в новое и новейшее время, чем анализ соответствующих конкретных данных.

Моделирование со всем арсеналом новейших методических и технических средств является для структуралистов основным методом исторического познания. Главным же принципом и путем этого познания выступает синхронный анализ. Такой путь исследования обосновывается тем, что историческое развитие якобы невозможно познать как процесс. К. Леви-Стросс утверждал, что понять сущность социальных отношений невозможно вне той среды, в которой они существуют. Главными факторами, измеряющими эту среду, являются пространство и время. Однако «различные общества в зависимости от своей структуры понимали эти изменения самым различным образом»²². Природа различных цивилизаций имеет качественно несхожий характер. Они имеют неодинаковые представления о времени, пространстве, мере, разную частоту событий. «Безграничный выбор критериев позволяет конструировать бесчисленное количество рядов, отличных друг от друга данных»²³. В итоге эти цивилизации оказываются несопоставимыми. Поэтому общественную жизнь, по его мнению, можно познать не как процесс, не диахронно, а как совокупность единовременно существующих систем, лишь синхронно.

Правда, К. Леви-Стросс признает, что ряд аспектов социальной жизни «обладает диахронной структурой», но их изучение, считает он, значительно сложнее, чем структур синхронных²⁴. Таким образом, не отрицая в принципе возможностей изучения процесса общественного развития, К. Леви-Стросс, безусловно, отдает предпочтение и считает реально возможным и эффективным синхронный анализ, ибо «синхронные явления обладают относительной гомогенностью, которая облегчает их исследование по сравнению с явлениями диахронного порядка»²⁵. Многие структуралисты в принципе считают возможным лишь синхронное изучение явлений общественной жизни.

Такова структуралистская методология исторического познания, если говорить о ней обобщенно, обнажая ее основную суть.

* * *

Появление нового направления в буржуазной методологии исторического познания, к тому же выступающего против господствующих идей буржуазной исторической мысли, естественно, не могло не вызвать оживленные споры и дискуссии. Наиболее активно первоначально они велись во Франции²⁶, а затем получили более широкое распространение.

²¹ Ibid., p. 319.

²² Ibid., p. 318.

²³ Ibid., p. 6.

²⁴ Ibid., p. 28.

²⁵ Ibid., p. 319.

²⁶ См. об этом «La Pensée», 1967, № 135, а также «L'Arc», 1965, № 26; «Les temps modernes», 1966, № 246; «Démocratie nouvelle», 1967, № 4 и др.

В центре дискуссий о структурализме были вопросы о его сущности и месте в современной методологии исторического познания, о соотношении структурализма, с одной стороны, с господствующими субъективистско-релятивистскими течениями буржуазной методологии исторического познания, а с другой — с марксизмом²⁷.

Что касается соотношения структуралистской методологии исторического познания с субъективистски-релятивистской методологией, то здесь представляется несомненным превосходство структурализма по ряду важных моментов.

Прежде всего, выдвинув в качестве главного объекта исторического исследования общественные структуры, структурализм открывает путь к изучению массовых явлений общественной жизни и, соответственно, использованию массовых исторических источников и данных. В результате событийная история, изучение индивидуального и неповторимого перестает быть единственным уделом буржуазной историографии.

Далее, утверждая объективный характер этих структур, структурализм допускает возможность выявления историком определенных закономерностей и внутренних связей общественных явлений, а также их целостного рассмотрения. Стремление же к устранению субъективного момента в процессе познания в определенной мере позволяет получить истинные, объективные знания о прошлом. Иначе говоря, структурализм до некоторой степени восстанавливает историю как науку.

Наконец, признание структуралистами единства всех наук, их приверженность к внедрению в историческую науку методов естественных и точных наук ведет к совершенствованию исследовательского арсенала историков (сводимого сторонниками событийной истории лишь к описанию) и тем самым расширяет их возможности в познании явлений общественной жизни.

Следовательно, структурализм как методология исторического познания безусловно является определенным шагом вперед сравнительно с субъективистски-релятивистской методологией.

Понятно, что направленность структурализма против субъективизма и релятивизма вызывает у последовательных сторонников этих направлений ответную реакцию. Они ведут широкую критику структурализма, прежде всего обращая внимание исследователей на поглощение у структуралистов человека и его индивидуальности структурой.

Субъективистов не устраивает выключение структуралистами из сферы главного внимания историков индивидуальных и неповторимых явлений общественной жизни, т. е. событийной истории. Так, Э. Сестан в докладе на XIV Международном конгрессе исторических наук подчеркивал неприемлемость «притязаний со стороны адептов структурной истории навязать ее, представить ее как единственно „настоящую“ историю, единственно достойную быть исследованной и изученной, отвергая историю событий»²⁸. Подвергается сомнению возможность сколько-нибудь широкого применения естественнонаучных методов и моделирования в исторических исследованиях в силу якобы ограниченности пригодных для этого источников, трудности и невозможности измерения многих явлений общественной жизни и т. д.²⁹.

Говоря о критике структурализма субъективистами, необходимо подчеркнуть ее неконструктивный характер. Следует также иметь в

²⁷ Обзор дискуссий французских ученых о структурализме см. «Вопросы философии», 1968, № 6. О конференции, посвященной соотношению структурализма и диалектического материализма см. ж. «Философские науки», 1970, № 1.

²⁸ P. Brezzi, E. Sestan. L'Historiographie comme science historique. San-Francisco, 1975, p. 9.

²⁹ Ibid.

виду, что она ведется со стороны консервативных сил буржуазной социологии и историографии.

Таким образом, сравнительно с субъективистской методологией исторического познания структурализм предстает новым и в определенной мере прогрессивным направлением буржуазной исторической мысли.

Иной является роль структурализма по отношению к марксизму. Здесь структурализм выступает как одно из направлений буржуазной науки, качественно уступающих марксизму в методологии научного, в том числе и исторического познания.

Само возникновение структурализма было попыткой преодоления ограниченности и несостоятельности субъективистской методологии общественного познания на пути неприятия марксизма. Этому не противоречит тот факт, что формирование и развитие структуралистской методологии исторического познания не обошлось без воздействия марксизма. К. Леви-Стросс, например, прямо признавал, что понятие структуры он «заимствовал, в частности, у Маркса и Энгельса»³⁰. Для этого буржуазного ученого вообще было характерно определенное тяготение к марксизму, хотя, однако, понимал он марксизм весьма упрощенно и вульгарно. Подобную позицию занимают и некоторые другие структуралисты. Но в целом структурализм не только объективно, но и субъективно противостоит марксизму, и многие структуралисты ведут с ним прямую борьбу. Так, ученик К. Леви-Стросса, Люсьен Себаг, посвятил специальную монографию («Марксизм и структурализм») опровержению марксизма и доказательству необходимости его замены структурализмом³¹.

В целом идейно-классовую направленность структурализма можно, со скидкой на некоторое преувеличение, охарактеризовать словами Поля Сартра, рассматривавшего структурализм как «последнее препятствие, которое буржуазия выдвигает против Маркса»³².

Ограниченность и несостоятельность структуралистской методологии исторического познания сравнительно с марксизмом выражается прежде всего в механистическом, недиалектическом характере этой методологии, а также в том, что теоретической основой этой методологии является идеализм.

Во-первых, структурализм, ограничивая сферу явлений общественной жизни изучением структур, тем самым вырывает из сложной совокупности этих явлений лишь один из компонентов и вместе с тем игнорирует ту особенность объекта исторической науки, которая состоит в том, что важнейшую роль в общественной жизни играет сознательная, активная и целенаправленная деятельность людей. Историческая действительность, как известно, есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»³³.

Во-вторых, рассматривая структуры как внеклассовые и даже вне-социальные категории, трансцендентные и изначальные по отношению к общественной деятельности людей, как явления без определенных функций, изменяющихся по мере общественного развития, структурализм тем самым представляет структуры как нечто раз и навсегда данное, гармоничное и непротиворечивое, лишённое внутренних движущих сил. В итоге общественная жизнь из внутренне обусловленного и закономерного процесса превращается в нагромождение отдельных структур.

³⁰ C. Lévi-Strauss. Op. cit., p. 364.

³¹ L. Sébag. *Marxisme et structuralisme*. Paris, 1964.

³² Т. А. Сахарова. Указ. соч., стр. 263.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

В-третьих, абсолютизируя синхронный принцип изучения явлений общественной жизни, структуралисты фактически лишают историческую науку возможности решения одной из ее главных задач — показа поступательно-прогрессивного пути исторического развития. Это развитие из естественноисторического процесса смены общественно-экономических формаций превращается в путешествие по истории изначальных и неизменных структур.

В-четвертых, выдвигая формально-логические приемы и основанное на них моделирование в качестве единственно приемлемых методов познания явлений общественной жизни и не уделяя должного внимания сущностно-качественному анализу, структурализм не только ведет к схематизации и формализации процесса познания, но чреват недооценкой и игнорированием ведущей роли теории в этом процессе, т. е. он может быть основой для старых призывов к деидеологизации науки, к упразднению партийно-классового подхода.

Наконец, в-пятых, структурализм не может преодолеть субъективистски-релятивистского упразднения истории как науки. И для структуралистов исторический факт — абстракция, а его выбор определяется историком. Поэтому, как заявлял К. Левин-Стросс, история «никогда не бывает просто историей, но бывает историей — целью»³⁴.

Таковы основные изъяны структурализма, если подходить к нему с позиций марксистской методологии общественного познания. Обратим внимание на наиболее существенные, в плане затронутых проблем, моменты, характеризующие последнюю.

Прежде всего следует отметить принципиальное отличие марксистского подхода к объекту исторического познания сравнительно с субъективистско-структуралистским. Если структурализм и субъективизм акцентируют внимание на одном из проявлений общественной жизни, то марксизм учитывает всю сложную совокупность этих проявлений. При этом он требует их рассмотрения лишь «/α/ исторически; /β/ лишь в связи с другими; /γ/ лишь в связи с конкретным опытом истории»³⁵.

Преимущества такого подхода очевидны. В самом деле, в объективной действительности событие, структура и развитие тесно взаимосвязаны. Всякое историческое событие, с одной стороны, несет в себе элементы специфического и неповторимого а с другой — общего и повторяющегося, тесно связанного со структурой и развитием. Далее, всякая общественная структура имеет свои функции и неизбежно включает в себя элемент движения и развития. Наконец, процесс движения и развития имеет свою структуру. Поэтому правомерен только целостный подход к объекту исторического исследования. Он позволяет рассмотреть в единстве и взаимосвязи, а не противопоставлять единичное и общее, не повторяющееся и повторяющееся, случайное и закономерное, статику и динамику и т. д.

Принципиально отличным от структуралистского является марксистское понимание общественных структур. Структуры присущи определенным общественным системам разной сложности, т. е. характеризуют их строение, связь и взаимодействие составляющих их элементов и свойств³⁶. Это значит, что структуры представляют не изначальные и трансцендентные, а конкретные исторические, социально-классовые яв-

³⁴ Ш. Парен. Указ. соч., стр. 364.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 49, стр. 329.

³⁶ См. об этом, напр., И. В. Блауберг, Б. Г. Юдин. Указ. соч.; Э. С. Маркарян. Указ. соч. и др.

ления. Факторы, определяющие характер структур, изменяются, что ведет к изменению и структур. В общественной жизни нет структур, неизменно шествующих по эпохам и цивилизациям. При этом силы, ведущие к изменениям, являются не внешними по отношению к структурам, а находятся в них самих. Наконец, в огромной совокупности общественных структур существует определенная иерархия и соподчиненность как самих структур, так и составляющих их элементов. Основой этой соподчиненности служит зависимость надстройки от базиса. Тесная взаимосвязь событий, структур и развития требует при изучении явлений общественной жизни как синхронного, так и диахронного подходов. Их противопоставление неправомерно, а абсолютизация одного из них — ошибочна.

И последний момент — о моделировании как основном методе изучения структур. Марксизм не только раньше, чем другие направления методологии исторического познания, стал изучать общественные структуры (достаточно напомнить анализ К. Марксом и В. И. Лениным капиталистического способа производства), но и впервые разработал такой метод познания явлений общественной жизни, каким является моделирование. При этом непреходящим вкладом марксизма в разработку этого метода (вкладом, который только на современном уровне развития науки может быть оценен в полной мере) является выделение двух этапов моделирования. Первым из них является сущностно-качественное моделирование, основанное на анализе внутренней природы исследуемых явлений общественной жизни. Вторым представляет формально-количественное (или шире — формально-логическое) моделирование, имеющее целью выразить сущностно-качественную модель в системе количественных оценок, поддающихся математической обработке. Решающую роль в моделировании играет его сущностно-качественный этап, который чаще всего игнорируется структуралистами. А между тем только на его основе может быть правильно построена формально-количественная модель и дана ее верная интерпретация.

Историки широко пользуются многими сущностно-качественными моделями, разработанными К. Марксом и особенно В. И. Лениным, часто даже не задумываясь над тем, что они имеют дело с моделями. К числу таких моделей относятся, например, признаки монополистического капитализма, классов, революционных ситуаций, черты феодального и капиталистического производства, отработочной и капиталистической систем помещичьего хозяйства и др. Многие из этих сущностно-качественных моделей служат в настоящее время советским историкам основой для построения моделей формально-количественных.

Таким образом, методология исторического познания структурализма и марксизма качественно различны. Материалистической диалектике марксизма структуралисты в своих наиболее типичных построениях противопоставляют механистическую, объективно-идеалистическую методологию исторического познания.

Истоки структуралистской методологии научного познания уходят к трансцендентной философии Э. Канта, к тому ее аспекту, в котором подчеркивалась важная роль метода познания³⁷. Но по своей сущности эта методология представляет собой разновидность современного позитивизма, обращенного к сфере явлений общественной жизни. Как методология научного познания структурализм может быть отнесен к той разновидности неопозитивизма, которая получила наименование логи-

³⁷ См. Л. Н. Филиппов. Указ. соч., стр. 141 и сл.

ческого позитивизма. Позитивизм, как известно, акцентирует внимание на положительном, точном эмпирическом научном знании, на единстве в этом плане естественных и общественных наук. В этом своем выражении позитивизм является прежде всего методологией научного познания, т. е. учением о методе, а не цельной философской доктриной, сочетающей методологию с определенной теорией познания. Позитивизм опирается на весьма различные теории познания, начиная с субъективного идеализма и кончая вульгарным материализмом. Структурализм также акцентирует внимание на методе, что отмечал К. Леви-Стросс. Так, отвергая упреки в узости структурализма, он указывал, что «структурализм — это не философская доктрина, а метод»³⁸. Методология структурализма также не опирается на единую теорию познания. Поэтому ее и следует рассматривать как разновидность неопозитивизма. В силу этого структурализм продвигает вперед буржуазную методологию исторического познания лишь весьма ограниченно и не может преодолеть идейно-методологического кризиса буржуазной историографии.

Коренные различия марксизма и структурализма обуславливают ошибочность всяких попыток их совмещения³⁹. Неправомерно и некритическое отношение к тем или иным положениям структуралистской методологии исторического познания, включение их в арсенал марксистской методологии⁴⁰.

Такова суть методологии исторического познания структурализма, если рассматривать ее со стороны общих принципов и посылок. Эта методология является основой структурализма как метода исторического познания. Кроме того, структурализм, как и всякий метод, включает в себя определенную методику и технику исследования. Преимущественно это — методика и техника количественного и вообще формально-логического анализа. Следует признать, что в этой области структуралисты добились значительных успехов и продвинули вперед методику и технику исторических исследований. Однако, как увидим далее, эта методика и техника очень часто не дают должного эффекта в силу ограниченности структуралистской методологии.

Выяснив суть и место структурализма в методологии исторического познания, посмотрим теперь, что представляет собой современная буржуазная структуралистская историография, в каком направлении идет применение структурно-количественных методов.

II

Современная структуралистская историография не представляет собой чего-то единого. Разделяя основные принципы структуралистской методологии исторического познания (что и даст основание выделять такое направление в историографии), представители этого направления

³⁸ Т. А. Сахарова. Указ. соч., стр. 247.

³⁹ Такие попытки предпринимались, например, французским историком М. Годелье, который стремился внести в структурализм диахронию, а в марксистскую диалектику структуралистскую проблематику. Их несостоятельность была показана французскими марксистами. См. L. Séve. Méthode structurale et méthode dialectique. «La Pensée», 1967, № 135.

⁴⁰ На это неоднократно обращалось внимание в нашей литературе. См. А. И. Данилов. К вопросу о методологии исторической науки. «Коммунист», 1969, № 5; О. Л. Ванштейн. Теоретические дисциплины истории. «Критика новейшей буржуазной историографии». Л., 1967; В. А. Дьяков. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, гл. XI.

опираются на разные теории в объяснении явлений общественной жизни. Диапазон их весьма широк: от признания определяющей роли в историческом развитии социально-экономических факторов до объяснения явлений общественной жизни лишь психологией ее индивидуальных участников, т. е. от материалистического (разумеется, не в марксистском, а паивно реалистическом, или вульгарном, смысле) до субъективно-идеалистического и иррационалистического подхода. При этом в последнее время все более широкое распространение получает плюралистский взгляд на роль тех или иных факторов в историческом развитии, когда допускается определяющее воздействие любого из факторов в зависимости от конкретной исторической ситуации и характера рассматриваемых явлений.

Понятно, что различия, которые имеют место у структуралистов в вопросах теории исторического познания, обусловлены прежде всего общественно-политическими позициями историков. К сторонникам наиболее прогрессивного течения структуралистской историографии, исходящих из признания ведущей роли социально-экономических факторов, принадлежат, как правило, демократически настроенные историки.

Особенно заметно это течение в современной французской и шведской историографии. Среди его представителей такие известные ученые, как Р. Ладюри и Ф. Фюре во Франции, К. Андре в Швеции, много сделавшие для внедрения в историческую науку новых методов исследования⁴¹. Представителем этого направления является и К. Леви-Стросс. Исследуя духовную жизнь отставших в своем историческом развитии народов, он придает большое значение роли социально-экономических факторов в историческом процессе и подходит к истории этих народов с демократических, антирасистских позиций.

Для представителей данного направления структуралистской историографии характерно пристальное внимание к изучению массовых явлений общественной жизни, в том числе социально-экономических и социально-политических. Они в наибольшей мере подвержены воздействию марксизма. Именно с рассматриваемым направлением структуралистской историографии прежде всего связаны определенные сдвиги в современной буржуазной исторической науке. Они выражаются не только в разработке новейших методов исторического исследования и накоплении новых массовых фактических данных, но и в анализе ряда явлений исторического развития и полученных на основе этого анализа конкретных наблюдений и выводов. Историки этого направления в наибольшей мере стремятся уйти вперед от традиционных для буржуазной историографии принципов и представлений и найти выход из того кризиса, который переживает эта историография.

Противоположные позиции занимают те представители структуралистской историографии, которые исходят из определяющего воздействия на ход исторического развития психической структуры отдельной личности. Как справедливо указывает В. И. Салов, распространению психоанализа в современной буржуазной историографии «в значитель-

⁴¹ Под руководством Р. Ладюри и Ф. Фюре ведутся интересные исследования социально-экономической и культурной истории Франции XVIII—XIX вв. на основе применения количественных методов и ЭВМ. См., напр., доклады французских ученых о применении математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях на Международной конференции в Швеции в 1973 г. («Historical Methods Newsletter», 1974, vol. 7, № 3, pp. 145—174). В Швеции под руководством К. Андре создается массив машинной информации о шведских народных движениях XIX—XX вв. (см. К. Г. Андре и С. Лундквист. Использование массивов исторической информации. Опыт изучения шведских народных движений. «XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970).

ной степени способствовало недостаточное внимание историков к проблемам социальной психологии, в результате чего образовался определенный вакуум, который и заполнил психоанализ»⁴². Представители этого направления исходят из совершенно определенных общественно-политических и идейных позиций и, в конечном счете, приходят к реакционным выводам.

Суть этого направления ясно выражена Ч. Строчером, редактором специального номера «Журнала современной истории», посвященного данной проблеме: «Психонистория бросает вызов исторической дисциплине. Широкое развитие психологии, и особенно психоанализа, в течение последних 75 лет заставило пересмотреть фундаментальные вопросы мотивации человеческой деятельности. Мы не можем уже говорить с уверенностью о рациональности в индивидуальном, институциональном или коллективном поведении»⁴³. Объяснение исторических явлений бессознательной психической структурой отдельной личности прежде всего имеет своей целью затушевать решающую роль в историческом развитии материальных и социально-классовых факторов.

Хотя психоанализ не получает широкого признания среди буржуазных историков, он используется при изучении ряда важных исторических явлений. Одним из них является история фашизма. Современная буржуазная «гитлериада» в значительной мере основывается на психоанализе. Ссылками на иррационализм, психическую аномалию фюрера затушевывается вопрос о социально-экономической, социально-политической природе и сущности германского фашизма⁴⁴.

Научная несостоятельность утверждений об определяющей роли в исторической науке структуралистского и всякого другого психоанализа очевидна. Яона и его антимарксистская направленность. Но это не значит, что в историческом исследовании нет места для учета психологического фактора. Историки-марксисты уделяют внимание изучению роли в историческом развитии социальной, национальной, профессиональной и индивидуальной психологии. В. И. Ленин указывал, что при обращении к массам, а следовательно, и при историческом их изучении, надо «уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»⁴⁵. Признавая важную роль психологических факторов в общественном развитии и необходимость их изучения на основе новейших методов исследования, историки-марксисты исходят из социально-экономической и классово-политической обусловленности природы этих факторов⁴⁶.

Таковы два крайних течения буржуазной структуралистской историографии, отражающих ее диапазон с точки зрения теории исторического познания, на основе которой применяются структуралистские принципы и структурно-количественные методы. Вообще же в структуралистской историографии, или «новой истории», как чаще всего называют ее в зарубежной литературе, можно выделить следующие проблемно-тематические направления: «новая» экономическая история, «новая» политическая история, «новая» социальная и демографическая история.

Все они наиболее широко разрабатываются в США. Это обусловлено как общим размахом исторических исследований в этой стране,

⁴² В. И. Салов. Вторжение психоанализа в буржуазную историографию. «Новая и новейшая история», 1972, № 4, стр. 92.

⁴³ «Journal of Modern History», 1975, June, p. 201.

⁴⁴ См. W. C. Langer. The Mind of Adolf Hitler. N. Y., 1972.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 192.

⁴⁶ См., напр., А. Л. Гуревич. Источники для изучения социальной психологии. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; «История и психология». М., 1971 и др.

так и определенными тенденциями в буржуазной исторической науке последних десятилетий. В 1962 г. Американская историческая ассоциация создала специальную комиссию по изучению возможностей применения количественных методов и компьютерной техники в исторических исследованиях. В том же году был создан центр по сбору и машинной обработке архивных данных — Межуниверситетский консорциум политических исследований при Мичиганском университете в Анн-Арборе. К началу 1974 г. в этом своеобразном машинном архиве было сконцентрировано более 11 млн. перфокарт с закодированной информацией различных переписей, данных о выборах в конгресс (на уровне графств) и другими сведениями. Эти материалы широко используются историками. В 1969—1974 гг. общий объем затребованных данных превышал 36 млн. перфокарт⁴⁷.

Установлено, что исторические исследования с применением количественных и машинных методов ведутся в 800 университетах и колледжах США. Особенно широко и обстоятельно такие исследования развернуты в ряде университетов (Мичиганский, Гарвардский, Чикагский, Принстонский, Стэнфордский, Питтсбургский, Айовский и др.). Широким фронтом ведется подготовка кадров историков, владеющих новыми методами исследования. Ряд исторических журналов частично или полностью сосредоточен на публикации клиометрических статей (прежде всего, «Журнал экономической истории»), появилась целая серия специальных клиометрических журналов (основной из них — «Новые методы в исторических исследованиях») ⁴⁸.

Структурализм в методологии, количественный анализ массовых данных и моделирование в методах исследования и составляют основу широкого течения «новой», или «научной» истории в современной американской буржуазной историографии. Надо подчеркнуть, что термины «наука» («science»), «научный» («scientific») в новейшей историографии чаще всего означают отождествление с естественными науками и точными количественными методами.

Рассмотрим некоторые из наиболее характерных исследований структуралистов, чтобы получить наглядное представление об основных чертах структуралистской историографии. Родоначальниками «новой экономической истории» в США выступили во второй половине 50-х годов А. Конрад и Д. Мейер⁴⁹. В последующие пятнадцать лет структурно-количественные методы в анализе экономической истории США нашли широкое применение, породив огромное число исследований и публикаций⁵⁰.

Исходные принципы «новой» экономической истории наиболее развернуто отражены в трудах Р. Фогеля. «Методологическая особенность новой экономической истории, — разъясняет Р. Фогель, — в акценте на измерение и в ее признании тесной внутренней связи между измерением

⁴⁷ R. Swierenga. Computers and American History. «Journal of American History», 1974, March, p. 1050. Эта статья является одним из наиболее обстоятельных обзоров современного состояния структурно-количественных исследований в американской историографии.

⁴⁸ См. «Journal of Economic History», «Historical Methods Newsletter».

⁴⁹ J. Meyer and A. Conrad. Economic Theory, Statistical Inference and Economic History. «Journal of Economic History», 1957, December; idem. The Economics of Slavery in the Ante-Bellum South. «Journal of Political Economy», 1958, April.

⁵⁰ См., напр., D. North. Growth and Welfare in American Past. A New Economic History. Englewood Cliffs, 1966; «The Reinterpretation of American Economic History», eds. R. Fogel and S. Engerman. N. Y., 1971; H. Woodman. Economic History and Economic Theory. The New Economic History in America. «Journal of Interdisciplinary History», 1972, Autumn; D. North and R. Thomas. The Rise of the Western World. A New Economic History. Cambridge, 1973.

и теорией»⁵¹. Р. Фогель указывает, что «фундаментальной методологической чертой новой экономической истории является ее попытка дать все объяснения прошедшего экономического развития в форме обоснованных гипотетико-дедуктивных моделей». В этом и заключается «конструирование экономической истории на основе научных методов»⁵². Эти модели должны характеризовать «контрфактические», имитационные, т. е. переальные, несуществовавшие ситуации, и через сравнение этих искусственных ситуаций с действительностью историк якобы увидит «так» или «не так» шло развитие. Примером такого моделирования в историко-экономических исследованиях является работа самого Р. Фогеля о роли железных дорог в экономическом развитии США во второй половине XIX в.⁵³ Автор анализирует искусственную, контрфактическую ситуацию: что представляло бы собой экономическое развитие США в указанное время, если бы не было железных дорог. Путем сложной системы расчетов он пытается выяснить, как велико было то «общественное сбережение», которое давали железные дороги. Расчеты Р. Фогеля показали незначительность такого «сбережения». Поэтому он пришел к выводу, что железные дороги не оказали сколько-нибудь существенного влияния на экономическое развитие. Общий итог сводится к тому, что историкам не следует при анализе развития общества придавать большое значение всякого рода техническим усовершенствованиям и открытиям.

Несостоятельность этого заключения Р. Фогеля очевидна. Как обоснованно отметили критики, при построении имитационной модели перевозок Р. Фогель не учел многих факторов. Иначе и быть не могло, ибо подмена реального многообразия исторической действительности искусственной ситуацией даже при самых совершенных приемах анализа не может не вести к утрате и искажению важных факторов, имевших место в действительности. Буржуазный экономист Ф. Редлих справедливо заметил, что при подобном моделировании исследователь имеет дело не с историей, а лишь с «квазиисторией»⁵⁴.

Не только Р. Фогель, но и ряд других буржуазных историков считают правомерным построение контрфактических имитационных (или, как их еще иначе называют, симуляционных) моделей, оторванных от реальной исторической действительности и не связанных с какими-либо нереализованными возможностями и потенциями общественного развития. Истоки подобного моделирования коренятся в том допущении отрыва модели от действительности, которое присуще структурализму и о котором речь шла выше. В своем предельном выражении оно приводит к подмене исторической действительности фантазией историка.

Имитационное моделирование при всей моде на него все же не получило широкого распространения в буржуазных исторических исследованиях. Основным предметом внимания структуралистской историографии остается изучение реального хода исторического развития. Слабые и сильные стороны таких исследований в области социально-

⁵¹ R. Fogel. The New Economic History. «Economic History Review», 1966, № 3, p. 65f.

⁵² Ibid., p. 656.

⁵³ R. W. Fogel. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. Подробный разбор этой работы дан в статье И. М. Промахиной «Количественные методы исследования в трудах представителей „новой экономической истории“ (США)». — «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М., 1975.

⁵⁴ F. Redlich. «New» and Traditional Approaches to Economic History and Their Interdependence. «Journal of Economic History», 1965, December, pp. 486—487.

экономической истории хорошо видны на примере нашумевшей книги Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте. Экономические проблемы американского негритянского рабства»⁵⁵.

История рабства принадлежит к числу наиболее интенсивно разрабатываемых американскими историками проблем⁵⁶. Исследование рабства в историографии США ведется с различных позиций. Несомненным плюсом замысла работы Р. Фогеля и С. Энгермана является его демократическая и антирасистская направленность. Они поставили своей целью «показать не только черным, но и белым, ту часть американской истории, которую от них скрывали: летопись достижений черных в трудных условиях»⁵⁷, их вклад в историческое развитие США.

Авторы проделали огромную работу по выявлению различных источников, обработке и анализу многочисленных данных, характеризующих все стороны плантационного хозяйства на Юге и самые различные аспекты положения и жизни рабов, начиная с интенсивности их эксплуатации и кончая семейными отношениями, образованием и медицинским обслуживанием.

Исследование основано на широком применении самых различных современных методов количественного анализа и компьютерной техники. Изложение принципов, методики и техники, а также итогов соответствующих расчетов заняло весь второй том работы. Следует отметить высокий профессиональный уровень применения новых методов. Методика и техника количественного анализа, разработанные Р. Фогелем и С. Энгерманом, и особенно ряд приемов расчета и экстраполяции неизвестных данных, могут быть с успехом применены при решении целого ряда социально-экономических задач. Иначе говоря, методикотехническая сторона исследования имеет самостоятельную и немалую научную ценность.

Представляется, что и итоги ряда важных расчетов, несмотря на упреки в том, что в основе их не всегда лежат надежные данные, едва ли радикально изменятся при последующих перерасчетах и уточнениях. В частности, вряд ли удастся опровергнуть один из главных расчетов, который показывает, что доходность рабовладельческих плантаций Юга была намного выше доходности капиталистических ферм Севера (на 35%)⁵⁸. Конкретный показатель при расширении круга использованных данных, вероятно, будет уточнен, но не более.

Однако при всем этом основные выводы Р. Фогеля и С. Энгермана являются ошибочными. Суть этих выводов сводится, во-первых, к тому, что, поскольку рабство было ликвидировано в период экономического расцвета, в основе его упразднения лежали не социально-экономические, а морально-этические факторы. Во-вторых, утверждается, что Гражданская война не привела к улучшению положения рабов и не содействовала ускорению индустриализации страны. Наконец, самое главное, — что рабовладельческая система по своей экономической сути не отличалась от капиталистической и лишь имела средневековые формы, а рабы были похожи на фабричных рабочих кануна Гражданской войны⁵⁹.

⁵⁵ R. Fogel and S. Engerman. *Time on the Cross. The Economics of American Negro Slavery*, vols 1—2. Boston — Toronto, 1974.

⁵⁶ См. D. Davis. *Slavery and the Post-World War II Historians*. «Daedalus», 1974, Spring.

⁵⁷ R. Fogel and S. Engerman. *Op. cit.*, vol. I, p. 264.

⁵⁸ *Op. cit.*, vol. II, p. 192.

⁵⁹ *Ibid.*, pp. 129, 202.

Что же привело авторов к этим выводам и в чем причины их ошибочности? Прежде всего следует отвергнуть имеющие место среди американских историков попытки поиска этих ошибок в методике и технике количественного анализа и сведения их к источниковедческим просчетам. Более того, именно в области источниковедения, критического сопоставления и проверки данных, в методике и технике их обработки и анализа заключаются сильные стороны работы Р. Фогеля и С. Энгермана. Именно здесь они вносят позитивный вклад в изучение социально-экономической истории.

Корень пороков работы в другом — в ошибочности той конкретной методологии, на основе которой ставилась и решалась проблема. Теоретической основой этой методологии являлись идеи буржуазной политической экономии, а ее общеметодологические принципы коренятся в структурализме. Они и привели к тому, что, с одной стороны, были затрачены немалые усилия на расчеты и доказательства и без того вполне очевидных положений, а с другой — не были проделаны расчеты, без которых нельзя обойтись. Поэтому выводы авторов вытекают не из анализа конкретных данных, а из несостоятельных исходных теоретических и методологических посылок.

Поскольку работа Р. Фогеля и С. Энгермана являет собой пример классического воплощения тех ошибок, которые могут возникать даже в исследовании, задуманном с самыми лучшими намерениями и основанном на самых новейших методах, но базирующемся на эклектическом теоретическом подходе и методологии структурализма, остановимся подробнее на некоторых ее моментах.

Прежде всего надо сказать о расчетах. Во-первых, авторы уделяют очень много внимания доказательству того очевидного факта, что рабский труд был для плантаторов экономически более эффективным, чем труд свободных рабочих. Не будь рабский труд настолько выгоден плантаторам, что даже при затратах на приобретение и содержание рабов приносил им большую прибыль, чем эксплуатация свободных рабочих, система плантационного рабства просто бы не возникла. Расчеты здесь имеют смысл не для доказательства экономической рентабельности для плантаторов рабского труда, а для показа того, насколько он был выгоднее труда свободного. И из многочисленных расчетов, проделанных авторами, наибольший интерес представляют те, которые показывают, что рабский труд обходился плантаторам вдвое дешевле, чем труд свободных рабочих⁶⁰. В этом весь секрет возникновения плантационного рабства, а также того, почему оно так долго держалось и было упразднено вопреки интересам плантаторов.

Во-вторых, авторы, сопоставляя производительность рабского и свободного труда, в сущности допускают подмену тезиса. Они судят об этой производительности на основе тех прибылей, которые приносили рабские плантации на Юге и капиталистические фермы на Севере. Между тем судить о сравнительной общественной рентабельности рабского и свободного труда нельзя без учета производительности труда, т. е. трудовых затрат на единицу продукции. При этом необходимо учитывать не только количество, но и интенсивность, напряженность труда рабов и свободных рабочих.

Такая же ошибка допускается и в расчете, который имеет целью показать, что раб имел доход больший, чем тот, который бы он получил, будучи свободным рабочим или мелким фермером. И здесь доход надо рассчитывать не на душу, а на единицу трудовых затрат. Только так

⁶⁰ Ibid., p. 238.

можно получить обоснованные сравнительные данные о положении рабов и свободных рабочих.

В-третьих, авторы справедливо уделили много внимания выявлению нормы эксплуатации рабов. Однако их посылки решения этого вопроса неверны. Они отвергают известную формулу Маркса, по которой степень, или норма эксплуатации определяется отношением прибавочной стоимости к заработной плате, на том основании, что она якобы не позволяет учесть изменения в норме эксплуатации раба в разные периоды его жизни, и выводят свою формулу. Здесь Р. Фогель и С. Энгерман, прежде всего, игнорируют тот совершенно очевидный факт, что норма эксплуатации раба, крепостного или свободного рабочего может быть определена только одним путем — соотношением присваиваемой рабовладельцем, крепостником или капиталистом части труда или продукта с той, которую получает производитель. Только сравнивая то, чего лишился производитель, с тем, что он получил, можно установить норму эксплуатации. Расчет же авторов приближается в какой-то мере к выражению нормы прибыли плантатора, а не нормы эксплуатации. Но и здесь необоснованно в расчет включаются затраты на приобретение рабов. Между тем то, каким образом и ценой каких затрат плантатор стал владельцем рабочей силы раба (или помещик — крепостного крестьянина, а капиталист — фабрики), не имеет отношения к процессу производства, основанному на эксплуатации этой рабочей силы. Норма прибыли должна исчисляться лишь с учетом затрат в процессе производства. Допустив указанные просчеты, авторы и получили ничтожно малую норму эксплуатации рабов. Она равна всего 12%. Если авторы всерьез рассматривают этот показатель, то, даже не принимая в расчет сказанное, они все же должны были задуматься над тем, каким же образом при такой низкой норме эксплуатации (а норма прибыли при этом должна быть еще меньше) плантаторам удалось добиться того, что сельское хозяйство Юга на 35% было эффективнее, чем на Севере. Ведь эта «эффективность», точнее — прибыльность, в конечном счете имела в своей основе тот относительный размер прибавочного продукта, который получали плантаторы. Или как соотносить с 12% нормы эксплуатации то, что, по расчетам авторов, из 30 млн. прибыли от рабского труда на долю самих рабов приходилось всего 6 млн.⁶¹ Здесь концы с концами никак не сходятся.

Что же касается ссылки авторов на якобы ограниченность формулы Маркса, то это простое недоразумение. Формула позволяет исчислять норму эксплуатации не на один день, как полагают авторы, а на любой период времени и применительно к любому числу эксплуатируемых.

Таким образом, пока не проделаны указанные выше расчеты сравнительной производительности труда и доходов рабов и свободных рабочих, а также не определена реальная норма эксплуатации последних, выводы авторов о том, что сельское хозяйство Юга было экономически более эффективным, чем на Севере, что существующие представления об угнетательской сущности рабства несостоятельны, а его ликвидация была обусловлена морально-этическими факторами, совершенно необоснованны. Эти выводы лишь формально вытекают из анализа конкретных данных. В самом же деле они являются следствием ошибочности исходных теоретических посылок.

Несостоятелен и вывод о том, что рабская плантационная система по своей сути тождественна капитализму. Основа заблуждения здесь в том, что анализ плантационной и капиталистической системы производ-

⁶¹ Ibid., p. 245.

ства ведется в духе структуралистского подхода к пониманию этих систем как внутренние гармоничных, раз навсегда данных и неизменных структур и лишь на основе их синхронного сопоставления (в середине XIX в.). Отсюда — акцент лишь на сравнение их товарно-денежного и предпринимательского характера и игнорирование присущих им классовых противоречий, коренных различий в системе производственных отношений, в тенденциях и возможностях развития и т. д. и т. п. Авторы прошли мимо того обстоятельства, что даже для плантатора рабский труд оправдывал себя лишь «на обширных пространствах естественно плодородной почвы, требующей лишь примитивного труда», что «интенсивные культуры, зависящие не столько от плодородия почвы, сколько от вложенного капитала, образованности и инициативности работника, противоречат самому существу рабства»⁶². В работе даже не поставлен вопрос о соотношении рабского труда с возможностями производственно-технического и культурного прогресса, о тормозящем воздействии рабства на этот прогресс. Короче, перед нами — яркий пример тех неизбежных заблуждений, просчетов и ошибок, к которым приводят в конкретно-историческом исследовании методология структурализма, идеалистические и вульгарно-материалистические теории исторического познания.

С другой стороны, работа Р. Фогеля и С. Энгермана показывает, что никакие самые совершенные методы обработки и анализа конкретных данных не могут устранить и даже сгладить ограниченность и изъяны теории и методологии.

Так, поставив благородную научную задачу — показать вклад негров в историческое развитие США, — авторы пришли к выводам, весьма далеким от подлинно научного решения проблемы. Негры действительно внесли большой вклад в это развитие, но достижения их заключались не в том, что кто-то из них при рабстве дослужился до надсмотрщика, и не в том, что они какой-то неведомой силой заставляли плантаторов патерналистски заботиться о себе и выдавать менее одного удара кнута в год, а в том, что трудом негров были созданы огромные материальные ценности, а за счет их зверской эксплуатации были совершены первоначальное накопление капитала и индустриальный скачок после Реконструкции.

Структуралистская идея бесконфликтности помешала авторам понять противоречивость буржуазного прогресса, что, пожалуй, нагляднее всего продемонстрировала именно капиталистическая Америка. Справедливо заметив, что после Гражданской войны материальное положение негров ухудшилось, и указав на то, что вчерашние союзники негров отвернулись от них, авторы сводят концепционный смысл этого тезиса к тому, чтобы перечеркнуть важную роль Гражданской войны в социально-экономическом прогрессе США.

Таким образом, монография Р. Фогеля и С. Энгермана продемонстрировала прежде всего теоретико-методологические пороки и слабости «новой» экономической истории, являющейся одним из подразделений структуралистской историографии. Сам Р. Фогель заговорил о «пределах количественных методов в истории»⁶³, ударившись, на наш взгляд, в другую крайность, что опять-таки объясняется не недостатками клиометрии, а ограниченностью возможностей для успешного применения количественных методов в исследованиях по экономической

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 344.

⁶³ R. Fogel. The Limits of Quantitative Methods in History. «American Historical Review», 1975, April.

истории на основе буржуазных экономических теорий и структуралистской методологии. Это начинают понимать и наиболее прозорливые буржуазные ученые. Так, Д. Норт в статье «За пределами новой экономической истории», говоря об ограниченности «новой» экономической истории, по существу, раскрывает несостоятельность структуралистско-количественной историографии⁶⁴.

Приемы структурно-количественного анализа глубоко проникли и в исследования по политической истории США. Этому в немалой степени способствовали практические потребности политического прогнозирования, расширение воздействия бихевиористской психологии и социологии на буржуазную историческую науку. В США сложилось влиятельное направление «новой» политической истории, которое достигло наибольших успехов в анализе «поведения народа на выборах»⁶⁵. В его становление особо весомый вклад внес Л. Бенсон. Еще в 1957 г. он опубликовал большую статью, в которой подвергался острой критике «импрессионистский метод, длительное время господствующий в американской политической историографии»⁶⁶. «Импрессионистский метод,— писал Л. Бенсон,— особенно подвержен опасности преднамеренного извращения событий и односторонности, ибо чаще всего и в гораздо большей степени сохраняются и затем используются учеными те источники, которые отражают взгляды и опыт элитических групп»⁶⁷. Взамен автор предлагал использовать «системные данные», позволяющие делать более надежные выводы.

В последующие годы американские исследователи политической истории, не создав ничего столь сенсационного, как книга Р. Фогеля и С. Энгермана по экономической истории, добились известных сдвигов в изучении политических микроструктур и микроситуаций, применяя количественные модели к анализу поведения широких народных масс в процессе выборов.

«Новая» политическая история видное место отводит истории партий. В объемистой книге о начальном периоде политических партий США Д. Мейн затрагивает вопрос о методе и методологии и при этом в структуралистском духе сводит все к объяснению техники составления программ для компьютера⁶⁸.

Важной чертой работ представителей «новой» политической истории является стремление к анализу «политического поведения»⁶⁹ групп-структур, объединенных нередко на основе произвольно выбранных критериев, без учета классовой принадлежности участников политического процесса и к тому же взятых во внимание лишь в одном, хотя и важном, политическом измерении — при всевозможных выборах и голосованиях. Структура, намеченная для анализа, оказывается в вакууме, ибо в погоне за «точностью» и «чистотой» явления, в желании изгнать «импрессионизм» «новые политические историки» вязнут во второстепенных деталях, не схватывают сути политического процесса, хотя и пытаются использовать системный подход и количественные методы. В статье «За пределами „новой политической истории“» Р. Клеппер

⁶⁴ D. North. Beyond the New Economic History. «Journal of Economic History», 1974, March.

⁶⁵ «Journal of American History», 1974, March, p. 1053.

⁶⁶ L. Benson. Research Problems in American Political Historiography. «Common Frontiers in the Social Sciences». Glencoe, Illinois, 1957, p. 115.

⁶⁷ Ibid., p. 145.

⁶⁸ J. Main. Political Parties Before the Constitutions. Chapel Hill, 1973, pp. 40—43.

⁶⁹ L. Benson, A. Bogue, J. R. Hollingsworth, Y. Pressby and J. Silbey, eds. American Political Behavior: Historical Essays and Readings. N. Y., 1973.

сетует на то, что историки данного направления слишком заняты «частностями, коренящимися в уникальном, и неуверенно чувствуют себя в вопросах теории и исторической интерпретации».

Демократические мотивы, стремление отойти от элитизма и показать деятельность, устремление народных масс — таковы важные черты «новой» социальной истории⁷⁰. Усиление внимания к роли масс в истории США затронуло всю американскую историографию. «Новая» социальная история помогает полнее представить процесс формирования американской нации, поскольку в трудах историков этого направления серьезно анализируются проблемы иммиграции, адаптации иммигрантов к условиям урбанизации, а также вопросы функционирования всевозможных расово-этнических структур в США.

В общем русле «новой» социальной истории большое внимание уделяется семье как одной из важнейших ячеек общества. Это историко-демографическое течение представлено крупными исследованиями Д. Демоса, Ф. Гревена и многих других авторов⁷¹. Оно широко распространено в зарубежной историографии в целом, о чем можно судить, например, по сборнику трудов, опубликованному руководителем Группы по истории народонаселения и социальной структуры при Кембриджском университете П. Ласлеттом⁷², в котором анализируется структура семьи в Англии, Франции, Сербии, Японии и колониальной Америке за длительный период (XVII — начало XX в.). Здесь структурализм, сравнительно-исторический и количественный анализ присутствуют в органическом переплетении.

Работа эта обращает на себя внимание стремлением авторов продемонстрировать конкретно-исторически одно из коренных положений структуралистской методологии — изначальность, внутреннюю устойчивость и неизменность бессознательной структуры, а именно структуры семьи.

Главная задача предпринятых исследований состояла в проверке того, в какой мере семья-ячейка, состоящая из мужа, жены и детей, характерная для современности, возникла с появлением индустрии. Основной вывод сводится к тому, что малая ячейковая семья всегда и везде была единственной или господствующей формой семьи. «Нет никаких следов того, — пишет П. Ласлетт, — что большая, расширенная, совместно живущая семейная группа традиционного крестьянского мира уступала дорогу маленькой, ячейковой, супружеской хозяйственной единице современного индустриального общества»⁷³. П. Ласлетт полагает, что в Англии больших семей вообще никогда не существовало. Авторы подчеркивают, что из изученных стран только в Японии имелась большая

⁷⁰ P. Kierpner. Beyond the «New Political History»: A Review Essay. «Historical Methods Newsletter». 1972, December, p. 24. См. S. Hays. New Possibilities for American Political History: The Social Analysis of Political Life. «Sociology and History: Methods». N. Y., 1968; S. Warner. The Private City: Philadelphia in Three Periods of its Growth, Philadelphia, 1968; H. Chudacoff. Mobile Americans: Residential and Social Mobility in Omaha, 1880—1920. N. Y., 1972; R. Swierenga. Towards the «New Rural History»: A Review Essay. «Historical Methods Newsletter», 1973, June; S. Thernstrom. The Other Bostonians: Poverty and Progress in the American Metropolis, 1880—1970. Cambridge, 1973 etc.

⁷¹ J. Demos. Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. N. Y., 1970; Ph. Greven. Four Generations: Population, Land and Family in Colonial Andover. Massachusetts, Ithaca, 1970; R. Wells. Family History and Demographic Transition. «Journal of Social History», 1975, № 1. Проблемам истории семей были полностью посвящены отдельные номера издания «Журнал междисциплинарной истории» (См. «Journal of Interdisciplinary History», 1971, Autumn 1975, Spring).

⁷² P. Laslett, ed. «Household and Family in Past Times». London, 1974.

⁷³ Ibid., p. 126.

семья, но и здесь она в качестве внутренних ячеек включала малые семьи. В целом же, делается вывод в работе, ячейковая семья господствовала в отсталых и являлась единственной в англо-саксонских странах⁷⁴.

Авторы как будто бы не склонны отрицать связь структуры семьи с другими сторонами исторической реальности. Так, П. Ласлетт пишет: «Даже в Восточной Европе форма хозяйственной группы (П. Ласлетт рассматривает семью исключительно как хозяйственную единицу. — Авт.) не имеет культурной ценности в себе одной. Скорее она является побочным обстоятельством практики сельского хозяйства, обычаев распределения и перераспределения земли...». Однако в целом зависимость структуры и эволюции семьи от социально-экономического строя и его изменений не признается⁷⁵.

Перед нами еще один пример того, как приверженность структуралистской методологии ведет к явно ошибочным построениям и заключениям. Вместе с тем следует отметить как положительный фактор то, что широко распространенное изучение структуры семьи привело к вовлечению в научный оборот целого комплекса массовой исторической документации, ранее почти не использовавшейся историками (первичные материалы переписей населения, учета рождаемости, смертности, браков, миграции населения и др.), а также к разработке количественных и машинных методов ее обработки и анализа. Важную роль в этом играет исследовательская группа, возглавляемая П. Ласлеттом.

В целом историки структуралистского направления в подходе как к более крупным структурным объектам (город, расово-этническая группа, организованное движение, толпа и т. д.), так и к мелкой ячейке — семье объективно ограничены своими методологическими возможностями. Внося значительный вклад в расширение знаний об истории народных масс, они оказываются не в состоянии проникнуть в сущность социальной структуры буржуазного общества. Этому мешает структуралистская методология, которая обедняет исследовательский потенциал даже тех ученых, которые руководствуются радикально-демократическими мотивами.

Таково современное состояние структуралистской историографии в основных аспектах ее развития. Оценивая это состояние, следует обратить внимание на ряд моментов. Прежде всего надо отметить общие черты, характеризующие эту историографию именно как структуралистскую.

Во-первых, при исследовании всех проблем внимание концентрируется на изучении соответствующих структур. Последние трактуются в духе рассмотренной выше структуралистской методологии исторического познания, т. е. представляются самодовлеющими, замкнутыми в себе и непротиворечивыми. Отсюда то игнорирование исторических условий и их изменений, тот антиисторизм, с позиций которого ведется анализ этих структур.

Во-вторых, в процессе исторического исследования основной акцент делается на структурно-количественные методы, на основе которых строятся модели изучаемых структур. Проблемы сущностно-качественного анализа недооцениваются или вовсе игнорируются. В силу этого вопросы теории и методологии очень часто сводятся к методическим и даже техническим моментам, связанным с применением новейших методов исследования.

⁷⁴ Ibid., p. X.

⁷⁵ Ibid., p. XI, 4.

В-третьих, анализ структур посредством моделирования, количественного анализа и т. д. служит основой для того, чтобы считать выполненные исследования новыми сравнительно с традиционными и якобы создающими новую историческую науку («математическую» историю или «новую» экономическую, политическую, социальную и другую историю). Предполагается, что таким путем может быть преодолен кризис традиционной буржуазной историографии, а история превращена в точную науку, не отличающуюся от наук естественных.

Иначе говоря, в конкретно-исторических исследованиях современных буржуазных авторов в той или иной степени проявляется весьма широкая практическая реализация структуралистской методологии исторического познания.

Далее очевидно, что структуралистская историография внесла в буржуазную историческую науку определенные новые черты и тенденции, нарушив тем самым длительное господство субъективистско-релятивистской, презентистской, описательной, событийной историографии.

Расширилась проблематика исторических исследований. Особенно важным здесь является обращение к изучению массовых социально-экономических, социально-политических и историко-демографических явлений. Их анализ потребовал привлечения массовых исторических источников и данных, что привело к постановке проблемы массового исторического источника⁷⁶.

На новую ступень подняты конкретные методы исторического исследования, его методика и техника. Создаются обширные массивы машинной исторической информации. Широко применяются количественные и машинные методы обработки и анализа конкретно-исторических данных. Разрабатывается методика и техника измерения исторических явлений и расчета отсутствующих показателей. Много сделано в области методов выявления взаимосвязей различных признаков и черт, а также моделирования. Построены формально-логические и количественные модели целого ряда явлений общественной жизни.

Все это является положительным вкладом в развитие исторической науки. Но если исходить из общих перспектив развития буржуазной исторической науки, то при всей конкретной значимости этого вклада он весьма ограничен.

Во-первых, структуралистская историография не достигла и не может достигнуть своей главной цели — преодоления кризиса буржуазной исторической науки, в который ее ввергла субъективно-идеалистическая событийная историография, и создания «новой», точной исторической науки. Глубокий кризис, давно переживаемый буржуазной историографией, является прежде всего кризисом идейно-методологическим. И его нельзя преодолеть путем частичного пересмотра субъективистской методологии исторического познания и тем более с помощью совершенствования методов исторического исследования, на что делают основной упор структуралисты. Выход из этого кризиса может быть найден только на пути радикального пересмотра буржуазной теории и методологии исторического познания с позиций диалектического материализма.

Во-вторых, широкое применение новейших методов в исторических исследованиях очень часто не приносит буржуазным историкам должного эффекта. Более того, как мы видели, нередко эти исследования приводят к ошибочным выводам. Причины тому вовсе не в новейших ме-

⁷⁶ См. Н. Б. Селунская. Проблемы изучения массовых исторических источников в современной американской буржуазной историографии. «История СССР», 1975, № 4.

тодах исследования самих по себе, а в том, что они применяются на основе ограниченной или вовсе ошибочной теории и методологии.

В-третьих, оказались несостоятельными первоначальные радужные надежды структуралистов на быструю математизацию исторической науки, на всесилье формализованного подхода, количественных методов и компьютеров. Опыт применения новых методов в различных областях исторического исследования делает ясным тот очевидный факт, что никакой конкретный метод исследования не может быть глобальным и всеильным, что и количественные методы, как и всякие другие, имеют, хотя и широкий, но определенный диапазон эффективного действия.

Так ограниченность структуралистской методологии исторического познания неизбежно привела к узости структуралистской историографии.

Важным является вопрос о том, в какой мере эту ограниченность понимают сами представители этой историографии. Этим в значительной степени будет определяться ее эволюция. Ситуация здесь в настоящее время такова. Все большее число сторонников перестройки исторической науки на основе структурно-количественных методов начинают понимать, что эти методы не являются всеобъемлющими и всеильными. Так, например, Ф. Фюре указывает на то, что «имеются важные разделы исторической реальности, которые она (количественная история.—*Авт.*), в силу своей природы, не в состоянии исследовать, к которым она не может даже подойти, как в силу ситуационных причин — таких, как невозможная утрата фактических данных, так и по фундаментальным причинам — таким, как абсолютно качественная природа исследуемого явления»⁷⁷.

Ряд приверженцев количественных и машинных методов осознает и то, что успех их применения зависит от правильности тех теоретических и методологических посылок, из которых исходит историк. На это обращали внимание в своих докладах на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве французский историк Ж. Шнейдер и шведские ученые К. Андре и С. Лундквист⁷⁸. Большое внимание роли теории и методологии при применении количественных методов было уделено на Международной конференции «История и компьютеры», проходившей в 1973 г. в Швеции. Профессор Висконсинского университета Д. Р. Холлингсуорт в докладе «Некоторые проблемы конструирования теории для исторического анализа» подчеркивал, что «количественный анализ зависит от используемых концепций, и мы не можем просто включиться в адекватное измерение, не выработав предварительно точности в определении того, что мы измеряем»⁷⁹. Охарактеризовав в плюралистском духе существующие теории исторического познания и его методологию, автор пришел к такому итогу: «Нельзя считать, что социальные науки достигнут большого успеха в ближайшем будущем в приближении к уровню теоретического конструирования»⁸⁰.

Рассуждения Д. Холлингсуорта типичны для буржуазных историков, понимающих важную роль теории и методологии в историческом познании и неудовлетворенных их состоянием. Они не идут дальше акцен-

⁷⁷ F. Furet. *Op. cit.*, p. 154.

⁷⁸ Ж. Шнейдер. Машин и история. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, стр. 10; К. Г. Андре и С. Лундквист. Указ. соч., стр. 9.

⁷⁹ J. R. Hollingsworth. Some Problems in Theory Construction for Historical Analysis. «Historical Methods Newsletter», 1974, June, p. 227.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 240.

тирования внимания на важности теории и методологии, критики существующих и призывов к поискам новых теорий. Следовательно, они не могут преодолеть ограниченность и изъяны структурализма как методологии исторического познания. А без этого не могут дать должного эффекта и новые, структурно-количественные и машинные методы исследования. Но само понимание важной роли теории и методологии и попытки, пусть даже ограниченного, поиска в этом направлении являются положительными.

Только поиск новых подходов в области теории и методологии может дать какое-то движение вперед. Этот поиск ограничивается и затрудняется для историков-структуралистов как общественно-политически, так и гносеологическими факторами. Суть последних ярко продемонстрировал на указанной конференции в Швеции профессор Хельсинкского университета Э. Аллардт. Выступая по докладу Д. Холлингсуорта, он охарактеризовал позицию последнего как позитивистскую и показал ее ограниченность. Интересными были и его критические замечания по другим теоретико-методологическим подходам буржуазных историков. Не обошел он и марксизм. Так, он заявил, что «важную, но трудную форму объяснения представляет исторический материализм». Трудность автор видит в том, что «здесь мы всегда имеем и каузальный и мотивационный элемент в конкретных исторических описаниях»⁸¹. Иначе говоря, Э. Аллардт не понимает, как может сочетаться признание определяющей роли в историческом развитии способа производства и того, что человек сам делает историю, т. е. как можно одновременно учитывать роль и объективных, и субъективных факторов. Перед нами прямо-таки хождение по мукам весьма эрудированного и ищущего историка, не владеющего диалектикой. Взгляд на марксизм с позиций формальной логики делает его трудным и непонятным даже для тех ученых, которые стремятся разобраться в нем.

Таким образом, говоря о поисках буржуазными историками новой теории и методологии и оценивая их как явление положительное, не следует думать, что этот поиск прямой дорогой ведет этих историков к марксизму. Кроме того, пока еще узок и круг историков-структуралистов, понимающих важную роль теории и методологии и предпринимающих поиск в этой области. Подавляющее большинство их стоит на позициях эмпиризма и сводит проблемы теории и методологии к вопросам методики и техники формально-логического и количественно-машинного анализа. Тем самым внутренние потенции буржуазной историографии по преодолению переживаемого ею идейно-методологического кризиса остаются очень ограниченными.

В полной мере эффективное применение в исторических исследованиях структурно-количественных методов вообще и главного из них — моделирования — возможно лишь на базе марксистской теории и методологии исторического познания. Выше уже отмечались основные принципы марксистского подхода к анализу общественных структур. Здесь мы кратко остановимся на некоторых итогах применения советскими историками структурно-количественных методов (прежде всего в исследованиях по отечественной истории) и коснемся главным образом методологических вопросов⁸².

⁸¹ «Historical Methods Newsletter», 1974, June, pp. 247—248.

⁸² Анализу итогов применения советскими историками количественных методов и освещению связанных с этим методологических и методических проблем посвящен ряд работ. См. И. Д. Ковальченко. О применении математических методов в исторических исследованиях. «Источниковедение. Методологические и методические проблемы». М., 1969; Ю. Л. Бессмертный и др. Некоторые вопросы применения математических

Поскольку центральной проблемой применения количественных методов в исторических исследованиях является моделирование, то прежде всего необходимо указать о типах моделей, которые могут быть применены в этих исследованиях. Всю разновидность исторических моделей можно свести к трем типам: модели фактические, контрфактические альтернативные и контрфактические имитационные. В фактических моделях в системе количественных оценок, соотношений и связей, выраженных теми или иными средствами математического аппарата, отражается суть реально имевших место в общественной жизни явлений и процессов. Очевидно, что к построению прежде всего таких моделей и должен стремиться историк.

Контрфактические альтернативные модели — это модели, характеризующие гипотетическое состояние явлений и процессов, для которых в исторической действительности имелись определенные возможности, но эти возможности не были в силу тех или иных причин реализованы. Историк вправе строить такие модели, но при этом они непременно должны основываться на действительно имевших место потенциях и быть направлены на объяснение альтернативы, которая была реализована. Яркий пример такой модели мы находим в работах В. И. Ленина по аграрной истории России начала XX в., когда реальному ходу аграрного развития противопоставлялась имевшая корни в действительности альтернатива развития при ликвидации помещичьего землевладения⁶³.

Контрфактические имитационные модели, рисуящие искусственные, реально не существовавшие и не имевшие для этого потенций исторические ситуации, могут применяться в исторических исследованиях, видимо, лишь как исключение и требуют особо осторожного подхода при построении и интерпретации полученных данных.

В моделировании советские историки идут по пути построения моделей, отражающих реальные процессы и явления.

В ходе моделирования важнейшее значение имеет выделение двух его этапов — сущностно-качественного и формально-количественного. Советские историки исходят из того, что полнота и глубина отражения моделью сути исследуемого явления определяется прежде всего сущностно-качественным анализом, а именно тем, в какой мере общий и конкретный теоретический и методологический подход позволяют адекватно отразить в модели суть исследуемого объекта. При этом следует учитывать, что хорошее владение общей теорией и методологией еще не ведет автоматически к правильному построению сущностно-качественной модели и вообще анализу изучаемого явления. Необходимы немалые усилия по овладению объектом исследования, выяснению его места и роли в общем ходе исторического развития в соответствующую эпоху и т. д. Подчеркнуть это надо потому, что у некоторых еще неопытных историков существуют иллюзии, будто обращение к новейшим методам исследования может облегчить и сократить усилия по предварительному изучению исследуемых явлений и процессов. Практика показывает обратное. Для успешного применения новейших методов требуется больше познавательных усилий, чем при обычном подходе, и это вполне закономерно.

методов в исследованиях советских историков «Математические методы в исторических исследованиях». М., 1972; Ю. Ю. Какх, И. Д. Ковальченко. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. «История СССР», 1974, № 5; К. В. Хвостова. Методологические проблемы применения математических методов в исторических исследованиях. «Вопросы истории», 1975, № 11 и др.

⁶³ См. В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 204—206; т. 17, стр. 77, 125 и др.

На стадии формально-количественного моделирования основным является выбор или разработка адекватных сущностно-качественной модели методов количественного анализа. Историк при этом должен ясно представлять себе логическую суть этих методов. Без этого нельзя решить вопрос о том, насколько они правильно воспроизведут суть явления и интерпретировать полученные результаты. При прочих равных условиях должны отбираться наиболее надежные и простые методы. В основном советские историки используют уже известные методы количественного анализа, но разрабатываются и новые методы.

Важное значение при моделировании и вообще применении количественных методов имеет репрезентативность используемых данных. Они должны быть представительными со стороны и содержания (необходимый набор соответствующих показателей) и объема (достаточная численность выборок при использовании массовых данных). Возрастает также значение в исследовании источниковедческих аспектов (вопросы достоверности и точности, полноты, однотипности и сравнимости данных и т. д.).

Большой круг методологических, методических и технических вопросов связан с проблемой измерения исторических явлений и процессов. Он требует специального рассмотрения.

Из конкретных исследований советских историков, выполненных на основе применения количественных методов, отметим разработку трех проблем. Первая из них связана с изучением социальной структуры советского рабочего класса в самый начальный период прихода его к власти⁸⁴. Работа эта интересна прежде всего тем, что в ней успешно решена проблема выборочной обработки огромного массива документальных данных. Ими являлись первичные материалы профессиональной переписи 1918 г., насчитывающие более одного миллиона бланков, в каждом из которых зафиксировано свыше 60 различных показателей. На основе анализа экспериментальной выборки были установлены те доли отбора, которые обеспечивают высокую репрезентативность данных по всем основным показателям. В эксперименте был определен и сам круг этих показателей. Затем на основе типически механического отбора были сделаны необходимые выборки и проведены их обработка и анализ. В итоге изучения всего одного процента общего объема материалов удалось раскрыть социальную структуру рабочего класса на всей охваченной переписью территории. В плане применения в исторических исследованиях количественных методов значение проделанной работы состоит в том, что была доказана возможность выборочной обработки и анализа больших массивов исторических данных и разработана методика и техника такой обработки.

Во второй работе исследовался социально-экономический строй помещичьего хозяйства в России в эпоху капитализма⁸⁵. Поскольку источники не содержат систематических данных, позволяющих непосредственно определять социальный тип помещичьего хозяйства (капиталистическое или отработочное), задача состояла в том, чтобы найти методы обработки анализа имеющихся данных, которые позволили бы установить этот тип. Базой для анализа послужили данные описаний помещичьих имений, заложенных в Дворянском земельном банке. Они включают не-

⁸⁴ В. З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975.

⁸⁵ Н. Б. Селунская. Моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX — начала XX в. «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М., 1975.

скольких десятков показателей о помещичьих имениях. На основе ленинской характеристики капиталистической и отработочной систем помещичьего хозяйства, которая представляет собой сущностно-качественные модели этих систем, был проведен отбор данных, подвергшихся затем анализу. В итоге были построены корреляционные модели двух типов помещичьего хозяйства, четко раскрывающие присущие им различия. Так была показана реальная возможность выявления важных сторон и черт общественного развития и при отсутствии непосредственных показателей, характеризующих эти черты.

В третьей работе анализировался процесс формирования всероссийского аграрного товарного и капиталистического рынка⁸⁶. С точки зрения методов исторического исследования задача заключалась в поисках таких путей и приемов, которые позволили бы сделать «видимыми» и доступными конкретно-историческому анализу глубинные и скрытые закономерности и силы социально-экономического развития. Конкретно имелось в виду раскрыть проявления закона стоимости и проследить его воздействие на формирование единого всероссийского аграрного рынка. Различные методы количественного (прежде всего корреляционного) анализа цен на основную продукцию сельского хозяйства, землю, тягловый скот и рабочую силу позволили вполне «явственно» обнаружить действие закона стоимости и проследить формирование на этой основе единого всероссийского аграрного рынка.

Разумеется, названные исследования далеко не исчерпывают круга исторических проблем, решаемых советскими историками посредством количественных методов. Они лишь дают некоторое представление о широте диапазона этих исследований, да и то лишь в аспекте социально-экономической истории. Правда, в последней количественные методы получили наиболее широкое распространение. Вместе с тем они применяются и при изучении историко-демографических, историко-социологических, историко-культурных и других явлений, а также при текстологическом и стилистическом анализе нарративных источников.

Во всех областях применения количественных методов советские историки исходят из определяющей роли сущностно-качественного подхода и поэтому уделяют первостепенное внимание теоретическим и методологическим проблемам количественного анализа. В этом состоит основное отличие марксистского подхода к применению количественных методов в исторических исследованиях сравнительно со структуралистским. Понятно, что это ни в коей мере не означает, во-первых, того, что в применении советскими историками количественных методов нет своих трудностей и издержек и, во-вторых, того, что для советских историков не представляет интереса практика применения этих методов в структуралистской историографии. Даже если бы эта практика имела только негативные итоги, то и тогда ее изучение имело бы интерес и смысл. Между тем, как было показано, применение структуралистами количественных методов в исторических исследованиях имеет и свои положительные результаты и сильные стороны. Поэтому советские историки, раскрывая методологическую несостоятельность структурализма и вытекающие из этого просчеты и ошибки в применении количественных методов, вместе с тем должны тщательно изучить, критически осмыслить и при необходимости использовать все то положительное, что дало применение этих методов в буржуазной историографии. *

⁸⁶ И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. (Опыт количественного анализа). М., 1974.

Здесь прежде всего заслуживает внимания опыт формализации и кодирования различных массовых данных и создания комплексов машинной исторической информации, а также разработка соответствующих информационно-поисковых систем для ее использования.

Далее, представляет интерес совокупность приемов для расчета отсутствующих данных, выявления взаимосвязей различных показателей, построения количественных моделей на основе тех или иных математических методов (регрессионный и факторный анализ, линейное программирование и т. д.) и алгоритмы и блок-схемы программ для ЭВМ.

Наконец, должны быть учтены итоги постановки и изучения ряда проблем, не получивших еще достаточной разработки в советской историографии. Это — вопросы исторической демографии, и прежде всего структуры семьи; социальной психологии; урбанизации и социального развития, в том числе социальной мобильности и др.

Достижения буржуазной историографии в методике и технике с успехом могут быть применены и обогащены на основе марксистской теории и методологии исторического познания.

Таков круг основных вопросов структуралистской методологии и структурно-количественных методов исследования в современной исторической науке, которые представлялось целесообразным затронуть в данной статье.



НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА

Изучение аграрного строя России эпохи капитализма представляет собой важную и актуальную задачу, решение которой непосредственно связано с анализом социально-экономических предпосылок буржуазно-демократических и социалистической революций, выявлению расстановки в них классовых сил. Степень развития капитализма в сельском хозяйстве во многом определялась характером внутреннего строя помещичьего хозяйства, являвшегося основой развития пореформенной деревни, соотношением капиталистической и отработочной систем¹.

Вопрос этот до сих пор не изучен должным образом. Одной из причин этого является узость источниковой базы, расширение которой может происходить не только за счет привлечения новых архивных материалов². Существует достаточно большой круг опубликованных данных о помещичьем хозяйстве, многие из которых привлекались историками частично, а некоторые вообще не использовались. В этом плане наиболее показательны материалы Государственного дворянского земельного банка. О важности этих материалов пишут все авторы, которые обращались к ним³. На возможность их применения при анализе вопросов о соотношении отработочной и капиталистической систем указывается в статье В. И. Прониной⁴. Однако до сих пор место этих материалов в системе источников по помещичьему хозяйству не определено, использование фрагментарно и не всегда соответствует их богатым информационным возможностям. Так, например, «Отчеты»⁵ привлекаются в основном для подтверждения факта разорения дворянства в конце XIX — начале XX в. Вместе с тем это погодичное издание, содержащее обобщенные (по уездам и губерниям) сведения об имениях, закладываемых в Дворянский банк в каждом текущем году, является одновременно ценным источником и по финансовой политике государства (это показы-

¹ Специальные исследования посвящены в основном изучению и характеристике крупной земельной собственности. См. А. М. А н ф и м о в. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969; Л. Б. М и н а р и к. Экономическая характеристика крупной собственности России в конце XIX — начале XX в. М., 1971 и др.

² Наиболее интересным здесь в последнее время является использование описаний помещичьих имений, заложенных в Дворянском земельном банке, для изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства методами количественного анализа. См. Н. Б. С е л у н с к а я. Моделирование социальной структуры помещичьего хозяйства России конца XIX — начала XX в. В сб. «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М., 1975.

³ См. А. М. А н ф и м о в. Указ. соч., стр. 20.

⁴ В. И. П р о н и н. Материалы Дворянского банка как источник изучения помещичьего хозяйства. «Бахрушинские чтения», 1971, вып. 2. Новосибирск, 1971.

⁵ «Отчеты Государственного дворянского земельного банка за 1886—1916 гг.». СПб. — Пг., 1888—1918.

вает анализ финансовых операций, которыми представлена часть «Отчетов»), и по процессу залога (содержание программы рассчитано на освещение именно этого вопроса), и главное, по помещицкому хозяйству. Другие же материалы Банка, такие, как «Отчеты Особого отдела»⁶ и «Отчеты по ликвидации Саратовско-Симбирского банка»⁷, лишь упоминаются в литературе, а ведь они являются источником, позволяющим судить о процессе залога дворянских земель, проходившем в первые пореформенные десятилетия в Европейской России и на территории Поволжья.

Одним из важных материалов Банка, который практически не фигурирует в исторических исследованиях по помещицкому хозяйству конца XIX в., является обнаруженная нами недавно в Научной библиотеке им. Горького при Московском университете публикация «Имена, принятые в залог»⁸.

Издание это является одним из самых ценных опубликованных материалов Дворянского банка, так как содержит сведения по каждому отдельному имению, поступившему в залог в период 1886—1894 г. Начало ему было положено в 1896 г. Предполагалось, что оно будет носить периодический характер и выходить в виде особого приложения к «Отчетам». Первые четыре выпуска охватили девять лет деятельности Банка, с 1886 по 1894 г. включительно. Готовились к публикации, очевидно, и последующие выпуски, но так как издание носило служебный характер, то они либо не вышли за пределы отдельных государственных учреждений, а затем «осели» в архивах, либо вообще не были опубликованы. Но и те четыре выпуска, которыми мы располагаем, служат весьма ценным источником, содержащим сведения о 20 тыс. дворянских имений.

Основу издания, по-видимому, составляли какие-то сведенные воедино материалы оценочных описей, т. е. «дел» на каждое имение. Сведения, зафиксированные в оценочной описи, должны были выразить ценность закладываемого в Банк хозяйства в стоимостном виде. Поэтому его «описание» включало в себя ряд показателей, которые были обобщены в таком из них, как «оценка всего имения». Она и должна была служить основой при выдаче ссуды под залог имения. Размер последней был связан с двумя видами оценки — нормальной и специальной. При нормальной оценке в залог поступала только земля. При чем выдаваемая ссуда не должна была превышать 20% ее стоимости. Специальная оценка предполагала принятие в залог земли и тех материальных ценностей, которые находились на ней. Ссуда при специальной оценке могла доходить до 65% стоимости имения. Поэтому характер оценки и определял наличие тех или иных сведений об имениях.

Собранные данные вносились в однопрограммную таблицу по каждому отдельному имению, которое описывалось по специальной оценке. Она включала в себя 49 показателей, сгруппированных по следующим разделам: «Земля» (цена одной десятины, расстояние от места сбыта, расстояние до города, количество всей удобной земли — усадебной, пахотной, сенокосной, выгонной, леса; прочей удобной — какой именно; неудобной; всей земли; характер почвы); «Хозяйство» (способ ведения;

⁶ «Отчеты Особого отдела Государственного дворянского земельного банка». СПб., 1891—1916.

⁷ «Отчеты по ликвидации Саратовско-Симбирского банка». СПб., 1897—1913.

⁸ «Имена, принятые в залог» (Особое приложение к Отчетам Государственного дворянского земельного банка), вып. I—IV. СПб., 1896.

севооборот; стоимость: а) рабочего скота, б) сельскохозяйственного инвентаря, в) господских построек, г) хозяйственных построек, стоимость и доходность оброчных статей); «Оценка» (количество удобной земли, принимаемой в залог, в том числе растущего леса; оценка всего имения, в том числе хозяйственных угодий и земли, построек, оброчных и прочих доходных статей; оценка одной десятины: всего имения, леса, хозяйственных угодий и земли; оценка построек в расчете на одну десятину удобной земли, оброчных и прочих статей); «Ссуда» (срок ссуды, сумма ссуды, величина ссуды в расчете на одну десятину удобной земли; размер ссуды, приходящийся на 100 руб. оценки; размер денежного взноса при страховании имения; при дополнительных ссудах — год выдачи первоначальной ссуды, количество земли и ее первоначальная оценка); «Справочные данные» (продажная и арендная цена одной десятины земли, съемочные цены пашни и сенокоса). Если имение принималось по нормальной оценке, то в публикации отсутствовали данные по разделу «Хозяйство». Сведения об имениях приводились по уездам, губерниям и районам без итоговых данных. В конце каждого из четырех выпусков было помещено приложение с дополнительными сведениями по некоторым имениям. Таково основное содержание публикации «Именных, принятых в залог».

Публикация охватывает значительное число имений на всей территории деятельности Банка, т. е. на подавляющей части Европейской России, в том числе и в районах, где не проводилось земских обследований помещичьего хозяйства. Главным ее достоинством является то, что каждое имение описано отдельно, в отличие от многих других публикаций по помещичьему хозяйству. С этой точки зрения сводка данных «Именных, принятых в залог» является уникальной.

Есть в этой публикации и существенные недостатки. Главный из них — отсутствие нулевых значений ряда показателей. Характер публикации не позволяет решить, с чем оно связано — не было сведений у составителей или отсутствовал сам компонент. Кроме того, публикация не включает максимума данных, которыми располагал Дворянский банк. Это явствует из сравнения содержания публикации с формуляром оценочной описи⁹. Не включены сведения об источниках доходов, о расходах, о ценах на рабочую силу и многие другие. Очевидно, одной из причин этого могла быть трудность публикации сведений по более широкой программе.

Для выявления степени достоверности данных публикации необходимо выделить главные этапы в складывании информации об имениях.

Первым этапом получения информации об имениях был сбор сведений в самих имениях. Так были получены данные, относящиеся к трем разделам программы: «Земля», «Хозяйство», «Справочные данные». Далее Банк, обобщая эти сведения, производил оценку имения, которая включалась в раздел «Оценка». Наконец, Банк выдавал ссуду, и этот процесс находил свое выражение в разделе «Ссуда». Все три этапа в формировании информации тесно связаны между собой. Первым и главным из них являлся сбор сведений. Именно на этом этапе и стояла главная задача — «описать» имение, т. е. предусматривалось получение ответов на тот минимум вопросов, которые предполагала специальная или нормальная оценка имения. А так как при нормальной оценке Банк интересовало только количество принимаемой в залог земли, то процесс полу-

⁹ «Государственный дворянский земельный банк. Сборник законоположений, правительственных распоряжений и разъяснений», Изд. 3. СПб. [б. г.], стр. 80.

чения сведений в этом случае состоял в измерении земельных площадей, а чаще в проверке земельных планов, прилагаемых владельцами вместе с заявлениями о ссуде. Если же имение принималось в залог по специальной оценке, то помимо проверки плана необходимо было получить сведения о хозяйстве и справочные данные.

Таким образом, главный этап формирования сведений об имениях включал в себя два момента, которые, в конечном счете, определяют уровень их достоверности. Первый момент — это измерения. Данные, полученные на основании измерений, — наиболее достоверные из всех сведений, полученных на этом этапе. К ним относятся сведения о размерах земельных угодий и удаленность имения от города и места сбыта сельскохозяйственной продукции. Второй момент связан с опросом. Эти данные менее достоверны. Они включают сведения о «способах ведения хозяйства», ценах и т. п.

Все сведения, полученные на первом этапе деятельности Банка, являются «входными». Информация, создаваемая на втором и третьем этапах, в основном определяется их характером.

При сборе сведений в имениях возникал ряд сложностей. В частности, были затруднения при определении «способов ведения хозяйства». Так, в «Отчете» за 1886 г. говорится: «Представить совершенно точные данные о способах ведения хозяйства во всех заложенных имениях ко времени поступления их в залог... не представляется возможным, потому что во многих имениях нет вполне установленной системы...»¹⁰. Очевидно, это было одной из причин, влиявших на точность определения способа ведения хозяйства и сказавшихся в большом разнообразии этих определений. Другие трудности были связаны с оценкой инвентаря, построек и т. д. Например, владелец пригородного имения определял доход от молочной коровы в 70—90 руб., но ни он, ни оценщик не могли установить продажную цену этой коровы. Или, например, у двух соседей — одинаковые молотилки, но один только что ее купил, а второй пользуется ей уже десять лет. Отмеченная же цена их указывалась одинаковой. Все это показывает, что в процессе «опроса» практически не было единого подхода при сборе целого ряда сведений.

Указанные недостатки и неточности следует иметь в виду при использовании данных публикации «Имения, принятые в залог». Чтобы избежать влияния недостатков на результаты исследования, целесообразно привлечь данные не по отдельным имениям, а по более или менее значительной их совокупности. При этом отклонения в данных по отдельным имениям будут уравниваться, взаимно погашаться, т. е. средние показатели будут близкими к реальным.

Обширный комплекс сведений в рассматриваемой публикации может служить основой для изучения помещичьего хозяйства конца XIX в. и, прежде всего, его внутреннего социально-экономического строя. Массовый характер данных открывает простор для широкого применения при их обработке и анализе различных количественных методов. В настоящем сообщении не представляется возможным охарактеризовать все те вопросы, которые могут освещаться на основе этих данных, и те методы, которые могут для этого использоваться. Ограничимся лишь одним примером, который дает представление о широких возможностях нашего источника.

Одной из важных задач при изучении внутреннего строя помещичьего хозяйства является выявление различий, обусловленных соответствующими способами его ведения. Определенные возможности для этого

¹⁰ «Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1886 год». СПб., 1887, стр. 36.

заложены в анализе хозяйственных показателей. Таким путем обычно и идут исследователи. Но известное представление об этих различиях можно получить и на основе изучения данных о структуре земельных угодий. Для примера были взяты данные публикации по Воронежской губернии за 1886 г.¹¹ Из 105 имений, заложенных в Дворянском банке, были отобраны имения, в которых хозяйство велось двумя способами — самим владельцем и посредством сдачи имения в аренду. В первую, владельческую группу вошло 45 имений, во вторую, арендную — 25 имений. Уже средние процентные доли основных земельных угодий показывают некоторые различия в земельной структуре имений владельческих и арендных. Во владельческой группе имений с возрастанием общих размеров земельных угодий падает доля пашни с 70—90% до 50—60%, что становится заметно при размерах имений свыше 500 дес. Этого нельзя сказать про арендные хозяйства. При размерах до 1000 дес. доля пашни остается на одном уровне и составляет 80—90% от общего числа угодий.

Теснота взаимосвязи в соотношении земельных угодий

Коррелируемые показатели	Теснота взаимосвязи в имениях	
	владельческих	арендных
Усадьба-пашня	-0,04	0,397
Усадьба-сенокос	0,326	0,385
Усадьба-вся удобная земля	0,184	0,405
Пашня-сенокос	0,197	0,927
Пашня-вся удобная земля	0,608	0,988
Сенокос-вся удобная земля	0,586	0,902

Корреляционный анализ позволил углубить представление о структуре земельных угодий в двух исследуемых группах имений. Так как значения показателей в выборках распределялись примерно одинаково, то для расчетов использовались как относительные, так и абсолютные показатели.

Коэффициенты корреляции вычислялись между следующими показателями: усадебная земля, пашенная земля, сенокос и выгон, общее количество удобной земли. Характер взаимосвязи показан в таблице.

Полученные коэффициенты корреляции указывают на наличие более тесной связи между земельными угодьями в арендных хозяйствах по сравнению с владельческими. Особенно наглядными в этом плане являются три последних показателя, приведенных в таблице, которые характеризуют связь между всей удобной землей, пашней и сенокосом. Собственно, наличие этой связи в данном случае важно не само по себе, так как естественно ее предполагать уже исходя из известного факта развития земледелия в одном из черноземных районов России — Воронежской губернии, а в той связи, что она указывает на достаточно явную разницу в структуре земельных угодий между арендными и помещичьими хозяйствами. Так, коэффициент корреляции между всей удобной землей и пашней в арендных хозяйствах равен 0,988, в то время как во владельческих $r = 0,608$, между всей удобной землей и сенокосом $r = 0,902$, во владельческих $r = 0,586$. Это свидетельствует о более рациональном использовании земельных площадей в арендных хозяйствах, о большей интенсивности ее обработки. В таких хозяйствах размер

¹¹ «Имения, принятые в залог», вып. I, СПб., 1896.

сенокоса и выгона должен быть обусловлен потребностями содержания рабочего скота, что и показывает высокий коэффициент корреляции между пашней и сенокосом (0,927). Что касается владельческих хозяйств, то в них отсутствует связь именно между этими двумя компонентами (0,197), что свидетельствует о независимости их между собой.

Таким образом, если арендные хозяйства обладают достаточно «жесткой» рационально сбалансированной структурой земельных угодий, то в отношении владельческих можно сказать, что для них характерна меньшая организованность хозяйства, так как налицо относительная независимость элементов земельной структуры.

Данный анализ свидетельствует о больших возможностях использования рассматриваемой публикации при решении ряда вопросов по помещичьему хозяйству России конца XIX в. Широкие географические границы, статистический характер сведений, однотипность программы и то обстоятельство, что единицей описания является каждое отдельное имение, делает их одним из самых интересных источников среди публикаций Дворянского банка. Дальнейшее его использование на основе применения новейших методов обработки массовых источников представляется перспективным.



К ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПИСЦОВЫХ КНИГ («ПРИПРАВОЧНЫЕ КНИГИ»)

Изучение и использование в исторических исследованиях книг, обозначаемых обычно общим термином «писцовые книги», насчитывает без малого полтора века. Усилиями нескольких поколений ученых создана огромная литература. Многие из них, в том числе выдающиеся представители отечественной науки, высказали свое мнение о писцовых книгах как источнике, о задачах и приемах их изучения. Значимость этого творческого наследия трудно переоценить. Однако наличие такой литературы при отсутствии до сих пор фундаментальных историографических трудов, подводящих итоги изучения описательно-межевого «дела» в России, привело к тому, что у исследователей постепенно появилась уверенность в том, что большинство вопросов источниковедения писцовых книг уже решено. Этим, по-видимому, в значительной мере можно объяснить три явления, характерных для научных исследований последних десятилетий: 1. Наряду с продолжающимся общим интенсивным использованием писцовых книг, работы, специально посвященные им, приняли довольно узкую направленность — писцовые книги рассматриваются в них лишь как источник для изучения той или иной проблемы (темы), тех или иных территорий. 2. Весь комплекс источниковедческого анализа, обязательный для каждого вида документальных материалов, даже в специальных работах преимущественно сводится к отдельным наблюдениям. Исследователи, как правило, ограничиваются установлением количества листов, филиграней, скреп писцов или дыяков, выявлением случаев перебивки листов и дефектов текстов; датировка книги производится только на основе дат в заглавиях и текстах, а в случае их сомнительности или отсутствия — по биографическим данным нескольких из землевладельцев и т. п. К сожалению, вовсе не изучаются обстоятельства составления тех или иных книг; последующее использование их в приказном делопроизводстве (в том числе многократные переработки); не выявляются и возможности реконструкции дошедших до нас неисправных текстов. 3. В исследовательской практике широко привлекаются издания писцовых книг, осуществленные в прошлом веке, где, как уже давно установлено, тексты были напечатаны без их предварительного источниковедческого анализа.

Между тем обращение к предшествующей литературе убеждает в том, что представление о решенности большей части вопросов источниковедения писцовых книг далеко не всегда соответствует реальному положению.

Еще в дореволюционной историографии отмечалась одна общая тенденция, свойственная изучению писцовых книг. Пожалуй, наиболее четко ее сформулировал Ю. В. Готье: «... широкое пользование этими книгами как историческим материалом не сопровождалось соответствующим по интенсивности критическим изучением занимающих нас памят-

ников. Интерес, возбуждаемый содержанием книг, отодвигал на второй план критическое их исследование. Попытки осветить эту сторону дела встречаются далеко не во всех работах, основанных на писцовом и переписном материале. Можно утверждать, что критическому изучению этого вида первоисточников русской истории положено лишь основание¹. Даже такие капитальные труды, как названная работа Ю. В. Готье и «Сошное письмо» (т. 1—2. М., 1913—1916) С. Б. Весселовского, своего рода энциклопедии источниковедения писцовых книг, посвящены общим проблемам отечественной истории. В силу этого в них не ставилась задача систематического изложения всех или большей части вопросов источниковедения означенных книг. Наоборот, сами авторы подчеркивали, что они строго ограничивают и круг этих вопросов, и обстоятельность их рассмотрения в зависимости от нужд главных тем своих исследований. Естественно, что всестороннему источниковедческому анализу была подвергнута очень незначительная часть привлеченных ими писцовых книг и сопутствующих им документов; причем зачастую он проводился не над оригиналами, а над опубликованными текстами. Методика источниковедения писцовых книг полно пока еще не изложена. Можно насчитать очень немого работ, содержащих обстоятельный источниковедческий анализ той или иной книги (группы книг).

Сложившееся в источниковедении писцовых книг положение, пожалуй, отрицательнее всего сказалось на формировании у историков представления о таком источнике, как приправочные книги, а вследствие этого и на результатах их использования. Поэтому, на мой взгляд, решение вопросов, связанных именно с приправочными книгами, — одна из первоочередных задач источниковедения писцовых книг.

Известно, что большинство писцовых описаний XVI в. и часть описаний XVII в. сохранились не в подлинниках, а в виде так называемых приправочных книг. Еще в конце прошлого века ученые пришли к выводу, что эти книги не особая разновидность описательных работ, а «списки» (по некоторым определениям — «списки слово в слово», «дословные списки», «дословные копии») предыдущих писцовых, дозорных, отдельных и других книг, которыми в качестве справочного материала и образцов снабжались писцы, посылаемые вновь описывать те же территории.

Этот вывод, сыгравший важную роль в изучении писцовых книг, полностью принимается и в современной научной, педагогической и справочной литературе, хотя уже сам факт наличия не подлинников, а «списков» источника, должен был бы вызвать потребность в дальнейших источниковедческих исследованиях.

Все сказанное заставляет еще раз вернуться к историографии вопроса и попытаться наметить основные периоды в изучении приправочных книг и тенденции, присущие каждому из них; выявить пути, которыми ученые пришли к тем или иным определениям приправочных книг, круг использованных ими для этого документальных материалов, методику их источниковедческого анализа и то, с какой последовательностью она была применена по отношению к конкретным книгам (документам) именно в связи с формулированием определений и характерных особенностей приправочных книг; составить представление о степени обоснованности имеющихся определений приправочных книг в целом и их отдельных положений².

¹ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. Изд. 1. М., 1906, стр. III.

² В статье не рассмотрено несколько работ, где высказанные по ходу изложения определения приправочных книг, не создавая особой традиции, подкреплены краткими ссылками на описания северо-западных областей страны. Такое решение обусловлено

Вопросы, связанные с приправочными книгами, возникли с самого начала изучения истории описательно-межевого «дела» в России. В процессе их решения можно выделить два основных периода, грань между которыми — 1889 г., когда была опубликована небольшая статья А. С. Лаппо-Данилевского «Какое значение имели приправочные книги в XVII веке?»³.

В первый период все исследователи (несмотря на некоторые различия мнений относительно целей составления приправочных книг) определяли их как особую разновидность описательных работ, существовавшую наряду с писцовыми, дозорными, переписными и иными книгами. Наиболее раннее определение приправочных книг (впрочем, как и большинства других «поместно-вотчинных книг») в научной литературе принадлежит видному историку и архивисту П. И. Иванову. Автор дает определение той или иной разновидности книг, сопровождая каждое из них одним-двумя примерами, куда включает заглавие книги и текст описаний от одного до нескольких владений. По его мнению, «приправочные книги служат дополнением к писцовым и дозорным; либо частые переходы имений от одного владельца к другому и пожалование их вновь, требовали дополнений к сим книгам, и особенно по истреблении большей части этих книг, как во время самозванцев, так и нашествий поляков; почему и посылались писцы частью учинить их вновь, а частью поверить прежние, сохранившиеся в целости, от чего и составлялись приправочные книги»⁴.

В определении многое неясно, в частности, почему дополнений к прежним писцовым и дозорным книгам требовали лишь «частые переходы имений от одного владельца к другому и пожалование их вновь», а не все изменения; что именно нужно было проверить в этих книгах; сколь систематической была практика составления приправочных книг? Ощущение неясности усиливается при сравнении данного определения с определением дозорных книг: «Дозорные книги значат то же, что и писцовые; дозорными же названы они потому, что так называемые дозорщики дозорили или поверяли за писцами. Дозорщики же разрешали споры в межевых границах или в усиленном завладении кем-либо недвижимых имений»⁵. Следовательно, дозорщики «дозорили или поверяли за писцами» писцовых книг, а приправочные книги служили «дополнением к писцовым и дозорным» с одновременной целью «поверить» их. Далее, дозорные книги разрешали споры только «в усиленном завладении кем-либо недвижимых имений», а причина составления приправочных книг — вообще «частые переходы имений от одного владельца к другому и пожалование их вновь». При всем при том, «дозорные книги значат то же, что и писцовые», а приправочные таковыми не

тем, что исследованием этих описаний в последние годы специально занималась большая группа ученых, чьи развернутые соображения по данному вопросу (в том числе историографическим) пока не опубликованы. Здесь отметим лишь выраженное в общей форме положение Г. В. Абрамовича о том, что некоторые новгородские приправочные книги представляют собой особую разновидность описательных работ проперочного характера. См. Г. В. Абрамович. К вопросу о степени достоверности писцовых книг и методах ее установления. «Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс — Каунас, сентябрь 1971 г.)». М., 1971, стр. 27—28.

³ «Библиограф», 1888, № 8—9. СПб., 1889, стр. 167—169.

⁴ П. Иванов. Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей в России существовавших, с историческим изложением всего до них относящегося. М., 1836, стр. 196—197; его же. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846, стр. 134; его же. Обозрение писцовых книг по Московской губернии, с присовокуплением краткой истории древнего межевания. М., 1840, стр. VIII.

⁵ П. Иванов. Систематическое обозрение..., стр. 196.

считаются. Трудно уловить специфику каждой из книг и их функциональную целесообразность в предложенной автором многоступенчатой системе проверки и перепроверки предыдущих описаний.

В качестве примера приправочных книг П. И. Иванов привлек «Книги Дедилова посаду и Дедиловского уезда письма и меры Ивана Алексеевича Жеребцова, да Тимофея Ивановича Хлопова, да дьяка Ивана Мешаева, да подьячего Казарина Приклонского лета 7096 и 97 года»⁶. В самой книге нет указаний на то, что она приправочная. Более того, заглавие определяет ее как «Книги... письма и меры». Термин «приправочная» в данном случае заимствован П. И. Ивановым из стандартного ярлыка Разборного комитета 1835 г. на переплете тома, содержащего текст книги И. А. Жеребцова «с товарищи» (имеется в виду архивная единица хранения)⁷. Но может быть, определение П. И. Иванова основано на содержании книги? Если это, действительно, приправочная книга, то согласно приведенному определению, ее цель — проверить и дополнить предшествующее описание. Известно, что ближайшим по времени описанием Дедилова и его уезда были писцовые книги Константина Андреевича Наумова «с товарищи» 7093 (1584/85) г.⁸ В самом деле, подведя свой общий итог, И. А. Жеребцов «с товарищи» сравнивают его с тем, что было прежде: «а по Костентиновым книгам...» (далее в источнике пробел)⁹. Однако в ходе самого описания и города, и уезда те же И. А. Жеребцов «с товарищи» постоянно сопоставляют свои данные с какими-то «приправочными книгами». Относительно целых владений, населенных пунктов, мест дворовых, хозяйственных данных и т. д. следуют замечания: «в приправочных книгах не написано», или в них же «написано в порозжих землях». Есть даже специальный раздел: «В Дедиловском же уезде порозжие поместные земли, что были за детми боярскими в поместьях, в приправочных книгах не написаны»¹⁰. Выходит, что составители приправочной книги 1587—1589 гг., посланные проверить и дополнить писцовую книгу 1584/85 г. вынуждены одновременно делать то же самое и в отношении какой-то более ранней приправочной книги. Предположение, что перед нами случай, когда Приказ, не удовлетворенный ни писцовой книгой (К. А. Наумова 1584/85 г.), ни проверявшей и дополнявшей ее приправочной (дата и составители неизвестны), послал И. А. Жеребцова «с товарищи» для новой проверки их обеих, отпадает, ибо, если судить по тексту книги, главное занятие данных писцов — собственное описание города и уезда. В то же время сравнение случаев, когда они обращаются к предыдущим описаниям, показывает, что речь все время идет об одних и тех же книгах, подчас обозначаемых своим действительным названием («писцовые книги Константина Наумова с товарищи 93-го году»), а иногда по их функции («приправочные книги»).

Путь, которым П. И. Иванов пришел именно к таким определениям книг (в том числе и приправочных), ясно выражен уже самим заглавием соответствующего раздела его труда — «Объяснение названия поместных и вотчинных книг и древней меры земли»¹¹. Это полностью согласовалось с одной из задач «Комитета описания Архивов Сенатского, Государственного и Вотчинного», членом которого был П. И. Иванов,

⁶ П. И в а н о в. Систематическое обозрение..., стр. 155—161. Позже были опубликованы в издании «Писцовые книги Московского государства», ч. 1, отд. 2 (далее: ПКМГ, 1, 2). СПб., 1877, стр. 1261—1299.

⁷ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, оп. 1, кн. № 124.

⁸ См., напр., С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 592.

⁹ ПКМГ, 1, 2, стр. 1298—1299.

¹⁰ Там же, стр. 1262, 1273, 1276, 1295—1296, 1297—1298.

¹¹ П. И в а н о в. Систематическое обозрение..., стр. 192.

а затем Канцелярии Московского архива Министерства юстиции, который он возглавлял¹².

Встречая наряду с писцовыми, дозорными, переписными и иными книгами книги, именовавшиеся «приправочными», естественно было принять их за особую разновидность описательных работ. Тем более, что, судя по всему, из значений слова *приправлять* (*приправить*) было принято во внимание лишь наиболее распространенное в то время его толкование (от *приправа*) — дополнить, добавить, одобрить что-нибудь чем-либо¹³. Другое же его толкование (от *приправка*) — пригнать, подогнать, прировнять, приладить что-нибудь к чему-либо¹⁴ — осталось вне поля зрения. При формулировании определения приправочных книг П. И. Иванова не насторожил и тот факт, что в источниках не обнаружилось специального термина для обозначения составителей этих книг ни в чистом виде — «приправщики», ни в заглавиях книг — «приправочные книги письма и приправки», ни среди упоминаний о книгах в документах — «книги приправщиков», «приправочные книги». Ведь для составителей других книг подобного и даже менее значительного ранга таковые термины имелись и постоянно употреблялись.

Большинство исследователей (первого же периода), писавших после П. И. Иванова и вынужденных так или иначе касаться определений книг, в том числе и приправочных, к сожалению, не подкрепляли их ни аргументацией, ни хотя бы примерами¹⁵. Нетрудно заметить влияние на названных авторов определения приправочных книг П. И. Иванова (характеризуя эти книги, они не раз прямо ссылаются на его труды).

И. Д. Беляев — единственный из исследователей того времени, кто постарался обосновать свою точку зрения на приправочные книги. Он также относил их к особой разновидности описательных работ, но определял иначе. По его мнению, наряду с наказами «при составлении писцовых книг принимались в руководство и в основание книги приправочные, в которых подробно излагалось кому принадлежат какие имения и по каким документам на право владения»¹⁶. В последующем И. Д. Беляев уточнил это определение: «Значение приправочных книг в древней Московской администрации было по преимуществу юридическое. Приправочные книги составлялись собственно для засвидетельствования, на каких правах кто владеет каким недвижимым имением». (Владельцы приносили эти документы писцам, которые и записывали в книгу имения со ссылками на соответствующие «крепости»¹⁷). По мнению ученого, приправочным книгам присущи несколько черт. Так, в них записывались только «частные имения, т. е. вотчинные, помещ-

¹² О деятельности этих учреждений подробнее см. «Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции (далее: «Описание документов и бумаг»), кн. 1. СПб., 1869.

¹³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1956, стр. 436; «Словарь современного русского литературного языка», т. II. М.—Л., 1961, стр. 668—689.

¹⁴ В. И. Даль. Указ. соч., стр. 436.

¹⁵ См. К. А. Неволлин. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II, т. VI. СПб., 1859, стр. 469; Е. Г. Осокин. О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России. Казань, 1856, стр. 51 и 106 (прим. № 175); Н. В. Калачев. О начале, значении и содержании писцовых, межевых и других книг. «Описание документов и бумаг», кн. 1, стр. VI—VII. Повторено в статье «Об издании извлечений из писцовых книг». «Русский вестник», т. 80. М., 1869, кн. 2, № 4, стр. 825—827.

¹⁶ И. Д. Беляев. О поземельном владении в Московском государстве. «Москвитянин», 1848, № 7; позже перепечатано во «Временнике МОИДР», кн. 11. М., 1851, стр. 74—75. (Цитируется по последнему изданию).

¹⁷ И. Д. Беляев. Приправочная книга Рязанского уезда 7124 года и Приправочная книга Московского уезда 7094 года. «Временник МОИДР», кн. 13. М., 1852, стр. 11.

ные и церковные, о землях же черных и дворцовых вовсе не упоминалось». Главное внимание уделялось официальным документам на право владения, сами же имения описывались «только в общих чертах» (цифры четвертой земли и леса, копен сена, иногда — количество дворов); сведения о «людях» и «доходах» не фиксировались. Книгам свойственна система терминов, при помощи которых писцы фиксировали обоснования владельческих прав на каждый из видов имений. Так, уже записанное в прежней приправочной книге поместье в новой обозначалось как «старое» данного лица, его отца, мужа и т. д., а вотчина — как «старая», «родовая», «купля» и т. д. Об оброчных землях писалось лишь, чьими они были прежде и за кем в данный момент на оброке, ибо особые книги этим землям велись в Приказе Большого прихода¹⁸. И. Д. Беляев считал, что в качестве основного доказательства всех вышеприведенных положений ему послужил один источник — приправочная книга Московского уезда Т. А. Хлопова «с товарищи» 1585/86 г. В действительности он использовал два совершенно разных источника, составленных этими писцами в 1585/86 г., причем один из них оказал решающее влияние на возникновение у И. Д. Беляева представления о приправочных книгах как особой разновидности описательных работ (фрагментом этого источника он подкрепляет определение этих книг); другой же дал ему материал для характеристики их главных черт. Оба источника находятся в одном томе (имеется в виду архивная единица хранения)¹⁹.

Первые 728 листов тома занимает описание Московского уезда (это хорошо известный исследователям по изданию Н. В. Калачева «список» XVII в. писцовой книги части уезда Т. А. Хлопова «с товарищи» 1585/86 г.)²⁰, сохранившееся без начала и не содержащее сведений о времени своего составления, а также о писцах. Наличие таких сведений на 729-м листе рукописи отметил сотрудник Разборного комитета 1835 г. в архивной справке, предосланной тому. Видимо, последовав этому указанию, И. Д. Беляев обнаружил текст, открывающийся заголовком: «Лета 7094-го выписано из книг Московского уезду половина письма и меры Тимофея Андреевича Хлопова с товарищи, которые бояре и дворяне и дети боярские и приказные люди и вдовы и недоросли владеют вотчинами по старым книгам и по купчим крепостям и по изустным памятам и по закладным кабалам и крепости на те вотчины клали». На основании слов заголовка «выписано из книг...» И. Д. Беляев заключил, что первая часть тома — сама книга Т. А. Хлопова 1585/86 г., а это — извлечение из нее, касающееся только вотчин.

Данный текст произвел на И. Д. Беляева большое впечатление: свое определение он подкрепил приведенным выше заголовком, назвав сам документ «выписью из приправочных книг». Как пример дано описание одной вотчины: «Богдан Иванов сын Полев, вотчины за ним отца его 61 году, по докладу Преосвященного Митрополита Макарья всеа Русии и по духовной грамоте Огрофены Григорьевны жены Иванова сына Нагово, Андреевы дочери Иванова сына Товаркова, что выкупил у архимандрита Феогнаста селцо Кочабарова, да деревню Корнаукову с пустоши: пашни и перелогу сто тридцать шесть чети»²¹. Из первой части тома И. Д. Беляев опубликовал только описание Горетова стапа под названием «Приправочная книга по Московскому уезду 7094 году.

¹⁸ Там же, стр. II—VI.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, оп. 1, кн. № 257.

²⁰ ПКМГ, 1, 1, стр. 96—277.

²¹ И. Д. Беляев. О поземельном владении..., стр. 75; его же. Приправочная книга..., стр. II—III.

(Отрывок)» и на его материале в предисловии охарактеризовал черты приправочных книг.

На первый взгляд, даже приведенные тексты и наблюдения над ними автора могут служить весомым подтверждением такого определения приправочных книг. Но настораживает уже то, что единственное во всем томе известие об описании Т. А. Хлопова, встречаемое в «выписи», называет его «книгами письма и меры», а не «приправочными». Сам И. Д. Беляев нигде не заключает последний из этих терминов в кавычки как относящийся к тексту источника. Оказывается, он заимствовал его из стандартных ярлыков Разборного комитета 1835 г. на переплете тома, где написано: «Приправочная. Москва 7094». Однако трудно предположить, чтобы, оформляя новый переплет, архивисты могли произвольно внести в ярлык столь важный термин для характеристики источника. Вероятнее всего, это было переписано со старого переплета. Следовательно, одна и та же книга могла называться книгой «письма и меры», т. е. писцовой, и одновременно — «приправочной». И. Д. Беляев не придавал значения этому обстоятельству. Между тем без установления причин подобного явления его определение приправочных книг как особой разновидности описательных работ не может считаться обоснованным. Как показал последующий опыт изучения приправочных книг, материала, содержащегося только в одной из них, недостаточно для формулировки определения и характеристики особенностей этого источника. Необходимо сопоставление многих книг с привлечением широкого круга приказных документов.

Что касается источника, названного И. Д. Беляевым «выписью», то это не извлечение из книги Т. А. Хлопова «с товарищи» 1585/86 г., а уникальный по содержанию документ писцового делопроизводства XVI в. Условно его можно назвать «явочным списком» вотчинных владений той половины Московского уезда, которую описывали эти писцы²². Его вводная часть объединяет общее заглавие и заголовок лишь первого раздела, касающегося вотчин лиц, которые перед писцами «крепости на те вотчины клали». Но, кроме того, имеются еще два раздела: 1) «Да в Московском же уезде за дворяны и за детми боярскими вотчины за ними старые их, а владеют по приправочным книгам и по записному списку, а крепостей не клали» и 2) «Да в Московском же уезде которые бояре и дворяне и дети боярские владеют вотчинами, а в приправочных книгах те вотчины и в продажном списку не написаны и крепостей на те вотчины не клали». В документе сосредоточены сведения почти о 170 вотчинниках на середину 80-х годов и 125 их бывших владельцах, прежде всего членах государева Двора. Особенно важны сообщаемые им факты о способах мобилизации вотчин, в первую очередь о распродаже запустевших поместных земель, происходившей в 1573—1575 гг.

Изучение поместно-вотчинных книг явилось прямым следствием начавшегося в 30—40-е годы XIX в. упорядочения государственных архивов России. Именно непосредственное ознакомление с книгами в ходе архивных работ позволило понять их значимость как одного из важнейших массовых источников по социально-экономической истории страны, насущную потребность в их научной разработке и публикации. Однако ряд причин, свойственных начальному периоду изучения поместно-вотчинных книг, препятствовал ставить в то время задачу их детального источниковедческого исследования. Архивистам необходимо было систематизировать и описать огромную массу документальных

²² ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, оп. 1, кн. № 257, лл. 729—770 об. Автором данной статьи документ подготовлен к публикации.

материалов, требовались время и усилия для того, чтобы убедить историков в перспективности изучения данных книг, а затем преодолеть консерватизм официальных кругов, чтобы добиться разрешения на их публикацию; сказывалось и отсутствие опыта работы с материалами приказов. С другой стороны, историки, получив в свое распоряжение столь ценный источник, главное внимание уделили тому, чтобы как можно скорее освоить и использовать его содержание для обоснования тех или иных концепций исторического развития России.

Определение приправочных книг Н. Д. Чечулина занимает как бы промежуточное место между двумя периодами их изучения. Он коснулся этого вопроса в связи с изложением своих взглядов по более общим вопросам: «о начале и постепенном развитии на Руси дела описания земель (до конца XVI в.)» и о том, «какого рода сведения и сколь подробные заключаются в книгах разных наименований». Согласно его определению, приправочными книгами «назывались, по-видимому, копии, проверенные и исправленные, с других книг, хотя возможно, что иногда назывались так и книги, содержащие записи, какие земли розданы, прибавлены разным владельцам»²³. Определение явно двойственно. Поэтому рассмотрим каждое из содержащихся в нем положений.

Существенно новое у Н. Д. Чечулина, по сравнению с предшественниками, признание того, что приправочные книги могли представлять собой «копии, проверенные и исправленные, с других книг». В доказательство им приведены краткие выдержки из двух писцовых книг: «„а по приправочным книгам, за приписью дьяка Богдана Иванова, с книг письма и меры кн. Михаила Литвинова с товарищи... написано...“ (Писц. кн. Моск. Госуд. I, 657)» и «„а по приправочным книгам каковы даны из Поместного приказу, выписав из платежных книг в Большом Приходе...“ (Писц. кн. Моск. Госуд. II, 420)»²⁴. Примеры, действительно, указывают на то, что в данных случаях приправочные книги могли быть «копиями» (списаны «с», выписаны «из») писцовых и платежных книг. Но ни в них самих, ни в писцовых книгах, откуда они извлечены, не говорится о каких-либо «проверках» и «исправлениях», сопутствовавших изготовлению «копий». Это вызвало справедливый упрек Н. Д. Чечулину со стороны А. П. Лапко-Данилевского в том, что «автор не разъясняет, однако, что он понимает под „исправленными и проверенными“ копиями»²⁵. Остается предположить, что Н. Д. Чечулин пришел к такому выводу в результате истолкования термина «приправочные» как исправленные. Если это так, то вполне закономерен и следующий его вывод — «копии с других книг» могли быть исправлены лишь после соответствующей проверки.

Оценивая определения книг, сформулированные предшественниками, Н. Д. Чечулин писал: «Все эти определения имеют один маленький недостаток, указывая только различие повода к составлению книг разных наименований»²⁶. Сам же он, давая принципиально новое определение приправочных книг, не устанавливает именно «повод к их составлению». Между тем сделать это было бы очень важно. Действительно, для чего потребовалось изготавливать в массовом количестве «копии с других книг»?

Фрагменты текстов, использованные автором, являются неотъемлемым элементом формулы итогов большинства писцовых, дозор-

²³ Н. Д. Чечулин. Начало в России переписей и ход до конца XVI в. «Библиограф», 1889, № 2. СПб., 1890, стр. 56—57.

²⁴ Там же.

²⁵ А. С. Лапко-Данилевский. Указ. соч., стр. 167.

²⁶ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 57.

ных и ряда других книг. Рассмотренные не отдельно, а в составе формулы, они как раз и позволили бы ответить на данный вопрос. Так, в писцовой книге 7102 (1593—1594) г. вотчины Троице-Сергиева монастыря в Рузском у. А. Ф. Загряжского и подьячего Ж. Степанова описание волости Войнички завершается итогом. Приведя свои данные (количество населенных пунктов, хозяйственные показатели, расчет сошного письма), писцы производят сравнение: «А по приправочным книгам за приписью дьяка Богдана Иванова с книг писма и меры кн. Михаила Литвинова-Мосалского с товарищи, да писма ж и меры Григорья Пильсмова да Ондreja Сабурова с товарищи 7076-го и 77-го году написано» (далее переписаны итоговые сведения этих описаний). Завершается итог фразой: «И прибыло по Офонасьеву писму Загряжского да подьячего Ждана Степанова пашни сер. земли 6 четьи да худ. пашни 2 чети»²⁷. Таким образом, уже этот текст давал возможность заметить, что приправочные книги вовсе не «копии, проверенные и исправленные, с других книг». Наоборот, писцы, посланные вновь описать ту же местность, пользуются ими как справочным материалом для сопоставления выявленных ими данных с тем, «что было преж того». Итоги многих писцовых книг, напечатанных в издании ПКМГ, откуда Н. Д. Чечулин взял примеры к своему определению, еще полнее раскрывают ту же суть и назначение приправочных книг. Так, писцы 1593/94 г. угличской вотчины Троице-Сергиева монастыря П. Г. Совин и П. Микулинский, сравнив свой итог с приправочными книгами, «каковы даны из Поместного Приказу за приписью дьяка Богдана Иванова с книг писма и дозору Василья Старова, 82-го году», констатировали: «по новому писму и мере перед старым дозором убыло четвертные пашни 229 четв. с осм., потому что многие деревни и починки села Прилук в старых книгах написаны, а ныне по роспросу лесом поросли и селищ не знать: лес на них большой, словет Илинской бор; а по смете того лесу вдоль на полторы версты, а поперег на версту, а в приправочных книгах того лесу не написано»²⁸.

Здесь мы вновь сталкиваемся с отмеченным выше явлением, когда одни и те же книги одновременно обозначаются разными терминами. Но даже такой небольшой фрагмент текста ясно показывает, что приправочные книги в данном случае были изготовлены «с книг писма и дозору» и по отношению к новому описанию являлись таковыми в смысле «старых книг» («старого дозора»), с которыми требовалось сопоставить то, что имелось в настоящий момент.

Допуская возможность, что иногда термином «приправочные книги» обозначалась и особая разновидность описательных работ, второе положение определения Н. Д. Чечулина по существу совпадает с тем, как определяли эти книги его предшественники. Здесь, так же, как и в первом случае, Н. Д. Чечулин лишь иллюстрирует положение двумя краткими выдержками из писцовой книги. Вот одна из них: «В книгах Моск. уезда читаем (Писц, кн. Моск. Госуд. I, 94): „В Воре ж и в Корзенева стану: Дер. Тимовино, на р. на Торгоше, а в приправочных книгах та деревня за Троецким монастырем не написана, а положили на тое деревню из монастыря данную Петра Захарьина сына Руготина, да сго детей Илья да Безноса, а владел тою деревней Богдан Яковлевич Белской,

²⁷ ПКМГ, I, 1, стр. 657—658. Вразрядку дан фрагмент текста, использованный в качестве примера Н. Д. Чечулиным (см. указ. соч., стр. 57).

²⁸ ПКМГ, I, 2, стр. 34. (Разрядка моя.— В. П.).

а ныне та деревня по государеву... наказу отписана на государя"»²⁹. Такие упоминания о приправочных книгах многократно встречаются почти в каждой писцовой книге, но не в составе формулы итогов, а в описаниях владений. Сравнение их между собой (даже если ограничиться тем же изданием ПКМГ) показывает, что круг вопросов, в связи с которыми писцы обращались к приправочным книгам, был гораздо шире, чем выявление записей о землях «какие розданы, прибавлены разным владельцам». Он включал в себя все, что касалось так называемых «объезжих земель», а также владений или населенных пунктов, на поверку расположенных не в тех станах, где они значились по приправочным книгам; случаи, когда писцы «имя тех деревень в книгах приправочных не сыскали за кем те деревни прежде того были» или обнаруживали, что один населенный пункт в этих книгах «написан вдвое». На приправочные книги ссылались, если оказывалось, что в них владения «написаны без пашни», «пашня и сено и всякие угоды в селце и по деревням и пустошам порознь не расписано», или же хозяйственные данные не совпадали с тем, что выявилось при новом описании. Особо отмечались все случаи, когда тот или иной населенный пункт «стал после прежних писцов»³⁰.

Насколько можно было убедиться, материалы, которыми располагал Н. Д. Чечулин, говорили не столько о возможности обозначения термином «приправочные» двух совершенно разных типов книг, сколько о многообразии форм использования новыми писцами сведений прежних описаний. Двойственность, присущая определению приправочных книг Н. Д. Чечулина, как нельзя лучше отразила целый комплекс еще не решенных к тому времени вопросов источниковедения поместно-вотчинных книг. Не случайно сам автор отметил, что «нет никакой возможности указать постоянные различия между книгами писцовыми, приправочными и просто книгами; иные книги одного названия различаются между собой более, чем от других книг других наименований; и нельзя ничего указать, присутствие или отсутствие чего характеризовало бы исключительно те, другие или третьи». Объяснял он это тем, что «в XVI в. не было еще выработано определенного плана, формы для составления книг разных наименований», а посему «очень многое зависело от личного усмотрения писцов»³¹.

На недостаточность аргументации Н. Д. Чечулина и на необходимость более углубленного источниковедческого изучения поместно-вотчинных книг обратили внимание уже его современники, в частности, В. О. Ключевский, который отметил, что нельзя объяснять отличия разных книг только тем, «что в XVI в. еще не было выработано общего плана писцовых книг и не успели установиться их виды»³². Ответом на статью Н. Д. Чечулина явилась упомянутая выше статья А. С. Лаппо-Данилевского, положившая начало следующему этапу в изучении этих книг. Но прежде, чем перейти к нему, нужно сделать одно предварительное замечание.

Почти все исследователи этого времени сходятся на том, что приправочные книги представляют собой не особую разновидность описательных работ, а «списки» более ранних описаний, которые в качестве образцов и справочного материала выдавались писцам, посылавшимся

²⁹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 57.

³⁰ ПКМГ, 1, 1, стр. 59, 113, 125, 144, 147—148, 152, 185, 208, 222, 233, 173, 850, 872; ПКМГ, 1, 2, стр. 665—666, 668, 692, 697, 1136, 1143, 1176—1178, 1205, 1208, 1225, 1297—1298.

³¹ Н. Д. Чечулин. Указ. соч., стр. 55—56, 60—61.

³² В. О. Ключевский. Сочинения, т. VIII. М., 1939, стр. 184, 186—187.

вновь описать те же местности. В силу такой общности взглядов, ниже внимание будет обращено не только на формулирование исследователями этой стороны определения приправочных книг. Для уяснения их позиций в целом, а также методики изучения означенных книг, важно проследить их отношение и к ряду неразрывно связанных с этим вопросов. А именно: являлись ли приправочные книги «списками слово в слово» или при их изготовлении могли производиться какие-то изменения по сравнению с текстами подлинников; получали ли писцы «список» с одного более раннего описания или им могли даваться «списки» с нескольких таких описаний за разные годы; были ли эти «списки» только писцовых и дозорных книг или же для этой цели использовались также другие книги и документы?

Итак, согласно определению А. С. Лаппо-Данилевского, «приправочными книгами, по-видимому, назывались списки с прежних книг, данные писцам „для приправки“, т. е. частью для руководства, „для ведома имена сел и деревень“, частью для исправления и пополнения сведений, сообщаемых этими книгами новым описаниям»³³. В конце статьи автор дополнил свое определение положением о том, что приправочные книги «не были самостоятельными типами народосчисления или кадастра и официальное значение приобретали лишь благодаря случайным обстоятельствам», как это было после пожара 1626 г., уничтожившего массу подлинных писцовых книг³⁴. Определение подкреплено примерами. Писцам и дозорщикам 1618—1620 гг. были даны списки со старых писцовых и дозорных книг «против них слово в слово за дьячьими приписями для приправки» (отсюда, по мнению автора, произошло название книг — «приправочные»). На то же значение этих книг указывают и упоминания о них в писцовых и дозорных книгах: писцам 1593—1594 гг. рузской вотчины Троице-Сергиева монастыря были даны приправочные книги «за приписью дьяка Богдана Иванова с книг письма и меры князя Михаила Литвинова с товарищи»; муромские писцы 1636 г. получили приправочные книги «с книг Григорья Кирсевского да подьячего Петра Горемыкина на пример»; зубцовские же писцы 1627—1629 гг. не смогли описать запустевшие места, так как «приправиться им было не по чему». На основании изложенных фактов А. С. Лаппо-Данилевский пришел к важному заключению: «одна и та же книга могла называться в подлиннике дозорной (или писцовой), а в списке, данном для приправки, — приправочной»³⁵.

Новое определение приправочных книг оказало большое влияние не только на складывание у исследователей иного отношения к ним как к источнику, но и на направление их дальнейшего источниковедческого анализа.

Можно полагать, что крайне малый объем статьи, носящей к тому же полемический характер, не позволил автору прибегнуть к развернутой аргументации. Как и Н. Д. Чечулин, он иллюстрировал свои определения и выводы отдельными примерами — выдержками из книг, большей частью теми же самыми. Поэтому, не останавливаясь на разборе примеров (это было сделано там, где речь шла о статье Н. Д. Чечулина), обратим внимание лишь на два момента.

Используемые в статье фрагменты писцовых книг не содержат указаний на то, что все приправочные книги обязательно — «списки с старых писцовых и дозорных книг, против них слово в слово». А. С. Лаппо-Данилевский имел в своем распоряжении тексты, где

³³ А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 168.

³⁴ Там же, стр. 169.

³⁵ Там же.

приправочные книги действительно названы «списками слово в слово» и даже «противными» более ранних книг. Но подавляющее большинство известий о приправочных книгах не содержит таких указаний. Однако это показывает, что вопрос нельзя решить путем простого обращения к тем или иным выдержкам из документов, необходимо тщательное сопоставление их текстов и, главное, анализ самих приправочных книг. Отчасти именно это имел в виду Н. А. Рожков, когда, разбирая присмы изучения писцовых материалов А. С. Лаппо-Данилевским и И. Н. Миклашевским, писал: «надо обращать внимание на конкретные условия, под влиянием которых сложились дошедшие до нас списки разных писцовых книг» (в качестве примера он привел исследование А. А. Дмитриева, где устанавливается, что «список» пермской писцовой книги И. Г. Яхонтова и Т. Карпова 1578/79 г., служивший приправочной книгой писцам XVII в. «есть результат позднейшей конструктивной работы, исполненной уже в половине XVII в.»)³⁶.

Подобные случаи волновали и В. О. Ключевского. В краткой записи его выступления по докладу В. И. Холмогорова «К вопросу о времени составления писцовых книг» говорится: «Известно, что писцовые книги в третьем десятилетии XVII в. реставрировались; в архиве большею частью встречаются уже вторые редакции, но попадаются и первые... Вторая редакция обнаруживает схему первой, хотя и была выполнена по новым правилам. Верно то, что в нее заносятся позднейшие документы, например, в книгу 128 г. вставляются документы 135 г., но зачем эти вставки? Если книгу велено было реставрировать, то кто дал право делать вставки?»³⁷

Во-вторых, А. С. Лаппо-Данилевский ничем не обосновал свой вывод о том, что приправочные книги как не имеющие «официального значения» «писцы держали у себя по домам»³⁸. Документы, действительно, отмечают подобные случаи, но причины этого кроются в ином. Писцы могли оставить при себе приправочные книги на время доработки собственных описаний. Некоторые из них на всякий случай снимали для себя копии с приправочных книг. Бывало, что книги терялись в результате неаккуратности писцов. Подчас смерть писцов была причиной исчезновения этих книг. Но, не менее известно, сколь строго приказы и другие учреждения требовали от писцов возвращения (причем скорейшего) приправочных книг.

Статья А. С. Лаппо-Данилевского явилась предварительным результатом изучения им поместно-вотчинных книг и документов в ходе работы над монографией «Организация прямого обложения...» Естественно поэтому обратиться к ней в надежде найти обоснование ранее сформулированных положений. Но автор лишь повторяет свое прежнее определение приправочных книг, отсылая читателя по всем остальным вопросам к своей статье.

В первой главе своей известной книги Ю. В. Готье сформулировал вопросы источниковедения писцовых материалов, которые, по его мнению, следовало осветить, прежде чем приступить к исследованию истории Замосковского края в XVII в.: «...история письма, техника писцового дела и критический обзор содержания писцовых и переписных книг замосковских уездов XVII и отчасти XVI столетий»³⁹.

³⁶ Н. А. Рожков. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. «Древности Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. I, вып. 2. М., 1899, стб. 199—200.

³⁷ Там же, стб. 182.

³⁸ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, стр. 195.

³⁹ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 6—7.

Автор особо поясняет, что «предметом» его изучения являлись главным образом писцовые материалы XVII в.; из описаний XVI в. он брал лишь те, «известия которых имеют интерес и значение для времен смуты и ближайших годов после нее, или же такие, которые при составлении описаний 10-х—30-х годов XVII столетия служили в качестве приправочных...»⁴⁰. И далее он дает обзор описаний уездов края в алфавитном порядке⁴¹. Однако, если говорить о приправочных книгах, Ю. В. Готье интересовало главным образом то, какие книги получали писцы «для приправки», насколько они охватывали описываемую территорию, какого качества материал содержали и в какой мере были использованы писцами. Детальный источниковедческий анализ каждой из приправочных книг не ставился в качестве специальной задачи. Это не могло не сказаться на ряде его выводов.

Несколькими годами раньше Ю. В. Готье оценил определение А. С. Лаппо-Данилевского как «лучшее объяснение термина „приправочная книга“» и попытался выразить его в еще более «общей форме»: «Приправочная книга давалась каждому писцу, который вел свое описание, руководствуясь списком с прежнего письма. Каждая писцовая книга имела в своей основе приправочную, т. е. одну из прежних писцовых; в обширном смысле приправочной по отношению к известной писцовой книге считали вообще ту более раннюю книгу, которая легла в ее основу»⁴². Та же мысль затем повторена Ю. В. Готье в книге «Замосковский край в XVII в.»⁴³. Но в упомянутом обзоре он привел факты, вносящие существенные коррективы в обе части определения приправочных книг: и относительно их состава, и того, что они всегда были «списками с прежнего письма». Оказывается, писцы иногда получали не одно, а несколько предшествующих описаний, которые потом «легли в основу» новой книги. Так, писцам Московского у. 1622—1624 гг. С. В. Колтовскому и А. Ильину приправочными служили: «книга А. Сабурова 1570 г. для станов Копотенского, Островецкого и Пехорского, книга И. Фефилатьева 1586—1587 гг. для станов Каменского, Доблинского, Обарнича, волости Селинской и др., а также книга А. Молчанова». Для писцов троицких вотчин Угличского у. 1592—1594 гг. «в такой роли выступают очень старинные книги Бутурлина 1536—1537 гг. и книги В. Старого 1573—1574 г.»⁴⁴ С другой стороны, по наблюдениям Ю. В. Готье, некоторые описания сохранились в нескольких «копиях», отличающихся друг от друга, ввиду изготовления каждой из них для особых целей. Например, два текста описаний земель Троице-Сергиева монастыря в Московском у., напечатанные в издании ПКМГ,— «списки» одной и той же книги «письма и меры» Л. Новосильцова и А. Шипилова 1593/94 г. Только один из них (под № 5), «вероятно, точная копия правительственной описи земель Троицкого монастыря, составленная для последнего, как ближе всего заинтересованного в этом деле учреждения». Другой же (под № 3), судя по наличию скрепы дьяка И. Грязева, «есть копия, впоследствии обращенная в официальный документ, несколько сокращенная сравнительно с копией, выданной Троицкому монастырю и даже содержащая немало важные пропуски» — в нем меньше сведений о количестве крестьянских и бобыльских дворов, о промыслах сел, расположенных у ворот мона-

⁴⁰ Там же, стр. 5.

⁴¹ Там же, стр. 7—75.

⁴² Ю. В. Готье. Из истории хозяйственных описаний Московского уезда. ЖМНП, № 3, СПб., 1902, стр. 69—70. (Разрядка моя.— В. П.).

⁴³ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 5—6.

⁴⁴ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 16—17, 67.

стыря⁴⁵. Относительно происхождения и значимости списков, Ю. В. Готье возразил С. Б. Веселовский, который отметил, что наличие у второго из «списков» скрепы дьяка показывает, что он с самого начала был официальным и сделан или с подлинника, или с приказного списка. Первый, не имеющий дьячьей скрепы, «должен быть признан частным, монастырским актом». И добавил в связи с этим: «Приказные были людьми очень осторожными и недоверчивыми, и нам неизвестно случаев неразборчивого превращения неофициальных списков в официальные документы»⁴⁶.

Возражения С. Б. Веселовского очень существенны. Однако почему-то не было принято во внимание, что дело не только в официальном или неофициальном значении этих «списков» и не в тех их отличиях, на которые указал Ю. В. Готье. При внимательном сравнении «списков» видно, что, имея в своей основе общий источник, документы носят совершенно разный характер. Один из них (№ 3) включает хозяйственные данные монастырских вотчин по населенным пунктам и общие их итоги, завершающиеся перечислением доходов, собираемых на монастырь, и повинностей населения. Лишь спорадически в итогах появляется расчет сошного письма. В большей части другого (№ 5) главное внимание уделено населению вотчин, а в итогах по селам дан расчет сошного письма (хотя и здесь иногда итоги включают перечисление повинностей населения). Кроме этого «списки» имеют и много других отличий.

Хотя бы несколько слов нужно сказать еще об одном аспекте исследования Ю. В. Готье, важном для работы и с самими писцовыми книгами, и, особенно, со «списками с них» — книгами приправочными. Он показал, что изготовление поместно-вотчинных описаний делилось на несколько этапов: «работы на месте» и «составление самих книг». Во время второго, подчас длительного этапа, происходившего в Москве (иногда в уездном городе), писцы «не теряли связи с местом своей деятельности, иногда вновь выезжали туда», получали сведения «через Поместный приказ, который мог их сообщать для заселения в книги». Таким образом, «писцы составляли книги, вносили в них все те изменения и дополнения, какие они находили в уезде за тот иногда довольно долгий срок, пока продолжалась редакторская работа, заносили новые документы на право владения землею; может быть, даже регистрировали вновь заселенные земли и перемены в составе землевладельцев»⁴⁷. Следует только заметить (хотя вопрос этот относится к области собственно методики источниковедения писцовых книг и требует особого рассмотрения), что вставки в книги, начиная с фрагментов текстов, извлеченных из других источников, кончая целыми большими документами, могли производиться значительно позднее завершения их редактирования писцами. Это могло иметь место и при изготовлении приправочных книг в случаях плохого состояния подлинников, с которых требовалось сделать «списки». И занимались этой процедурой уже дьяки и подьячие приказов.

Характер изучения Ю. В. Готье приправочных книг и его подход к ним как к источнику главным образом определялся тем, что он видел в них только «списки» («копии») (пусть иногда и имевшие отклонения от подлинников), служившие писцам в качестве справочного материала и образцов для работы. Поэтому он и не ставил перед собой задачи более углубленно рассмотреть данные книги как своеобразную форму ис-

⁴⁵ Там же, стр. 10-12.

⁴⁶ С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 2, стр. 563.

⁴⁷ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 109.

точника писцового делопроизводства, в виде которой сохранилось множество описаний.

До сих пор вопросы, относящиеся к приправочным книгам, остаются наиболее полно изложенными в трудах С. Б. Веселовского. В результате изучения громадного архивного материала он уже в своей книге «Сошное письмо» принял вывод А. С. Лапшо-Данилевского и Ю. В. Готье о том, что приправочные книги не «особая разновидность описательных работ Московского государства», а «документы» («материалы»), дававшиеся приказами «с тем, чтобы облегчить работу писцов и дать ей надлежащее направление»⁴⁸. С. Б. Веселовский выделил три основных назначения приправочных книг: 1) «осведомить писцов относительно того, что из предыдущих описаний и из других приказных актов не утратило своего значения и нуждалось только в поправках»; 2) «писцы получали в них образец для работы вообще и средства ознакомления с особенностями тягла и склада жизни той местности, которую им приходилось описывать»; 3) «дать писцам основу для сравнения прошлого с настоящим и для более правильной оценки последнего. Это было особенно важно в вопросах тягла, и этого требовали от писцов приказы, чтобы самим быстрее осмотреться и лучше оценить их работу»⁴⁹.

Лучшим приправочным материалом были старые писцовые книги; за ними по значимости шли книги дозорные и одна из разновидностей платежниц (с писцовых или с дозорных книг). При утрате остальных каждая из данных книг могла стать главным приправочным материалом. Если была возможность дать писцам все эти книги, приказы обыкновенно ее не упускали.

С. Б. Веселовский неоднократно определяет приправочные книги как «списки» более ранних книг⁵⁰. Много позже, вернувшись к этому вопросу, он выскажется еще категоричнее: «приправочные списки были дословной копией оригиналов» (разрядка моя. В. П.)⁵¹.

По его мнению, есть два признака, позволяющие легко отличить подлинники книг от их списков. Согласно первому из них, подлинники обязательно должны иметь скрепы писцов, а иногда и лиц, бывших свидетелями описания; списки же — скрепы дьяков, воевод и других приказных чинов тех учреждений, которые выдавали их писцам. (Установив время и место службы этих деятелей, можно иногда точно, в других случаях — приблизительно определить происхождение и назначение книг и списков.) Суть второго признака в том, что подлинники обычно написаны одним-двумя лицами, тогда как списки чаще всего писали многие лица (нередко каждая тетрадь имеет особый почерк). Можно заметить, что к концу тетрадей почерки становятся более размашистыми или сжатыми для того, чтобы избежать образования между тетрадями чистых листов или их частей. Если так все же случалось, то чистые места заполняли фразами «лист порозжей», «страница порозжая», «пять строк порозжие» и т. д. Второй признак списков связан с тем, что для ускорения процесса их изготовления в приказах подлинники книг расшивали и раздавали сразу нескольким подьячим⁵².

⁴⁸ С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 2, стр. 60—68.

⁴⁹ Там же, стр. 60—64.

⁵⁰ Там же, стр. 64—65.

⁵¹ С. Б. Веселовский. Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI—XVII столетий. «Архивное дело», № 1. М., 1941, стр. 35.

⁵² С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, стр. 68—73; его же. Вопросы научного описания..., стр. 35.

Но вслед за этим С. Б. Веселовский делает очень важное заключение, которое стоит привести целиком, ибо в нем он вынужден был внести существенную поправку к той части своего определения приправочных книг, которая констатирует, что все они являются «дословными копиями оригиналов». Согласно этому заключению, «описанный порядок изготовления приправочных книг дает основание предполагать, что в виде общего правила эти списки были дословными, а не переделкой подлинников. В самом деле, было бы совершенно неразумно и очень рискованно позволять толпе площадных подьячих писать приправочные книги не дословно с подлинников, а с пропусками или переделками. Это, конечно, не относится к тем приправочным книгам и росписям, которые изготовляли в Приказе под наблюдением дьяков приказные подьячие, хорошо знакомые с писцовым делом вообще и с задачами данного описания в частности. Очень вероятно, что в таких случаях подьячие вносили в списки те или иные изменения: пропускали, напр., то, что не представляло уже практического значения, и вставляли что-либо из других источников»⁵³. «Приправочным списком», в котором были пропущены оклады сошного письма, С. Б. Веселовский предположительно считал книгу Коломенского у. 7086 (1577/78) гг.;⁵⁴ «сводом двух, а может быть и трех источников разного времени» (с осторожным «мне кажется») — книгу Тверского у. середины XVI в.⁵⁵

Вопрос о приправочных книгах, как не относящийся прямо к основной теме его исследования, С. Б. Веселовский излагает сугубо конспективно, сопровождая свои выводы и наблюдения многочисленными ссылками на архивные документы и их издания.

Так, свой взгляд на участие площадных подьячих в изготовлении «списков» книг С. Б. Веселовский подкрепил двумя фрагментами из документов. Из них мы узнаем, что в 1644/45 г. «Устюжская четь, посылая писцов на Устюг и к Соли Вычегодской, просила Казенный приказ, который в то время ведал подьячих Ивановской площади, прислать ей 5 человек подьячих „добрых, которые б писать умели“». Казенный приказ «прислал подьячих», но указа о плате им за работу у него не было. Четь запросила об этом Поместный приказ, откуда и получила ответ, «что в 135 г., когда во все города были посланы писцы, приправочные книги писали площадные подьячие и получали за работу сдельно»⁵⁶. В 1644/45 г. изготовление «списков для приравки было поручено 20 площадным подьячим»⁵⁷. Сами факты участия площадных подьячих в этой работе не вызывают сомнения. Но тексты документов звучат несколько иначе, чем в изложении С. Б. Веселовского. В них отмечено, что подьячие были присланы «к дьяку для письма», писать «в Четверти» и «в Приказе». Это позволяет с достаточной степенью уверенности предположить, что работа происходила в самих учреждениях, тем более если учесть строгости, касавшиеся выноса документов из приказов, чему имеются многочисленные свидетельства. Работа рядом с опытными приказными чинами давала возможность по ходу дела справляться о непонятных местах текстов, последовательности их изложения и т. п. В таких условиях площадным подьячим тоже можно было

⁵³ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, стр. 73. (Разрядка моя.— В. П.).

⁵⁴ Там же, стр. 74. Книга напечатана в ПКМГ, 1, 1, стр. 335—611.

⁵⁵ Там же, стр. 74. Книга напечатана в ПКМГ, 1, 2, стр. 141—290.

⁵⁶ Там же, стр. 72—73.

⁵⁷ А. А. Соколова и А. К. фон Мекк. Расходные книги и столпы Поместного приказа (1626—1659 гг.). Под ред. Н. Н. Ардашева, кн. 1. М., 1910, стр. 82.

поручить переписывать тексты подлинников, переработанные перед изготовлением с них приправочных списков. Тем более, что подлинные писцовые книги имели рабочее значение в самом широком смысле слова, особенно при подготовке приправочных книг. Как свидетельствуют документы, для ориентировки переписчиков листы их бывали испещрены пометами, дополнениями, отмеченными «крыжками» и иными знаками и т. п. (Иногда от такого «мегья» они становились непригодными и уже по этой причине нуждались в переписывании)⁵⁸.

Не меньший интерес представляют сравнения указанных случаев привлечения площадных подьячих с росписями подьячих Поместного приказа, одновременно готовивших приправочные книги. Оказывается, в 1626/27 г. эту работу выполняли 100 приказных подьячих, а в 1644/45 г. их число доходило до 124⁵⁹. Иными словами, основная масса приправочных книг была изготовлена лицами, которым, по мнению самого С. Б. Веселовского, можно было доверить «вносить в списки те или иные изменения».

По делу заключается главным образом не в том, кто писал «списки для приправки». Решающее значение имели два других фактора, а именно, целесообразность внесения в приправочные книги тех или иных данных из подлинников и само состояние последних к моменту изготовления с них «списков». Последнее обстоятельство как раз и вызывало часто необходимость дополнить «список» рядом документов, не относящихся к подлинному описанию. В целом вопрос о том, что представляют собой приправочные книги, очень сложен. Но одно уже то, что в большинстве из них нет имевшихся в подлинниках перечислений дворов и населения поместий и вотчин, заставляет серьезно задуматься о характеристике всех приправочных книг как «дословных списков» или даже просто «списков» прежних описаний. То же самое относится и к каждой приправочной книге в отдельности⁶⁰.

С. Б. Веселовский, квалифицируя ту или иную приправочную книгу как «список» более раннего описания, зачастую ограничивается отдельными наблюдениями над ее текстом. Приводимый ниже пример со «списком» писцовой книги Звенигородского уезда XVI в. наглядно показывает, что такому выводу всякий раз должен предшествовать тщательный источниковедческий анализ. Данный «список» (без начала), изготовленный для писцов уезда 1623/24 г., находится в переплете, на предохранительном листе которого позднейшим почерком проставлена дата — «7101» (1592/93 г.) и имена писцов — Меньшой Волюнский и Посник Степанов. Так он и был обозначен в издании Н. В. Калачева «Писцовые книги Московского государства»⁶¹. В списке содержится единственное, казалось бы, датирующее его известие: несколькими «розсылщиками» «звенигородские писцы Давид Иванович Слизнев да Дятел Григорьев сын Машков с товарищи дали льготы на 5 лет, от лета 7068-го

⁵⁸ Многочисленные примеры см. в работе А. А. Соколовой и А. К. фон Мекк, а также в издании: «Древнейший столбец Поместного приказа о заголовке приправочных книг для писцов 7135 г.» — «Записки Московского археологического института», т. VII. М., 1910, стр. 1—32.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Различие в отношении этих данных между подлинником и изготовленным с него приправочным «списком» можно увидеть, сравнив хотя бы сотную грамоту русских писцов 1568/69 г. Г. И. Пильмова и А. И. Сабурова со своих книг, выданную еще во время нахождения их в уезде Иосифо-Волоколамскому монастырю (АФЗиХ, ч. II, М., 1956, стр. 365—387), с текстом приправочного «списка» этого описания (ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, оп. 1, кн. № 426).

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1209. Поместный приказ, оп. 1, кн. № 125, лл. 1—236; ПКМГ, I, 1, стр. 660—730.

до лета 7073-го» на полученные ими в поместья пустоши⁶². На основании этого, а также биографических данных двух землевладельцев Ю. В. Готье датировал составление подлинной книги «промежутком 1560—1563 гг.»⁶³ С. Б. Веселовский свой вывод сформулировал очень кратко: «Что главную часть этого списка составляет описание кн. Ив. Ростовского 67 г., это не подлежит сомнению» (имеется в виду 7067 (1558/59 г.). И далее он пояснил, что к моменту изготовления «списка» оригинал был уже крайне ветхим, без начала, с прогнившими и осыпавшимися листами; позже и сам «список» сильно пострадал («погнил, местами перебит и переплетен неправильно»), в результате чего «в книгу Ив. Ростовского 67 г. вплетены листы из описания 68 г.»⁶⁴. С двумя последними положениями С. Б. Веселовского нельзя согласиться.

Вся рукопись скреплена дьяком Т. Корсаковым. Имеется всего один перерыв в общем ряду слогов скрепы (в 23-й тетради недостает семи листов). Это свидетельствует о том, что «список» переписан в том виде, как был списан с подлинника. В «списке» прослеживается не одно, а много описаний поместий из более поздней книги Д. И. Слизнева и Д. Г. Машкова⁶⁵. Некоторые из них содержат фамилию Слизнева, иные устанавливаются по специфической формуле описания (эта книга являлась не писцовой, а отдельной и зафиксировала наделение поместьями лиц, служивших царю Семюну Касаевичу). Но гораздо существеннее другое. Все эти описания помещены именно там, где им положено быть, и, главное, их данные включены в итоги поместных разделов, станов, всей писцовой книги более ранних писцов — князя И. Я. Ростовского «с товарищи».

Еще более любопытная картина вырисовывается в результате анализа состояния в «списке» описаний монастырских земель. Так, актовый и картографический материал, а также позднейшие описания уезда неопровержимо доказывают, что имеющееся в «списке» описание вотчины Савво-Сторожевского монастыря в Городском стане — сотная выпись, включившая основную часть монастырских владений, располагавшихся во всех трех станах уезда (подзаголовки с названиями станов каким-то образом выпали из текста)⁶⁶. В самом «списке» все как будто бы обстоит благополучно, но, давая сотную выпись уже из этой приправочной книги и, вероятно, отвечая на вопросы монастырских властей, тот же дьяк Т. Корсаков вынужден был оправдываться: «А в котором стану или волости, и того не ведомо, потому что книги (И. Я. Ростовского. — *В. П.*) сгнили и перемешаны»⁶⁷. В описании монастырских вотчин Угожского стана попала лишь половина того, что принадлежало Новодевичьему монастырю, ему же приписано то, что являлось заключительной частью описания вотчины Савво-Сторожевского монастыря (отсутствуют данные о двух селах и нескольких десятках деревень). Несмотря на это, в конце подведен итог, включивший лишь записанное здесь, в результате чего при подсчете все цифровые показатели сходятся⁶⁸. Конечно же, всего этого не могло быть в самой писцовой книге князя И. Я. Ростов-

⁶² См. ПКМГ, I, 1, стр. 703.

⁶³ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 49.

⁶⁴ С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 2, стр. 594—595.

⁶⁵ См., напр., ПКМГ, I, 1, стр. 703, 716, 717 и др.

⁶⁶ ПКМГ, I, 1, стр. 675—681.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 281, Грамоты Коллегии экономии, № 76, л. 113 об.

⁶⁸ ПКМГ, I, 1, стр. 723—727. Подробнее см. В. Б. Павлов-Сильванский. Писцовая книга Звенигородского уезда XVI в. (К вопросу о публикации). «Новое о прошлом нашей страны». Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 143—157.

ского «с товарищи» и даже в данной приправочной книге, если бы она являлась «списком» этого описания, пусть даже не дословным.

Заключившая обзор того, что сделано С. Б. Веселовским в изучении рассматриваемых здесь вопросов источниковедения приправочных книг, в первую очередь следует отметить, что он наиболее основательно показал, что приправочные книги представляют собой не особую разновидность описательных работ, а являются книгами, содержащими данные прежних описаний и служившими писцам в качестве справочного материала, а также образцов при их работе. Значительную часть доказательств этого положения составляют документы, напечатанные в двухтомном приложении к его труду — «Акты писцового дела». Что же касается той части определения приправочных книг, где все они означены первоначально — «дословными списками подлинников», а позже — «дословными копиями оригиналов», то она, как представляется, не настолько обоснована, чтобы ее можно было считать доказанной. На мой взгляд, С. Б. Веселовский, допуская в своей книге «Сошное письмо» возможность случаев «переделки книг», был ближе к раскрытию особенностей этой своеобразной формы, в которой сохранились многие писцовые описания.

Во всей последующей литературе данные стороны источниковедческого изучения приправочных книг фактически не нашли отражения. В начале статьи уже говорилось о том, что курсы и учебные пособия по источниковедению истории СССР, а также научно-справочные издания содержат лишь определения приправочных книг со ссылками на труды А. С. Лаппо-Данилевского, Ю. В. Готье и С. Б. Веселовского⁸⁹. Исследователи, исходя из определения этих книг как «дословных списков» или просто «списков» писцовых описаний, используют их в таком качестве. Источниковедческому анализу в первую очередь подвергается степень сохранности приправочных книг и их содержание. Все остальные наблюдения посяг в основном общий характер, особенности приправочных книг именно как «списков» не учитываются.

Обращение к истории изучения приправочных книг показало, что даже сам вопрос об определении этих книг не может считаться решенным в литературе, не говоря уже о других связанных с ним сюжетах. От решения их во многом зависит осмысление того, каким материалом большинства писцовых описаний XVI в. и части описаний XVII в. располагает наука, а отсюда и эффективность его использования при изучении важнейших проблем отечественной истории.

Окончательная формулировка определения приправочных книг, его документальное обоснование, изложение методики источниковедения данных книг — темы нескольких самостоятельных статей. Но все же здесь, по-видимому, целесообразно предварительно напомнить основные черты такого определения в том виде, как они представляются автору этих строк.

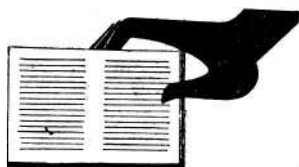
Приправочные книги не являлись особой разновидностью описательных работ. Они представляли собой своеобразную форму приказного

⁸⁹ Укажем лишь основные из таких изданий: М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. 1, М., 1940, стр. 174; то же. Источниковедение истории СССР, вып. 1, М., 1962, стр. 234; А. Ц. Мерзон. Писцовые и переписные книги XV—XVII веков. Учебное пособие по источниковедению истории СССР, М., 1956, стр. 10; «Источниковедение истории СССР», М., 1973, стр. 138; Н. Ф. Демидова. Приправочные книги. «Советская историческая энциклопедия», т. 11, М., 1968, стб. 571. В самое последнее время также же определение приправочных книг дано в статье Г. Н. Аппологова «К изучению переписных материалов студентами-историками. (Некоторые методические замечания и наблюдения)». «Вестник МГУ», сер. IX, История, М., 1975, № 4, стр. 76.

писцового делопроизводства, посредством которой писцы, посылаемые описывать определенную территорию, получали данные из ее предыдущих описаний: писцовых, дозорных, отдельных, платежных и иных книг. Приправочные книги служили писцам справочным материалом для сравнения настоящего положения с тем, что было прежде, и определения на основе этого величины податного обложения, а также в качестве образца при составлении нового описания. Многие из документов характеризуют приправочные книги как «списки» и даже «списки слово в слово» с более ранних книг. Нередко то же указано в заглавиях самих приправочных книг. Однако, несмотря на это и на отсутствие пока в распоряжении исследователей указа, санкционировавшего отступление от данного правила, буквальное толкование термина «список» требует большой осторожности. Ибо, как показывает опыт изучения приправочных книг, при их изготовлении диапазон использования текстов предыдущих описаний был крайне широк: от снятия действительно копий (с чем пока не доводилось встречаться в научной практике) до основательных, иногда многоплановых переработок. Это зависело от целого ряда факторов, в том числе — задач новых описаний, требований наказов писцам, наличия в приказах прежних описаний и степени сохранности их текстов, утраты значимости некоторых из содержащихся в них сведений, квалификации непосредственных изготовителей приправочных книг и т. д. Хотя, в конечном счете, все было подчинено единой цели — снабдить писцов по возможности качественным приправочным материалом. Поэтому установление того, в какой степени тексты приправочных книг воспроизводят подлинники более ранних описаний, в каждом случае нуждается в тщательном источниковедческом исследовании.



СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ



Э. Э. ЯАНВЯРК

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ПРИБАЛТИКИ

(По данным всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.)

Социальная структура общества, его классовый состав отражают состояние производительных сил и производственных отношений. С победой социализма во всех республиках Советского Союза сформировалась однотипная социальная структура, представленная рабочим классом, колхозным крестьянством и трудовой интеллигенцией. Дальнейшее социально-экономическое развитие советского общества изменило не только численное соотношение основных общественных групп, но отразилось и на их внутреннем строении. Эти изменения были обусловлены объективными закономерностями упрочения социализма и продвижения по пути построения бесклассового коммунистического общества. Отсюда понятно внимание КПСС к исследованиям социальной структуры, имеющим как научное, так и практическое значение. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии сказано: «Представляется существенно важным углубленное исследование вопросов, относящихся к тенденциям развития нашего общества, его производительных сил. Сюда относятся, например, характер и содержание труда в условиях зрелого социализма, изменения социальной структуры»¹.

Политика Коммунистической партии направлена на социальное сближение рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, на преодоление существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, на сближение наций и народностей Советской страны. Итогом этой политики является образование новой исторической общности людей — советского народа. От имени ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXV съезде партии сказал: «Мы исходили и исходим из того, что у нас сложилась новая историческая общность — советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны»².

Изучение этой новой общности людей предполагает освещение разных аспектов социального прогресса в нашей стране, в том числе изменений социальной структуры общества. Данной тематике посвящена многочисленная литература. Большинство проведенных исследований имеет, однако, общий характер, они рассматривают динамику социальной структуры общества на основе данных по всему Советскому Союзу.

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 72.

² Там же, стр. 81.

Это позволяет выявить основные тенденции изменения социальной структуры советского общества в целом. Наибольшего внимания заслуживают издания последних лет³. На всесоюзном материале разработаны и темы социальной структуры городского населения и советской деревни⁴, а также изменение социальной структуры советских наций⁵. Представляет интерес сборник статей «Всесоюзная перепись населения 1970 года»⁶. В нем освещены программа, методология, организация переписи населения и разработки ее материалов, а также проведен анализ основных итогов переписи населения. Нужно отметить, что исследование наблюдаемых процессов по стране в целом сглаживает региональные различия и особенно различия между отдельными республиками, что вызывает необходимость исследовать процесс в республиканском и в региональном масштабе.

В республиках Прибалтики изучение изменений социальной структуры населения, происшедших за годы Советской власти, только начинается. Частично эта тема рассмотрена демографами⁷. Сдвиги в социальной структуре и занятости сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. освещены в статье Э. Рашик⁸.

В настоящей статье сделана попытка сравнительного анализа основных изменений в социальной структуре населения советских Прибалтийских республик в 1959—1970 гг. с учетом изменений их национального состава и демографической обстановки. Данные по республикам рассматриваются на фоне соответствующих общесоюзных показателей.

Общей чертой населения трех Прибалтийских советских республик является исторически сложившийся многонациональный состав. В период между всесоюзными переписями населения 1959 и 1970 гг. в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР наблюдалась дальнейшая консолидация коренных наций. В 1970 г. в Литовской ССР проживало 94,1% литовцев, в Латвийской ССР — 93,8% латышей, в Эстонской ССР — 91,8% всех эстонцев Советского Союза⁹. Вместе с тем все три республики сохранили свой многонациональный облик.

Из таблицы 1 видно, что характеристика национального состава населения Советской Литвы, Латвии и Эстонии имеет и общие черты, и

³ А. А. Амвросов. Социальная структура советского общества. М., 1975; М. П. Руткевич. Тенденции изменения социальной структуры советского общества. «Социологические исследования», 1975, № 1, 4; С. Л. Селяевский. Изменения в социальной структуре советского общества (1938—1970 гг.). «Вопросы истории», 1973, № 4; С. Л. Селяевский. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973; «Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие». М., 1975.

⁴ С. Л. Селяевский. Социальная структура городского населения в 60-х — начале 70-х годов. «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР». М., 1976; В. П. Давидов. Социальная структура советской деревни (по данным всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.). Там же.

⁵ Ю. В. Арутюнян. Изменение социальной структуры советских наций. «История СССР», 1972, № 4; «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975.

⁶ «Всесоюзная перепись населения 1970 года». Сб. статей. М., 1976.

⁷ В. Э. Кауфман. Динамика населения Эстонии в первой половине XX века (1897—1959) и повлиявшие на нее закономерности. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1967; Б.-А. Б. Толяшюте. Изменения состава населения Литвы под влиянием социально-экономических факторов. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

⁸ Э. Э. Рашик. Об изменениях в занятости и социальной структуре сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. В сб. «Социальная структура, труд, свободное время». Таллин, 1975 (Инт. истории АИ ЭССР, ротапонт).

⁹ См. «Современные этнические процессы в СССР», стр. 102; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, М., 1973, стр. 323, 324. Средний уровень концентрации коренных наций в одноименных союзных республиках составил к 1970 г. 85,4% (расчет автора).

Таблица 1

**Национальный состав населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР
в 1959 и 1970 гг.**

(в % к общему числу населения республик) *

Национальности	Все население		1970 г. в % к 1959 г.	Городское население		1970 г. в % к 1959 г.	Сельское население		1970 г. в % к 1959 г.
	1959	1970		1959	1970		1959	1970	
Литовская ССР			115,3			150,0			93,4
Литовцы	79,3	80,1	116,5	69,1	73,2	159,2	85,7	87,1	94,9
Русские	8,5	8,6	116,0	17,0	14,5	127,9	3,2	2,6	75,9
Поляки	8,5	7,7	104,3	6,6	6,1	139,4	9,7	9,3	89,5
Белорусы	1,1	1,5	150,0	2,4	2,4	151,7	0,3	0,5	140,2
Украинцы	0,7	0,8	141,8	1,4	1,4	149,6	0,1	0,1	86,9
Евреи	0,9	0,8	94,5	2,2	1,4	95,6	—	—	81,6
Другие национальности **	1,0	0,5		1,3	1,0		1,0	0,4	
в том числе латыши	0,2	0,1	80,1	0,1	0,1	124,5	0,2	0,1	58,7
Латвийская ССР			112,9			125,7			96,5
Латыши	62,0	56,8	103,3	51,6	47,0	112,7	75,2	73,0	93,7
Русские	26,6	29,8	126,6	31,4	38,0	138,8	16,5	16,1	94,1
Белорусы	2,9	4,0	154,0	2,9	4,1	142,7	2,9	3,9	131,4
Поляки	2,9	2,7	105,4	3,2	2,9	112,6	2,3	2,2	92,8
Евреи	1,7	1,6	100,2	3,0	2,4	100,6	—	—	68,1
Литовцы	1,5	1,7	125,3	1,2	1,2	120,9	1,9	2,6	128,7
Украинцы	1,4	2,3	181,5	2,2	2,9	169,5	0,3	0,5	272,6
Другие национальности **	1,0	1,1	150,1	1,5	1,5		0,9	1,7	
в том числе эстонцы	0,2	0,2	94,0	0,2	0,2	104,7	0,1	0,1	76,9
Эстонская ССР			113,3			130,4			91,1
Эстонцы	74,6	68,2	103,6	61,9	57,4	121,7	91,0	88,1	88,2
Русские	20,1	24,7	139,2	30,7	33,8	143,7	5,1	7,5	140,4
Украинцы	1,3	2,1	178,1	2,2	2,7	179,3	0,3	0,7	170,0
Белорусы	0,9	1,4	171,3	1,4	1,9	173,0	0,1	0,3	159,6
Финны	1,4	1,4	111,0	1,2	1,2	129,1	1,5	1,5	91,8
Другие национальности **	1,7	2,2	170,1	2,6	3,0		2,0	1,9	
в том числе латыши	0,2	0,2	113,7	0,3	0,3	120,4	0,1	0,1	95,6

* Таблица составлена на основе: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Литовская ССР», Вильнюс, 1963, стр. 160, 162; то же. Латвийская ССР, М., 1962, стр. 92, 94; то же. Эстонская ССР, М., 1962, стр. 94, 96; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, М., 1974, стр. 14, 15, 273, 274, 275, 280, 281, 317, 318, 319; «Экономика и культуры Литовской ССР в 1972 году», Статист. сб. Вильнюс, 1973, стр. 40. (Расчеты автора).

** В группу включены национальности, насчитывающие менее 10 тыс. человек.

различия. Общее заключается в том, что во всех республиках по все-союзным переписям населения 1959 и 1970 гг. преобладало коренное население, следующую группу по численности составляли русские. Далее, характерно, что процесс урбанизации во всех республиках неодинаково коснулся разных национальностей. Соотношение отдельных национальных групп и тенденции их развития имеют большое сходство в Эстонии и Латвии, в то время как демографическая картина Литвы выглядит иначе. Причины различий двоякие. Во-первых, сказалась разница в естественном приросте населения. В рассматриваемые годы численность литовцев в Литве увеличилась на 14,6%, латышей в Латвии и эстонцев в Эстонии — соответственно на 2,2 и 1,9%¹⁰. Благодаря этому, в Литовской ССР, несмотря на наиболее высокие темпы урбанизации, доля литовцев продолжала расти как среди сельского, так и среди городского

¹⁰ «Современные этнические процессы в СССР», стр. 484-485.

населения. В Латвии и Эстонии естественный прирост населения выразился только в его абсолютном, но не относительном увеличении.

Если общий прирост населения за наблюдаемые 11 лет в трех республиках менялся незначительно (от 12,9% в Латвии, 13,3% в Эстонии до 15,3% в Литве), то в перераспределении населения между городом и селом отмечаются существенные различия между республиками. В Литве городское население увеличилось наполовину, в Латвии — на четверть, в Эстонии — на 30%. В результате сократился разрыв в уровне урбанизации Литовской ССР, с одной стороны, и Латвийской и Эстонской ССР — с другой (см. табл. 2). Высокие темпы урбанизации отражают стремительное развитие промышленности и сопутствующих ей отраслей, сосредоточенных в городе. Высокий уровень урбанизации свидетельствует о прогрессе общественного разделения труда и совершенствовании производительных сил общества. Ведущее положение среди союзных республик к 1970 г. по уровню урбанизации заняли Эстонская ССР, где 65% населения составляли горожане, РСФСР и Латвийская ССР — 62%¹¹.

Изменения численности населения отдельных национальностей к 1970 г. по сравнению с 1959 г. (табл. 1) отражают сумму естественного и механического прироста населения. Лишь по основной национальности этот показатель примерно равен естественному приросту. То же самое можно сказать о поляках и евреях в Литве и Латвии и о финнах — в Эстонии. Динамика численности остальных национальностей определена интенсивностью миграционных процессов.

В период буржуазной власти удельный вес национальных меньшинств в Эстонии был меньше, нежели в Латвии или Литве, и составлял, по переписи населения 1934 г., 11,9%¹². Данные этой переписи в Эстонии включают 51 национальность, из которых только 8 насчитывали более тысячи человек¹³. В период строительства социализма возросло сотрудничество и обмен кадрами рабочих и специалистов между союзными республиками. Помимо планового движения кадров всегда происходила свободная миграция населения. В результате возрастала пестрота национального состава всех советских республик. В Эстонии число национальностей, насчитывающих свыше 1000 человек, увеличилось от 8 в 1934 г. до 10 в 1959 г. и до 11 в 1970 г.; в Литве за период 1959—1970 гг. — от 9 до 10; в Латвии за то же время — от 10 до 13¹⁴.

Направление таких социальных и демографических процессов, как урбанизация и межреспубликанская миграция, определялось прежде всего различиями в социально-экономических условиях. Для быстрого восстановления существовавших ранее производственных мощностей Латвии и Эстонии и использования энергетических ресурсов сланцевого бассейна Эстонии эти республики получили в годы послевоенных пятилеток больше централизованных государственных капитальных вложений, нежели Литва (см. табл. 3). Положение изменилось в пользу Литовской ССР в 60-е годы.

От капитальных вложений зависело дальнейшее разделение общественного труда, развитие промышленности и сопутствующих ей отраслей народного хозяйства. Данные таблицы 3 свидетельствуют, что возможности индустриализации Литовской ССР отличались от возможностей

¹¹ «Всесоюзная перепись населения 1970 года». М., 1976, стр. 158.

¹² R. Pullat. Eesti linnarahvastiku etniline koosseis aastail 1917—1940. Etnograafia muuseumi aastaraamat, XXIII. Tallinn, 1968, lk. 332, 339.

¹³ Там же, стр. 339.

¹⁴ Г. Е. Глезерман. Классы и нации. М., 1974, стр. 71.

соседних республик. В ходе же социалистической индустриализации и дальнейшего индустриального развития Латвийской и Эстонской ССР возникла такая потребность в новых рабочих кадрах, удовлетворение которой не могло произойти за счет одного местного населения. Промышленность Латвии и Эстонии привлекала рабочую силу не только из сельской местности своей республики, но и из-за ее пределов. Быстрое расширение промышленного производства, по-видимому, является одной из причин, объясняющих почти полное отсутствие латышей и эстонцев в населении соседних Прибалтийских республик (см. табл. 1). Вместе с тем в годы построения социализма пестрота национального состава населения Прибалтийских советских республик увеличилась. Тенденция возрастания многонациональности сохраняется и в период развитого социализма.

Таблица 2

Удельный вес городского населения в общей численности населения СССР и советских Прибалтийских республик за 1940—1975 гг. (в %)*

Республики	1940 г.	1956 г.	1969 г.	1970 г.	1975 г.
СССР	33	48	53	56	60
Литовская ССР	23	39	45	50	56
Латвийская ССР	35	56	60	62	65
Эстонская ССР	34	50	63	65	68

* «Народное хозяйство СССР в 1974 г.» Статист. ежегодник. М., 1975, стр. 11.

По данным переписей 1959 и 1970 гг. отчетливо видно, что межреспубликанские миграционные потоки направлены прежде всего в город. Национальный состав городского населения, по сравнению с сельским, более пестрый, пропорции отдельных этнических групп иные, их суммарное значение относительно основной коренной национальности несомненно. Таблица 1, показывающая соотношение национальностей в городском и сельском населении, свидетельствует о различии демографических процессов города и села, об определенном консерватизме села. В коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» В. И. Козлов отмечает, что причины этнической однородности сельских поселений до сих пор не привлекали серьезного внимания исследователей. Сам он среди этих причин ставит на первое место непосредственную связь сельских жителей с землей как основным объектом их труда. Но дальнейшее объяснение автор строит на материалах царской России, которые мало помогают рассмотрению современных этнических процессов села¹⁵.

Небольшие изменения национального состава сельского населения в рассматриваемый период, его относительная стабильность объясняется многочисленными факторами, важнейшими из которых являются экономические. Автор разделяет мнение Т. И. Заславской и Л. П. Ляшенко о том, что распределение капитальных вложений между городом и деревней, сравнительный уровень доходов и благосостояния населения, степень развития сферы обслуживания населения и другие аналогичные факторы во многом определяют интенсивность и направления миграции,

¹⁵ «Современные этнические процессы в СССР», стр. 145—146.

Капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций
(без колхозов) в народное хозяйство*
(в сопоставимых ценах, млн. руб.)

Период	Литва	Латвия	Эстония
1946—1950 гг.	208	366	351
1951—1955 гг.	448	573	558
1956—1960 гг.	1122	1159	875
1961—1965 гг.	2347	2247	1509
1966—1970 гг.	3912	3209	2077

* «Экономика и культура Литовской ССР в 1973 году». Статист. ежегодник. Вильнюс, 1974: стр. 280; «Народное хозяйство Латвийской ССР в 1974 году». Статист. ежегодник. Рига, 1975, стр. 259; «Народное хозяйство Эстонской ССР в 1972 году». Статист. ежегодник. Таллин, 1973, стр. 202.

а через нее — основные демографические характеристики сельского населения¹⁶.

На стабильность этнического состава сельского населения республик Прибалтики в 1959—1970 гг. повлияло определенное перенаселение сельских районов в начале социалистического строительства и отсутствие экономических стимулов для дальнейшего перераспределения рабочей силы в пользу сельского или лесного хозяйства. Наоборот, экономические рычаги способствовали уходу сельского населения, особенно молодежи, в промышленность и на строительство, сосредоточенных в городе. Таким образом, на селе долгие годы отсутствовали экономические условия для привлечения рабочей силы со стороны.

Другие причины относительной стабильности сельского населения, особенно пожилых возрастов, вероятно, связаны с жилищным вопросом и земледелием. Скромный удельный вес государственного и колхозно-кооперативного жилого фонда в общем жилом фонде села, отсутствие резервного жилья для размещения мигрантов, преобладание небольших частных домов удерживало сельское население на местах. К подобным факторам следует отнести и приусадебное хозяйство, которое при колхозно-кооперативном земледелии имеет существенное значение. Со временем, однако, произошли коренные изменения в соотношениях колхозно-кооперативного и государственного секторов земледелия. Соотношение колхозных и совхозных сельскохозяйственных угодий в Литовской ССР на 1 ноября 1970 г. выглядело, как 1,9 : 1, в Латвийской ССР — 1,6 : 1, в Эстонской ССР — 1,1 : 1, а в среднем по Советскому Союзу — 0,61 : 1¹⁷.

Осенью 1959 г. колхозные сельскохозяйственные угодья Литвы превышали совхозные в 3,5 раза, Латвии — в 3,35 раза, Эстонии — в 3,5 раза, по СССР — в 1,66 раза¹⁸. (Для сравнения приводим данные за 1954 г., когда рассматриваемое соотношение в Литве было 17 : 1, в Латвии 27 : 1, в Эстонии 21 : 1, по СССР 5 : 1¹⁹.)

¹⁶ Т. И. Заславская, Л. П. Ляшенко. Некоторые закономерности демографического развития деревни в условиях индустриализации и урбанизации. В кн. «Современная сибирская деревня. Некоторые проблемы социального развития», ч. I. Новосибирск, 1975, стр. 42.

¹⁷ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1970 году». Статист. сб. М., 1971, стр. 291.

¹⁸ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР в 1959 году». Статист. сб. М., 1960, стр. 327.

¹⁹ Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР». Статист. сб. М., 1956, стр. 105.

Таблица 4

Соотношение рабочих, служащих и колхозников в составе занятого населения СССР и Прибалтийских советских республик в 1959 и 1970 гг. (%) *

Население	Рабочие		Разность значений к 1970 г.	Служащие		Разность значений к 1970 г.	Колхозники		Разность значений к 1970 г.
	1959	1970		1959	1970		1959	1970	
СССР									
Все занятое население	47,9	57,6	+9,7	18,5	26,6	+8,1	33,3	15,5	-17,8
в т. ч. городское	68,6	64,7	-3,9	28,6	34,4	+5,8	2,7	0,7	-2,0
сельское	29,4	46,1	+16,7	9,4	14,1	+4,7	60,8	39,3	-21,5
Литовская ССР									
Все занятое население	37,8	54,5	+16,7	14,7	23,8	+9,1	46,5	21,2	-25,3
в т. ч. городское	66,1	64,3	-1,8	31,0	35,1	+4,1	2,2	0,3	-1,9
сельское	22,5	42,1	+19,6	5,7	9,8	+4,1	71,0	47,3	-23,7
Латвийская ССР									
все занятое население	52,0	58,0	+6,0	19,8	28,9	+9,1	27,6	12,7	-14,9
в т. ч. городское	66,0	63,3	-2,7	20,3	36,0	+16,7	4,2	0,5	-3,7
сельское	35,0	47,0	+12,0	8,3	14,2	+5,9	56,0	38,1	-17,9
Эстонская ССР									
все занятое население	56,9	60,8	+3,9	21,5	30,2	+8,7	21,1	8,8	-12,3
в т. ч. городское	69,0	63,6	-5,4	29,9	35,8	+5,9	0,9	0,5	-0,4
сельское	41,4	54,4	+13,0	10,6	17,2	+6,6	47,2	28,1	-19,1
Разность крайних значений по всему населению	19,1	6,3		6,8	6,4		25,4	12,4	
по городскому населению	3,0	1,0		1,7	0,9		3,3	0,2	
по сельскому населению	18,9	12,3		4,9	7,4		23,8	19,2	

* Расчеты автора на основе: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. V, М., 1973, стр. 27, 31, 33.

Изменение основ землепользования привело к изменению социально-классового состава населения. Увеличение государственного сектора в сельском хозяйстве означало переход вчерашних колхозников в ряды сельскохозяйственного отряда рабочего класса. Данные таблиц 4 и 5 подтверждают существование такого процесса в период между всесоюзными переписями населения 1959 и 1970 гг. как в Советской стране в целом, так и в каждой из Прибалтийских республик. Несмотря на то, что в СССР доля занятых в сельском и лесном хозяйстве сократилась более чем на треть (вместо 40,3% на 1959 г. в 1970 г. в этих отраслях работало 25,1% всех занятых), значение сельскохозяйственных рабочих в бурно растущем рабочем классе даже увеличилось. Стремительная урбанизация в Прибалтике (см. табл. 2) несколько вуалирует процесс перехода части колхозников в ряды сельскохозяйственных рабочих. Однако это имело место, поскольку во всех трех республиках существенное сокращение удельного веса занятых в сельском хозяйстве сопровождалось в несколько раз меньшим сокращением сельскохозяйственного отряда рабочих. В таблице 4 видно, что наибольший прирост рабочего класса в рассматриваемый период произошел в сельском населении Литвы.

Таблица 4 свидетельствует о том, что развитие основных общественных групп занятого населения СССР в целом и Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, в частности, имели в 1959—1970 гг. одинаковую направленность. К общим чертам следует отнести значительное сокращение колхозников во всем населении Советского Союза наполовину, в республиках Прибалтики — еще более. Всеобщим явилось увеличение удельного веса рабочих и служащих в общей сумме населения, занятого в народном хозяйстве. Примечательно, что, по данным 1970 г., во всех рассматриваемых республиках, как и по Советскому Союзу в целом, рабочий класс включал более половины всех трудящихся.

Увеличение удельного веса рабочего класса в занятом населении СССР, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР произошло в рассмотренный период везде за счет роста доли рабочих среди сельского населения. В городах республик Прибалтики, как и в среднем по Советскому Союзу, произошел обратный процесс — снижение удельного веса рабочего класса. Это было естественным и прогрессивным результатом развития общественного разделения труда, научно-технического прогресса и значительного повышения производительности труда в промышленности. Процессы дальнейшего разделения общественного труда, повышения его производительности, сокращения физического труда и расширения умственного происходили и на селе, хотя и менее равномерно. Как известно, государственная статистика объединяет интеллигенцию и служащих-неспециалистов в одну общественную группу служащих. Для изучения самых общих тенденций социально-классового развития общества такое объединение приемлемо.

В рассмотренный период произошло сближение социально-классового состава занятого населения в Прибалтийских республиках (табл. 4). Рассмотрим динамику долей отдельных общественных групп во всем занятом населении. Вариационный размах (разность крайних значений) в 1959 г. по колхозному крестьянству составлял 25,4 пункта, по рабочему классу — 19,1 пункта, по служащим — 6,8 пункта. К 1970 г. разность крайних значений по колхозникам сократилась вдвое (осталось 12,4 пункта), по рабочим — в три раза (осталось 6,3 пункта) и лишь по служащим изменений почти не произошло (вместо 6,8—6,4 пункта). Различия в социально-классовом составе занятого сельского населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР были существенными и остались заметными к 1970 г. Зато городское население республик по социально-

классовому составу можно было уже в 1959 г. охарактеризовать как весьма похожее друг на друга, а к 1970 г. разность крайних показателей отдельных общественных групп приблизилась к нулю и составила 1,0—0,2 вместо 3,3—1,7 пункта в 1959 г.

Сравнение данных Прибалтийских республик со средними общесоюзными на 1970 г. свидетельствует о совпадении социально-классовой характеристики занятого городского населения, в то же время удельный вес рабочего класса Эстонии и Латвии опережает, а Литвы несколько отстает от средних показателей по стране. Удельный вес колхозного крестьянства в Литве значительно выше, а в Латвии и Эстонии — ниже средних показателей по Советскому Союзу.

Соотношение занятости людей в отраслях материального производства и в непроеизводственных отраслях так же, как распределение трудящихся по отраслям народного хозяйства и общественным группам, характеризует уровень развития народного хозяйства страны.

Известно, что чем более развиты производительные силы общества и выше производительность труда, тем меньше трудящихся требуется в сфере материального производства. Таблица 5 показывает, как между переписями населения 1959 и 1970 гг. произошло сокращение удельного веса трудящихся отраслей материального производства по СССР и в республиках Прибалтики. Последовательное увеличение объема материальных благ, повышение их качества достигалось благодаря научно-техническому прогрессу все меньшими затратами физического труда. Повышение доли трудящихся, занятых в непроеизводственных отраслях народного хозяйства (в просвещении, науке, искусстве, здравоохранении и т. д.), содействует умножению основного богатства современного общества — творческих сил человека. Легко убедиться, что в рассмотренный период этот процесс происходил как в масштабах всего Советского Союза, так и в трех Прибалтийских советских республиках (табл. 5). Та же таблица показывает, что к 1970 г. произошло заметное сближение в распределении общественных групп рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства трех республик и соответственных общесоюзных показателей.

По разделению общественного труда, значению промышленности в народнохозяйственном комплексе Литовская ССР в 1959 г. заметно отличалась от Латвийской и Эстонской ССР. С помощью централизованных государственных капиталовложений Латвия и Эстония достигли такого развития, что доля трудящихся в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи во всем занятом населении этих республик превышала соответствующий общесоюзный показатель как в 1959, так и в 1970 г. В Литовской ССР соотношение промышленного и сельскохозяйственного секторов народного хозяйства по удельному весу занятых в них трудящихся составляло в 1959 г. 1 : 2, в то время как в общесоюзном масштабе — 1 : 1. Однако следующее десятилетие внесло в эту картину коренные изменения. Данные переписи населения 1970 г. о распределении трудящихся по отраслям народного хозяйства свидетельствуют об огромном скачке в экономическом развитии Литвы, совершенном за 1959—1970 гг. Примаг сельскохозяйственного труда остался в прошлом. К 1970 г. на первое место вышли промышленность, строительство, транспорт и связь, вместе взятые.

Таблица 5 дополнительно раскрывает тенденции развития основных общественных групп советского общества за 1959—1970 гг., намеченные ранее. Произошло существенное сокращение класса колхозного крестьянства. В рассмотренный период колхозников стало меньше во всем населении страны и во всех Прибалтийских республиках (табл. 4). Их

Распределение занятого населения СССР и Прибалтийских советских республик
(в % ко всему занятому)

Население	1939 г. все обществ. группы	1959 г.			
		все обществ. группы	рабочие	служащие	колхозники
СССР					
Все занятое население	100	100	100	100	100
В том числе занятое в отраслях материального производства	85,6	84,1	88,2	45,7	99,4
из него:					
в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи	30,1	38,2	66,0	32,8	1,3
в сельском и лесном хозяйстве	50,1	40,3	14,1	4,2	98,1
в торговле, общественном питании, снабжении**	4,9	5,3	7,9	8,0	0,0
занятое в непроизводственных отраслях	10,1	14,7	11,4	49,2	0,3
из него:					
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении	5,9	10,0	7,0	35,0	0,3
Литовская ССР					
население, занятое в отраслях материального производства		85,9	85,0	44,1	99,7
из него:					
в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи		27,7	50,3	28,5	1,2
в сельском и лесном хозяйстве		54,2	18,8	6,3	98,5
в торговле, общественном питании, снабжении**		3,7	6,7	8,3	0,0
население, занятое в непроизводственных отраслях		13,5	14,5	53,9	0,1
из него:					
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении		8,1	7,3	35,9	0,0
Латвийская ССР					
население, занятое в отраслях материального производства		83,2	87,4	49,6	99,7
из него:					
в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи		41,5	63,9	34,5	4,5
в сельском и в лесном хозяйстве		35,8	16,0	5,0	95,1
в торговле, общественном питании, снабжении**		5,6	7,3	9,1	0,0
население, занятое в непроизводственных отраслях		16,0	12,1	47,9	0,1
из него:					
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении		9,6	6,4	31,3	0,1
Эстонская ССР					
население, занятое в отраслях материального производства		82,2	87,9	49,9	99,8
из него:					
в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи		44,3	62,6	34,3	5,4
в сельском и лесном хозяйстве		31,6	17,8	6,1	94,3
в торговле, общественном питании, снабжении**		5,9	7,2	8,2	0,0
население, занятое в непроизводственных отраслях		17,1	11,6	48,3	0,1
из него:					
в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении		10,3	6,3	31,1	0,1

Таблица 5

по отраслям народного хозяйства и общественным группам в 1959 и 1970 гг. населению)*

1970 г.							
все обществ. группы	разность значений к 1970 г.	рабочие	разность значений к 1970 г.	служащие	разность значений к 1970 г.	колхозники	разность значений к 1970 г.
100		100		100		100	
78,3	-5,8	86,8	-1,4	47,6	+1,9	99,1	-0,3
45,8	+7,6	62,7	-3,3	34,8	+2,0	2,7	+1,4
25,1	-15,2	15,1	+1,0	4,6	+0,4	96,3	-1,8
6,8	+1,5	8,4	+0,5	7,4	-0,6	0,1	+0,1
21,3	+6,6	12,8	+1,4	52,0	+2,8	0,6	+0,3
14,4	+4,4	8,0	+1,0	36,4	+1,4	0,5	+0,2
80,8	-5,1	87,1	+2,1	49,5	+5,4	99,5	-2,2
43,2	+15,5	61,2	+1,9	35,5	+7,0	6,1	+4,9
31,3	-22,9	17,7	-1,1	6,1	-0,2	93,3	-5,2
5,9	+2,2	7,7	+1,0	7,0	-1,3	0,1	+0,1
18,8	+5,3	12,5	-2,0	50,1	-3,8	0,2	+0,1
12,0	+3,9	7,5	+0,2	33,1	-2,8	0,1	+0,1
78,3	-4,9	86,9	-0,5	51,5	+1,9	99,5	-0,2
50,9	+9,4	65,9	+2,0	37,9	+3,4	12,6	+8,1
19,1	-16,7	11,4	-4,6	4,0	-1,0	86,6	-8,5
7,5	+1,9	8,7	+1,4	8,5	-0,6	0,2	+0,2
21,5	+5,5	12,9	+0,8	48,3	+0,4	0,4	+0,3
12,8	+3,2	7,1	+0,7	30,1	-1,2	0,2	+0,1
77,9	-4,3	88,3	+0,4	50,7	+0,8	99,3	-0,5
52,4	+8,1	65,8	+3,2	35,4	+1,1	19,0	+13,6
17,3	-14,3	13,8	-4,0	5,8	-0,3	80,1	-14,2
7,4	+1,5	8,3	+1,1	7,5	-0,7	0,2	+0,2
21,8	+4,7	11,4	-0,2	49,0	+0,7	0,3	+0,2
12,4	+2,1	5,9	-0,4	29,0	-2,1	0,3	+0,2

Население	1939 г. все обществ. группы	1959 г.			
		все обществ. группы	рабочие	служа- щие	колхоз- ники
Разность крайних значений по населению, занятому в отраслях матери- ального производства		9,7	3,2	5,8	0,4
из него:					
в промышленности, строительстве, на транс- порте, в связи		16,6	6,7	6,0	4,2
в сельском и лесном хозяйстве		22,6	4,7	2,1	4,2
в торговле, общественном питании, снабже- нии**		2,2	1,2	1,1	0,0
по населению, занятому в непроеизводственных отраслях		3,6	3,1	6,0	0,2
из него:					
в просвещении, науке, искусстве и здраво- охранении		2,2	1,0	4,8	0,3

* Таблица составлена по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года СССР» (сводный том).
Сумма занятых в отраслях материального производства и в непроеизводственных отраслях по опублико-
** Учтены работники заготовок, материально-технического снабжения и сбыта.

стало меньше не только в занятом сельском населении, но и в самом сельском хозяйстве (табл. 5).

В 1959 г. класс колхозного крестьянства почти полностью был занят чисто сельскохозяйственным трудом (98,1%). Лишь в наиболее урбанизированных республиках, Латвии и Эстонии, углублялось общественное разделение труда в этой области. Около 5 процентов колхозников работало на колхозных промышленных предприятиях и ремонтных мастерских, на строительстве колхозных производственных объектов, на транспорте и в связи. К 1970 г. занятость колхозников в этих отраслях резко увеличилась в Эстонии, Латвии и даже в Литве. В 1970 г. в Эстонии 19,0%, в Латвии 12,6%, в Литве 6,1% колхозников были заняты промышленным трудом против 2,7% по СССР в среднем. Эти показатели свидетельствуют о новой тенденции развития. Она связана с интенсификацией сельского хозяйства, внедрением в него промышленных методов. Передовое место Эстонии и Латвии в этом деле объясняется демографической обстановкой в этих республиках, дефицитом рабочей силы, общим для города и села. Дальнейшие успехи экономики в таких условиях возможны лишь ценой коренной перестройки технологии и организации производства на основе применения новой техники. Переход на интенсивное хозяйствование резко расширил фронт строительства на селе. Создаются агро-промышленные комплексы по подготовке кормов, производству яиц, молока и мяса, строятся промышленные цехи по переработке сельскохозяйственной продукции или выпуску некоторых товаров широкого потребления.

Необходимость увеличения эффективности сельскохозяйственного производства привела к установлению перспективных размеров хозяйств, объединивших к началу 70-х годов тысячи гектаров сельскохозяйственных угодий. Это настоятельно потребовало перехода на новый тип расселения, построения современных сельских поселков взамен разбросанных хуторов²⁰. Таким образом, начало перехода к интенсивным

²⁰ В Эстонии к началу 1970 г. насчитывалось 86 500 хуторов, и они составляли 84% всех жилищ на территории совхозов и колхозов Эстонской ССР. См. Aleksander Astaskin. Eesti küla ümberkujundamise teedest. Majandusteade ja rahvamajandus 1971/72. Aastaraamat. Tallinn, 1974, lk. 177.

Таблица 5 (окончание)

1970 г.							
все обществ. группы	разность зна- чений к 1970 г.	рабочие	разность зна- чений к 1970 г.	служащие	разность зна- чений к 1970 г.	колхозники	разность зна- чений к 1970 г.
2,9		1,5		3,9		0,4	
9,2		4,7		3,1		16,3	
14,0		6,3		2,1		16,2	
1,6		1,0		1,5		0,1	
3,0		1,5		3,7		0,4	
2,4		2,1		7,4		0,4	

М., 1962, стр. 110; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. V, М., 1973, стр. 27, 31, 33, введены в V томе соотношениям (стр. 27, 31, 33) не равнялась 100.

методам и формам ведения хозяйства повысило значение промышленного производства, строительных работ, транспортных перевозок и связей в трудовой деятельности колхозников. Особенно характерно это для Эстонии, в сельском хозяйстве которой работает минимальное количество людей.

Следует подчеркнуть, что дальнейшее разделение общественного труда в сельскохозяйственном производстве на основе все более широкого применения современной техники и технологии будет связано с новыми возможностями сближения социальных характеристик колхозного крестьянства и рабочего класса.

Данные о распределении населения по национальностям и месту проживания в городе или сельской местности на фоне общереспубликанских показателей урбанизации позволяют судить о том, какие этнические группы больше связаны с селом и, следовательно, с земледелием и поэтому шире представлены в классе колхозного крестьянства.

По этим данным (см. табл. 1 и 6), сельское население в Эстонии широко представлено эстонцами и финнами. Удельный вес последних не превышал 1,5%. Кроме того, они являлись в основном работниками государственных хозяйств.

В Латвии сельское население представлено относительно широко не только латышами, но и русскими, белорусами, литовцами и поляками. Это — результат перемещений этнических групп на пограничных территориях или же в пределах прошлого административного деления. Однако, кроме русских, которые, по переписям населения 1959 и 1970 гг., составляли примерно шестую часть сельского населения Латвии, удельный вес белорусов, поляков и литовцев в нем был незначительным — около 2—3%.

В Литве уровень урбанизации ниже республиканского среднего показателя у литовцев, составлявших в 1959 г. 85,7%, а в 1970 г. 87,1% сельского населения, и еще ниже у поляков, составлявших соответственно 9,7% и 9,3% сельского населения. Латыши в Литовской ССР также в большинстве своем относятся к коренному сельскому населению, по их удельный вес среди сельских жителей ничтожно мал (0,1%).

Колхозное крестьянство Советской Эстонии, таким образом, практически однопационально, состоит почти целиком из эстонцев. В Литве оно состоит в основном из литовцев и поляков, в Латвии — из латышей и русских.

Повышение удельного веса сельских жителей других национальностей (табл. 1) в Эстонии и Латвии к 1970 г. связано, с одной стороны, с образованием дефицита рабочей силы на селе, а с другой — с увеличением экономических возможностей хозяйств сократить этот дефицит за счет привлечения рабочих со стороны. Многонациональные коллективы трудящихся более свойственны государственному сектору.

Таблица 6

Доля сельского населения среди отдельных национальностей в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в 1959 и 1970 гг.
(в процентах от численности лиц каждой национальности) *

	Литовская ССР		Латвийская ССР		Эстонская ССР	
	1959	1970	1959	1970	1959	1970
Доля сельского населения во всем населении республики	61,4	50,0	43,9	37,5	43,6	35,0
в том числе среди:						
основной национальности	66,4	54,1	54,1	48,3	53,2	45,3
русских	23,0	15,1	27,3	20,3	13,5	10,7
поляков	70,2	60,2	36,4	32,0		
белорусов	17,5	16,3	43,6	37,2	10,0	9,2
украинцев	12,7	7,6	11,7	17,6	13,1	12,5
евреев	1,0	0,9	1,2	0,9		
финнов					48,6	40,2
литовцев			56,4	57,9		
др. национальностей **		31,5		24,6		29,2
в том числе среди латышей эстонцев	67,5	49,4	38,7	31,7	27,0	22,7

* Расчеты автора на основе: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Литовская ССР». Видныйс. 1963, стр. 160, 162; то же. Латвийская ССР. М., 1962, стр. 92, 94; то же. Эстонская ССР. М., 1962, стр. 94, 96; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, стр. 273, 275, 280, 282, 317, 319.

** В группу включены национальности, насчитывающие менее 10 тыс. чел.

К периоду развитого социализма показатели материальных условий деятельности колхозного крестьянства существенно приблизились к соответствующим показателям сельскохозяйственных рабочих. Это способствовало возможности взаимных переходов из одной общественной группы в другую. То же самое имело место в городе с промкооперацией, которая по многим характеристикам приблизилась к государственной промышленности настолько, что в 1960 г. волилась в нее²¹ (в Эстонской ССР это произошло уже к концу 1958 г.)²². Все это содействовало росту рабочего класса как абсолютному, так и относительному, во всем населении и среди основных наций республик Прибалтики.

Распределение литовцев, латышей и эстонцев по основным общественным группам можно рассчитать, что необходимо для выяснения различий социального состава всего населения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, с одной стороны, и литовской, латышской и эстонской наций — с другой.

²¹ «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк» (1917—1973). М., 1975, стр. 545.

²² А. Веймер. Комплексное развитие и специализация промышленности Эстонского экономического административного района. Таллин, 1961, стр. 96.

Поскольку нет опубликованных данных о распределении занятого населения по национальностям и месту жительства, в основу расчета положены более общие данные о доле сельского и городского населения в каждой нации (табл. 6). При этом предполагается, что общественные группы трудящихся города и села (табл. 4) распределены пропорционально удельному весу каждой нации среди городского и сельского населения.

Расчет проводился следующим образом: удельный вес рабочих от численности занятого городского населения был умножен на долю городского населения конкретной нации. Полученный результат рассматривался как удельный вес городских рабочих этой нации и т. д. Аналогично были рассчитаны городской и сельский отряды рабочих, служащих и колхозников во всем населении. Результаты расчета приблизительны, поскольку действительное распределение основных общественных групп не вполне пропорционально удельному весу наций в городском и сельском населении. Отдавая себе отчет в приблизительности показателей, можно, тем не менее, сделать некоторые общие выводы (см. табл. 7).

Как и следовало ожидать, связь с землей сильнее у коренной нации. Поэтому в ее составе относительно больше представлено не только колхозное крестьянство, но также и сельские отряды рабочих и служащих.

Чем выше удельный вес коренной нации во всем населении республики, тем более близки ее характеристики к характеристикам всего населения. Распределение основных общественных групп — рабочих, служащих и колхозников в литовской нации и во всем населении Литовской ССР именно поэтому не имело больших различий уже по данным 1959 г. К 1970 г. эти показатели еще более сблизились.

В Латвийской и Эстонской ССР удельный вес коренной нации во всем населении в 1959 г. был относительно меньше и еще сократился к 1970 г. Преобладание миграции над естественным приростом населения накладывает печать на развитие социального состава коренных наций в Эстонии и Латвии. Тем не менее, доля рабочего класса и колхозного крестьянства среди латышей и эстонцев имела тенденцию приближения к доле рабочих и колхозников во всем населении. Однако разные отряды рабочих и служащих, в том числе интеллигенции, развивались по-разному. Основную массу работников просвещения, культуры и искусства составляли представители коренной нации. Гораздо более многонациональной была техническая интеллигенция и административный корпус.

Увеличение многонациональности населения городов связано с развитием производительных сил общества. Переосмысление задач восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны с задачами индустриализации республик потребовало притока рабочей силы в промышленность, строительство, транспорт. Уже в период капитализма эти отрасли были наиболее пестры по национальному составу трудящихся. При социализме высокие темпы индустриального развития расширили сотрудничество народов. Анализируя социально-профессиональные группы разных национальностей (на основе репрезентативного опроса всего взрослого населения Эстонской ССР²³, проведенного в конце 1966 года) Ю. Какк отмечает, что в противовес эстонцам люди других национальностей почти исключительно связаны с индустриальным развитием республики, с миграцией в промышленные центры, города. Они пополнили прежде всего рабочий класс и инженерно-технический персонал²⁴.

²³ Выборка опрашиваемых проводилась на основе списков избирателей.

²⁴ Ю. Какк к. Черты сходства. Таллин, 1974, стр. 37—38.

Таблица 7

Социальный состав основных наций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и всего населения СССР
(расчет по переписям 1959 и 1970 гг. в %) *

Социальный состав	СССР		Литовская ССР						Латвийская ССР						Эстонская ССР					
	1959 г.	1970 г.	1959 г.			1970 г.			1959 г.			1970 г.			1959 г.			1970 г.		
	все население		все население	литовцы	литовцы по сравнению со всем населением	все население	литовцы	литовцы по сравнению со всем населением	все население	латыши	латыши по сравнению со всем населением	все население	латыши	латыши по сравнению со всем населением	все население	эстонцы	эстонцы по сравнению со всем населением	все население	эстонцы	эстонцы по сравнению со всем населением
Все население	100	100	100	100		100	100		100	100		100	100		100	100		100	100	
в том числе:																				
рабочие	48,4	56,5	39,3	37,1	-2,2	53,3	52,3	-1,0	52,4	49,2	-3,2	57,2	55,4	-1,8	56,0	54,3	-1,7	60,3	59,4	-0,8
городские	33,1	36,2	25,5	22,2	-3,3	32,2	29,5	-2,7	37,0	30,3	-6,7	39,6	32,7	-6,9	38,9	32,3	-6,6	41,3	34,8	-6,5
сельские	15,3	20,3	13,8	14,9	+1,1	21,1	22,8	+1,7	15,4	18,9	+3,5	17,6	22,7	+5,1	18,1	22,0	+3,9	19,0	24,6	+5,6
служащие	18,6	25,5	15,5	14,2	-1,3	22,5	21,4	-1,1	20,0	17,9	-2,1	27,8	25,5	-2,3	21,5	19,6	-1,9	29,3	27,4	-1,9
городские	13,7	19,3	12,0	10,4	-1,6	17,6	16,1	-1,5	16,4	13,4	-3,0	22,5	18,6	-3,9	16,9	14,0	-2,9	23,3	19,6	-3,7
сельские	4,9	6,2	3,5	3,8	+0,3	4,9	5,3	+0,4	3,6	4,5	+0,9	5,3	6,9	+1,6	4,6	5,6	+1,0	6,0	7,8	+1,8
колхозники	32,8	17,7	44,4	47,8	+3,4	23,0	25,7	+1,8	27,0	32,2	+5,2	14,6	18,7	+4,1	20,6	25,5	+4,9	10,1	13,0	+2,9
городские	1,3	0,4	0,8	0,7	-0,1	0,2	0,1	-0,1	2,4	1,9	-0,5	0,3	0,3	—	0,5	0,4	-0,1	0,3	0,3	—
сельские	31,6	17,3	43,6	47,1	+3,5	23,7	25,6	+1,9	24,6	30,3	+5,7	14,3	18,4	+4,1	20,1	25,1	+5,0	9,8	12,7	+2,9

* Исчислено на основе таблиц 2, 4, 6.

Таблица 8

Доля рабочего класса в занятом населении СССР и Прибалтийских советских республик в 1959 и 1970 гг. (в %)

	Доля рабочих в занятом населении		Доля промышленных рабочих в занятом населении		Доля промышленных рабочих коренной национальности
	1959	1970	1959	1970	
СССР					
городское и сельское население	47,9	57,6	16,9	22,2	
городское население	68,6	64,7			
сельское население	29,4	46,1			
Литовская ССР					
городское и сельское население	37,8	54,5	12,3	22,3	12
городское население	66,1	64,3			
сельское население	22,5	36,5			
Латвийская ССР					
городское и сельское население	52,0	58,0	18,9	25,6	19
городское население	66,0	63,3			
сельское население	35,0	47,0			
Эстонская ССР					
городское и сельское население	56,9	60,8	22,9	25,2	19
городское население	69,0	63,6			
сельское население	41,4	54,4			

Таблица составлена на основе: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР» (сводный том). М., 1962, стр. 95, 100, 106, 108; то же. Литовская ССР. Вильнюс, 1963, стр. 50, 52, 54; то же. Латвийская ССР. М., 1962, стр. 36, 38, 39; то же. Эстонская ССР. М., 1962, стр. 36, 38, 39; «Народное хозяйство СССР в 1959 году». Статист. сб. М., 1960, стр. 138; «Народное хозяйство СССР в 1973 году». Статист. сб. М., 1974, стр. 227; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года». М., 1974, т. V, стр. 27, 31, 33; «Промышленность Литовской ССР». Статист. сб. Вильнюс, 1973, стр. 38; «Народное хозяйство Латвийской ССР в 1972 году». Статист. сб. Рига, 1973, стр. 90; «Развитие народного хозяйства Латвийской ССР». Статист. сб. Рига, 1962, стр. 82; «Достижения Советской Эстонии за 20 лет». Статист. сб., Таллин, 1960, стр. 107—170. Данные последней графы заимствованы из статьи Ю. В. Арутюняна «Изменение социальной структуры советских наций». — «История СССР», 1972, № 4, стр. 13.

Доля эстонцев во всем населении Эстонии равнялась 74,6% в 1959 г. и 68,2 в 1970 г., а среди горожан соответственно 61,9% и 57,3%. Таким образом, абсолютное большинство рабочего класса, включая промышленных рабочих, состояло из коренной нации. В 1959 г. эстонцы составляли среди рабочих 68,69%, русские 24,24%, украинцы 1,68% и белорусы 1,12%²⁵. Следует подчеркнуть, что во всех Прибалтийских республиках наиболее передовой отряд рабочего класса — промышленные рабочие — сформировались большей частью за счет местного населения (табл. 8).

К началу 1960-х годов рабочий класс в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР составлял две трети всех трудящихся городов, точно так же как в целом по СССР. В результате более быстрого социально-экономического развития в 1960-е годы Литва к 1970 г. встала в один ряд с Эстонией и Латвией по удельному весу промышленных рабочих во

²⁵ К. С. Халлик. Учет социального и национального состава населения в интернациональном воспитании. В кн. «Ленинские принципы интернационального воспитания трудящихся». 2-е доп. изд. Таллин, 1975, стр. 138.

всем занятом населении. В итоге к 1970 г. доля промышленных рабочих в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР перешагнула среднесоюзный показатель.

Рабочий класс, особенно промышленные рабочие — это главная производительная и ведущая политическая сила советского общества. Динамика рабочего класса по отношению ко всем трудящимся Советской страны, в том числе динамика доли промышленных рабочих за период 1959—1970 гг. показана в таблице 8. Легко убедиться, что экономическая политика Коммунистической партии, рассчитанная на всестороннее развитие производительных сил общества, и ее национальная политика, рассчитанная на всестороннее развитие всех наций и национальностей, в Прибалтийских советских республиках дала свои результаты. Произошло дальнейшее сближение социального состава населения, в том числе основных коренных наций Прибалтийских советских социалистических республик.

Данные всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. по Литовской, Латвийской и Эстонской ССР свидетельствуют о количественном и качественном росте рабочего класса и народной интеллигенции, основное ядро которых составляли коренные нации. Хорошо видны и качественные изменения среди колхозников, выраженные в углублении общественного разделения труда на селе и на этой основе — их профессиональном росте. Подробная профессиональная характеристика занятого населения и анализ качественных изменений внутри классов являются самостоятельной темой.

Представленный в настоящей статье материал о тенденциях развития основных общественных групп в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР позволяет заключить, что развитие производительных сил советского общества за 1959—1970 гг. привело к укреплению социального единства советского народа как новой исторической общности людей.

Следует, однако, напомнить, что Всесоюзная перепись населения 1970 г. отражает изменения социально-классового состава населения лишь за первое десятилетие развернутого коммунистического строительства в СССР. XXIV съезд КПСС разработал новую обширную социально-экономическую программу дальнейшего коммунистического строительства.

В девятой пятилетке Советский Союз, в том числе Литовская, Латвийская и Эстонская ССР, добились новых успехов в своем социальном развитии. Особенно заметны они были на селе. А. Н. Косыгин в докладе об основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. на XXV съезде КПСС отметил: «Коренные перемены в жизни села нельзя измерить только статистическими показателями. Это — глубочайшие по своим масштабам и общественным последствиям социально-экономические преобразования... Эти преобразования — результат глубоко продуманной аграрной политики партии, направленной на коренную техническую реконструкцию сельскохозяйственного производства, интенсивность которой в предстоящий период будет нарастать»²⁶.

Программный документ XXV съезда КПСС на следующее пятилетие «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» содержит оценки пройденного пути за 1971—1975 гг. В нем читаем: «Итоги девятой пятилетки показывают, что наша страна продвинулась вперед на всех направлениях коммунистического строи-

²⁶ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 116—117.

тельства. Высокими темпами развивались производительные силы общества. Значительно возрос научно-технический потенциал страны. С ростом производительных сил совершенствовались производственные отношения, повысился уровень обобществления производства. Усилилась экономическая и социальная роль общенародной собственности, произошло дальнейшее сближение с ней колхозно-кооперативной собственности. Увеличилась численность рабочего класса и возросла его роль как ведущей силы коммунистического строительства. Колхозное крестьянство по своему социально-экономическому положению приблизилось к рабочему классу.

Созданы необходимые условия для решения новых, более крупных задач в соответствии с долговременной социально-экономической политикой Коммунистической партии»²⁷. Естественным следствием этой политики должно явиться дальнейшее развитие социальной структуры общества. Разработка этой проблемы потребует новых исследований.

²⁷ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 165.

А. П. КУПРЕЕВА

ПОМОЩЬ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК В ВОЗРОЖДЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССИИ [Сентябрь 1943 г.— 1945 г.]

Советский народ уже в ходе Великой Отечественной войны решал важную политическую и экономическую задачу — восстановление разрушенного хозяйства. Враг подверг разорению 28 областей и автономных республик Российской Федерации, а также Украинскую, Белорусскую, Литовскую, Латвийскую, Эстонскую, Карело-Финскую и Молдавскую ССР. В районах, пострадавших от оккупантов, перед началом войны были сосредоточены огромные материальные и людские ресурсы, были расположены важнейшие промышленные центры страны. Здесь проживало 80 млн. человек, производилось 33% промышленной продукции, пахотилось 47% посевных площадей, 41% протяженности железнодорожных путей¹. Возрождение общественно-политической, хозяйственной жизни в освобожденных от гитлеровских захватчиков районах являлось задачей огромной важности.

Вопросы восстановления народного хозяйства на освобожденной от фашистских оккупантов территории всесторонне исследуются советскими

¹ «Всемирно-историческая победа советского народа 1941—1945», М., 1971, стр. 325; «Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг советского народа», М., 1974, стр. 152.

историками, экономистами в специальных² и общих³ трудах. В ряде трудов нашла отражение огромная братская помощь народов СССР пострадавшим в годы войны и оккупации республикам и областям⁴.

В Белоруссии пока не издано специальных работ, в которых бы раскрывалась помощь народов СССР белорусскому народу в восстановлении промышленности, транспорта, сельского хозяйства, учреждений медицины, науки и культуры на завершающем этапе Великой Отечественной войны. В настоящей статье на основе архивов, опубликованных источников, периодической печати сделана попытка восполнить этот пробел.

В самый разгар жесточайших битв против немецко-фашистских захватчиков, 21 августа 1943 г., СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»⁵. В нем намечалась обширная программа восстановительных мероприятий, всесторонней помощи освобожденному населению и определялись средства их осуществления. При Совете Народных Комиссаров СССР был создан Комитет по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, а при Госплане СССР — Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах.

На решение поставленных задач Коммунистическая партия и Советское правительство мобилизовали материальные и финансовые ресурсы государства, весь советский народ. Белорусская ССР, как и другие союзные республики, в возрождении разрушенного врагом хозяйства опиралась на огромную и повседневную помощь Правительства СССР, Коммунистической партии, братских народов Союза Советских Социалистических Республик. В 1942 г. из союзного бюджета она получила на проведение организационно-подготовительных мероприятий, связанных с освобождением республики, 13,6 млн. руб., а в 1943 г. — 37 млн. руб.⁶ Учитывая огромные разрушительные последствия оккупации и необходимость быстрого восстановления народного хозяйства, Союзное

² Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947; В. А. Ежов. Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944—1945 гг.). Л., 1961; Н. Д. Кубраков. Борьба Смоленской парторганизации за восстановление сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны. Смоленск, 1961; В. И. Мавроди. Коммунисты Донбасса в борьбе за восстановление тяжелой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). М., 1962; Г. А. Куманев. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. М., 1964; Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; А. В. Митрофанова. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971 и др.

³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», тт. 4—5. М., 1962—1963; «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1 (1938—1945). М., 1970; «Краткая история СССР», М., 1972; «История СССР», т. 10, М., 1973 и др.

⁴ З. А. Воскобойников. Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1947; Н. А. Буцко. Коммунистическая партия — организатор международной помощи Советской Украине в восстановлении народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1962; С. Керимбаев. Всенародный подвиг. Фрунзе, 1970; Баба Ильясов. Советский Туркменистан в период Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1964; Б. Г. Гибадуллин. Советская Башкирия в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Исторические очерки. Уфа, 1971; В. И. Ефимов. Патриотический подвиг трудящихся Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1972; Н. А. Мошкин. Во имя победы. Коммунисты Удмуртии — организаторы трудового подъема в годы Великой Отечественной войны. Ижевск, 1975 и др.

⁵ «Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны». М., 1946, стр. 29—74.

⁶ «Шестая сессия Верховного Совета БССР». Минск, 1946, стр. 117.

правительство выделило Белоруссии в 1944 г. дотацию в размере 490 790 тыс. руб., а в 1945 г. — 1200 млн. руб.⁷ За счет союзного бюджета осуществлялось финансирование ряда отраслей народного хозяйства республики. В 1944 г. и за первый квартал 1945 г. за счет союзного бюджета в республике было выплачено свыше 36 млн. руб. помощи многодетным и одиноким матерям⁸.

ЦК ВКП(б), СЦК СССР основное внимание сосредоточили на быстрейшем восстановлении промышленности республики как основы развития всей ее экономики. С конца 1943 г. по 1945 г. был проведен ряд первоочередных мероприятий по восстановлению в Белоруссии предприятий станкостроения, сельскохозяйственного машиностроения, энергетической, топливной, пищевой, легкой, лесной, текстильной промышленности, промышленности строительных материалов и других отраслей.

Уже в первые месяцы после изгнания немецко-фашистских оккупантов (с части территории Могилевской, Гомельской, Витебской, Полеской областей) для восстановления основных отраслей промышленности Союзное правительство выделило республике около 1 тыс. станков, более 100 автомашин, 2 тыс. т металла, около 100 тыс. куб. м леса, 20 тыс. кв. м стекла, турбины и генераторы общей мощностью 20 тыс. квт⁹, а к июлю 1945 г. в Белоруссию поступило несколько турбогенераторов общей мощностью более 70 тыс. квт¹⁰. В 1944—1945 гг. Правительством СССР выделено республике 6 энергопоездов (общей мощностью 8 тыс. квт)¹¹, 37 металлообрабатывающих предприятий с 7 тыс. станков, комплекты оборудования для заводов автомобильного, велосипедного, инструментального, для стекольных заводов в Минске, Витебске, Гомеле, «Гомсельмаша», Могилевской фабрики искусственного волокна, тонкосуконного комбината в Минске, для лесобрабатывающих заводов, заводов по производству строительных материалов, шпесвых, льнокомбината в Орше, полиграфических предприятий¹².

В 1944 г. партия и правительство провели важные мероприятия, определившие пути восстановления колхозов, совхозов, МТС республики и создавшие условия для оказания практической помощи в решении этой труднейшей задачи.

За 1944—1945 гг. Союзным правительством в порядке государственной помощи было передано Белорусской ССР 228,7 тыс. голов всех видов продуктивного скота и 104,2 тыс. лошадей¹³. Колхозам передавался трофейный племенной скот и лошади. В республику был возвращен эвакуированный скот. На расходы, связанные с его возвращением, Правительство СССР в начале 1944 г. выделило Белоруссии 1 млн. руб.¹⁴ Сельхозбанк СССР предоставлял колхозам Белоруссии кредиты на покупку скота¹⁵.

Для колхозов освобожденных районов республики к марту 1944 г. государство отпустило 100 т семян клевера, 30 т тимopheевки, 40 т

⁷ «Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР», Стеногр. отчет. М., 1945, стр. 52.

⁸ «Седьмая сессия Верховного Совета БССР 3—5 июля 1945 г.». Стеногр. отчет. Минск, 1947, стр. 29.

⁹ «Шестая сессия Верховного Совета БССР 21—24 марта 1944 г.», стр. 53; «История БССР», т. II, 1958, стр. 410.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 220, л. 351.

¹¹ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 45, д. 1081, л. 34; «Московский большевик», 1944, 16 июля и 18 августа; «Рабочий край», 1944, 29 октября.

¹² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 220, лл. 134, 351.

¹³ ЦГАОР БССР, ф. 7, оп. 3, д. 723, л. 29.

¹⁴ «Шестая сессия Верховного Совета БССР 21—24 марта 1944 г.», стр. 54.

¹⁵ «Советская Белоруссия», 22 октября 1944 г.

люцерны, 1000 т вики, 62 200 т посевных семян льна. Кроме того, в начале 1944 г. государство выделило республике 8 тыс. т сортовых семян для обмена колхозам на некондиционные по всхожести семена¹⁶. Под урожаем 1945 г. колхозы Белоруссии получили семенной «суды зерна — 15 тыс. т, льна — 2,1 тыс. т, картофеля — 22 тыс. т¹⁷.

В республику было завезено в 1944 г. 160 тыс. кос и серпов, более 750 молотилок¹⁸, а в 1945 г. — 15 тыс. различных видов сельскохозяйственных машин¹⁹.

Для сельского хозяйства республики Союзным правительством выделялись ремонтные материалы, инструмент, минеральные удобрения, металл, станки, грузовые автомашины, горючее, смазочные масла, гвозди, лес, стекло и другие строительные материалы²⁰.

На постоянную работу в Белоруссию из числа оканчивающих сельскохозяйственные вузы и техникумы страны прибывали зоотехники, ветврачи, фельдшеры и другие специалисты сельского хозяйства.

Большая помощь оказывалась колхозному крестьянству в налаживании личного хозяйства. В 1943 г. было освобождено от всех видов поставок 30% колхозников 40 районов Могилевской, Витебской, Гомельской, Полесской областей, пострадавших от оккупантов²¹. К июню 1944 г. колхозникам Белоруссии государство бесплатно отпустило 1,5 млн. куб. м леса и выделило свыше 30 млн. руб. долгосрочного банковского кредита на восстановление жилых построек²².

Правительство СССР выделяло Белоруссии необходимое оборудование и материалы для восстановления медицинских учреждений, оказывало помощь в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Наркомздрав СССР направлял в районы, области республики противоэпидемические отряды. Они оказали большую помощь местным органам здравоохранения в ликвидации заболеваний сыпного тифа, малярии и др.²³

Большая озабоченность проявлялась об обеспечении восстанавливаемых в освобожденных районах культурно-просветительных учреждений оборудованием, литературой, а учебных заведений, школ — учебниками, учебно-наглядными пособиями. На восстановление школьной сети в начале 1944 г. Правительство СССР выделило Белоруссии 15 млн. руб.²⁴ В ноябре 1943 г. при Наркомпросе РСФСР был создан Государственный фонд литературы. Из этого фонда республика получила в 1944 — 1945 гг. 800 тыс. книг²⁵. Предприятия Главучтехпрома Наркомпроса РСФСР в 1945/46 учебном году послали школам Белоруссии 1200 тыс. учебников, свыше 3 млн. тетрадей и учебных пособий, а также на 5 млн. руб. различного оборудования. Для работы в школах Белоруссии Наркомпрос РСФСР направлял выпускников вузов, а в педагогические учебные заведения прибывали выпускники аспирантур²⁶.

¹⁶ «Шестая сессия Верховного Совета БССР», стр. 54, 187.

¹⁷ «Материалы Республиканского партийного совещания по вопросам восстановления посевных площадей и повышения урожайности в колхозах Белоруссии». Минск, 1947, стр. 12.

¹⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 220, л. 24.

¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 223, л. 8.

²⁰ «Шестая сессия Верховного Совета БССР», стр. 54; «История БССР», т. II, стр. 410.

²¹ «Шестая сессия Верховного Совета БССР», стр. 54.

²² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 86, л. 84.

²³ ЦГАОР БССР, ф. 7, оп. 3, д. 1723, л. 122; ф. 46; оп. 4, д. 827, л. 284.

²⁴ «Шестая сессия Верховного Совета БССР», стр. 94.

²⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 521, л. 43.

²⁶ «Сотрудничество народов СССР в культурном строительстве». М., 1973, стр. 46; «Народное образование в СССР. 1917—1967». М., 1967, стр. 356.

В 1943 г. Комитет по делам кинематографии при СНК СССР принял план восстановления киносети Белоруссии и выделил республике необходимую киноаппаратуру. Народный комиссариат связи Союза ССР предоставил в распоряжение Белоруссии вещательную радиостанцию. Работа по ее монтажу на территории БССР выполнялась Управлением радиосвязи Наркомата связи СССР²⁷. ОГИЗ РСФСР отправил Белоруссии печатные машины, линотипы, портативные цинкографии и шрифты для организации полиграфической базы²⁸.

Огромную помощь в возрождении народного хозяйства пострадавшие от немецко-фашистских оккупантов районы страны, в том числе и Белоруссия, получали от братских народов СССР. Движение по оказанию помощи освобожденным от врага районам началось в нашей стране в 1942 г. по инициативе трудящихся Российской Федерации. В январе 1942 г. трудящиеся Куровского района Московской области и Октябрьского района Татарской АССР выступили с почином оказать помощь населению, освобожденному от оккупантов²⁹. В феврале 1943 г. трудящиеся Иркутской области предложили создать при Правительстве СССР специальный фонд братской помощи советским народам, пострадавшим от фашистской оккупации. Их поддержали труженики всей страны.

Большую организаторскую работу по мобилизации трудящихся на оказание помощи освобожденным районам проводили местные партийные, советские, общественные организации. Вопросы помощи обсуждались на партийных пленумах, партийно-хозяйственных активах, собраниях трудящихся. На местах создавались шефские комиссии — республиканские, областные, городские, районные, а на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах — шефские группы.

Коллективы многих промышленных предприятий тыловых областей страны изыскивали резервы за счет экономии, рационализации производства, повышения производительности труда, перевыполнения производственных планов, работы во внеурочное время и выделяли значительное количество оборудования, инструментов, материалов для восстановительных работ в освобожденных от врага районах.

В январе 1944 г., когда была освобождена от врага еще часть территории Белоруссии, Совнарком Мордовской АССР и Мордовский обком ВКП(б) приняли постановление о шефстве Мордовской республики над городом Гомелем и группой районов Гомельской области³⁰. Республиканский комитет по организации шефской работы возглавил секретарь обкома партии С. Н. Гидаев. В апреле и июне 1944 г. в Гомельскую область из Мордовии прибыли первые эшелоны с промышленным и железнодорожным оборудованием, инструментами для слесарно-кузнечных мастерских и ремонта тракторов, сельскохозяйственным инвентарем, семенным картофелем, медицинскими инструментами, обувью, мебелью, бельем, школьными принадлежностями и многим другим³¹.

Большую помощь в восстановлении промышленных и коммунальных предприятий Гомель получал также от трудящихся Горького, Кирова³².

²⁷ С. В. Марцелев. К духовному расцвету. Минск, 1974, стр. 211.

²⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 47, д. 32, л. 158.

²⁹ «Правда», 2 января 1942 г.; «Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР. 1917—1971 гг.» М., 1973, стр. 290.

³⁰ «Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Док. и материалы. Саранск, 1962, стр. 337.

³¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 70, лл. 108—109, 137; «Мордовия в годы Великой Отечественной войны», стр. 347; «Красная Мордовия», 31 апреля, 24 мая, 24 июня, 1 и 8 июля 1944 г., «Советская Белоруссия», 17 мая 1944 г.

³² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 70, лл. 3—11, 38, 201—204.

Трудящиеся Москвы, Чкаловской, Молотовской (ныне Пермской) областей помогали восстанавливать разрушенное хозяйство Витебской области. Московские станкостроительные заводы «Красный пролетарий» и им. Г. К. Орджоникидзе прислали для витебского станкостроительного завода им. С. М. Кирова оборудование и металлорежущие станки³³. Из Чкаловской и Молотовской областей поступало оборудование для предприятий промышленности, торговой сети, общественного питания, строительные материалы, тракторный и гужевой инвентарь. Из города Лысьвы в Витебскую область в мае 1944 г. было отправлено 5 вагонов с оборудованием для фабрик, заводов, торговой сети и предприятий общественного питания, строительные материалы и др.³⁴

Высокую сознательность и политическую активность проявили трудящиеся Ярославской области. Только в марте-апреле 1944 г. отсюда в Белоруссию прибыло 2 эшелона со станками, оборудованием для столовой, детского сада, больницы, учебными пособиями для школ; в апреле 1944 г. — почти 9 тыс. голов крупного рогатого и мелкого скота, 2 тыс. свиней³⁵.

Шефскую помощь городу Мозырю Полесской области организовали трудящиеся Ульяновской области. Заводы Ульяновска для промышленных предприятий Мозыря выделяли наборы инструментов, запасные части, производственные материалы. Во внеурочное время из отходов было организовано производство предметов широкого потребления. В заводские шефские комиссии поступали денежные взносы, предметы домашнего обихода, литература³⁶.

Из Удмуртской АССР с конца 1943 г. до июня 1944 г. в Гомель прибыло более 100 металлорежущих станков, около 1 тыс. т металла, 100 тыс. единиц режущего и измерительного инструмента. На оборудовании, материалах, сырье, полученном из Удмуртии, возобновили деятельность гомельские заводы: авторемонтный, литейный, «Двигатель революционный», механические мастерские³⁷.

Совхозы, колхозы, МТС Удмуртской АССР отправили в Белоруссию 40 тракторов, 700 плугов, 50 культиваторов, 60 сортировок, 100 сеялок, 66 жнеек, 33 косилки, 10 тыс. голов скота³⁸.

Весной 1944 г. шефство над освобожденными районами Белоруссии взяли трудящиеся Сибири, приславшие белорусам станки, металл, хозяйственные материалы, оборудование для промышленности, поликлиник, предприятий общественного питания, сельскохозяйственные машины, инвентарь, скот, одежду и т. д.³⁹

В разоренные врагом города и села Белоруссии шли эшелоны от трудящихся Среднеазиатских республик. Из Узбекистана, Киргизии в республику поступали скот, зерно, сельскохозяйственные машины. Колхозы Андижанской, Наманганской, Самаркандской и Хорезмской областей засеивали продовольственные культуры в фонд освобожденных районов⁴⁰. Комсомольцы и молодежь Туркмени, проявляя заботу о детях-

³³ «Витебскі рабочы», 13 кастрычніка 1944 г.

³⁴ «Савецкая Беларусь», 3 чэрвеня 1944 г.

³⁵ «Савецкая Беларусь», 12 и 26 красавіка 1944 г.

³⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 70, лл. 54-65, 212-213; «Ульяновская правда», 6 июня 1944 г.

³⁷ «Удмуртская правда», 9 июня 1944 г.

³⁸ Н. А. Мошкин. Указ. соч., стр. 120.

³⁹ «Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны». Новосибирск, 1964, стр. 365; «Савецкая Беларусь», 7 красавіка, 10 чэрвеня 1944 г.

⁴⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 70, л. 187; З. А. Воскобойников, Указ. соч., стр. 39; В. И. Ефимов. Указ. соч., стр. 155; С. Керимбаев. Указ. соч., стр. 98.

сиротах Минска, прислали для них теплую одежду, обувь, учебники, фрукты. Только осенью 1944 г. в Белоруссию прибыло 11 вагонов с подарками⁴¹.

Помощь Белоруссии в восстановлении народного хозяйства оказали также трудящиеся Московской, Пензенской, Ивановской, Вологодской, Куйбышевской, Тамбовской, Челябинской, Свердловской, Саратовской областей, Башкирской, Марийской, Чувашской АССР и др. Например, из Марийской и Чувашской республик в начале 1944 г. в села Белоруссии прибыло более 115 тракторов, тракторные плуги⁴², а от рабочих Рязанского и Люберецкого заводов сельскохозяйственного машиностроения — 100 жнеек, 100 сенокосилок, 500 окучников, инструмент для ремонта тракторов и прицепного инвентаря. Рязанские механизаторы весной 1944 г. для машинно-тракторных станций Гомельской области отправили 500 тракторов, тракторные сеялки, культиваторы.

Враг причинил огромный ущерб Украинской и Латвийской ССР, Сталинградской области. И несмотря на это, из Днепропетровской, Киевской, Черниговской и других областей Украины Белоруссия получала муку и соль для снабжения населения⁴³. Латвийская ССР оказывала помощь Освейскому району Витебской области. К весенней посевной 1945 г. в Освейский район поступило из Латвии 48 461 кг зерновых, 52 780 кг картофеля, 572 головы скота⁴⁴.

Над железными дорогами Белоруссии шефствовали Пермская, Казанская, Рязано-Уральская, Красноярская и другие железные дороги страны. По инициативе рабочих на предприятиях Перми устанавливались специальные сверхплановые задания на изготовление оборудования, инструментов и материалов для подшефных. В январе 1944 г. в Белоруссию из Перми прибыл первый эшелон с инструментом и материалами для комплектования дистанции пути, оборудование для шести станций, электромоторы, рессоры, чугунное литье и др. Во втором эшелоне пермяки прислали оборудование не только для железной дороги, но и для амбулатории, клинической лаборатории, детского сада, а также строительные материалы⁴⁵.

Рабочие предприятий Рязано-Уральской дороги по примеру коллектива Покровских паровозоремонтных мастерских создали фонд помощи для восстанавливаемых железных дорог Белоруссии. В фонд поступали деньги, заработанные на воскресниках, личные сбережения рабочих, отчисления от зарплаты. От коллектива Рязано-Уральской дороги в Белоруссию осенью 1944 г. поступило три эшелона с оборудованием, мебелью, литературой, продуктами питания, скотом⁴⁶. Такую же помощь рабочие железнодорожного транспорта Белоруссии получали от железнодорожников Красноярской дороги.

Трудящиеся братских республик — РСФСР, Узбекской, Туркменской ССР и других — оказали помощь Белоруссии в восстановлении

⁴¹ Баба Ильясов. Указ. соч., стр. 164; «Советская Белоруссия», 27 сентября, 10 октября 1944 г.

⁴² «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны». Сб. док. и материалов. Йошкар-Ола, 1967, стр. 320—322; Н. М. Мурышкин. Патриотизм трудящихся Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары, 1959, стр. 158.

⁴³ «Савецкая Беларусь», 7 красавіка і 15 сакавіка 1944 г.; «Звязда», 21 ліпеня 1944 г.

⁴⁴ С. М. Раунаполдс. Да пытання адраджэння сельскай гаспадаркі БССР (1943—1945 гг.), «Весті АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1956, № 2, стр. 37.

⁴⁵ «Правда», 10 лiваря 1944 г.; «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945)». Док. и материалы. М., 1961, стр. 317.

⁴⁶ «Звязда», 17 лiпеня, 8 кастрычніка 1944 г.; «Железнодорожник Белоруссии», 4, 18 октября 1944 г.; «Железнодорожный транспорт», 1945, № 2—3.

детских дошкольных, культурно-просветительных учреждений, школ, учебных заведений⁴⁷.

Рабочие, инженерно-технические работники полиграфических предприятий Москвы к началу 1944/45 учебного года отпечатали для школ БССР учебники на белорусском языке общим тиражом более 350 тыс. экз. РСФСР в 1943—1944 гг. выделила Белоруссии около 300 тыс. экз. учебников на русском языке⁴⁸.

Над вузами республики шефствовали многие учебные заведения страны. Коллектив Казахского медицинского института передал ценное имущество для восстановления Витебского медицинского института⁴⁹. В 1943 г. при Уральском лесотехническом институте в Свердловске возобновили работу несколько факультетов Гомельского лесотехнического институ-

Помощь народов РСФСР и Туркменской ССР Белоруссии в 1944—1945 гг.*

Отправитель	Количество вагонов				
	всего	со станками, оборудованием	с металлом	с с.-х. инвентарем	с пр. материалами
Удмуртская АССР	134	41	28	22	43
Татарская АССР	1	—	1	—	—
Ярославская обл.	94	16	5	7	66
Горьковская обл.	78	29	18	—	34
Новосибирская обл.	52	7	14	3	28
Кемеровская обл.	23	—	4	—	19
Свердловская обл.	2	1	—	—	1
Кировская обл.	1	—	1	—	—
Туркменская ССР	11	—	—	—	11
Итого:	396	94	71	32	199

* ЦГАОР БССР, ф. 7, оп. 3, д. 1770, л. 174.

та им. С. М. Кирова. При эвакуации института в Гомель свердловчане передали ему большое количество оборудования, наглядных пособий, учебников, благодаря чему он смог в нормальных условиях начать занятия. Чкаловский сельскохозяйственный институт оказал помощь родственным вузам Белоруссии кадрами профессорско-преподавательского состава⁵⁰.

С апреля 1944 г. по январь 1945 г. в Белоруссию только из 2 автономных республик, 6 областей Российской Федерации и Туркменской ССР прибыло 396 вагонов с самыми различными грузами. Об этом свидетельствуют данные таблицы.

Из братских республик в Белоруссию прибывали кадры для всех отраслей народного хозяйства. На восстановлении промышленности трудились рабочие-электромонтажники из Новосибирска, строители из Узбекской ССР, специалисты швейных предприятий из Ярославской области и т. д. Наркомат земледелия Киргизской ССР прислал в БССР специалистов сельского хозяйства. Из Марийской и Чувашской АССР

⁴⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 70, л. 213. «Удмуртская правда», 12 марта и 9 июня 1944 г.; «Савецкая Беларусь», 31 сакавіка. 1944 г.

⁴⁸ М. В. Макаревич. Восстановление и развитие общеобразовательной школы БССР в 1944—1946 гг. «УЗ Минского пед. ин-та», вып. VI, 1956, стр. 39.

⁴⁹ «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Сб. док. и материалов, т. 1, Алма-Ата, 1964, стр. 572.

⁵⁰ «Сотрудничество народов СССР в культурном строительстве», стр. 51; «Чкаловская коммуна», 14, 21 января 1945 г.

весной 1944 г. в Белоруссию приехали 140 трактористов, бригадиров и механиков — М. Н. Петрушев, З. М. Плотникова, Ф. А. Краснова, Е. Г. Токарев и др.⁵¹, из Красноярска — специалисты железнодорожного транспорта. В Мозырь из Ульяновска на постоянную работу были присланы учителя.

Рабочие, служащие предприятий страны собирали средства в фонд восстановления народного хозяйства Белоруссии. Трудящиеся Ульяновской области в 1944 г. собрали более 800 тыс. руб. для восстановления Мозыря. Коллектив артели «Горняк» Кербинского прииска «Приморзолото» в начале 1945 г. внес 10 тыс. руб. на восстановление народного хозяйства Белоруссии. Работники газеты «Октомбрис Гзит» и ее читатели — жители Сачкерского района Грузинской ССР — собрали в фонд обороны Родины 107 662 руб. и на 416 425 руб. облигаций государственных займов. Эти средства были переданы Минскому обкому партии. Из Канцкого района Киргизской ССР в Белорусское отделение Госбанка осенью 1944 г. поступило 200 тыс. руб. Коллектив Рязано-Уральской железной дороги осенью 1944 г. для оказания помощи Белоруссии передал более 1 млн. руб.⁵²

Возрождая свое хозяйство, Белоруссия оказывала посильную помощь пострадавшим от фашистской оккупации республикам и областям нашей страны, Польской Народной Республике. Из Белоруссии шли эшелоны с крепким лесом на восстановление угольных шахт Донбасса, топливом и строительными материалами для прифронтовых железных дорог, предприятий авиационной промышленности. Только в 1944 г. для этих целей республика отправила 2 млн. куб. м леса. Картофель и овощи получал Ленинград.

В январе 1945 г. советский народ оказал продовольственную помощь жителям освобожденной польской столицы Варшавы. Белорусская ССР безвозмездно выделила 10 тыс. т зерна⁵³.

Сельские труженики республики оказывали огромную помощь Красной Армии. Только к 25 декабря 1944 г. в фонд защитников Родины было отправлено из Белоруссии 3 млн. 242 тыс. пудов хлеба, 1 млн 200 тыс. пудов картофеля и другие продукты⁵⁴.

В чрезвычайно трудных военных условиях Коммунистическая партия и правительство принимали меры по созданию нормальных условий для жизни освобожденного от оккупантов населения. Первую помощь жители освобожденных районов Белоруссии получали от Красной Армии, Военные советы фронтов выделяли населению республики необходимое продовольствие. 1-й Белорусский фронт из своих ресурсов выделял для населения районов, которые он освобождал, 64 т сухарей, 64,5 т муки, 28,2 т крупы, 605 кг концентратов, 1,7 т жиров, 4,7 т сахара, 3,8 т соли, 89 кг чая, на 61 319 руб. консервов. В Хойниках, Василевичах, Юровичах Полесской области в течение месяца работали питательные пункты. Они обслужили 30 тыс. человек⁵⁵.

Как только освобождался тот или иной район, туда сразу же направ-

⁵¹ «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны». Сб. док. и материалов, стр. 320—322; Н. М. Мურიшкин. Указ. соч., стр. 158.

⁵² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 70, л. 213; «Советская Белоруссия», 4 и 9 февраля 1945 г.; «Звезда», 5 и 17 листопада, 1944 г.

⁵³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 217, л. 24; Марьян Вильк. Экономическая помощь СССР польскому народу на заключительном этапе войны (1944—1945 гг.). «Новая и новейшая история», 1968, № 2, стр. 58; «Московский большевик», 27 января 1945 г.

⁵⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 277, л. 7; «Советская Белоруссия», 3 июля 1945 г.

⁵⁵ АМО СССР, ф. 233, оп. 2342, д. 17, л. 688; оп. 2374, д. 253, л. 178.

лялись эшелоны с продовольственными и промышленными товарами. С конца сентября 1943 г. по 15 января 1944 г. Белоруссии было отправлено 20 вагонов муки, 3 маршрута соли (2,5 тыс. т) и 4 автоколонны (160 автомашин) со спичками, керосином, посудой, нитками и другими предметами первой необходимости⁵⁶. Особая забота проявлялась о населении наиболее пострадавших районов⁵⁷, прифронтовой полосы, о советских людях, освобожденных из фашистских концентрационных лагерей, а также о репатрированных советских гражданах⁵⁸.

В Белоруссии после освобождения территории от оккупантов было более 70 тыс. детей-сирот. При областных, городских, районных Советах депутатов трудящихся работали детские комиссии. Открывались детские приемники, детские дома. К декабрю 1945 г. в детских домах республики находилось около 27 тыс. детей. Более 31 тыс. детей-сирот были взяты на воспитание в семьи трудящихся, многие устроены на работу.

Коммунистическая партия и правительство исключительную заботу проявляли о фронтовиках, инвалидах Великой Отечественной войны и их семьях. Им в первую очередь предоставлялись квартиры, отпускался лес для ремонта и строительства домов, назначались пенсии, предоставлялись льготы по налогам, сельхозпоставкам государству. К октябрю 1945 г. в республике для демобилизованных воинов было отстроено свыше 14 тыс. домов, отремонтировано около 5 тыс. квартир. На строительство домов государство выдало денежных ссуд на сумму более 3 млн. руб.⁵⁹

В республике проводилась большая работа по быстрейшему восстановлению жилищного и коммунального хозяйства. В городах и районных центрах республики из 10 773 тыс. кв. м жилого фонда сохранилось всего 2762 тыс. кв. м. В Минске, Витебске, Гомеле, Орше, Полоцке, Молодечно, Жлобине, Борисове жилищно-коммунальное хозяйство было уничтожено на 70—90%⁶⁰.

С момента освобождения к маю 1945 г. в городах республики было восстановлено и построено 984 тыс. кв. м жилой площади. В сельской местности к концу 1945 г. было восстановлено и построено более 218 тыс. жилых домов. В них из землянок переселилось свыше 200 тыс. семей⁶¹. Тем не менее положение с жильем оставалось чрезвычайно тяжелым. Многие семьи еще жили в землянках, сараях и других временных помещениях.

К июлю 1945 г. в республике действовало более 8 тыс. промышленных предприятий, мастерских, артелей (почти 1/4 их довоенной численности)⁶², возобновили деятельность 9746 колхозов, 90 совхозов, 11 354 школы, 2539 библиотек, 10 театров, 8 музеев, 2703 клубных и 38 научных учреждений.

⁵⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 55, лл. 8—9; «Вещи АН БССР», 1974, № 6, стр. 19.

⁵⁷ «Советская Белоруссия», 4 июля 1944 г.; ПА ИИП при ЦК КПБ, оп. 29, д. 267, л. 31; ф. 4, оп. 29, д. 119, л. 65.

⁵⁸ АМО СССР, ф. 233, оп. 2342, д. 161, л. 176; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 61, д. 20, л. 31.

⁵⁹ ЦГАОР БССР, ф. 7, оп. 3, д. 1494, л. 111; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 49, д. 7, л. 38; «Советская Белоруссия», 14 октября 1945 г.

⁶⁰ «Белорусская ССР за годы Советской власти». Статист. сб. Минск, 1967, стр. 38; «Экономика Советской Белоруссии», 1917—1967», Минск, 1967, стр. 300.

⁶¹ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 45, д. 1081, л. 51; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 521, л. 19; оп. 20, д. 220, л. 203; «Советская Белоруссия», 17 августа 1945 г.; «Материалы Республиканского партийного совещания по вопросам восстановления посевных площадей и повышения урожайности в колхозах Белоруссии», стр. 12.

⁶² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 220, лл. 153, 349.

В годы Великой Отечественной войны Коммунистическая партия, Правительство СССР, народы братских республик оказали огромную помощь в возрождении народного хозяйства освобожденным от немецко-фашистской оккупации республикам и областям, в том числе и Белоруссии. Опираясь на повседневную и всестороннюю поддержку партии и правительства, народов СССР, Белоруссия быстро залечивала раны, нанесенные войной и оккупацией, поднимала из руин и пепла города и села.

С. П. СТРЕКОПЫТОВ

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СССР (1921—1925 гг.)

Внешнеполитический курс СССР, основанный на ленинском принципе мирного сосуществования и всестороннего, в том числе и научно-технического, взаимовыгодного сотрудничества с государствами, стремящимися к этому, проводится Коммунистической партией Советского Союза со всей принципиальностью и последовательностью с первых дней Великого Октября.

В начальный период практическую работу по установлению контактов с капиталистическими странами осуществляли различные советские организации: Наркомпрос, Академия наук, Коминполит, Всероссийский фотокиноотдел и др. К числу этих организаций относилось и Бюро иностранной науки и техники (БИИТ), которое, являясь одним из подразделений Научно-технического отдела ВСНХ, в период 1921—1925 гг. провело огромной важности работу по налаживанию связей между советскими и зарубежными учеными.

И хотя деятельность бюро в этой области имела, по признанию исследователей науки и техники, современников, важное значение, история его создания и деятельность до настоящего времени не стали предметом специального изучения. Отдельные аспекты организации и работы БИИТа нашли отражение в трудах, показывающих роль В. И. Ленина, Советского государства и КПСС в развитии международных культурных и научных связей¹, раскрывающих процесс становления государственной системы организации науки в СССР².

¹ А. М. Гак, В. И. Ленин и развитие международных культурных и научных связей Советской России в 1920—1924 гг. «Вопросы истории», 1963, № 4; С. К. Ромаловский. Международные культурные и научные связи СССР, М., 1966; А. Ф. Иоффе. Начало международных научных связей Советской страны. «Вестник АН СССР», 1967, № 10; его же. В. И. Ленин и развитие международных научно-технических и культурных связей Советской страны. В кн. «Ленинская внешняя политика Советской страны», М., 1969; его же. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932. М., 1975; В. А. Шишкин. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л., 1969; М. С. Кузьмин. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР. 1917—1932. Изд-во ЛГУ, 1971; Л. Г. Филатова. История и организация научно-информационной деятельности в СССР в 1917—1936 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

² А. В. Кольцов. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. М., 1969; М. С. Бастрасова. Становление советской системы организации науки 1917—1922. М., 1973.

В данном сообщении автор попытался воссоздать историю создания Бюро иностранной науки и техники и осветить основные направления его работы в 1921—1925 гг.

В. И. Ленин придавал огромное значение изучению и использованию передового зарубежного опыта, призывал «черпать обеими руками хорошее из-за границы...»³, учитывать опыт других стран⁴, перенимать «все действительно ценное из европейской и американской науки...»⁵. Академик А. Ф. Иоффе писал: «Хочется вспомнить указания, полученные мною в 1920 г., хотя и не непосредственно от Ленина, но переданные по его поручению. Я тогда был направлен за границу для восстановления научных связей с зарубежными учеными. Мне были переданы высказанные Лениным соображения о великой роли науки в построении социализма, о том, как важно слить нашу научную мысль с ростом мировой науки, внося в нее в то же время специфические черты, вытекающие из наших философских установок и из гораздо более близкой связи с практикой, и, наконец, о том, какое значение для науки имеют личные контакты ученых разных стран»⁶.

Этот период был трудным и для Советского государства, и для отечественной науки. В. И. Ленин отмечал, что блокада и война «почти полностью исключали возможность установления столь полезных контактов и обмена мнениями, а также обмена научными достижениями между русскими и западноевропейскими учеными»⁷. 9 марта 1920 г. Государственный рентгенологический и радиологический институт в докладной записке Научному отделу Наркомпроса констатировал, что «дальнейшая работа без непосредственного общения с Западной Европой, без получения новейших приборов и аппаратов, без иностранной литературы и журналов является почти немислимой»⁸.

Окончание гражданской войны и переход к мирному строительству позволили вплотную заняться установлением связей с зарубежными учеными и техниками, сочувственно относящимися к Советской власти. 2 февраля 1921 г. В. И. Ленин в письме Центральному комитету Шведского Красного Креста писал: «Теперь, когда военные нападения всех врагов России отбиты и взаимные связи со странами Западной Европы вновь постепенно, но неуклонно устанавливаются, существует надежда, что для развития и применения русской науки будут созданы необходимые условия»⁹.

В ходе восстановления народного хозяйства использование передового производственного опыта и достижений в области науки и техники выдвигалось в качестве одной из первоочередных задач. Показательны в этом плане решения X съезда РКП(б), отметившего, что задача поднятия производительных сил не может быть решена в широких размерах и в кратчайший срок без использования новейшей техники, оборудования, средств производства¹⁰. Выполнить эти указания съезда мог только орган авторитетный, одинаково хорошо разбирающийся в нуждах науки и промышленности.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 545.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 65.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 206.

⁶ Цит. по: А. В. Кольцов. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки, стр. 263.

⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 52, стр. 303.

⁸ «Организация науки в первые годы Советской власти, 1917—1925». Сб. док. Л., 1968, стр. 372.

⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 52, стр. 303.

¹⁰ «КПСС в резолюциях...», т. 2. М., 1970, стр. 259.

Таким органом стал Научно-технический отдел Высшего Совета народного хозяйства, образованный при непосредственном участии В. И. Ленина еще 16 августа 1918 г. в целях централизации всего научно-технического опытного дела в РСФСР и сближения науки и техники с практикой производства¹¹.

Как орган, координирующий и направляющий деятельность научно-технических учреждений в масштабе страны, НТО ВСНХ учитывал важность установления контактов с западноевропейскими учеными¹². 21 февраля 1920 г. в докладной записке в Президиум ВСНХ руководство отдела отмечало, что для «надлежащей организации в стране дела научно-технических исследований... прежде всего необходимо как можно скорее установить живое общение с западноевропейской наукой и техникой, постараться использовать их достижения в интересах народного хозяйства Республики»¹³.

16 марта 1920 г. по ходатайству НТО Президиум ВСНХ утвердил для командирования за границу кандидатуры председателя коллегии научно-технического отдела профессора Н. М. Федоровского и члена коллегии профессора А. А. Эйхенвальда¹⁴. Целью их поездки являлось установление контакта с зарубежными учеными и «приобретение новейшей литературы и тех приборов и реактивов, получение которых необходимо немедленно»¹⁵.

В конце сентября 1920 г. Н. М. Федоровский и А. А. Эйхенвальд прибыли в Берлин. Приезд Н. М. Федоровского и А. А. Эйхенвальда заинтересовал представителей германских деловых и научно-технических кругов, которые присылали к представителям НТО ВСНХ своих делегатов для выяснения возможности серьезного сближения с Россией¹⁶. А. А. Эйхенвальду была предоставлена возможность в течение четырех месяцев знакомиться с работой заводов Симменса, Герца, «АЭГ», «Телефунксп», научно-производственных лабораторий¹⁷.

В целях установления постоянных, длительных научных связей Н. М. Федоровский, А. А. Эйхенвальд и представители Наркомата путей сообщения в Берлине профессор Ю. В. Ломоносов и электроотдела ВСНХ В. В. Старков в конце 1921 г. договариваются об учреждении при экономическом представительстве РСФСР в Берлине Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) с издательством при нем¹⁸. Созданию бюро способствовала помощь со стороны видных германских ученых и инженеров. «Мы везде встречаем очень большую поддержку. Необходимо только выступать авторитетно», — писал Н. М. Федоровский в Москву¹⁹.

Большое значение для установления связей с западноевропейскими учеными имела состоявшаяся в январе 1921 г. встреча Н. М. Федоровского с Альбертом Эйнштейном. Николай Михайлович передал ему при-

¹¹ «Организация науки в первые годы Советской власти, 1917—1925», стр. 78—79.

¹² Уже на заседании коллегии Научно-технического отдела 22 октября 1918 г. Н. П. Горбунов, бывший в то время руководителем НТО, выступил с докладом о необходимости установления международных научно-технических связей. Тогда же коллегия отдела постановила назначить «в качестве агента НТО для заграничных поручений» П. С. Гусева (ЛГАОРСС, ф. 2555, оп. 1, д. 16, л. 62 об). Дальнейшая работа в этом направлении была прервана гражданской войной и иностранной интервенцией.

¹³ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 8, л. 16.

¹⁴ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 8, л. 16.

¹⁵ Там же, оп. 64, д. 8, л. 1.

¹⁶ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 12, л. 268.

¹⁷ В. А. Шияшкин. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг., стр. 423.

¹⁸ ЦГАНХ, оп. 64, д. 8, л. 8; «Известия», 27 января 1921 г., «Экономическая жизнь», 28 января 1921 г.

¹⁹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 8, л. 9.

ветствие от советских коллег, и Эйнштейн тут же написал письмо, в котором выразил готовность «пойти навстречу русским коллегам» и обещал сделать все от него зависящее «для организации и сохранения связи между здешними и русскими работниками»²⁰.

В связи с учреждением БИНТа возник вопрос о его функциях. Н. М. Федоровский направил телеграмму в ВСНХ и ЦКНД, в которой просил «непосредственно провести через Ленина самостоятельность и кредиты»²¹. 7 февраля 1921 г. ВСНХ и Наркомвнесторг направили в Совнарком совместную докладную записку, в которой отмечалась важность учреждения бюро, подчеркивалось, что «необходимо работу в указанном направлении... всемерно поддерживать и принять меры к тому, чтобы ее углублять и расширять»²². В заключение содержалась просьба вынести постановление об учреждении бюро.

Ознакомившись с докладной запиской, В. И. Ленин поручает Н. П. Горбунову передать этот вопрос на предварительное рассмотрение в Политбюро ЦК и в случае необходимости на Пленум ЦК партии²³. 14 февраля 1921 г. на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) было принято решение о создании БИНТа²⁴, а 22 марта 1921 г. на заседании Совнаркома, проходившем под председательством В. И. Ленина, постановление о бюро было утверждено²⁵. Согласно постановлению задачей бюро была «организация сношений с германскими (и западноевропейскими) учеными с целью установления прочного и постоянного обмена новыми научными ценностями между Россией и Западом»²⁶. Руководство БИНТом возлагалось на профессора Н. М. Федоровского²⁷.

Для деятельности бюро Советское правительство выделило 17 млн. 493 тыс. марок, из которых 900 тыс. предназначалось на содержание штата, а остальная сумма должна была покрыть расходы по изданию научно-технической литературы²⁸. Организация БИНТа широко освещалась и комментировалась в зарубежной, особенно немецкой, прессе. Например, газета «Dresden Nachrichten» 4 февраля 1921 г. сообщила об открытии Бюро и его задачах; газета «Deutsche Zeitung» 11 февраля поместила корреспонденцию, в которой информировала своих читателей о задачах бюро, об инициаторах его создания — Н. М. Федоровском, А. А. Эйхенвальде, В. В. Старкове — и о письме Эйнштейна к русским ученым²⁹. К сотрудничеству в БИНТе были привлечены видные немецкие ученые — профессора Габер, Нерист, представители «Союза германских инженеров», установлен контакт с крупнейшим техническим издательством Ю. Шпрингера³⁰.

Первые шаги БИНТа по установлению связей с западноевропейскими учеными показали на практике, что бюро оказалось «более отвечающим самым разнообразным потребностям русской промышленности

²⁰ «Организация науки в первые годы Советской власти, 1917—1925», стр. 376—377; И. В. П а р а м о н о в. Человек редкой судьбы. М., 1973, стр. 37.

²¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 8, л. 8.

²² «Организация науки в первые годы Советской власти, 1917—1925», стр. 378.

²³ В. И. Ленин. ПСС, т. 42, стр. 585 (прим.).

²⁴ Там же, стр. 587 (прим.).

²⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 509—510.

²⁶ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 21, л. 21—21 об.

²⁷ А. Е. Иоффе. В. И. Ленин и развитие международных научно-технических и культурных связей Советской страны, стр. 259.

²⁸ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 8, лл. 13—14.

²⁹ Вырезки из газет см.: ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, лл. 3—4.

³⁰ «Организация науки в первые годы Советской власти, 1917—1925», стр. 377—378.

и научной жизни, чем даже предполагалось при его создании»³¹. Уже в 1921 г. при содействии бюро в РСФСР было отпущено свыше 50 тыс. томов книг, ряд комплектов технических журналов и закуплено приборов и инструментов более чем на 4 млн. марок³².

И все же уровень информационной работы бюро не отвечал в должной мере потребностям страны. В. И. Ленин, придававший зарубежным связям и налаживанию информации большое значение, уже 3 сентября 1921 г. направил письмо Н. П. Горбунову с критикой деятельности научно-технического отдела и требованием «обязательно установить точно, кто будет отвечать за ознакомление нас с европейской и американской техникой толком, вовремя, практично, не по-казенному»³³. Для устранения указанных недостатков коллегия НТО командировала в Берлин инженера М. Я. Лапирова-Скобло³⁴, который, изучив положение дел, 20 октября 1921 г. выступил перед работниками бюро с докладом «О ближайших задачах, плане и программе деятельности БИНТ»³⁵. Он подчеркнул, в частности, что главной задачей БИНТа в области научно-технической информации должно явиться ознакомление Советской России не просто с «новыми научными ценностями», а прежде всего с теми из них, которые могут иметь «немедленное применение в РСФСР»³⁶.

В докладе предусматривались широкие мероприятия по снабжению РСФСР научно-технической литературой как путем закупки, так и через издание ее на коммерческих началах силами бюро; впервые ставилась задача организации регулярных заграничных командировок советских ученых³⁷.

Представленный М. Я. Лапировым-Скобло план был направлен на рассмотрение в Совет Труда и Оборона. 15 ноября 1921 г. СТО одобрил его. В резолюции Совета Труда и Оборона указывалось: «Вполне одобряя изложенные в докладе план и программу деятельности Бюро иностранной науки и техники в Берлине, предлагаем НТО внести это в Совет Народных Комиссаров. Впредь до утверждения СНК предлагаем БИНТу строго руководствоваться в своей работе данным планом и программой»³⁸. К началу 1922 г. в составе Бюро иностранной науки и техники функционировало шесть отделов (научно-информационный, экспертно-консультационный, редакционный, закупочный, патентный и административно-счетный), в которых работало 55 специалистов³⁹.

В. И. Ленин всегда был в курсе постановки работы в бюро, интересовался расходованием средств, отпущенных для приобретения и издания научно-технической литературы, на покупку приборов⁴⁰ и постоянно подчеркивал необходимость совершенствования деятельности БИНТа. 26 апреля 1922 г. он дает указание провести его реорганизацию⁴¹.

С этой целью 27 апреля 1922 г. была создана авторитетная комиссия, в которую наряду с представителями НКВД, полпреда и торгпреда РСФСР в Берлине вошли сотрудники НТО ВСНХ — академик

³¹ Цит. по: М. С. Бастралова. Указ. соч., стр. 237.

³² А. Е. Иоффе. В. И. Ленин и развитие международных научно-технических и культурных связей Советской страны, стр. 262.

³³ В. И. Ленин. ПСС, т. 53, стр. 163—164.

³⁴ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 6, д. 605, л. 30.

³⁵ Там же, оп. 64, д. 21, л. 13. На совещании присутствовали Н. М. Федоровский, А. А. Эйхсвальд, В. В. Старков и А. М. Лежава.

³⁶ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, л. 20.

³⁷ Там же, оп. 60, д. 742, лл. 21—23.

³⁸ Там же, л. 28 об.

³⁹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, лл. 113—116.

⁴⁰ «Ленинский сборник», XXXVIII, стр. 418.

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 54, стр. 244—246.

В. Н. Ипатьев, профессор Н. М. Федоровский и инженер М. Я. Лапиров-Скобло⁴². Вскрыв имевшиеся недостатки, комиссия в то же время отметила в своем постановлении «пользу, доставленную этим учреждением Республике...»⁴³.

По рекомендации комиссии были сокращены штаты БИНТа (с 55 человек до 29), его деятельность стала строиться на началах коммерческого расчета⁴⁴.

В 1922 г. бюро установило прочные связи с Прусской академией наук. Оно начало получать от нее восемь наименований библиографических журналов и изданий, содержащих информацию о работе ученых разных стран⁴⁵.

Комплекты журналов рассылались БИНТом в Научно-технический отдел ВСНХ, Академии наук, в университеты Москвы, Петрограда, Казани, Харькова, Перми, Томска, Иваново-Вознесенска, а также 22 научно-техническим учреждениям Москвы, Петрограда, Омска, Воронежа, Казани и Екатеринославля⁴⁶. Внимательно следивший за работой бюро Н. П. Горбунов 8 февраля 1922 г. в письме к Н. М. Федоровскому отмечал: «Ваши связи с Прусской академией наук, благодаря которым вы имеете возможность получать для наших научно-технических учреждений, ученых, инженеров фотографические снимки статей из журналов всего мира, считаю чрезвычайно полезными и нужными»⁴⁷.

Только с 15 января по 15 марта 1922 г. бюро направило в Москву 123 экз. книг технического содержания⁴⁸, а с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. было выполнено 400 заказов на литературу: 321 заказ был представлен от 68 различных научно-технических и государственных учреждений и 79 заказов персонально от ученых, техников, членов правительства РСФСР⁴⁹.

В числе заказчиков были: Академия наук, университеты и институты Москвы, Петрограда, Кисва, Харькова, Одессы, Нижегородская радиолаборатория, Госплан, Наркомпрос и другие научные, технические и общественные организации. За необходимой литературой в БИНТ обращались Н. К. Крупская, нарком здравоохранения Н. А. Семашко, управляющий делами Совнаркома Н. П. Горбунов, профессора О. Ю. Шмидт, М. В. Шулейкин, Я. Н. Шпильрейн и другие⁵⁰.

Важной сферой деятельности Бюро иностранной науки и техники являлось издание научно-технической литературы. Это было «единственное советское издательство, которому удалось обосноваться за границей»⁵¹ и которое очень многое сделало для обеспечения советских специалистов дефицитной технической литературой. Советское правительство ассигновало для издательства БИНТа в 1921 г. 10 493 900 марок⁵².

Очень быстро издательство бюро паладило выпуск на русском языке ряда журналов: «Успехи промышленной техники», «Организация

⁴² ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, л. 113.

⁴³ Там же, д. 716, лл. 128—128 об.

⁴⁴ Там же, оп. 64, д. 21, л. 10.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, лл. 1—2.

⁴⁷ Цит. по: А. М. Гак. В. И. Ленин и развитие международных культурных и научных связей Советской России в 1920—1924 годах, стр. 198.

⁴⁸ А. М. Гак. Указ. соч., стр. 198.

⁴⁹ Исходные данные: ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 25, лл. 10—17.

⁵⁰ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 25, лл. 12—17.

⁵¹ Л. М. Хлебников. Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебинна». В кн. «Литературное наследие», т. 80. М., 1971, стр. 690.

⁵² ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 8, лл. 13—14.

труда в промышленном хозяйстве», «Химическая промышленность», которые высылались в РСФСР по заявкам научно-технических и учебных заведений⁵³.

С 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. издательство БИНТа выпустило в свет 14 книг по различным вопросам науки и техники: монографии Ю. В. Ломоносова «Тяговые расчеты» (1922 г.), Макарова «Условия и пределы применения трактора в сельском хозяйстве» (1922 г.); были переведены на русский язык работы западноевропейских специалистов: Тейлора «Искусство резать металлы» (1922 г.), Грюнвальда «Электрическая сварка» (1923 г.), Шмута «Химия для техников» (1923 г.) и др.⁵⁴

По рекомендации Прусской академии наук Бюро иностранной науки и техники устанавливает контакты с «Объединением германской науки», которое взяло на себя обязанность оказывать содействие бюро в снабжении РСФСР необходимыми аппаратами и приборами⁵⁵. Только с 16 декабря 1921 г. по 1 марта 1922 г. бюро выполнило 34 заказа на сумму около 2676 тыс. марок, из которых на 1974 тыс. марок было закуплено различное оборудование для Научно-технического отдела и подведомственных ему учреждений⁵⁶.

Большое место в деятельности бюро занимала консультационная работа. Руководство бюро с полным на то основанием заявляло, что «БИНТом легко может быть дана любая справка и консультация по различным вопросам техники»⁵⁷. Объем консультативной работы был значителен. Например, с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. за консультацией в БИНТ обратилось 30 организаций и учреждений, в числе которых были Управление делами Совнаркома, институты НТО ВСНХ, Комитет по делам изобретений, Московская горная академия, тресты, объединения и т. д.⁵⁸. Консультации давались по научно-техническим вопросам, по организации конторского труда, по вопросам патентования и т. д. При этом бюро пользовалось услугами 53 консультантов, которым было выплачено свыше 20 тыс. рублей золотом⁵⁹.

Бюро иностранной науки и техники активно содействовало советским специалистам в осуществлении программ зарубежных командировок. Оно устанавливало контакты с зарубежными организациями, подготавливало рекомендательные письма, подбирало необходимую справочную литературу и т. д.⁶⁰.

Уже в 1922 г. НТО ВСНХ направил за границу, преимущественно в США и Германию, 26 человек, в числе которых были такие видные ученые, как А. Е. Чичибабин, Н. Р. Бриллинг, В. А. Архангельский⁶¹. В 1923 г. в числе 30 командированных были профессор Г. Г. Калиш, Э. В. Брицке, профессор Томского технологического института Н. Ф. Пономарев, профессор Петроградского политехнического института В. А. Кистяковский⁶². Последний выезжал в Стокгольм по приглашению Нобелевского института при Шведской академии наук с докладом о новейших достижениях в области физико-химических знаний.

⁵³ А. М. Гак. Указ. соч., стр. 198—199.

⁵⁴ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, лл. 37—37 об.

⁵⁵ Там же, оп. 64, д. 25, лл. 2—3.

⁵⁶ Там же, оп. 64, д. 21, л. 30.

⁵⁷ Там же, оп. 60, д. 742, л. 36 об.

⁵⁸ Там же, лл. 39—39 об.

⁵⁹ Там же, оп. 60, д. 742, лл. 37—38 об.

⁶⁰ Президиум ВСНХ еще 25 июля 1921 г. рекомендовал всем командированным за границу специалистам находиться в непосредственной связи с Бюро иностранной науки и техники (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1 — протокольная, д. 17, лл. 88—88 об.).

⁶¹ Там же, оп. 60, д. 716, лл. 60, 71, 74 об, 85, 102, 122, 146, 148, 154 об.

⁶² Там же, оп. 60, д. 851, лл. 15 об, 17 об, 48 об, 49, 81, 86—87 об, 118, 134 об.

Специалисты, бывавшие в заграничных командировках, с самой положительной стороны оценивали оказываемую БИНТом помощь. Инженер, впоследствии академик И. П. Бардин, посетивший осенью 1923 г. наиболее крупные заводы немецких концернов Тиссена, Крушиа, Стирншеса, отмечал высокий авторитет БИНТа среди немецких специалистов. В ноябре 1923 г. он писал заведующему бюро инженеру А. А. Треттлеру⁶³: «... Все заводы, на которые я имел письма БИНТа, меня охотно принимали и давали необходимые разъяснения»⁶⁴. Профессор А. Горев 9 ноября 1923 г. в письме БИНТу выразил «глубокую благодарность за оказанное содействие в приглашении на Международный конгресс по технике высоких напряжений» и «за ценные указания по поводу выбора книг по специальным вопросам»⁶⁵.

Бюро иностранной науки и техники постоянно стремилось к расширению географии зарубежных связей советских ученых. С самого начала его деятельности стала очевидной необходимость организации его отделений во всех крупных центрах Европы⁶⁶. В целях экономии бюро использовало штат корреспондентов-специалистов, пользовавшихся услугами консультантов из числа местных (иностраных) ученых и инженеров.

Уже на 9 июля 1921 г. на таких основаниях существовали отделения Бюро иностранной науки и техники в Италии и Австрии (в Вене работал инженер-электротехник Чертов и в качестве постоянного при нем консультанта — д-р химии Л. Эттингер)⁶⁷.

В Швейцарии отделение БИНТ обслуживалось одним специалистом инженером-механиком Я. Шрейбером. Швейцарское отделение частично распространяло свою деятельность и на Францию⁶⁸.

4 января 1922 г. по рекомендации полномочного представителя РСФСР в Швеции П. М. Керженцева член коллегии НТО ВСНХ инженер А. О. Логин назначается уполномоченным БИНТа в Стокгольме⁶⁹.

К осени 1924 г. относится установление контактов БИНТа со специалистами США. На основе предварительной переписки Бюро иностранной науки и техники информировало Научно-технический отдел о том, что в США сочувственно относятся к идее сотрудничества с советскими учеными: по инициативе «Русского инженерного общества в США» образован специальный «Русско-Американский комитет», а ряд обществ американских инженеров готовы отправить в Советскую Россию от 3 до 5 экземпляров своих изданий за последние семь лет⁷⁰. В этой связи Научно-технический отдел рекомендовал бюро в самом

⁶³ 8 мая 1922 г. П. М. Федоровский по его просьбе был освобожден от заведования БИНТом. По представлению коллегии НТО ВСНХ заведующим бюро был назначен инженер А. А. Треттлер (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 716, л. 65 об).

⁶⁴ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, л. 30.

⁶⁵ Там же, оп. 60, д. 742, л. 29.

⁶⁶ «Организация науки в первые годы Советской власти. 1917—1925», стр. 380—381.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. 3 апреля 1922 г. НТО ВСНХ признал «принципиально желательной организацию отделения БИНТ во Франции» (ЦГАНХ ф. 3429, оп. 60, д. 716, л. 50). Однако сведений о его создании не имеется. Очевидно, оно не было создано, и в этом определенную роль сыграло и то, что Швейцарское отделение уже с 1921 г. распространяло свою деятельность на Францию и по уровню работы было самым продуктивным («Организация науки в первые годы Советской власти. 1917—1925», стр. 381).

⁶⁹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 716, л. 1. 14 февраля 1922 г. на коллегии НТО ВСНХ рассматривался вопрос о создании в Швеции отделения БИНТ, но «ввиду валютных соображений» такое предложение было признано несвоевременным и НТО признал необходимым «иметь в Стокгольме лишь одного уполномоченного БИНТа» (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 716, л. 15).

⁷⁰ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 25, л. 7.

ближайшем будущем «информировать» Русское инженерное общество в Соединенных Штатах «о задачах БИНТ» и обратиться к американской технической и научной общественности с просьбой высылать в СССР литературу в обмен на соответствующие русские издания⁷¹.

20 ноября 1924 г. при содействии БИНТа учреждается представительство Научно-технического отдела ВСНХ в США⁷².

Представительству поручалась информация НТО о всех наиболее интересных явлениях и достижениях американской науки и техники, а соответствующих кругов США о достижениях СССР; установление связи между институтами Научно-технического отдела и соответствующими учреждениями США; обмен технической литературой и издание периодического органа, освещающего состояние науки и техники как в СССР, так и в США⁷³.

Научно-технический отдел и его учреждения в течение 1925 г. обращались за консультацией к представительству НТО в США по различным вопросам: о возможностях выращивания хлопка на Северном Кавказе, по поводу разработки проекта Днепростроя, по вопросам организации в США сети государственных и частных научно-исследовательских институтов и практики финансирования научно-исследовательских работ⁷⁴.

Следует отметить тот факт, что если в 1921—1924 гг. БИНТ, направляя все свои усилия на установление связей с учеными Германии, Швеции, США и ряда других стран Западной Европы, являлось по существу ведомственной организацией, то с декабря 1924 г. оно встает на путь установления непосредственных связей с отечественной промышленностью⁷⁵. Для установления необходимых контактов и взаимной информации были организованы представительства бюро в Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону⁷⁶.

Таким образом, с конца 1924 г. в деятельности бюро начинается новый этап — оно становится межотраслевым Всесоюзным научно-информационным центром с широкими зарубежными связями. Это подтверждается и постановлением коллеги Главного экономического управления ВСНХ СССР от 3 февраля 1925 г., согласно которому функции бюро расширились с «учетом всех задач, стоящих перед промышленностью»⁷⁷.

Постановлением ГЭУ ВСНХ СССР БИНТ из ведения НТО переходил в ведение Главного экономического управления, а за Научно-техническим отделом оставлялось право участия в направлении работ БИНТа по научно-технической части⁷⁸.

В целях упрочения связей с хозяйством ведущих капиталистических государств БИНТу разрешалось иметь своих постоянных корреспондентов в США, Англии и Франции, а для связи с промышленностью СССР — представителей в крупных индустриальных центрах, причем всем хозорганам страны, заинтересованным в получении необходимой научно-технической информации, предлагалось «пользоваться исключительно аппаратом БИНТа»⁷⁹.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, оп. 60, л. 1028, л. 79 об. По рекомендации НТО представителем отдела в США был назначен член правления Американского акционерного общества «АМТОРГ» Н. П. Озоль.

⁷³ ЦГАИХ, ф. 3429, оп. 64, д. 25, л. 79 об — 80.

⁷⁴ Там же, оп. 60, л. 1341, лл. 4, 18, 37.

⁷⁵ Там же, д. 1029, л. 50.

⁷⁶ Там же, д. 1029, л. 53.

⁷⁷ Там же, д. 1157, л. 23.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, л. 23.

Значительно расширяются издательские права бюро, о чем ГЭУ ВСНХ СССР сообщило 13 августа 1925 г. Научно-техническому отделу. Теперь БИНТу разрешалось печатание непериодических изданий в «области прикладных наук и современной промышленной техники для удовлетворения наших техников, инженеров и институтов в технической книге»⁸⁰.

Успех БИНТа во многом объясняется тем, что оно строило свою деятельность в рамках широкого сотрудничества. Это и перевод трудов советских ученых на западноевропейские языки⁸¹, и участие иностранных специалистов в работах различных научных форумов, проводимых в Советской России⁸², и обмен научно-технической литературой. В природе жизни подсаживала и другие формы сотрудничества. Например, часть приборов и инструментов «Объединение германской науки» поставляло в нашу страну в обмен на некоторое количество платины, в которой немецкие ученые нуждались особенно остро⁸³.

Трудно отдать предпочтение какому-либо одному направлению в деятельности БИНТа. Одни специалисты отмечают заслуги бюро в приобретении приборов и оборудования. Так, председатель комиссии по распределению приборов профессор Н. Е. Успенский подчеркивал, что эта деятельность бюро позволила более эффективно вести научные исследования в лабораториях⁸⁴. Профессор Я. В. Самойлов высоко оценивал помощь, которую БИНТ оказывал командированным за границу ученым⁸⁵. Инженер Баженов отмечал, что благодаря осуществленным бюро переводам «американские ученые... иначе стали относиться к Советской республике, на которую раньше смотрели, как на дикую, некультурную страну»⁸⁶.

Деятельность Бюро иностранной науки и техники в 1921—1925 гг.⁸⁷ имела и еще одно чрезвычайно важное значение. В период дипломатического непризнания СССР всей своей работой бюро утверждало за границей авторитет советских ученых, авторитет Советской России. Десятки буржуазных газет изображали Советскую власть как разрушитель науки, врага ученых. Но вот из уст хорошо известных деятелей науки, приехавших «оттуда», западная научная интеллигенция узнала правду о том, как Советская власть в действительности относится к науке. А. Ф. Иоффе впоследствии писал, что иностранные ученые узнали о десятках физических исследований, о бурном росте советской культуры. Все это создавало резкий контраст с газетной информацией и вызывало живой интерес ученых, привыкших верить фактам больше, чем словам⁸⁸.

Яркую характеристику БИНТу дал профессор А. И. Сидоров, назвавший бюро научно-техническим консульством Советской России за границей⁸⁹.

⁸⁰ Там же, оп. 60, д. 1348а, л. 260.

⁸¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 742, л. 115.

⁸² 17 июля 1924 г. коллегия НТО признала необходимым пригласить П. Эренфеста, П. Ланжевена и А. Эйнштейна на IV съезд физиков, который должен был состояться в сентябре 1924 г. в Ленинграде (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 1025, л. 2 об).

⁸³ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, л. 25, л. 3.

⁸⁴ Там же, оп. 60, д. 716, л. 130.

⁸⁵ Там же, оп. 60, д. 716, л. 129 об.

⁸⁶ Там же, оп. 60, д. 716, л. 130.

⁸⁷ Бюро иностранной науки и техники было ликвидировано приказом ВСНХ СССР 2 февраля 1928 г. См. «Торгово-промышленная газета», 1928, № 35, 10 февраля, стр. 6.

⁸⁸ Цит. по: А. Е. Иоффе. «Начало международных научных связей Советской страны», стр. 91.

⁸⁹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 716, л. 129 об.

М. А. ДОДОЛЕВ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ДИПЛОМАТА ОБ ИТАЛИИ [1816—1822 гг.]

Просматривая документы периода Реставрации в Архиве внешней политики России, исследователь обратит внимание на многочисленные записки об итальянских государствах, которые составил барон П. В. Ган. Этот русский дипломат находился в Италии накануне и в период революций 1820—1821 гг. Его записки представляют определенный интерес как для изучения политики царизма, так и для ознакомления с начальным периодом Рисорджименто — эпохи национально-освободительных войн и революций, приведших к объединению Италии и созданию буржуазно-демократического государства. Наряду с другими неопубликованными документами они позволяют проследить действительное отношение некоторых русских дипломатов к австрийскому господству в Италии. Именно этому вопросу посвящено данное сообщение.

Барон Павел Васильевич Ган (1793—1862), отпрыск знатного дворянского рода (его имение находилось в Пальмисском округе Курляндской губернии), еще совсем молодым человеком оказался за границей: участвуя в войне 1812—1813 гг., он был ранен и попал в плен. После освобождения Ган лечился в Англии, а затем в Италии. В период «Ста дней» он изъявил желание участвовать в борьбе против Наполеона, записался в армию и тем самым восстановил свою репутацию. В августе 1815 г. Ган поступил на службу в Министерство иностранных дел России и вскоре был прикомандирован в качестве скромного канцелярского служащего к российской миссии во Флоренции. Это назначение, несомненно, устраивало молодого барона. Флоренция с ее мягким климатом, близостью моря, с ее старинными дворцами и галереями была своеобразным центром паломничества представителей знати, а также художников. Ган много разъезжал по стране, знакомился с ее историей и культурой. Его интересовали теория и история искусства¹, вопросы торговли итальянских государств, взаимоотношения церкви и государства. Он уделял также большое внимание социальным проблемам, отмечая создание в Тоскане больниц, приютов, школ, различных благотворительных учреждений.

На основе собранных им данных уже в 1818 г. он составил несколько обширных записок (по 40—50 страниц каждая), в которых раскрывал причины относительного благополучия, выделявшего Тоскану из числа других итальянских государств. Он особо подчеркивал значение «мудрой политики» просвещенного абсолютизма великого герцога тосканского Фердинанда III. Он считал, что именно благодаря этой политике разгул феодально-абсолютистской реакции почти не коснулся Тосканы, а недовольство местного населения налогами выливалось главным образом в ненависть к австрийцам. В одной из записок об этом государстве, посланной в Петербург 7 (19) февраля 1819 г., русский дипломат весьма положительно отзывался также о просветительской и благотворительной деятельности местных либералов, в частности о создании «лапка-

¹ См. ГПБ, ОР, XIII, № 8, лл. 1—59. «Observations sur la situation des beaux-arts à Rome et sur les moyens de les propager en Russie» par le baron Paul de Hahn.

стерских школ» — «предмете ненависти и проклятий монахов». Он называл эти школы «искрой, которая зажжет факел просвещения... в классе народа и рассеет монастырский мрак»². Инициативу создания этих школ он приписал кавалеру Луиджи Серрестори, либералу, сотрудничавшему в оппозиционном миланском журнале «Кончильяторе» и возлагавшему большие надежды на либеральную политику Александра I³. Ган познакомился с ним во время своего пребывания в Тоскане, о чем свидетельствует письмо Серрестори, адресованное Гану в феврале 1819 г. В нем тосканский либерал с большим возмущением сообщал русскому дипломату, что австрийская цензура исключила из его статьи целый раздел, посвященный речи, которую в марте 1818 г. Александр I произнес в Польском сейме, обещая даровать стране конституцию⁴.

Ввиду слияния российской миссии во Флоренции с римской Ган был переведен в столицу Папского государства. Спустя несколько месяцев, 29 ноября (11 декабря) 1819 г., он был назначен секретарем российской миссии в Риме. Возможно, этому способствовало то, что записки Гана привлекли внимание высших представителей петербургского общества и заслужили их одобрение⁵. В 1819 г. две записки П. В. Гана «Ливорно и его торговля в 1818 г.» и «О благотворительных учреждениях в Тоскане» были опубликованы⁶. Как и другие его записки об итальянских государствах, они служили дополнительным источником информации об Италии и ее населении для высших слоев русского общества.

Назначение в Рим позволило Гану проявить свои способности. Широко образованный (он учился в университетах Дерпта и Москвы), энергичный, он завоевал доверие и благосклонность посланника А. Я. Италинского, его неоднократно отмечают наградами и повышением в чине. В это время он, по всей видимости, прервал контакты с тосканскими либералами, ибо деятельность русских дипломатов вызывала большие подозрения австрийского правительства. Опасаясь за свое господство в Италии, оно в 1819 г. развернуло репрессии против итальянского национально-освободительного движения и запретило издание «Кончильяторе». Возможно, что связь Гана с Серрестори и другими либералами была тогда же замечена австрийской полицией. Именно в это время, 19 (31) декабря 1819 г., Меттерних обратил внимание своего «доверенного человека» барона Лебцельтерна (позднее назначенного послом в Петербург) на «ненавистные по отношению к Австрии высказывания барона Гана»⁷. Австрийские власти всячески стремились скомпрометировать либерально настроенных русских дипломатов — П. В. Гана, посланника в Риме А. Я. Италинского и в особенности го-

² АВВР, ф. «Канцелярия», 1819, д. 10005, лл. 55—56, 40 об.

³ Л. Серрестори (1793—1858) — итальянский государственный деятель и писатель. С 1820 по 1833 г. находился в России. Служил инженером в русской армии, являлся членом Петербургской Академии наук. Подробнее см. R. Risaliti. Studi sui rapporti italo-russi (coi Ricordi di viaggi di Serristori). Pisa, 1972, pp. 22—57.

⁴ М. И. Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808—1821 гг. М., 1971, стр. 185—187.

⁵ Так, князь И. И. Барятинский в августе 1818 г. просил П. В. Гана прислать ему его записку «О благотворительных учреждениях в Тоскане». См. П. В. Ган — И. И. Барятинскому. Флоренция, 21 августа (3 сентября) 1818 г. ГБЛ. ОР, ф. 19/II (Барятинские). 7(19) февраля 1821 г. секретарь Каподистрия, А. С. Стурдза, которому одна из записок Гана была послана на отзыв, писал: «Труды барона Гана заслуживают отличного одобрения и поощрения». А. С. Стурдза — Д. П. Севершину 7(19) февраля 1821 г., ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 84, л. 33.

⁶ «Livourne et son commerce dans l'année 1818 par le baron P. de Hahn, gentilhomme de S. M. l'Empereur de toute la Russie etc.» Rome, 1819; «Mémoire sur les établissements de bienfaisance en Toscane par le baron P. de Hahn». Rome, 1819.

⁷ Вед. кн. Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг. СПб., 1913, стр. 339.

сударственного секретаря И. А. Каподистрию. Эти, как и некоторые другие русские дипломаты видели, что разгул феодально-абсолютистской реакции, а также проавстрийская позиция отдельных итальянских правителей способствовали распространению в стране революционных «тайных обществ». Еще 16 (28) января 1818 г. Италиинский направил в Петербург записку Гана «О тайных обществах, расиространившихся в Римском государстве», в которой высказывалось мнение, что тайные общества карбонариев «настолько разрослись в Церковном государстве и насчитывают там столько сторонников, особенно среди простого народа, что (папское.— М. Д.) правительство ничего не смогло бы предпринять, если бы решило прибегнуть к строгим мерам»⁸. 13 (25) октября 1819 г. Ган представил Нессельроде новую записку, в которой, всячески одобряя «либеральные мероприятия» государственного секретаря кардинала Консальви, в то же время отмечал, что их осуществление «встречало и продолжает встречать препятствия, внутренне присущие правительству этой несчастной страны и элементам, из которых состоит ее администрация».

Вряд ли эти записки импонировали Нессельроде, ибо тогда в политике Александра I явственно намечился реакционный поворот в сторону дальнейшего сближения с австрийской монархией и отказа от всякого либерализма⁹. В связи с нарастанием внутривполитического кризиса в западноевропейских странах царское правительство еще в 1818 г. предписало русским дипломатам соблюдать особую осторожность с тем, чтобы не вызывать слухов об их антиавстрийской деятельности¹⁰. Идя навстречу настойчивым требованиям сардинского двора, оно отозвало из Турина князя П. Б. Козловского, сторонника конституционных преобразований¹¹. Положение еще более осложнилось после того, как в марте 1820 г. испанский король Фердинанд VII пошел на уступки восставшим войскам и провозгласил конституцию¹².

В этот период А. Я. Италиинский направил в Петербург обширную записку П. В. Гана «Обзор современного положения в Италии. Рим, 15 (27) мая 1820 г.», в которой доказывалось, что либеральные реформы — более эффективное средство борьбы с карбонарским движением, чем политика угнетения и репрессий. Автор записки утверждал, что «система угнетения и грабежа», созданная в Италии австрийской монархией, довела до «обнищания и нужды население страны, некогда столь процветавшей». Он вновь обращал внимание на то, что Папское государство переживает серьезный кризис и в качестве доказательства

⁸ АВПР, ф. «Посольство в Риме», д. 73, лл. 10—18; ф. «Канцелярия» 1818, д. 10002, лл. 30—37.

⁹ АВПР, ф. «Канцелярия», 1819, д. 4477, л. 3. Ранее, в период войны против Наполеона, Александр I проводил «политику либерализма на экспорт», которая, по словам итальянского историка Франко Вентури, «сыграла некоторую роль в возникновении и развитии карбонарского движения в Италии» («Россия и Италия». Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968, стр. 44).

¹⁰ См. АВПР, ф. «Посольство в Риме», д. 77, лл. 2—7; ф. «Канцелярия», 1818, д. 11299, лл. 14—15 об.; д. 11298, лл. 60—78. См. также «Le relazioni diplomatiche fra l'Austria e il Regno di Sardegna. I serie, vol. I (24 aprile 1814—17 luglio 1820). A cura di Narciso Nada». Romo, 1964, pp. 401—402.

¹¹ В июле 1812 г. оно отказало П. Б. Козловскому в просьбе отправить его в революционную Испанию. Н. П. Румянцев — Александру Г. Невель, 4 (16) июля 1812 г. «Внешняя политика России XIX и начала XX века», т. VI, М., 1962, стр. 471—573.

¹² Сделать такой шаг Фердинанду VII посоветовал русский поверенный в делах в Мадриде граф М. Н. Булгари, назначенный на этот пост по рекомендации И. А. Каподистрии. К. О. Пошсо-ди-Борго — Д. П. Татищеву, Париж, 12 (24) мая 1819 г. ГПБ, ОР, ф. 862. Не случайно тогда же распространилось мнение, что М. Н. Булгари не одобрял «систему» Священного союза («Memoire historique sur Ferdinand VII». Londres, 1823, p. 190).

приводил, по-видимому, сильно преувеличенные данные о числе в этой стране членов тайных обществ и их влиянии. «Как это ни досадно,— писал П. Ган,— нельзя, однако, не согласиться с мнением римской публики, убежденной, что папское правительство будет существовать лишь до тех пор, пока присутствие в Риме представителей европейских монархов будет выражать волю последних — сохранить в этой стране церковную власть. Трудно представить, каковы будут последствия крайнего недовольства всех классов общества правительством, имеющим не более тысячи сторонников, интересы которых связаны с его сохранением. Люди, размышляющие над этим вопросом и основательно знакомые, в целом и в деталях, с организацией духовной и светской власти римского правительства, полагают, что оно не сможет избежать революции или какого-либо переворота, если только не приступит к проведению общей реформы во всех ее частях».

Полностью разделяя «либеральную» политику правительства Александра I, которого он льстиво называл «освободителем Европы», автор записки обращал внимание на условия, когда «общее восстание может иметь исключительный успех». По его словам, руководители «тайных обществ», особенно в Риме, ожидая стечения благоприятных обстоятельств, противились «преждевременным и частичным восстаниям». Он уверял, что Россия — единственная страна, не имеющая связей с итальянскими карбонариями (революционные события 1820-х годов в России, происшедшие почти одновременно с революциями в Испании и Неаполе, а также происки Меттерниха побудили Александра I придерживаться другого мнения). В заключение своего обширного «обзора» (около трех с половиной печатных листов) секретарь российской миссии писал: «Нельзя не испытывать беспокойства за будущее Италии, когда думаешь о распространении и влиянии тайных обществ, о недостатке энергии у папского правительства и его образе действий, мало соответствующем его интересам, о том, как мало надежды, что Австрия будет придерживаться более либерального и менее угнетательского образа действий»¹³.

Это беспокойство русского дипломата за положение в Италии не было лишено оснований. Спустя всего несколько недель, в июле 1820 г., в Неаполе произошла революция, а в соседних с ним государствах создалась крайне тяжелая обстановка. Однако в 1820—1821 гг. в Папском государстве не было сколько-нибудь значительных волнений. Это объяснялось рядом обстоятельств, из которых А. Я. Италинский, говоря о «справедливых причинах недовольства» римлян, выделил две важнейшие: «боязнь большей части населения», что в случае революции страна подвергнется оккупации австрийскими войсками, и активное нежелание правительства Неаполя вовлечь в движение и объединить революционные силы других итальянских государств, нарушить «спокойствие в остальной части Италии»¹⁴, что неизбежно привело бы к вмешательству Австрии. Некоторую роль сыграли также слабость и незрелость римских патриотов, находившихся под влиянием таких вельмож, как князь Сантакроче и другие, необоснованно возлагавших большие надежды на противоречия между участниками Священного союза, на разногласия между Австрией и Россией.

С П. В. Ганом по вопросу о позиции России на случай восстания в Папском государстве несколько раз беседовал Сантакроче. Ган твердо

¹³ АВПР, ф. «Канцелярия», 1820, д. 4505, лл. 58—126.

¹⁴ См. записку А. Я. Италинского «О положении Папского правительства в настоящий момент». Рим, 28 июля (9 августа) 1820 г. АВПР, ф. «Канцелярия», 1820, д. 10007, лл. 318—337 об.

и ясно заявил ему, что «всякая попытка последовать примеру неаполитанцев» подвергнется осуждению Александра I. Тогда этот вельможа, оказывавший большое влияние на членов «тайных обществ», сказал: «Что ж, если дело обстоит так, революция не произойдет. Если мне не удастся остановить ее, вы будете предупреждены». Двумя днями позже он сообщил, что в результате споров ему удалось «убедить отказаться от проекта восстания... восстание, казавшееся неизбежным, не произошло».

В начале января 1821 г., когда в Рим прибыл барон Лебцельтерн, в столице Папского государства неожиданно распространился слух, что на конференции Священного союза в Лайбахе Россия выдвинула предложение предоставить Папскому государству конституцию. Сообщая об этом И. А. Каподистрии, А. Я. Италинический писал, что в связи с данным слухом в Риме «брожение умов стало парастать. Все разговоры велись только о конституции. Лица, связанные с Австрией должностями при дворе или наградами, особо выделялись своими резкими речами. Стоило г-ну Гану выйти из кареты, как к нему подошел вышеупомянутый человек (т. е. Сантакросче.—М. Д.) и сказал: „Вы не можете представить себе, как мы признательны вам за то, что вы отсоветовали нам начать восстание, ибо ваш августейший государь сделал так, что мы получим конституцию“. Когда г-н Ган в ответ сказал, что ему ничего не известно о подобном решении, его собеседник пришел в изумление. „Как,—спросил он,—разве не г-н Италинический распространил этот слух в обществе?“ Г-н Ган заверил его честным словом в том, что это утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Тогда тот воскликнул: „Здесь какая-то уловка; так значит это Австрия втихомолку распространила это известие, чтобы вызвать у нас волнения, которые могли бы послужить предлогом для занятия ее войсками территории Римского государства...“

Вскоре я узнал, что главнейшие должностные лица в правительстве также предполагают, что австрийская миссия распространила эти слухи и вызвала это опасное волнение, но в первую очередь изобретение этой новости приписывают г-цу барону Лебцельтерну, ибо тотчас по прибытии в Рим он снова окружил себя теми же пользующимися дурной репутацией лицами, которые исконда составляли его непременную свиту и были его шпионами».

А. Я. Италинический утверждал, что «отвращение к административным злоупотреблениям, к австрийскому господству» питают в Италии не только члены «тайных обществ», но и многие «дворяне, крупные собственники, лица, наделенные талантами... Пока существует австрийское господство, каким бы названием оно ни прикрывалось, отчаяние будет побуждать этот класс бунтовать». Поэтому «правственное воздействие» русского правительства «дало бы более положительные результаты, чем те, которых Австрия, по-видимому, рассчитывает добиться при помощи своего оружия». Для этого Александру I было бы достаточно дать понять, что он «лишит своей поддержки те правительства», которые не будут бороться за предотвращение революционного взрыва путем проведения политики реформ. А. Я. Италинический вновь ссылаясь на «пример Тосканы», где «ларит мир и спокойствие, потому что ею хорошо управляют», и утверждал, что и «в Римском государстве можно предотвратить революцию, коль скоро правительство искренне пожелает взяться за искоренение злоупотреблений»¹⁵. Это важное донесение

¹⁵ А. Я. Италинический — И. А. Каподистрии 6(18) января 1821 г. АВПР, ф. «Капцеллярная», д. 10012, лл. 87—96. См. также АВПР, «Коллекция документальных материалов из личного архива А. Я. Италинического», д. 9, л. 9.

Италинский направил с Ганом в Лайбах, где в это время происходил конгресс Священного союза. Одновременно он послал также личное письмо Каподистрии, давая понять, что самые деликатные подробности ему устно расскажет Ган. У нас нет записи беседы Гана с Каподистрией. Да, она, по всей видимости, и не существует, ибо Каподистрия с Ганом говорили с глазу на глаз. Тем не менее мы можем судить об ее содержании. Как следует из сохранившегося письма Италинского Каподистрии от 5 (17) января 1821 г., он поручил Гану рассказать в Лайбахе то, о чем сам в своих официальных донесениях предпочел не писать подробно, «не зная, как будут приняты»¹⁶ его сообщения о попытках австрийских агентов скомпрометировать русских дипломатов в Италии и о необходимости противодействовать посягательствам Австрии на независимость итальянских государств.

В тот же день русский посланник направил также несколько донесений К. В. Нессельроде, которые он составил иначе: ни словом не упомянув о контактах и переговорах, в которых принял участие Ган, он подчеркнул, что восстание не происходит лишь потому, что руководители тайных обществ не желают дать Австрии предлог для оккупации территории Папского государства и оказания давления на ее правительство. Он обратил внимание, что австрийские дипломаты, несмотря на затруднительное положение Папского государства, занимались происками с тем, чтобы подготовить занятие папского престола их ставленником¹⁷.

Одновременно Италинский обратился с письмом к Александру I, в котором, выразив опасения, что российский император может быть в Лайбахе дезинформирован иностранными дипломатами, просил его до того, как на конгрессе будут приняты важные решения, выслушать Гана. В завуалированной форме, очень осторожно, он призывал русского императора отказаться от идеи вооруженной интервенции, устранить угрозу войны¹⁸.

Однако эти обращения Италинского и «устная информация» Гана не достигли цели. В дипломатической дуэли, происходившей в это время между австрийским канцлером и Каподистрией, победил Меттерних. Как выразился сам австрийский канцлер, в Лайбахе «звезда русского первого министра» поблекла. Напуганный революционными событиями в Западной Европе и в России (всего несколькими месяцами ранее в Петербурге произошло восстание Семеновского полка), Александр I не поддержал точку зрения Каподистрии, который неоднократно высказывался против вооруженного вмешательства в дела итальянских государств¹⁹. Он все более прислушивался к речам австрийского канцлера, изображавшего русского государственного секретаря почти как «главаря карбонариев»²⁰. Сочувствовавший угнетенным народам Каподистрия фактически был отстранен от руководства Министерством иностранных дел. (В начале 1822 г. он был уволен в «бессрочный отпуск».) По поручению Александра I Италинскому ответил Нессельроде, который в своих инструкциях утверждал, что «откровенная и прямолинейная политика императора отвергает любое действие, не согласованное» с политикой Священного союза, и что поэтому расчеты главарей тайных обществ

¹⁶ АВГР, ф. «Канцелярия», д. 10012, л. 56. Автограф.

¹⁷ См. АВГР, ф. «Канцелярия», д. 10012, лл. 65—67, 69—72.

¹⁸ А. Я. Италинский — Александру I, 6(18) января 1821 г. АВГР, ф. «Канцелярия», д. 10012, лл. 58—59.

¹⁹ И. А. Каподистрия — А. С. Стурдэе. Устье, 18 декабря 1820 г. ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, л. 186, лл. 425—427.

²⁰ Н. К. Шильдер. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. IV, изд. 2. СПб., 1905, стр. 190—191, 198, 201, 471.

на разрыв России с Австрией несостоятельны²¹. Вследствие этого положение Гана и Италинского с их антиавстрийской ориентацией и сочувствием итальянскому обществу осложнилось²². Тем не менее Италинский, хотя и более осторожно, продолжал защищать свою точку зрения. Так 8 (20) марта 1821 г. он писал, что австрийская армия встретит в Италии большие трудности. 10 (22) января 1822 г. он вновь направил Нессельроде подробное донесение о внутреннем положении Папского государства, в котором доказывал, что вторжение австрийских войск не только не укрепило, а наоборот, ослабило положение папского правительства, и вновь обвинял австрийских дипломатов в неблагоприятных действиях²³. 23 сентября (5 октября) 1822 г. он переслал с Ганом в Верону ряд материалов о происках австрийских агентов в Италии, стремившихся побудить Александра I отказаться от намеченной поездки в Рим и Неаполь. Высоко отзываясь о Гане, он переслал в Министерство иностранных дел его новую записку, где применительно к новым условиям развивалась его прежняя мысль, что более эффективный способ борьбы с революционным движением — политика реформ²⁴. Однако в Петербурге с мнением Италинского не посчитались. Хотя он и был приглашен на Веронский конгресс, он не играл на нем никакой роли. Как писал 14 (26) октября 1822 г. служащий русской миссии в Риме князь Д. И. Долгоруков, «ни философия, ни ученость не защитили» его «от придворных интриг»²⁵. Несмотря на то, что Италинский неоднократно выражал желание, чтобы Ган был оставлен при нем, 13 (25) апреля 1822 г. Нессельроде отзывал ненавистного австрийским дипломатам секретаря российской миссии на родину.

В сентябре 1823 г., после смерти Пия VII, к власти в Папском государстве пришли представители крайней реакции (т. е. кардиналы-«ревнители»). Усиление в стране недовольства и дальнейшая дискредитация церкви привели в 1831 г. к революции в Папском государстве. Однако Италинский до этих событий не дожил. Он умер в Риме в 1827 г. в возрасте 84 лет. Его бывший секретарь вскоре после возвращения в Петербург был повышен в чине и назначен... курляндским гражданским губернатором. 3 (15) июля 1824 г. Нессельроде отказал Гану в просьбе не исключать его из Коллегии иностранных дел²⁶. Ган находился на царской службе с небольшими перерывами до 1847 г., но дипломатических постов более не занимал. В дальнейшем он успешно продвигался по служебной лестнице, и в мае 1840 г. стал членом Госу-

²¹ К. В. Нессельроде — А. Я. Италинскому, 22 января (3) февраля) 1821 г. АВПР, ф. «Канцелярия», д. 10016, лл. 58—68.

²² В это время, как это отмечал Н. К. Шильдер, «доверие Александра к Меттерниху было безграничным». (Н. К. Шильдер. Указ. соч., стр. 254). По-видимому, об этой озабоченности Александра I и К. В. Нессельроде позицией Австрии отдавали себе отчет русские люди, сочувствовавшие итальянскому освободительному движению. Любопытно, что свою просьбу направить его в Италию декабрист Н. И. Тургенев мотивировал наличием у него близких знакомств среди австрийских чиновников. Н. И. Тургенев — К. В. Нессельроде. Петербург, 24 марта (6 апреля) 1821 г. АВПР, ф. «Канцелярия», д. 11184, лл. 2—3.

²³ А. Я. Италинский — К. В. Нессельроде. 8 (20) марта 1821 г. АВПР, ф. «Канцелярия», д. 10012, лл. 338—343. А. Я. Италинский — К. В. Нессельроде. 10 (22) января 1822 г. Там же, д. 10019, лл. 52—56, 61—63.

²⁴ АВПР, ф. «Канцелярия», д. 10019, лл. 337, 364—367.

²⁵ Письма князя Д. И. Долгорукова к отцу. «Русский архив», 1914, № 5.

²⁶ АВПР, ф. «Административные дела» IV.13.1824, д. 16, л. 4. Этот «быстрый переворот» в деятельности Гана был замечен современниками, хотя никто не догадывался о его действительных причинах. См. «Записки барона М. А. Корфа». — «Русская старина», 1900 (январь — март), т. 101, стр. 32.

дарственного совета²⁷. Историкам Ган более известен как один из савновников Николая I²⁸. Лишь сохранившиеся в архиве записки напоминают об его деятельности в Италии и происходивших в то время там драматических событиях.

²⁷ «Санкт-Петербургские ведомости», 1840, май, № 101; ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 3, д. 490; ф. 1343, оп. 19, л. 561.

²⁸ «Русская старина», 1900 (январь — март), т. 101, стр. 32; «Русский биографический словарь». М., 1914, стр. 227.

Т. Н. ДЖАКСОН

«ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ» ИСЛАНДСКИХ КОРОЛЕВСКИХ САГ

В тех эпизодах исландских саг, где повествуется о поездках скандинавских викингов на восток через Балтийское море, широко используется топоним *Austrvegr* (буквально «Восточный путь»). Одни исследователи традиционно считают, что он служит для обозначения пути «из варяг в греки»¹ или, по крайней мере, земель к востоку от Балтийского моря и, в первую очередь, Руси², другие — признают его неопределенность³. Специальных работ, посвященных идентификации данного топонима, нет.

Рассмотрение топонима *Austrvegr* во всех произведениях древнескандинавской литературы⁴ не является предметом настоящей статьи. Цель ее — выяснение того, что подразумевают под словом *Austrvegr* лишь исландские саги о норвежских конунгах, записанные в первое тридцатилетие XIII в.⁵ Подобное ограничение связано с априорным предполо-

¹ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд. Варшава, 1885, стр. 213, прим. 16; В. А. Брым. Путь из варяг в греки. «Известия АН СССР». VII сер. Отд. обществ. наук. Л., 1931, № 2, стр. 206—207.

² E. M. Metzenthin. Die Länder- und Völkernamen im Altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941, S. 9; W. J. Paff. The Geographical and Ethnic Names in the *firdriks* Saga. Cambridge, 1959, pp. 24—25.

³ М. Б. Свердлов. Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX—XI вв. «История географических знаний и открытий на севере Европы». Л., 1973, стр. 49.

⁴ *Austrvegr* знают, кроме королевских саг, рунические надписи (см. Е. А. Мельникова. Скандинавские рунические надписи. Корпус древнейших источников по истории народов СССР. Нарративная серия. Скандинавские источники. М., «Наука» (в печати), № 11, 36, 52, 57, 67), одно из исландских географических сочинений XII в. (Сочинение аббата Николая из Мупкатвера. См. E. Werlauff. Symbolae ad geographiam medii aevi. Nauniac, 1821) и другие исландские саги (об исландцах, о древних временах и т. д.). Локализация топонима по руническим надписям не представляется возможной. Единственное упоминание «Восточного пути» в «Описании путей и перечислении городов» аббата Николая тоже не несет достаточной информации. Рассмотрение материала, который дают другие разновидности саг, могло бы стать предметом отдельной статьи.

⁵ Источником служат «*Morkinskinna*» — сборник саг о норвежских конунгах с 1035 г. и, вероятно, по 1177 г. (конца списка нет), записанный в 1217—1220 гг. или раньше; «*Fagrskinna*» — сборник саг о норвежских конунгах с IX в. по 1177 г., записанный ок. 1220 г. (цит. по: *Fagrskinna. Noregs konunga tal*. F. Jónsson, Kbh. 1902—1903. Далее: Fask.); «*Heimskringla*» — сборник саг о норвежских конунгах с древнейших времен по 1177 г., записанный, как принято считать, исландцем Snorri Стурлусоном в 1200—1230 гг. (цит. по: *Islensk Fornrit*, XXVI—XXVIII. Reykjavik, 1941—1945. Далее: I. F.) и «*Sveggis saga*» — сага о Сверрире, норвежском конунге с 1177 по 1202 г., записанная в конце XII — начале XIII в. (цит. по: *Fornmanna sögur*, VIII. Kaupmannahöfn, 1834. Далее: Fms., VIII).

жением, что для них значение топонима *Austrvegr* будет единым. Это значение не могло быть неизменным на протяжении веков и зависело от времени и места записи произведения, а также от географических представлений автора. Единство тематики рассматриваемых нами сборников саг, несомненное наличие у этих сочинений общих источников, а также тот факт, что все они были записаны исландцами примерно в одно время⁶, позволяют ожидать и единства их географической номенклатуры.

Austrvegr (производное от *austr* — «восток» и *vegr* — «путь») переводится как «Восточный путь». Несмотря на продуктивность словообразовательной схемы «сторона света + *vegr*», мы не находим в сагах наименований *Vestvegr* — «Западный путь», *Sudrvegr* — «Южный путь» или *Nordrvegr* — «Северный путь». *Nordrvegr* (в стянутой форме *Norvegr*) выступает в качестве названия государства — Норвегии. Отсутствие в королевских сагах топонима *Vestvegr*, известного уже руническим надписям⁷, кажется нам странным, тем более что в сагах чаще рассказывается о поездах скандинавов именно на запад, на острова Норвежского и Северного морей⁸.

Для описания пути на запад, юг и север саги используют термины *vestr*, *sudr* и *nordr*, а земли на этих маршрутах называют топонимами, построенными по другой продуктивной модели — «сторона света + *lond* (земля)» — *Vestrlond*, *Sudrlond*, *Nordrlond*.

Исходя из семантики основных компонентов названных выше топонимов, — *vegr* и *lond*⁹, — а также из функционирования этих топонимов в языке (насколько об этом позволяют судить королевские саги), можно предположить, что топонимы с корнем — *lond* имеют более широкое, менее определенное значение. Это подтверждается и использованием *Norvegr* (из *Nordrvegr*) применительно к одной стране на севере Скандинавского полуострова, а *Nordrlond* — ко всем скандинавским странам¹⁰.

Для описания пути на восток саги используют как слово *austr* — «на восток», так и *Austrvegr* в различных предложных сочетаниях (*i Austrveg* и *um Austrveg* — куда? — «по Восточному пути»; *i Austrvegi* — где? — «на Восточном пути»)¹¹.

Что же представляет собой *Austrvegr* королевских саг? Этот термин можно назвать «односторонним»: он используется при описании пути из Скандинавии на восток, но не в обратном направлении (в 31 случае из 34). В двух случаях, когда рассказывается о том, что Харальд Жестокый Правитель «ездил по всему Восточному пути»¹², находясь на

⁶ В связи с принятым хронологическим ограничением, в число рассматриваемых нами королевских саг не попали «*Agrip of Noregs konunga sögum*» (обзор саг о норвежских конунгах, записанный в конце XII в.), «*Hulda*» (сборник саг, записанный в конце XIII в.) и «*Haakonar saga Haakonar sonar*» (сага о конунге Хаконе, сыне Хакона, записанная также в конце XIII в.).

⁷ «*Sveriges runinskrifter*, B. 5. *Vestergötlands runinskrifter*», h. 1. Stockholm, 1940, № 61.

⁸ Путь на восток для норвежских викингов был крайне затруднен: чтобы попасть в Балтийское море, им требовалось либо пересечь Швецию, либо пройти проливами вдоль берегов Дании. Следствием этого явилось разграничение зон экспансии между Норвегией и Швецией: походы шведских викингов были большей частью направлены на восток, норвежских — на запад.

⁹ Различие семантики здесь обусловлено, помимо прочего, и различием грамматической формы: *vegr* — ед. ч. — «путь», *lond* — мн. ч. от *land* — «земля» — «земля».

¹⁰ E. M. Meitzenh. Op. cit., S. 73, 76.

¹¹ *Austrvegr* в королевских сагах встречается 33 раза; *austr* — только относительно Восточной Европы, 26 раз.

¹² «*för vida um Austrveg*» (f. F., XXVIII, 69—70).

службе у конунга Ярицлейва в Гардарики (у князя Ярослава на Руси), не представляется возможным установить направление этих поездок. И есть лишь одно исключение из общей закономерности: об Эйрике Крроваяя Секира говорится, что он «пришел с Восточного пути (в Норвегию.—Т. Д.) с боевым кораблем и большим войском»¹³. Как правило, о викинге, грабившем на «Восточном пути», сообщается, что он «отправился назад в Норвегию»¹⁴.

«Восточный путь» не есть нечто однозначное, это — не название какого-то одного определенного маршрута, поскольку он (путь) начинается то из Норвегии:

«Тогда поплыл Эйвинд в пролив Haugasund (в Норвегии.—Т. Д.), а Хрой поплыл тогда с севера, и встретились они в том проливе и сражались. Там пал Хрой и около трех десятков человек, а Эйвинд забрал все имущество, которым владел Хрой. Отправился тогда Эйвинд по Восточному пути и был там в викингском походе все лето»¹⁵,

то из Дании:

«... поплыл тогда ярл Хакон с севера из Стад (в Норвегии.—Т. Д.) ... и пришел в Данию, поплыл тогда по Восточному пути и грабил там летом»¹⁶,

то из Швеции:

«Ярл Хакон правил в Трандхейме (в Норвегии.—Т. Д.) и зимой чаще всего бывал там, а летом иногда отправлялся на восток в Хельсингьяланд (в Швеции.—Т. Д.) и садился на корабль, и плыл по Восточному пути, и грабил там летом»¹⁷;

иногда «Восточный путь» идет через остров Готланд:

«Летом Гудлейк отправился по Восточному пути. Они стояли некоторое время у Готланда»¹⁸,

иногда сразу в Эстланд:

«Летом они отправились по Восточному пути в Эстланд и грабили там, где зовется í Þíkum»¹⁹,

¹³ «Eiríkr blóðox kom ór Austrvegi með herskip ok líð mikit» (I. F., XXVI, 140).

¹⁴ «Íór... apr til Noregs» (I. F., XXVI, 288).

¹⁵ «Þá reri Eyvindr inn til Haugasunda, en Hrói reri þá nordan ok hittusk þar í sundinu ok börðusk. Þar fell Hrói ok nær þrim tígum manna, en Eyvindr tók allt fé, þat er Hrói hafði haft. Fór Eyvindr þá í Austrveg ok var þar í viking um sumarit» (I. F., XXVII, 83).

¹⁶ «... þá sigldi Hákon jarl nordan fyrir Stad... ok kom fram í Danm, rk, sigldi þá í Austrveg ok herjádi þar um sumarit» (I. F., XXVI, 216).

¹⁷ «Hákon jarl helt ríki sínu í Þrandheimi ok var þar optast á vetrum, en fór á sumrum stundum austr á Helsingjaland ok tók þar skip sín ok fór í Austrveg ok herjádi þar á sumrum». (I. F., XXVI, 217).

¹⁸ «Fór Guðleikr um sumarit í Austrveg. Þeir lágu nokkura hrið við Gotland...» (I. F., XXVII, 84).

¹⁹ «Þeir heldu um sumarit í Austrveg til Eislands, ok herjuðu þar sem heitir í Þíkum...» (Fms., VIII, 113).

иногда прямо на Русь:

«А весной собрал ярл (Эйрик.— Т. Д.) свое войско и поплыл вскоре по Восточному пути. И когда он пришел во владения конунга Вальдамара (князя Владимира.— Т. Д.), стал он грабить и убивать людей...»²⁰.

Из приведенных примеров явствует, что для «Восточного пути» не существенны ни маршрут, ни отправная и конечная точки. Исходная точка переменна, и отсчет ведется от последней упомянутой автором саги скандинавской области, т. е. для значения слова *Austrvegr* важно лишь то, что путь идет из Скандинавии²¹. То же самое относится и к маршруту пути. Главное,— что путь идет из Скандинавии через Балтийское море²². Постоянной конечной точки также нет.

Основными компонентами значения слова *vegr* являются: 1) точка отправления, 2) маршрут, 3) конечная точка. Для топонима *Austrvegr* (имеющего *vegr* в качестве составной части) эти семантические компоненты, как мы выяснили, не существенны. А следовательно, *Austrvegr* — качественно иное, более широкое понятие, чем совокупность значений двух его составляющих, хотя изначально слово могло использоваться в конкретных ситуациях для обозначения совершенно определенных «восточных путей». Этим, очевидно, можно объяснить и отдельные случаи употребления *Austrvegr* во множественном числе: *i Austrvegum* — «на восточных путях, т. е. на различных маршрутах Восточного пути»:

«И всюду ходил он (Эйрик, сын Харальда Прекрасноволосого.— Т. Д.) в Курланде и в Эстланде, и во многих других землях грабил он на восточных путях»²³.

На наш взгляд, топоним *Austrvegr* называет не путь, а те земли, по которым путь проходит²⁴. Тогда для значения слова *Austrvegr* существенным оказывается именно состав этих земель. Попытаемся установить, какие земли и страны лежат по «Восточному пути». Для этого обратимся к речи лагмана Торгниора на тинге в Упсале, как она приводится в «Саге об Олаве Святом». Он сказал:

«Торгниор, мой дед по отцу, помнил Эйрика, конунга Упсалы, сына Эмунда, и говорил о нем, что, пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны, и покорил Финлянд и Кирьялаланд, Эстланд и Курланд и другие Восточные земли... А если ты (обращение к конунгу Олаву Шведскому.— Т. Д.) хочешь вновь подчинить себе те земли на Восточном пути, которыми раньше владели родичи твои и предки, то в этом все мы охотно последуем за тобой»²⁵.

²⁰ «En at vǫri bjó jarl her sinn ok sigldi síðan í Austrveg. En þá er hann kom í ríki Valdámars konungs, tók hann at herja ok drepa mannfólkit...» (I. F., XXVI, 338).

²¹ См. выше (стр. 5) — «односторонность» термина.

²² Дважды «Восточный путь» обрывается в Швеции (I. F., XXVI, 287 и I. F., XXVI, 288). Оба сообщения саги можно понять так, что герой, действительно, собирался плыть по «Восточному пути», но был задержан в Швеции. Таким образом, эти сообщения — не исключение из общей закономерности.

²³ «Oc allt fór hann um Kurland oc Aestland, oc morg annr lonnd heriade hann í Austrvegom» (Fask., 30).

²⁴ И все же можно проследить связь нового понятия с начальным значением слова. Она проявляется в том, что топоним *Austrvegr* используется большей частью при описании пути, в сочетании с глаголами движения. В другом контексте для обозначения тех же земель используется топоним *Austrlond*.

²⁵ «Þorgnyr, föðurfadir minn, mundi Eirik Uppsalakonung Emundarson ok sagði þat frá honum, at meðan hann var á léttaða aldri, at hann hafði hvert sumar leidangr úti

Из приведенного отрывка явствует, что «Восточные земли» *Austrlond* — это земли, лежащие по «Восточному пути». То же видим и в «Саге о Хаконе Добром», где в подтверждение рассказа о том, что сыновья Эйрика «воевали на Восточном пути»²⁶, цитируется виса скальда Х в. Глума, сына Гейри, в которой говорится, что Харальд Серый Плащ (один из сыновей Эйрика) «покорил Восточные земли»²⁷. Таким образом, «Восточный путь» охватывает Финнланд и Кирьялаланд (карело-финские земли), Эстланд (земли эстов), Курланд (земли куров — куршей) и другие «Восточные земли». Однако, на наш взгляд, *Austrvegr* обозначает лишь прибрежные земли, т. е. те земли по которым проходил в то время путь, в отличие от топонима *Austrlond*, значение которого шире²⁸.

Используемый в сагах термин *Austrvegsmenn* (мн. ч. от *Austrvegs-madr*) — «люди, живущие по Восточному пути», помогает выявить, хотя бы отчасти, другие «Восточные земли». Саги называют в числе *Austrvegsmenn* куров (куршей), а также виндов (прибалтийских славян). В «Саге о Магнусе Добром» читаем, что Магнус отправляется собирать дань «с виндов и куров и других людей живущих по Восточному пути»²⁹, т. е. «Восточный путь», помимо перечисленных выше земель, включает в себя и славянское Поморье.

Два раза «по Восточному пути» приезжают в Гардарики (на Русь): «А весной собрал ярл (Эйрик.— *Т. Д.*) свое войско и поплыл вскоре по Восточному пути. И когда он пришел во владения колунга Вальдамара (князя Владимира.— *Т. Д.*), стал он грабить и убивать людей... Он подошел к Альдейгьюборгу (Старой Ладогой.— *Т. Д.*) и осаждал его, пока не взял того города... И после того далеко ходил с боевым щитом по Гардарики»³⁰;
два раза — в определенное место на Руси — в Хольмгард (Новгород):

«Гудлейк отправился летом по Восточному пути в Хольмгард и купил там прекрасную парчу...»³¹.

Вместе с тем путь на Русь, как правило, в сагах описывается как путь *austr* — «на восток». *Austr* обозначает восточное направление движения относительно любой точки отсчета³². Так, из Норвегии можно ехать *austr til Svíþjóðar* — «на восток в Швецию» или *austr í Svía ríki* — «на восток в державу свеев», равно как *til Bjarmalands norðr* — «на север в Бьярмаланд» или *vestr til Englandis* — «на запад в Англию».

Саги используют слово *austr* при описании поездок из Скандинавии на восток через Балтийское море 26 раз. Из них 14 раз это путь *austr í Gardaríki* — «на восток в Гардарики (на Русь)»:

ok fór til ýmissa landa ok lagði undir sik Finnland ok Kirjalaland, Fístland ok Kurland ok víða um Austrlond... En ef þú vill vinna aprt undir þik ríki þau í Austrvegi, er frændr þínir ok foreltri hafa þar allt, þá viljum vér allir fylgja þer þar til» (I. F., XXVII, 115—116).

²⁶ «herjuðu um Austrveg» (I. F., XXVI, 162).

²⁷ «Austrlondum forsk undir» (ibid.).

²⁸ Ср. со сказанным выше (стр. 4).

²⁹ «af Vindum ok Kúrum ok öðrum Austrvegsmonnum» (I. F., XXVIII, 37).

³⁰ «En at vári bjó jarl her sinn ok sigldi síðan í Austrveg. En þá er hann kom í ríki Valdamars konungs, tók hann at herja ok drepa mannfólkít... Hann kom til Aldeigjuborgar ok settisk þar um, þar til er hann vann stáðinn... ok síðan fór hann víða herskíldi um Gardaríki» (I. F., XXVI, 338).

³¹ «Gudleikr fór um sumarit í Austrveg til Holmgards ok keypti þar þell ágætlig» (I. F., XXVII, 83—84).

³² *Austr* означает также «на востоке», но, поскольку нас интересует именно путь с запада на восток, то в указанном значении *austr* нами не рассматривается.

«Пришел он (ярл Эйрик. — Т. Д.) на восток в Гардарики на Вальдамара Старого и грабил повсюду в его владениях. Он разрушил Альдейгьюборг (Старую Ладогу.—Т. Д.) и взял там много богатства...»³³;

5 раз — *austr í Garda* — «на восток в Гарды (на Русь)»:

«... и еще дальше пошел он на востоке в Гардах, всюду шел он войной, жег города и крепости...»³⁴;

2 раза — *austr í Holmgard* — «на восток в Хольмгард (Новгород)»:

«Когда конунг Олав Святой пал при Стикластадире, уехали они из страны — Харальд, его брат, и Рагнвальд, сын Бруси, и много людей с ними — пришли в начале той зимы на восток в Хольмгард к конунгу Ярицлейву (к князю Ярославу.—Т. Д.)»³⁵.

Лишь один раз путь *austr* приводит в земли, лежащие по «Восточному пути»: в «Саге об Олаве Святом» рассказывается, как Олав отправляется *austr til Eysysla* — «на восток к Эйсюсле»³⁶, т. е. к острову Сааремаа, принадлежащему Эстланду. На наш взгляд, одно исключение из общей закономерности не может ставить эту закономерность под сомнение.

Интересно, что *austan* — «с востока», обратное по значению *austr* — «на восток», 30 раз встречается в сагах в рассказе о возвращении именно из Гардарики:

«... лендарманы и бонды вместе собрали войско непобедимое, как только они узнали, что конунг приехал с востока из Гардарики и что он уже прибыл в Швецию»³⁷,

и из Хольмгарда:

«Магнус, сын Олава, отправился в путь после Йоля (рождества.—Т. Д.) с востока из Хольмгарда, вниз (прочь.—Т. Д.) из страны в Альдейгьюборг»³⁸.

Лишь в одном, случае, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», читаем:

«Он (Хрольв Пешеход.—Т. Д.) много воевал на Восточном пути. Однажды летом, когда он пришел из морского похода с востока в Вик, он убил много скота на морском побережье»³⁹.

³³ «Þar næst fór hann austr í Gardaríki á hennir Valdamara gamla og hærjaðe víða um hans ríki. Hann braut Aldeigjuborg og tók þar mikil fé» (Fask., 136).

³⁴ «...oc æinn lengra sóttu hann austr í Garda. for allit með hærnæde brændi borger og castala...» (Fask., 136).

³⁵ «Þá er Olafur hinn hælgi konungur hafði fallet á Stiklastaðum, fóru þeir or lande Haraldr bróðir hans og Ragnvaldr Brusasaur, og marg manna með þeim, og komu úr vætren andværðan austr í Holmgard, á fund Iarizleifs konungs» (Fask., 217—218).

³⁶ f. F., XXVII, 9—10.

³⁷ «...lendir menn ok bændr hófu saman dregit hér óvigjan, þegar et þeir spurðu, af konungur var austan íarinn ór Gardaríki ok hann var kominn til Svíþjóðar» (f. F., XXVII, 370).

³⁸ «Magnús Ólafsson byrjaði ferð sína eftir jólin austan af Hólmgarði ofan til Aldeigjuborgar» (f. F., XXVIII, 3).

³⁹ «Hann herjaði mjök í Austrvegu. Á einu sumri, er hann kom ór vikingu austan í Vikina, þá hjó hann þar strandhogg» (f. F., XXVI, 123).

Нигде более о возвращении из похода по «Восточному пути» не говорится, что это был путь *austan* — «с востока».

Следовательно, *austr* (*austan*) используется при описании пути непосредственно на восток — на Русь (и обратно), а предложное сочетание *ifum Austrveg* — вдоль юго-восточного берега Балтийского моря⁴⁰. Таким образом, когда в саге говорится, что путешественник попал на Русь по «Восточному пути», имеется в виду, что он проплыл вдоль восточноприбалтийских земель.

Итак, подводя итоги, мы можем сказать, что:

1. *Austrvegr* исландских королевских саг — не «путь из варяг в греки» и не «путь» вообще, а земли юго-восточного побережья Балтийского моря.

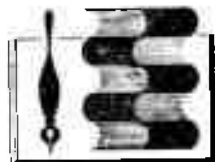
2. *Austrvegr* — топоним, синонимичный (хотя и несколько уже по значению) топониму *Austrlond* — «Восточные земли».

3. В состав земель, обозначаемых топонимом *Austrvegr*, входят области к востоку от Дании и далее вплоть до Финнланда, а именно земли прибалтийских славян, куршей, эстов и карело-финские земли.

⁴⁰ Этот вывод подтверждается и пумизматическими данными, согласно которым существовало «два основных пути ввоза монетного серебра на Русь: 1) южное побережье Балтийского моря — Готланд — Русь 2) Скандинавский полуостров — Готланд — Русь». (В. М. Потни. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. М., 1968, стр. 58—72).



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



Н. Б. ЛЕБЕДЕВА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О СОВЕТСКОМ РАБОЧЕМ КЛАССЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В последнее время значительно усилилось внимание ученых к начальному этапу истории советского рабочего класса. Почти одновременно вышло пять монографий, посвященных этой теме*, — факт весьма показательный для современного развития советской историографии. Увеличивается глубина научного поиска, детальнее и точнее становится анализ конкретно-исторического материала. Всестороннее освещение ведущей роли рабочего класса в жизни советского общества невозможно без характеристики его социального облика. Исследование исходных рубежей становления и развития класса-гегемона, класса-вождя — таков замысел авторов.

Пять книг, близких по теме! И сразу же встает вопрос об опасности дублирования. Но авторы нашли свои подходы к проблеме, четко определили круг исследовательских задач и создали работы, не повторяющие, но дополняющие друг друга, позволяющие в совокупности нарисовать общую картину развития и деятельности российского пролетариата в 1917—1920 гг.

Чтобы сделать эту картину исторически достоверной, необходимо подойти к рассмотрению проблемы с верных методологических позиций. Естественно, что прежде всего историки обращаются к анализу ленинской методологии изучения российского пролетариата в момент решающих революционных преобразований. В этой связи особый интерес представляет книга А. А. Матюгина. Хронологически она охватывает весь период теоретической и организаторской деятельности В. И. Ленина: ведь дальнейшее развитие учения К. Маркса и Ф. Энгельса о роли пролетариата применительно к эпохе империализма и пролетарских революций, непосредственное руководство революционной борьбой рабочего класса, его созидательным трудом были главной темой творчества В. И. Ленина и главным делом всей его жизни. Исследова-

* А. А. Матюгин. В. И. Ленин об исторической роли рабочего класса. М., «Мысль», 1974; Д. А. Баевский. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917—1921 гг.). М., «Наука», 1974; Е. Г. Гимпельсон. Советский рабочий класс, 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М., «Наука», 1974; В. З. Дробинев, А. К. Соколов, В. А. Устинов. Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., Изд-во МГУ, 1975; Г. А. Трухан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение советской власти. М., «Наука», 1975.

ние складывания и развития ленинских взглядов на историческую роль рабочего класса сочетается в монографии с анализом деятельности пролетариата как руководителя революционных масс. Таким образом, читатель видит, как на практике осуществлялась марксистско-ленинская теория о ведущей роли рабочего класса в борьбе за победу социалистической революции и защиту ее завоеваний.

Большое внимание в книге А. А. Матюгина уделено исследованию связи В. И. Ленина с трудящимися массами, которая после победы Великой Октябрьской социалистической революции стала еще глубже и всестороннее. В первые годы диктатуры пролетариата В. И. Ленин получил возможность для установления личных контактов с огромной массой трудящихся. Как убедительно показывает автор, широкое общение с рабочей аудиторией, постоянное внимание к ее запросам и интересам, чуткое восприятие ее воли, ее стремлений и чаяний, явилось той живительной средой, которая питала как теоретическую, так и практическую деятельность Ленина.

Ленинской методологии исследования истории рабочего класса уделяется внимание во всех рассматриваемых работах. В. З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов в специальном разделе анализируют ленинское понимание социального облика и социальной структуры пролетариата, закономерностей его формирования.

Исследователи, таким образом, много достигли в изучении и освоении ленинской методологии. Они убедительно показали, что крайне важно исследовать ленинские идеи о гегемонии пролетариата в революционном движении, об осуществлении им своей диктатуры, о роли рабочего класса в социалистическом строительстве во всей их совокупности и с учетом их творческого развития на различных исторических этапах, в тесной связи с анализом конкретных условий, в которых были высказаны те или иные ленинские положения.

Как мы уже говорили, в каждой из рассматриваемых книг определен свой круг исследовательских задач. Но есть и общие проблемы, привлекающие внимание авторов. Среди них на первое место следует поставить вопрос об изменениях в численности и составе рабочего класса в 1917—1920 гг., о его социальной структуре. Это и неудивительно: объективное и всестороннее освещение революционно преобразующей деятельности рабочего класса возможно лишь при условии глубокого анализа его качественного состава. В исторической литературе выработан единый подход к трактовке проблем численности и состава российского пролетариата.

Г. А. Трукан проанализировал эту проблему применительно к 1917—1918 гг. Автор подчеркивает, что марксизм-ленинизм никогда не сводил вопрос о силе пролетариата только к численным показателям, а видел ее в той объективной роли, которую играет рабочий класс в экономической, социальной и политической жизни общества. Показывая распределение «пролетарской армии» по отраслям производства и промышленным центрам, Г. А. Трукан приходит к выводу, что, несмотря на свою относительную малочисленность, пролетариат оказался сосредоточенным в немногих крупных центрах, где находились главные силы буржуазии, что высокая степень его концентрации, расширение основного костяка потомственных рабочих за счет пополнения из пролетарских семей способствовали пресметственности и устойчивости революционных качеств российского рабочего класса. Эти обстоятельства создавали благоприятные условия для выполнения им роли гегемона на социалистическом этапе революции.

Подробно исследуются численность, состав, территориальное размещение рабочего класса в 1918—1920 гг. в монографии Е. Г. Гимпельсона, основанной на чрезвычайно широком и разнообразном круге источников, многие из которых используются впервые. Автор указывает, что к середине 1918 г. концентрация рабочих на крупных предприятиях, несмотря на имевший место процесс распыления рабочих, была выше довоенной. Рабочий класс сохранил к лету 1918 г. свои основные силы, а его качественный состав по сравнению с 1917 г. даже несколько улучшился. Это было вызвано тем, что при сокращении производства Советская власть стремилась удержать в первую очередь кадровых рабочих. В целом же за годы гражданской войны общая численность промышленных рабочих в Советской Республике резко сократилась главным образом за счет текстильщиков. Сокращение в значительной степени коснулось и рабочих-металлистов, хотя их удельный вес в составе рабочего класса вследствие свертывания текстильной промышленности несколько поднялся.

Заслуживает внимания, по нашему мнению, тезис Д. А. Баевского о том, что недостаточно изучать динамику численности и состава рабочих лишь в рамках ценовой промышленности, наиболее пострадавшей в годы разрухи. Аргументируя этот тезис, автор обращается к изучению изменений в численности членов профсоюзов, а также более широкого круга рабочих и служащих, занятых в сфере материального производства (куда входят, помимо ценовой промышленности, строительство, сельскохозяйственное производство, транспорт и связь). В результате он получает иные показатели, чем при исследовании данных ценовой промышленности.

Предложенное Д. А. Баевским направление дальнейшей исследовательской работы представляется нам весьма перспективным. Пока в центре внимания ученых в основном лишь один отряд рабочего класса — промышленные рабочие. У нас практически нет работ о строителях, транспортных рабочих, связистах. Очень скудные сведения приводятся о сельскохозяйственном пролетариате. В связи с этим возникает необходимость привлечения новых групп источников и прежде всего материалов демографических переписей 1917 и 1920 гг. Вообще следует отметить недостаточное использование в исследованиях о рабочем классе данных общедемографической статистики.

С изменениями в численности и составе пролетариата тесно связана проблема его деклассирования. Понимая под этим термином не только отрыв рабочих от промышленного производства, т. е. сокращение числа индустриальных рабочих, но и ухудшение качественного состава пролетариата, изменения в его социальном облике — понижение его классовой сознательности и организованности, Д. А. Баевский делает вывод, что истоки процесса деклассирования пролетариата относятся не к годам гражданской войны, а к началу первой мировой войны, которая вызвала увеличение числа промышленных рабочих при ухудшении их качественного состава. На наш взгляд, это утверждение автора нуждается в более полной системе доказательств, особенно, когда речь идет о распространении его на страну в целом.

Процессу деклассирования противостояла созидательная сила Коммунистической партии, которая сплотила вокруг себя лучших представителей рабочего класса. В книге Г. А. Трукана приведены цифры, характеризующие постоянный рост удельного веса рабочих в составе партии. Эти цифры убедительно опровергают домыслы буржуазных идеологов о том, что большевистская партия по своему составу якобы была партией интеллигентов.

Д. А. Баевский показывает, что за период с 1918 по 1921 г. число рабочих в партии выросло почти в четыре раза. Они составляли 39% руководящих работников в губерниях и 61,6% в центре.

Значительное место изучению организованности рабочего класса, показу той роли, которую играли рабочие в партии и профсоюзах, уделено в монографии Е. Г. Гимпельсона. Автор раскрывает огромную воспитательную, разъяснительную работу Коммунистической партии и показывает, что в условиях гражданской войны партия сумела обеспечить народному хозяйству необходимую ему рабочую силу, предотвратить деклассирование рабочего класса.

В книге широко и подробно исследуются основные направления деятельности партии, государства и профсоюзов по улучшению жизни и быта рабочего класса, которые определились в первые годы диктатуры пролетариата. Хотя далеко не всё, что было провозглашено и законодательно утверждено Советским правительством, полностью проводилось в жизнь из-за трудностей, вызванных гражданской войной и иностранной интервенцией, прогресс, как отмечает автор, был огромен.

Таким образом, в первые годы Советской власти, как подчеркнуто в книге Д. А. Басевского, на развитие рабочего класса оказывали влияние два диаметрально противоположных процесса. С одной стороны — разруха, голод, свертывание и даже полная остановка работы многих предприятий, вызванные интервенцией и гражданской войной, с другой — начало развития нового, советского общественного строя, обусловившее рост рядов партии, социалистической сознательности рабочего класса, складывание у него нового, социалистического отношения к труду и к социалистической собственности.

Всесторонне исследуя проблему развития социально-политической структуры рабочего класса СССР, Е. Г. Гимпельсон показывает противоречивый, двойственный характер изменений и сдвигов в рабочем классе: с одной стороны, сокращение его численности и ухудшение социального состава, а с другой — процессы, заложившие важные объективные предпосылки для будущего качественного улучшения основных отрядов рабочих: рост грамотности, расширение политического кругозора, формирование новой социальной психологии. Представление о рабочем классе не может быть полным без учета его психологии. Поэтому необходимо всячески приветствовать стремление Е. Г. Гимпельсона проследить складывание социальной психологии советского рабочего класса, формирование новой дисциплины труда, изучить процесс выработки у рабочих чувства коллективного хозяина, творческой инициативы, самостоятельности. Концентрированным выражением новых качеств рабочего класса явились коммунистические субботники, массовые примеры трудового героизма рабочих, соревнования. Эти проблемы освещены также в работах Д. А. Баевского, Г. А. Трукана.

Монография Е. Г. Гимпельсона представляет собой первый обобщающий труд, посвященный социально-политическим изменениям в рабочем классе СССР. Однако автору не удалось в полной мере использовать такой важный источник, как материалы Первой Всероссийской профессиональной переписи 1918 г. В этой связи книга В. З. Дробижева, А. К. Соколова, В. А. Устинова как бы дополняет его монографию. Авторы разработали методику выборочной обработки переписи, провели выборочно-повторную обработку ее первичных материалов и на основе полученных данных исследовали социальную структуру рабочего класса СССР в первый год пролетарской диктатуры. Они рассматривают ее как взаимодействие целого ряда более частных структур, как совокупность взаимосвязей между экономическими, демографическими, политически-

ми, психологическими, семейными, бытовыми и другими отношениями. Специальные главы книги посвящены анализу социальной структуры рабочих различных регионов. В них содержится интересный материал, который дает представление о чертах как общих для рабочего класса в целом, так и специфических, связанных с особенностями хозяйственного развития каждого конкретного региона.

В книге содержится ряд важных выводов и наблюдений. Это, во-первых, выделение трех социально-неоднородных групп внутри пролетариата в связи с различиями в характере труда: 1) наиболее развитая часть рабочего класса, его авангард, который, как правило, состоит из квалифицированных рабочих крупных предприятий (на долю этой группы, преобладающей в металлообработке и машиностроении, в городах и в центрах сосредоточения какой-либо одной отрасли промышленности, по приблизительной оценке приходилось около одной трети рабочих); 2) полуквалифицированные и малоквалифицированные рабочие, получившие элементарную профессиональную подготовку (они составляли в количественном отношении основной слой на производстве); 3) рабочие, не имевшие специальности,— группа, которая составляла не более одной четвертой части пролетариата.

Во-вторых, авторы показывают, что одним из важнейших социально-образующих признаков является длительность связей с промышленностью и с рабочей средой, причем раннее вхождение в рабочую среду было не менее важным фактором, чем потомственная принадлежность к ней, поэтому последний показатель не должен преувеличиваться при оценке социального облика российского пролетариата. Данные переписи свидетельствуют, что большинство рабочих России были пролетариями в первом поколении.

Отдавая должное такому фактору, как наличие связи с землей, авторы делают вывод, что он не играл той социально-дифференцирующей роли, которая по традиции отводится ему в историко-экономической литературе (и, в частности, в монографии Е. Г. Гимпельсона). Результаты их исследований свидетельствуют о том, что различия внутри фабрично-заводских рабочих основываются не на этом критерии, а на сочетании ряда признаков.

Характерно, что у рабочих Петрограда — членов общественных организаций — связь с землей была даже несколько сильнее, чем у остальных рабочих. При этом рабочие-активисты отличались более высоким уровнем квалификации и образования, среди них была велика прослойка кадровых рабочих.

Важным критерием, показывающим степень развитости слоев рабочих, является уровень сознательности и политической активности их отдельных групп. Перепись 1918 г. дала возможность охарактеризовать рабочих, занятых в органах общественного управления на производстве. По мнению авторов, анализ этой группы рабочих еще раз подчеркнул ведущую роль таких факторов, как характер труда, стаж, уровень образования, культуры и сознательности, степень трудовой и политической активности, в оценке социального облика пролетариата республики на первом этапе социальных преобразований.

Значение данной книги, на наш взгляд, выходит за пределы полученных в ней выводов. Постановка новых исследовательских задач в связи с необходимостью изучения движения социалистического общества к социально-классовой однородности требует углубленного знания социальной структуры рабочего класса на всем протяжении истории Советского Союза. Точкой отсчета при этом является первый год пролетарской диктатуры, характеризующийся ломкой старых обществен-

ных отношений, коренным изменением всей социальной структуры общества.

Авторы рассматриваемых книг исследуют условия жизни и труда рабочего класса в первые годы Советской власти. Д. А. Баевский анализирует организацию рабочего снабжения и регулирование заработной платы, показывая сочетание методов убеждения и принуждения с материальным стимулированием лучшей работы на производстве. Он показывает, что реальное значение денежной части заработной платы уменьшилось за 3 года (1918—1920) в 10 раз, а удельный вес ее натуральной части возрос с 23 до 88%. Е. Г. Гимпельсон, рассматривая различные формы материального обеспечения рабочих, делает вывод, что процесс натурализации заработной платы был обусловлен объективными причинами, а не субъективными решениями части партийных и советских работников.

В литературе долгие годы бытовало мнение, будто бы в годы гражданской войны применялись почти исключительно моральные формы стимулирования труда. На основании изучения материалов Всероссийской промышленной и профессиональной переписей 1918 г. и ряда других источников Е. Г. Гимпельсон приходит к выводу, что в середине 1918 г. фактически оплачивался труд уже одной трети промышленных рабочих. В тех случаях, когда необходимо было увеличить производство вооружения и боеприпасов, вводилась премиальная система оплаты труда. Социалистический принцип оплаты труда был декретирован Кодексом законов о труде. Как показывают Е. Г. Гимпельсон и Д. А. Баевский, партия и профсоюзы последовательно боролись против тезиса Троцкого об уравнительности в потреблении при ударности в производстве. В основу тарифной работы был положен принцип оплаты труда не только по его квалификации, но и в зависимости от производительности труда, срочности выполнения работы.

Одна из важнейших узловых проблем, изучаемых авторами,— трудовая и политическая деятельность рабочего класса, особенно проблема его руководящей роли в строительстве советского государственного аппарата. Эти сюжеты получили наиболее полное освещение в монографиях Д. А. Баевского и Г. А. Трукана.

Д. А. Баевский поставил перед собой цель изучить новые задачи, которые встали перед рабочим классом в условиях диктатуры пролетариата в государственном, хозяйственном, культурном и военном строительстве, показать новые формы его революционной борьбы и видоизменение его классовых функций—превращение ранее угнетенного класса в ведущую силу общества.

Автор подробно останавливается на периодизации и характеристике процесса складывания форм участия рабочих в управлении производством, в создании ВСНХ и организации совнархозов на местах, в осуществлении первых шагов по национализации предприятий, в проведении в жизнь принципа демократического централизма в промышленности, налаживании совместной работы хозяйственников-рабочих и старых специалистов. Большое внимание он уделяет показу борьбы против местнических тенденций в работе совнархозов и против синдикалистских тенденций в деятельности некоторых профсоюзов.

Большую часть своей работы Д. А. Баевский посвящает исследованию революционно преобразующей роли пролетариата в области экономики—промышленности, транспорта, сельского хозяйства и продовольственного дела. Из всех областей государственного строительства он выделяет только военное строительство—создание Красной Армии—и совершенно не касается вопросов советского строительства, той роли,

которую сыграли в нем рабочие. Этот пробел применительно к первому году пролетарской диктатуры восполняется монографией Г. А. Трукана, проанализировавшего все основные направления государственной деятельности рабочего класса. Особый интерес, на наш взгляд, представляют разделы его монографии, посвященные анализу роли рабочего класса в строительстве советского аппарата.

Автор рассказывает об установлении рабочего контроля над производством и потреблением и в проведении социалистической национализации промышленности, о создании судебных органов пролетарской диктатуры, о выработке основных принципов строительства вооруженных сил рабоче-крестьянского государства. Многие из этих вопросов, уже были предметом специального анализа. Однако Г. А. Трукану удалось привлечь новые источники. Статистическая обработка многочисленных материалов местных Советов, анкет делегатов съездов Советов и служащих отдельных наркоматов, позволила ему раскрыть тезис о ведущей роли рабочего класса в революционном преобразовании общества, в строительстве нового государственного аппарата. Данные, приведенные им, еще раз доказывают научную несостоятельность отстаивавшейся некоторыми историками ошибочной точки зрения об утрате пролетариатом роли гегемона в революционном движении с момента победы Февральской революции до сентября-октября 1917 г.

Много внимания в монографиях Г. А. Трукана и Д. А. Баевского уделяется проблеме союза рабочего класса и крестьянства, отмечается, что союзником пролетариата в борьбе за социалистическую революцию являлось не все крестьянство, а лишь его беднейшая часть, показывается, как закалялся военно-политический союз рабочих и крестьян в огне гражданской войны.

В период, когда борьба за хлеб стала синонимом борьбы за социализм, ведущая роль рабочего класса особенно ярко проявилась в решении продовольственного вопроса, в организации рабочими продотрядов. Этот сюжет исследуется в книгах Г. А. Трукана и Д. А. Басевского. Последний изучает также роль рабочих в создании совхозов и колхозов, складывание сельскохозяйственного отряда рабочих и шефских связей между коллективами промышленных предприятий и совхозов. Привлекая новые материалы, источники информации, он стремится уточнить данные других исследователей о количестве рабочих, занятых в совхозах.

Интересные разделы о росте революционного влияния рабочего класса Советской России в зарубежных странах, о его интернациональных связях содержатся в книгах Д. А. Баевского и Е. Г. Гимпельсона.

Рассмотренные нами книги по истории рабочего класса в первые годы пролетарской диктатуры свидетельствуют о значительных успехах советской историографии в исследовании проблемы. Введены в научный оборот новые источники, пласты фактического материала и под новым углом зрения рассмотрены уже известные ранее; использована новая методика их обработки, сделаны интересные выводы. Вместе с тем совершенно отчетливо выделяются и нерешенные еще задачи. Так, практически лишь началось исследование такого важного аспекта, как социальная психология рабочего класса. На весьма ограниченной источниковой базе освещается такая важная тема, как материальное положение трудящихся масс. Совершенно недостаточно анализируются особенности развития и деятельности рабочего класса в национальных районах страны.

Исследование всех сторон жизни и деятельности рабочего класса позволит создать обобщающий труд о рабочем классе Советской России в годы великих революционных преобразований.

Рецензии

«СОВЕТСКИЙ НАРОД — НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ЛЮДЕЙ. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ». М., «Наука», 1975, 520 стр., тир. 6800 экз. *

Современная наука все чаще ломает отраслевые рамки, своего рода ведомственные перегородки. Именно на стыке различных отраслей знания возникают порой наиболее интересные открытия, достигаются значительные научные результаты. Исследователи различных специальностей гуманитарных наук, рассматривая проблему с разных сторон, создают наиболее полную картину того или иного общественного явления.

Именно о таком плодотворном опыте можно говорить, рассматривая новую книгу, созданную большим коллективом историков, юристов, философов, этнографов, социологов, филологов. Исследование темы с общен исторических, философских, историко-правовых и иных позиций позволило авторам глубоко раскрыть сущность советского народа как специфической общности людей, как выдающегося общественного феномена современности, показать исторические предпосылки его возникновения, становления и развития. Такая комплексность и многосторонность отличает книгу от предшествующих работ по данной проблеме. Книга написана с четких методологических позиций, основана на идеях важнейших документов нашей партии — материалах XXIV съезда КПСС, постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», докладе Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» и др. В ней последовательно выражен вывод КПСС о том, что в СССР сложилась новая историческая общность — советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружбе всех наций и народностей страны.

Авторы оправданно отходят от традиционного для общен исторических работ

хронологического принципа. Их интересует проблема в целом, а также важнейшие составляющие ее элементы. Поэтому они не всегда придерживаются хронологической последовательности событий, позволяя себе в рамках того или иного периода рассматривать вопросы в логическом, предметно-проблемном, а не в хронологическом порядке. Вместе с тем рецензируемая книга остается историческим исследованием, хотя и написанным в нетрадиционной форме: объект изучения — советский народ — анализируется в динамике, в развитии, начиная от его пред истории и кончая современностью.

Несомненной заслугой авторского коллектива является выработка научно обоснованной дефиниции советского народа как новой исторической общности людей. От правильного решения этого вопроса зависело очень многое — и подход к изучению темы, и определение круга первоочередных проблем, и структура исследования. Авторы подчеркивают, что советский народ — это общность прежде всего социально-классовая, возникновение которой стало возможным в результате проведения социалистической революции и строительства социалистического общества в СССР. Социальные моменты, играющие определенную роль в становлении этнических общностей — народностей и наций, особенно отчетливо проявляются в процессе оформления общностей такого типа, как советский народ. Глубоко раскрывают и другие особенности советского народа как новой исторической общности, а именно: она базируется на созданных социализмом единых экономических, социально-политических и идейных основах, ей свойственны социалистические, интернациональные отношения между людьми, подлинное единство интересов и коммунистических идеалов. В книге сделано важное теоретическое обобщение относительно того, что «советский народ» есть выдвояное понятие, и общности, подобные ему, неизбежно возникают повсюду, где осуществляются социалистические преобразования. Действительно, во всех странах социализма действуют одни и те же основные закономерности формирования социалистического общества. Разница может быть лишь в том, что в однопациональных странах, естественно, отсутствуют явления межнациональной консолидации и речь может

* Авторы: М. П. Ким, В. Я. Гросул, Ю. П. Шаранов, В. П. Шерстобитов, В. Д. Самсонов, С. В. Хармандарян, В. М. Курицын, Г. И. Литвинова, В. Б. Тельпуховский, М. С. Джунусов, Г. Е. Трапезников, Э. Э. Шкляр, А. Д. Колесник, В. С. Долгов, С. Л. Сенявский, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева, В. Е. Поле-таев, А. В. Никонов, Г. И. Ломидзе, Л. И. Яковлев, Е. А. Зайцев.

идти лишь о процессе складывания государственной и межклассовой общности.

Важный аспект исследования проблемы связан с характерной принципиальностью отличия советского народа от всех других общностей, известных мировой истории. В классово антагонистическом обществе народ представлен, как указывал В. И. Ленин, «массой т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых»¹ при этом категории «народ» и «общество» в корне не совпадают и совпадать не могут. Советский народ — это первая в истории всеобъемлющая ассоциация тружеников, охватывающая всех без исключения членов общества (эксплуататорам в таком обществе нет места). Как международная общность, советский народ — совершенно новое явление в истории наций и народностей, которое предшествует их будущему коммунистическому слиянию, безнациональной общественной структуре.

Встает вопрос: что наследует общность типа «советский народ» от прошлого, в чем заключаются ее исторические предпосылки? В рассматриваемой книге на него дается обстоятельный ответ. Это наследие состоит в традициях классовой и интернациональной солидарности трудящихся в освободительном и революционном движении, в преемственности исторически складывающихся экономических, политических и культурных связей между народами. Развитие и обогащенные рабочим классом традиции социальной и интернациональной солидарности народных масс России явились важнейшей предпосылкой Великого Октября, ставшего решающим политическим условием и исходным рубежом формирования советского народа как новой исторической общности. С победой Великого Октября трудящиеся массы всех наций и народностей страны обрели свое социалистическое Отечество.

Глубоко обоснована роль СССР в процессе становления новой исторической общности. Централизация материальных ресурсов позволила укрепить позиции социалистического уклада, расширить экономическую основу сотрудничества трудящихся классов; усилилась хозяйственно-организаторская деятельность Советского государства, вследствие чего ускорилось формирование основ новой общности — социалистической экономики и социалистического типа общественных отношений, превращение всех трудящихся в активных и сознательных борцов за дело социализма.

Авторы, на мой взгляд, предложили правильное решение вопроса о периодизации процесса формирования и развития советского народа как исторической общности. Известно, что некоторые наши ученые еще недавно склонялись к мысли

о том, будто советский народ — категория развитого социализма, что новая историческая общность оформилась якобы только теперь. Конкретно-историческое исследование проблемы, данное в рецензируемом труде, убеждает в несостоятельности этой точки зрения. В процессе становления и развития советского народа отчетливо выделяется переходный период от капитализма к социализму, в конце которого была осуществлена полная ликвидация эксплуататоров в городе и деревне, а трудящиеся классы обрели подлинно социалистическую сущность. К этому времени из их среды выросла народная интеллигенция, союз рабочего класса и крестьянства, объединившегося в колхозы, стал нерасторжимо прочным; был решен национальный вопрос «в тех его аспектах, в каких он достался нам от до-революционного прошлого»². В ходе социалистического преобразования всех сторон общественной жизни, консолидации социалистических наций и народностей сформировались основные признаки советского народа как новой исторической общности: единая экономическая база — социалистическая система хозяйства, общий для всех трудящихся тип социалистических производственных отношений, социально-классовая структура, в которой отсутствуют эксплуататоры, в сознании большинства советских людей утвердилась марксистско-ленинская идеология, определились свойственные всему советскому народу духовные черты и морально-политические нормы — советский патриотизм, морально-политическое единство, братская дружба народов, общность целей и устремлений, самоотверженность в труде, преданность делу социализма, Коммунистической партии. Все это выражало новое состояние советского общества, характеризовавшееся сплочением освобожденных от эксплуатации рабочих, крестьян, интеллигенции, всех преобразованных на основе социализма наций и народностей в прочный союз социалистических тружеников, в новую историческую общность людей. Отмеченные здесь всемирно-исторические сдвиги были зафиксированы в новой Конституции СССР, в документах XVIII съезда партии³.

Разумеется (и это убедительно доказано в книге), тогда речь могла идти лишь о рождении нового социально-исторического организма — советского народа как общности, оформленной ее основными, определяющими черт. Подобно тому, как социализм, построенный в СССР в основном во второй половине 30-х годов, в дальнейшем набирал силу, перерастая в развитую стадию, так и сформирова-

² Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 24.

³ См. «XVIII съезд ВКП(б)». Стеногр. отчет. М., 1939, стр. 16, 26.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 187.

шаяся в основном к концу переходного периода новая историческая общность неуклонно развивалась и совершенствовалась. Развитому социализму соответствует состояние зрелости советского народа как новой исторической общности. Авторы всесторонне обосновали положение о том, что в Великую Отечественную войну советский народ вступил как оформившаяся в основном общность, с укрепившимся в людях сознанием единой Родины, которую самоотверженно защищали представители всех классов и социальных слоев советского общества, всех наций и народностей СССР.

Из всего огромного круга социальных, политических, национальных, культурных проблем становления новой исторической общности, поднятых и раскрытых в рецензируемом труде, особую трудность представляет исследование идеологических и социально-психологических вопросов, формирования нового духовного облика советского народа. Надо сказать, что эту трудность авторский коллектив успешно преодолел. От него потребовалось привлечение целой группы специфических источников — прессы на различных языках, юридической статистики и др. Исследование показало, что идеологии рабочего класса стала основой формирования духовного облика социалистической общности людей. В процессе становления социалистического общественного бытия и социалистического общественного сознания прежний конгломерат идеологий, этических принципов, воли, настроений, интересов, определившихся классовыми и национальными противоречиями, сменился единством духовного облика советских людей, составивших первую в истории социально-классовую и межнациональную общность — советский народ.

Детально анализируется в книге процесс совершенствования новой исторической общности в условиях развитого социализма. Отметим здесь лишь некоторые направления, по которым идет раскрытие этого процесса. Прежде всего, характеризуется воздействие мощной экономики зрелого социализма на социалистическую общность людей.

Обстоятельно показано, что огромное влияние на дальнейшее укрепление советской общности людей оказывает научно-техническая революция, которая в условиях социализма укрепляет и расширяет социальные связи, способствует обогащению коллективного опыта трудящихся. Технический прогресс неотделим от развития личности. Он предъявляет повышенные требования к уровню знаний и квалификации работника, стимулирует рост его образованности и культуры. В то же время эти факторы выступают в качестве необходимого условия дальнейшего развертывания научно-технической революции. Этот синтез научно-производственных и личностных факторов, их взаимо-

связь и взаимовлияние обуславливают дальнейшее развитие советского народа, способствуют раскрытию и мобилизации его творческих возможностей в строительстве коммунизма.

В книге выявляется воздействие на дальнейшее развитие всей системы социалистических отношений, на социалистическую общность процесса концентрации производства. Она усиливает производственную кооперацию людей, стимулирует межотраслевые связи, укрепляет союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, интенсифицирует сближение общенародной и кооперативно-колхозной форм собственности, преодоление различий между городом и деревней. Важную роль в сплочении советского народа играет совершенствование системы управления экономикой страны. Основные направления этого процесса — улучшение планирования, организационных форм, методов и стиля хозяйственного руководства, усиление материального и морального стимулирования — способствуют повышению трудовой и политической активности масс, развертыванию социсоревнования, выступающего мощным ускорителем общественного прогресса.

Хорошо охарактеризован вопрос о росте организованности советского народа. Это находит выражение в увеличении числа занятых в народном хозяйстве, в повышении роли трудовых коллективов, укреплении социалистической дисциплины труда, в количественном росте состава Советов, в росте рядов профсоюзом, комсомола и других организаций. Высшей формой политической организации советского народа является Коммунистическая партия, руководящая и направляющая роль которой неуклонно возрастает. Как показано в книге, существенным образом меняется социально-классовая структура советского народа. Ведущей социальной силой советского народа выступает рабочий класс, и эта роль его становится все более ярко выраженной.

Разносторонне раскрыта в работе тема интернационализма советского народа, всеобъемлюще показан процесс укрепления сотрудничества дружбы социалистических наций и народностей, определяемый неуклонным ростом экономического потенциала республик, углублением межреспубликанского разделения труда в рамках единого народно-хозяйственного комплекса СССР, дальнейшим выравниванием уровней экономического и культурного развития наций, расширением масштабов миграционных явлений, ростом сознательности и идейной закалки трудящихся. Иной стала сфера практического приложения принципов социалистического интернационализма — великой силы, скрепляющей советский народ: они выражают не только суть взаимоотношений народов внутри страны, в рамках сложившейся общности советских людей, но и

содержание разносторонних связей советского народа с народами других стран социалистического содружества, а также с народами развивающихся стран, с борющимися за общечеловеческий прогресс трудящимися всего мира.

Свежий, новаторский подход к большинству рассматриваемых проблем сочетается в книге с высоким профессиональным уровнем исследования. Это в значительной мере обусловлено тем, что каждая из анализируемых проблем разрабатывалась специалистами в своей области. К примеру, юристы на своем материале обстоятельно охарактеризовали развитие и упрочение государственно-политического единства советского народа, показали расширение советской представительной системы, интернациональной по своей природе, проанализировали развитие общесоюзной государственности в диалектическом единстве с развитием национальной государственности при ведущей роли союзной, рассмотрели усиление единства в государственном управлении обществом и организации его вооруженных сил, укрепление принципа законности, формирование единого правосознания и политико-правовой идеологии в СССР. Литературоведы раскрыли процесс утверждения единого социалистического содержания в литературе и искусстве народов СССР, сплачивающую роль принципов социалистического реализма, осветили тему отражения в литературном процессе проблемы становления и развития советского народа как исторической общности. Языковеды охарактеризовали национально-языковое строительство как фактор формирования новой исторической общности; показали расцвет национальных литературных языков и в то же время интернационализацию их лексики, роль русского языка как языка межнационального общения. Столь же весом вклад в исследование общей темы и представителей других наук.

Разумеется, в многоплановой книге, характеризующей сложное и малонисследованное общественное явление, есть и проблемы, и отдельные исчисления. Представляется, что такой сюжет, как языковое строительство, было бы целесообразнее не дробить между двумя отдельными

главами, попавшими к тому же в разные разделы, а рассмотреть в одной главе, поскольку качественные сдвиги в сфере языка вряд ли в полной мере можно уязвить с общен исторической периодизацией. Известная иллюстративность присутствия главам, посвященным культуре, формированию духовного облика советского народа. Думается, что анализ произведений фольклора, народного творчества дал бы немало нового для суждения о том, как менялось национальное сознание, когда и в каких формах стали появляться и закрепляться в нем общесоветские черты. Нуждается в дальнейшей разработке сфера семейных и бытовых отношений.

С выходом рецензируемой книги комплексная тема новой исторической общности обрисовалась перед нами довольно отчетливо. Выявлены основная проблематика, направления исследования, сюжеты научных разработок. Авторы внесли свой вклад в их решение, но необходимо дальнейшее углубление в отдельные проблемы. Хотелось бы видеть книги, посвященные формированию и развитию экономических, политических, социальных, культурно-идеологических, нравственных, психологических основ советского народа как общности. Нужны специальные исследования о периодизации процесса становления и развития общности, роли рабочего класса и Коммунистической партии в социально-классовой и межнациональной интеграции советского народа и др. В этой связи хотелось бы отметить, что XXV съезд КПСС уделил большое внимание вопросам патриотического и интернационального воспитания, совершенствования социалистического образа жизни. Изучение этих и других выдвинутых съездом проблем — долг советских историков, всех специалистов, работающих в сфере истории СССР, истории государства и права, истории культуры и др.

Авторы рецензируемой книги внесли свой вклад в изучение важнейших вопросов формирования и развития советского народа. Они не только поставили эти вопросы, но и в большой мере раскрыли их. Поэтому книга и встречена читателем с большим интересом.

О. И. Чистяков

«СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР». М., «Наука», 1975, 542 стр., тир. 2600 экз.

В настоящее время, когда важнейшие научные достижения являются итогом совместных усилий представителей различных отраслей знаний, особое значение приобретает взаимосвязь ряда научных дисциплин, сотрудничество ученых смежных специальностей. Поэтому актуальное значение имеет расширение и углубление взаимосвязей таких наук, как история СССР и этнография, особенно в плане изучения истории советского общества. Приходится констатировать, что исследовательская работа специалистов названных наук сейчас ведется, к сожалению, более параллельно, чем совместно, во многом даже изолированно. Между тем у них различны только ближайшие задачи, пути и средства их решения, в то время как цель, в конечном счете, является одной и той же: познание закономерностей развития советского общества.

Коллективную монографию «Современные этнические процессы в СССР», подготовленную в Институте этнографии АН СССР, можно рассматривать как труд, наиболее полно отражающий достижения советской этнографии по изучению этнических аспектов истории советского общества.

Этнические и межэтнические процессы рассматриваются в монографии в развитии, за все годы Советской власти. При этом изучение современного этапа развития этнических процессов в жизни народов СССР авторский коллектив умело сочетает с широкими и обстоятельными экскурсами в прошлое. Такова, в частности, специальная глава «Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России».

Рецензируемая монография — оригинальное исследование, в котором глубоко и всесторонне раскрываются все важнейшие аспекты темы.

Начинается книга главой, в которой ставится ряд теоретических и общеметодологических вопросов. Далее следует описание природной среды и территориального размещения народов. Этнические процессы рассматриваются в монографии с учетом влияния на них таких важных факторов, как национально-государственное строительство, социально-экономические преобразования, урбанизация и т. д. Учитывается специфика этнических процессов в сфере материальной и духовной культуры, в языковой жизни народов и в семейно-бытовой сфере. Важное место в решении задач исследования имеет глава об общем и особенном в этнических процессах у различных народов СССР.

Авторы книги опираются на новейшие работы этнографов, историков, философов. Источниковую базу исследования состав-

ляют как документальные и статистические сборники, так и материалы различных этнографических экспедиций, результаты конкретно-социологических исследований по Прибалтике, Грузии, Молдавии, Татарии и т. д.

В монографии отражены современные достижения творческой мысли в определении предмета этнографической науки, уточнены ее основные методологические принципы, понятия и категории. Это тем более важно, что в последние десятилетия завершался процесс становления советской этнографической науки, происходила ее размежевание с другими науками, изучающими жизнь народов.

Задача этнографической науки, как считают авторы книги, состоит «в изучении этнических аспектов национальных процессов» или, другими словами, «того общего, что имеется в понятиях „нация“, „народность“, „национальность“, „племя“» (стр. 5). В центре внимания авторского коллектива оказалось исследование изменений таких факторов как «общность языка, культурно-бытовая специфика, этническое самосознание» (стр. 49), т. е. собственно этнических процессов, которые авторы отличают от этно-социальных процессов; основной разновидностью последних являются национальные процессы (стр. 171). Однако разграничение между теми и другими проводится, на наш взгляд, недостаточно четко. В ряде случаев авторы работы приводят конкретный материал не столько об этнических аспектах национальных процессов, сколько о самих этих процессах.

Привлекает внимание предложенное в книге выделение «внутринациональных» и «межнациональных» объединительных этнических процессов. Характеризуя «внутринациональные» этнические процессы, авторы справедливо отделяют этническую консолидацию от национальной, отмечая, что в последнем случае речь идет о явлении, включающем наряду с собственно этническими изменениями также становление социальной однородности нации и другие моменты. При этом сама этническая консолидация признается «основным видом внутринациональных этнических процессов» (стр. 17). Но в таком общем определении процессов этнической консолидации, на наш взгляд, заложена возможность их излишне расширительного толкования. И хотя авторы указывают, что речь идет лишь о разновидности объединительных этнических процессов, тем не менее следовало бы особо подчеркнуть, что значимость их на разных ступенях исторического развития народов далеко не одинакова. Об этом приходится говорить в связи с тем, что в некоторых работах

национальная консолидация характеризуется всеобъемлющей, даже более — как специфическое проявление исторической тенденции к расцвету наций, причем именно обеспечение всестороннего расцвета наций называется самой характерной чертой социалистического типа национальной консолидации. Между тем есть достаточно оснований полагать, что в число основных видов внутринациональных процессов национальная консолидация (а не только этническая) может быть включена лишь на определенных этапах развития наций — в процессе их формирования или преобразования на социалистической основе. В условиях зрелого социализма и увеличения масштабов коммунистического строительства постепенно уменьшается значение национальной консолидации, остающейся, однако, одним из элементов внутринациональных процессов. Идет процесс нарастающей интернационализации всех сторон общественной жизни наций. Главное содержание национальных процессов в этот период — повышение степени зрелости, обогащение всех национальных факторов жизни народов, укрепление интернациональной основы их национального развития.

Бесспорной удачей авторского коллектива можно считать глубокое и всестороннее освещение этнических изменений в материальной и духовной культуре народов СССР, изменений, обусловленных интернациональной сущностью социалистического строя, ленинской национальной политикой Коммунистической партии. Авторы справедливо подчеркивают важную роль профессионального искусства в развитии национальных культур народов, в частности, его воздействие на художественную самостоятельность и другие сферы духовной жизни народов. Глубоко раскрыты в книге этнолингвистические процессы и, что особенно ценно, тенденции их развития в последние годы. Вряд ли только можно согласиться с мнением о том, что «этноцентрализирующая деятельность», степень «развернутости» системы духовной культуры того или иного народа всегда в одинаковой мере обусловлены формой его советской национальной государственности (стр. 95, 374, 381). Эту обусловленность можно констатировать лишь для периода социалистического строительства, но не сейчас, в условиях развитого социализма.

В монографии показано, что коренное преобразование всех сторон внутренней жизни народов и их взаимоотношений на базе социализма было объективной необходимостью и полностью соответствовало интересам трудящихся. Это делает книгу наступательным оружием в борьбе против современного антикоммунизма, разоблачает прямые и косвенные попытки идеологов буржуазии исказить сущность национальной политики Коммунистической партии и Советского государства.

Одно из главных достоинств рецензируемой монографии — глубокое и всестороннее освещение содержания и форм этнических процессов народов. В монографии раскрывается то новое, что принес с собой социалистический тип интернационализации жизни народов. Авторы характеризуют межэтнические процессы, уделяют большое внимание взаимовлиянию, и взаимообогащению национальных культур народов. Это свидетельствует о том, что исследование этнографами межэтнических процессов принимает все больший размах. Возникает вопрос: почему при изучении динамики этносов этнографы обычно акцентируют внимание на изучении только этнических процессов? Ведь роль и значение межэтнических процессов очевидны, а относительная самостоятельность по отношению к этническим процессам, на базе которых они развиваются, общепризнана. Думается, что межэтнические процессы не только могут, но и должны быть составной частью предмета исследования этнографической науки.

Страницы книги о роли русского народа в жизни всей братской семьи народов СССР — наиболее удачные в монографии. Думается, однако, что при освещении связанной с этим вопросом «общесоюзной системы функционирования духовной культуры» в нашей стране авторы несколько усложнили эту систему. Кроме единой советской многонациональной культуры и советских национальных культур народов СССР (в том числе русской социалистической нации), органическое единство которых показано в книге, авторами выделяется еще «русскоязычная культура».

Можно, конечно, согласиться с мнением, что «не только русский язык, но и русская культура в целом выдвинулись в качестве всеобщего средства межэтнического общения народов Советского Союза, т. е. в роли и микро- и макропосредника» (стр. 372). Но при этом авторы пишут также о постепенном перерастании самой русской культуры «в культуру синтетическую, отражающую и выражающую жизнь многих советских народов и обслуживающую их запросы, интересы и потребности наряду с национальными языками и различными формами национальной культуры каждого народа» (стр. 378). Действительно, необходимо учитывать влияние достигнутой русской культуры на развитие национальных культур народов СССР. Однако вызывает сомнение утверждение авторов о том, что большая часть представителей других национальностей, проживающих среди русских и сблизившихся с ними «восприняла русскоязычную общесоветскую культуру» (стр. 500). Авторы не поясняют, что именно подразумевается под «русскоязычной общесоветской культурой». Между тем они сами справедливо подчеркивают, что «общесоветская культура многограннее

любой односторонней культуры» (стр. 540).

Общесоветская культура рассматривается в книге как одна из важных основ нового исторического образования — советского народа. При этом отмечается, что она проявляется не только в сфере профессионального искусства, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни (общесоветские революционные традиции, праздники, обряды, обычаи, правила этикета и т. п.). Касаясь в заключении книги перспектив развития новой исторической общности, авторы пишут, что «эта общность в ходе дальнейшего сближения социалистических наций и народностей постепенно приобретает характерные, свойственные именно ей черты, выражающиеся в сложении общесоветской культуры, широком распространении русского языка как языка межнационального общения, формирования единого общесоветского самосознания. Однако это не означает, конечно, что советский народ уже превратился в новую этническую общность в результате слияния наций и народностей» (стр. 541). Из заключительной части приведенной выдержки следует, что хотя авторы и делают оговорку, что советский народ еще не превратился в новую этническую общность в результате слияния наций и народностей, но они не исключают возможность такого превращения. Поскольку они высказывают эту мысль не впервые, очевидно нужно было бы и чем-то аргументировать ее, а также опровергнуть уже обосновывавшийся в печати вывод о том, что хотя этническое, возможно, и будет существовать дольше национального, но существование этнических общностей после слияния наций практически мало вероятно, так как в этом не будет общественной потребности (см. «Научный коммунизм», 1974, № 4, стр. 17—25).

Думается, что одним из недостатков рецензируемой монографии можно считать также то, что авторы, приведя значительный материал по интернационализации различных сторон жизни и развития этни-

ческих общностей, в заключении не полностью суммировали свои же собственные наблюдения и выводы при характеристике общих черт, их роли в образовании, упрочении и развитии советского народа как новой исторической общности людей.

Можно отметить и ряд других частных недостатков монографии. В ней имеются отдельные повторения и неточности. Так, на стр. 45, 48 и др. обоснованно говорится, что в наиболее отсталых районах нашей страны в наследство советскому строю достались пережитки патриархально-родовых отношений, а на стр. 104 уже без всяких оговорок идет речь о сохранении патриархально-родового быта, на стр. 114 — о наличии родовых отношений. Утверждение на стр. 56 о завершении формирования русской нации в середине XIX в. невольно опровергается затем на стр. 72, где говорится о завершении этого процесса еще в XVII—XVIII вв. На стр. 78 и 299 приведены противоречивые данные о численности лиц нерусских национальностей, признавших родным русский язык в ходе переписи 1926 г. (в первом случае указано 6,4 млн. чел., во втором — 6,5). Следовало бы разъяснить причины расхождения в данных о количестве украинцев, слившихся с русскими в период с 1926 по 1939 г. за пределами УССР (стр. 139) и в пределах всей страны (стр. 488 и 499).

Делая эти замечания, следует вместе с тем подчеркнуть, что проблема изучения современных этнических процессов в СССР ставится в рецензируемой книге в таком объеме и с такой глубиной впервые в нашей науке и, следовательно, какие-то недоработки здесь просто неизбежны. В целом же задача исследования решена, чем внесли существенный вклад в разработку одной из важнейших сторон истории становления и современного этапа развития советского общества. Выход рецензируемой монографии свидетельствует об активном включении этнографов в разработку актуальных проблем современности.

М. И. Куличенко

А. М. АНДРЕЕВ. СОЛДАТСКИЕ МАССЫ ГАРНИЗОНОВ РУССКОЙ АРМИИ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. М., «Наука», 1975, 344 стр., тир. 3800 экз.

Рецензируемая книга является первой обобщающей работой по истории революционного и демократического движения в запасных частях и войсках русской армии во время подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Хотя потребность в такой кни-

ге ощущалась уже давно, реальные предпосылки ее появления были созданы лишь в последние годы широким фронтом исследований советских историков по таким важным проблемам, как борьба партии большевиков за армию в 1917 г., революционная и национально-освободительная

борьба солдат Действующей армии и тыловых гарнизонов, ведущая роль рабочего класса в солдатском и крестьянском движении, взаимосвязь Советов рабочих депутатов с солдатскими и крестьянскими Советами и комитетами и др. А. М. Андреев осветил целый ряд малоисследованных вопросов истории революционного движения в русской армии в 1917 г.

Представляется вполне обоснованным, что автор монографии сосредоточил свое внимание на изучении наиболее крупных регионов страны — Центра и Северо-Запада, Поволжья и Приуралья, где в 1914—1918 гг. находились Московский, Казанский, Петроградский, Двинский и Милский военные округа. Наличие здесь обеих столиц, крупных промышленных центров, близость основных фронтов, высокий накал аграрного движения — все это дало возможность проследить взаимодействие революционной борьбы российского пролетариата в 1917 г. с солдатскими и крестьянскими выступлениями, с национально-освободительным движением в армии.

Используя обширный комплекс документов, хранящихся в Центральном государственном Воинско-историческом архиве, А. М. Андреев впервые так полно рассмотрел вопросы численности, состава и дислокации запасных воинских частей в указанных выше округах. Каждый, кто обращался к изучению истории русской армии в 1917 г., хорошо знает, что определение состава и численности запасных частей сопряжено со значительными трудностями. Поскольку в архивах сохранились далеко не полные и зачастую несопоставимые статистические сведения по этим вопросам, исследователи нередко пользуются различными исходными данными: количество штатных должностей, списочный состав, наличие солдат и офицеров в запасных частях. В результате в литературе наблюдается большой разбой данных о гарнизонах русской армии в 1917 г. А. М. Андреев на основании критического изучения широкого круга источников произвел с возможной точностью подсчет численности войск как в военных округах, так и в дислоцировавшихся в них гарнизонах. Самостоятельное научное значение имеют помещенные в приложения данные о составе и расквартировании запасных воинских частей в Петроградском, Московском и Казанском военных округах на начало 1917 г., хотя в отдельных случаях эти данные нуждаются в дополнении и уточнении. В приложении из состава Петроградского гарнизона, например, «выпал» 180-й запасной пехотный полк, часто встречающийся в самом тексте книги (стр. 75, 109, 111, 115 и др.). В таблицах отсутствует также упоминание о железнодорожных и химических войсках, дружинах государственного ополчения, донских казачьих полках.

Анализируя социальный состав русской армии в 1917 г., автор показывает, что

массовые мобилизации в период первой мировой войны привели к изменению социального состава армии, к вовлечению в нее многих тысяч рабочих, рассматривавшихся ранее царским правительством как «нежелательный элемент» в армии. Соглашаясь с А. М. Андреевым в том, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют точно определить численность рабочих, призванных в армию в 1914—1918 гг., заметим, что в данном случае он не в полной мере использовал достижения своих предшественников. В частности, Л. Г. Протасов на основе изучения «Отчетов по призыву новобранцев» за годы первой мировой войны существенно уточнил социальный состав призывников в Центральной России, установив наличие в нем значительной пролетарской прослойки¹. Более обстоятельной могла бы быть в монографии и характеристика возрастного и национального состава запасных гарнизонов, образовательного уровня солдат. Уместно было бы здесь остановиться и на вопросе о вооружении запасных частей, что еще лишний раз подчеркнуло бы важность борьбы за их привлечение на сторону революции.

Исследуя состав и численность армии на фронте и в тылу, сопоставляя данные на различные периоды 1917 г., автор убедительно показал, что политика Временного правительства и Верховного главнокомандования по отношению к тыловым гарнизонам определялась не стратегическими и оперативными соображениями, а прежде всего стремлением обескровить наиболее революционные части. Однако этой попытке противостояло революционное творчество солдатских масс, возглавляемых большевистскими организациями. Анализ борьбы сил революции и контрреволюции за тыловые гарнизоны в 1917 г. занимает центральное место в монографии А. М. Андреева. Проследившая основные тенденции революционного творчества солдат, он уделяет особое внимание их борьбе за демократизацию армии, образованию и деятельности солдатских Советов и войсковых комитетов, формированию военных организаций партии большевиков.

Автор на основе тщательного изучения архивных документов и публикаций большевистской прессы, а также исследований историков, смог показать в динамике процесс завосвания солдатских масс тыловых гарнизонов партией большевиков. А. М. Андреев отнюдь не упрощает этот

¹ См. Л. Г. Протасов. О мобилизации рабочих в армию в годы первой мировой войны (по материалам Центральной России). В кн. «Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный по-районный анализ». Ростов н/Д, 1972.

процесс, отмечая, что не искушенные в политике солдатские массы в первое время испытывали влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, что позволило буржуазии и соглашателям насаждать среди них идеи «революционного оборончества», сеять иллюзии о возможности достижения справедливого мира без революционного перехода власти к Советам. В этой связи, по нашему мнению, в книге следовало бы подчеркнуть, что в «добросовестном оборончестве» солдат сказались не только влияние буржуазной пропаганды, но и ограниченность и противоречивость крестьянской психологии, наивная вера в возможность получения земли в результате «победоносного» завершения войны. Использование солдатских писем, хранящихся в большом количестве в наших архивах, позволило бы автору нагляднее выявить особенности психологии солдат-крестьян².

Однако исход борьбы за солдатские массы определялся прежде всего гегемонией пролетариата, руководящей ролью партии большевиков, вооруженной ленинской программой перехода к социалистической революции. Вся идеологическая работа большевиков в армии, как это хорошо показано в рецензируемой монографии, была направлена на терпеливое разъяснение солдатским массам их заблуждений, на попытку убедить их в том, что «окончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала»³. А. М. Андреев характеризует формы и методы политического просвещения солдат, раскрывает революционизирующее влияние пролетариата на солдатские массы. Огромную роль в повышении уровня сознания масс сыграли политические кризисы, которые обнаружили непримиримость классовых интересов буржуазии и трудящихся, способствовали разоблачению контрреволюционной сущности Временного правительства и эсеро-меньшевистского блока, убеждали в правильности лозунгов партии большевиков. В политических кризисах ярко проявилось стремление пролетариата осуществить свою роль гегемона в социалистической революции. Хотя в книге и не исследуется специально роль кризисов в прояснении революционного сознания солдат тыловых гарнизонов, тем не менее она дает достаточно представление о том, как от кризиса к кризису в тыловых гарнизонах нарастали неустойчивость и колебания мелкобуржуазных солдатских масс, усилива-

лось их недоверие к политике меньшевиков и эсеров, рос среди них авторитет пролетариата и партии большевиков. На богатом фактическом материале автор хорошо передал нарастание активного соприкосновения солдат империалистической политике Временного правительства, дальнейшее углубление процесса разложения русской армии.

В рецензируемой книге уделено значительное внимание и вопросу о том, какие меры принимала контрреволюция для борьбы с революционным и демократическим движением в тыловых гарнизонах и на фронте. В ней рассказывается о создании различных офицерских союзов, обществ и объединений, о формировании всевозможных добровольческих «ударных батальонов», о стремлении реакции использовать в своих целях национальные части. При этом А. М. Андреев справедливо обращает внимание на сложность и противоречивость движения за образование национальных формирований, в котором проявлялось не только устремление угнетенных народов к социальному и национальному освобождению, но и сепаратистские устремления национальной буржуазии. Выступая против буржуазно-националистической контрреволюции, партия большевиков призвала русских, украинских, польских, эстонских, латышских, литовских, татарских и других солдат к совместным действиям и, как видно из монографии, добилась значительных успехов на пути интернационального сплочения солдатских масс тыловых гарнизонов русской армии.

Последовательное, поэтапное изучение солдатского движения позволило А. М. Андрееву еще глубже раскрыть закономерность качественных сдвигов, происшедших в нем к осени 1917 г. Массовая большевизация Советов солдатских депутатов и войсковых комитетов, усиление антивоенных настроений, активное участие солдат в крестьянской войне против помещиков, в борьбе против буржуазной контрреволюции, за демократизацию армии, крах попыток реакции вывести наиболее революционные части из гарнизонов Петрограда, Москвы, Минска, Филлянди и др.— все эти факторы рассматриваются автором в органической связи с борьбой партии большевиков за создание политической армии социалистической революции, за создание условий для свержения власти капиталистов. В книге поставлен и такой важный и вместе с тем недостаточно изученный вопрос, как взаимодействие солдатских масс тыловых гарнизонов с рабочими и солдатами Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, хотя осветить его с должной полнотой в книге, разумеется, не представлялось возможности. Нуждаются в дальнейшем изучении, по нашему мнению, формы борьбы, которую вел пролетариат за привле-

² «Поддай бог только победить нам внешнего врага,— писала в одном из писем группа солдат,— а потом мы возьмемся за внутренних, т. е. за помещиков». ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 245, л. 20.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 114.

чение на свою сторону солдатских масс; формирование революционного сознания солдат в период подготовки Октябрьской революции; история столичных гарнизонов Москвы и Петрограда в 1917 г. и др.

Достоинство рецензируемой монографии состоит не только в том, что в ней подведены итоги изучения революционного и

демократического движения в тыловых гарнизонах русской армии в 1917 г., решен целый ряд малоразработанных в нашей литературе вопросов, но и намечены основные пути дальнейшего исследования этой большой и важной темы.

Г. П. Соболев

П. Т. ПЕТРИКОВ. РЕВКОМЫ БЕЛОРУССИИ. Минск, изд-во «Наука и техника», 1975, 288 стр., тир. 4000 экз.

Монография П. Т. Петрикова — обобщающий труд по истории ревкомов Белоруссии, итог их изучения. Будучи полномочными органами власти трудящихся, в условиях сложной военной и политической обстановки временно заменившие собой Советы, революционные комитеты на территории страны и особенно в ее национальных районах проделали огромную работу по выполнению основных задач момента: содействовали Красной Армии в окончательном разгроме контрреволюции, борьбе с бандитизмом, в решении вопросов аграрной политики, налаживании системы здравоохранения, образования, постановке культурно-просветительной работы, социального обеспечения и т. д.

Автор проводит свое исследование на широкой источниковой базе. Он вводит в обращение большое число новых архивных документов. В полной мере используются опубликованные материалы, периодические издания времен гражданской войны.

Вопрос о месте революционных комитетов в системе диктатуры пролетариата — дискуссионный. Большинство историков (Е. Г. Гимпельсон, Р. Г. Гансов, И. Д. Ахалай, В. И. Шишкин и др.) рассматривают ревкомы как чрезвычайные органы диктатуры пролетариата и отрицают правомерность противопоставления ревкомов как особой формы диктатуры пролетариата Советам, некоторые исследователи (Ю. М. Качарова, Н. Д. Сумбадзе, Е. А. Еремов, Г. И. Литвинова, А. К.-М. Исраилов, Р. Шамсутдинов) утверждают, что революционные комитеты как чрезвычайные органы власти являлись особой, переходной (вспомогательной) формой диктатуры пролетариата. П. Т. Петриков в своей монографии, хотя и обходит дискуссионную сторону этого вопроса, ссылаясь на то, что содержание дискуссии освещалось в исторической литературе, все же придерживается того положения, что ревкомы являлись чрезвычайными органами диктатуры пролетариата,

как и Советы они были органами одной системы государственной власти — советской.

Заслуживает внимания анализ различий функций военно-революционных комитетов, возникших в период Великой Октябрьской социалистической революции, и ревкомов, образованных в годы гражданской войны. Основываясь на ленинском положении о необходимости создания военной организации для победы вооруженного восстания, П. Т. Петриков приходит к выводу, что ВРК были орудием свержения буржуазно-помещичьей власти в России и установления власти Советов, а ревкомы периода гражданской войны являлись органами защиты революционных завоеваний трудящихся и упрочения диктатуры пролетариата на местах. П. Т. Петриков подчеркивает в этой связи, что отождествление ВРК периода Октябрьской революции с ревкомами гражданской войны «сужает возможности более глубокого показа политики партии большевиков в использовании тех организационных форм борьбы трудящихся, которые наиболее соответствовали конкретно-историческим условиям развития социалистической революции» (стр. 19).

На фоне борьбы трудящихся масс за торжество диктатуры пролетариата автор раскрывает процесс создания сети ревкомов в Белоруссии, выявляет причины их организации, их особенности. Но при этом он не останавливается на общей характеристике количества ревкомов, возникших на территории Белоруссии. Между тем это позволило бы выяснить, с одной стороны, степень охвата территории процессом советского строительства и прочностью позиций чрезвычайных органов диктатуры пролетариата на местах в 1918—1920 гг., определить объем работы по управлению губерниями, которую приходилось выполнять ревкомам, — с другой. Белоруссия как раз и являлась тем районом страны, где ревкомы получили особенно широкое рас-

пространение. Например, в сводке о деятельности политотделов армий, действовавших на территории ранее занятой белопольскими захватчиками, в августе—сентябре 1920 г. было организовано более 800 ревкомов. Следует отметить, что вопрос о численности ревкомов в значительной части уездов Белоруссии подробно рассматривался в диссертации и статьях В. С. Козлова, а также в работе Б. В. Никитиной*, и не понятно, почему автором настоящей монографии не использованы эти ценные данные.

П. Т. Петриков не объясняет, почему при провозглашении (1 января 1919 г.), а также воссоздании БССР (31 июля 1920 г.) первым центральным республиканским органом до созыва Вселоборусского съезда Советов являлся Революционный комитет. Такое положение, очевидно, произошло из остроты политической и военной обстановки, в которой осуществлялось государственное образование БССР, как, впрочем, и создание других национальных образований в стране, а именно: активное сопротивление контрреволюционных элементов, враждебная деятельность остатков разбитых оппозиционных групп, в которые входили буржуазные националисты, кулачество и замаскированная польская агентура. В этих условиях решить задачи национально-государственного строительства мог только чрезвычайный оперативный орган диктатуры пролетариата, наделенный военными и административно-хозяйственными правами.

В работе подробно раскрывается роль Коммунистической партии в создании чрезвычайных органов диктатуры пролетариата, показано, как ревкомами Белоруссии использовался опыт советского строительства, накопленный Коммунистической партией и Советским правительством, дан глубокий анализ деятельности руководящих партийных центров и местных партийных организаций Белоруссии по налаживанию работы революционных комитетов.

Автор касается вопроса, до сих пор не рассматривавшегося в исторической литературе,— об отношении мелкобуржуазных партий к чрезвычайным органам власти. На фоне освещения острой политической борьбы с белорусскими мелкобуржуазными партиями: «белорусских социалистов-революционеров», «революционных социалистов-народников», еврейской партии

Поалей-Цион, которые, идя на всяческие ухищрения, обман, добивались для себя места в ревкомах, чтобы дискредитировать Советскую власть, автор показывает, как коммунисты Белоруссии отстаивали свои позиции.

Важным является, по моему мнению, и исследование проблемы тесного взаимодействия партийных, советских и военных органов власти в решении хозяйственных задач как военного, так и мирного времени. П. Т. Петриков значительную часть монографии отводит освещению роли политических организаций Красной Армии в советском строительстве, участии армейских партийных работников от руководящего до низового звена в организации революционных комитетов, вскрывает все те трудности, которые приходилось преодолевать партийным организациям, военным органам при строительстве ревкомов в республике.

Особое внимание автор уделяет освещению роли ревкомов в мобилизации трудящихся на борьбу с контрреволюционными элементами и оказание помощи фронту. Ревкомы Белоруссии принимали непосредственное участие в формировании советской милиции в республике, отрядов особого назначения, революционных коммунистических отрядов, освещивали Красную Армию транспортом и продовольствием. П. Т. Петриков подчеркивает, что опорой ревкомов в проведении этих мероприятий был рабочий класс Белоруссии.

В монографии определены конкретные задачи, которые решали ревкомы по экономическому возрождению Белоруссии: ликвидация капиталистической эксплуатации, передача управления промышленностью в руки рабочего класса, мобилизация рабочего класса на восстановление промышленности, налаживание производства в соответствии с нуждами сражавшейся Красной Армии и трудящихся.

В связи с рассмотрением роли ревкомов в восстановлении промышленности в Белоруссии, П. Т. Петриков обращается к такому важному вопросу, как взаимодействие чрезвычайных органов диктатуры пролетариата с профсоюзами. Он показывает, что ревкомы принимали самое непосредственное участие в работе профсоюзов, ориентировали их на оказание всесторонней помощи Советской власти в решении хозяйственных вопросов.

Большое внимание в книге уделяется освещению роли ревкомов в восстановлении сельского хозяйства Белоруссии. Диапазон изученных автором аспектов этой проблемы (наделение безземельных крестьян землей, ремонт сельскохозяйственного инвентаря, проведение посевных кампаний, учет урожая, борьба со всякими хищениями, организация помощи крестьянам со стороны рабочих, организация коллективных хозяйств, первых совхозов, оснащение хозяйств техникой, семенами и т. д.) весьма широк. Коммунистическая партия Бело-

* В. С. Козлов. Политорганы РККА в борьбе за укрепление Советской власти в Белоруссии. Канд. дисс. Л., 1972; с то же. Участие политорганов РККА в образовании ревкомов в Белоруссии в 1920 г. «Вестник ЛГУ», вып. 1. Л., 1972. № 2 и др.; Б. В. Никитина. Установление Советской власти и деятельность ревкомов на Брестщине (1917—1920 гг.). В кн. «Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма». Минск, 1970.

руссию с целью создания прочной опоры в деревне проводила через ревкомы активную агитацию среди крестьян.

Автор отмечает также, что в центре внимания ревкомов Белоруссии находились вопросы улучшения положения трудящихся, развития народного образования и ликвидации культурной отсталости масс.

П. Т. Петриков поставил в своем исследовании еще одну интересную проблему — роль ревкомов в создании военно-политического союза народов в годы гражданской войны, в укреплении их международной дружбы (стр. 168 и др.). Но, к сожалению, сам автор не решил ее.

Недостатком монографии следует признать отсутствие развернутой историографии изучения ревкомов. П. Т. Петриков не высказал своего отношения к работам таких авторов, внесших существенный вклад в исследование данной проблемы, как В. А. Круталевич, В. В. Ильичева, Б. В. Никитина, В. С. Козлов и др.

Рецензируемая работа еще раз подтверждает, что степень разработки истории национально-государственного строительства в стране в 1917—1921 гг. к настоящему времени уже дает возможность начать подготовку создания обобщающих работ по этой проблеме.

Н. Ф. Бугай

С. В. ВОРОНКОВА. МАТЕРИАЛЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ГОСУДАРСТВА. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. Изд-во МГУ, 1975, 188 стр., тир. 2210 экз.

Делопроизводственные документы являются одним из наиболее распространенных источников, с которыми приходится сталкиваться историку при изучении проблемной и новейшей истории. Выработка научно обоснованных приемов работы с ними составляет актуальную задачу.

Книга С. В. Воронковой — первая попытка монографического изучения архивного комплекса делопроизводственных документов. В ней анализируются материалы «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» (1915—1918 гг.).

Особое совещание по обороне играло важную роль в государственном аппарате дореволюционной России. По своим экономическим функциям оно являлось хозяйственно-регулирующим органом. После Февраля 1917 г. как политическое учреждение Особое совещание превратилось из органа, в рамках которого осуществлялось сотрудничество царизма с буржуазией, в орган ее экономического господства.

Научное значение материалов Особого совещания давно оценено советскими историками и экономистами, которые широко использовали их в многочисленных трудах, посвященных экономической и политической истории России в годы первой мировой войны и истории Великой Октябрьской социалистической революции. В книге С. В. Воронковой дан историографический обзор этих работ, имеющий целью показать, как вводились в научный оборот архивные материалы Особого совещания.

Автор отмечает, что часть, правда, весьма незначительная, документов архива Особого совещания опубликована.

Рецензируемая книга основана на тщательном изучении автором всей совокупности материалов Особого совещания по обороне государства и его органов, рассредоточенных в четырех фондах трех архивов — ЦГВИА СССР в Москве, ЦГИА СССР и Архиве ВИМАИВС (Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи) в Ленинграде, насчитывающих в общей сложности более 3,5 тыс. дел.

Задачи работы, по определению автора, заключались в том, чтобы дать источниковедческий анализ материалов Особого совещания по обороне государства как определенного делопроизводственного комплекса.

Хотелось бы обратить внимание на то, что, решая источниковедческие задачи, автор освещает и некоторые малоизученные и требующие уточнения конкретные вопросы, связанные с деятельностью Совещания — о разработке Положений и Правил Особого совещания, о создании системы его органов. Рассмотрев С. В. Воронковой и вопрос о времени прекращения деятельности Совещания — не такой бесспорный, как может показаться на первый взгляд, имеющий принципиальное значение для характеристики природы и функций Особого совещания и отношения к нему пролетарского государства.

С. В. Воронкова считает, что днем, когда Особое совещание прекратило свое существование, надо считать 20 марта 1918 г., когда был издан приказ по Народному комиссариату по военным делам о ликвидации Совещания и создания Военно-хозяйственного Совета. Установление

этой даты свидетельствует о том, что в процессе ломки старых государственных учреждений Особое совещание было отнесено Советской властью к той части «создаваемого капитализмом» государственного аппарата, который В. И. Ленин считал возможным использовать при социализме*. Удалив из Совещания военно-бюрократическую верхушку, Советское государство временно использовало некоторые звенья его аппарата, технический персонал, часть военных специалистов для демобилизации промышленности и проведения военно-хозяйственных мероприятий.

Историческая судьба делопроизводства Совещания оказалась сложной. Документы его неоднократно эвакуировались — в 1918 и 1941 гг., передавались из одного архива в другой и преформировывались. Нельзя не отметить, что и в настоящее время они продолжают находиться не только в разных архивах, но и в разных городах, что создает неудобства и трудности в их использовании. В связи с этим автор монографии, на наш взгляд, вполне обоснованно, высказывает пожелание об объединении их в одном архивохранилище.

Центральный вопрос, который освещается в книге С. В. Воронковой, это вопрос о принципах классификации материалов Особого совещания и о методике работы с ними. Автор дает два варианта классификации — по содержанию и по виду.

Группировка по содержанию (на основе предметного принципа) имеет практическую цель — помочь исследователям в поисках необходимого материала по определенным проблемам. Всего выделено восемь тематических комплексов документов: 1) материалы о планах мобилизации промышленности России и перспективах ее развития; 2) материалы о снабжении армии; 3) материалы о состоянии экономики России и правительственной экономической политике; 4) материалы о политической системе; 5) материалы о международных финансово-экономических отношениях; 6) материалы по истории рабочего класса; 7) материалы о начальном этапе деятельности Советского государства; 8) материалы по истории самого Особого совещания (стр. 112).

Можно было бы спорить по поводу того, насколько всесторонне и полно отражает предложенная классификация содержание фондов Особого совещания. Сам автор говорит об условности данной им группировки и о подвижности границ между тематическими комплексами. Но, на наш взгляд, основная цель, которую она перед собой ставила — показать тематическое богатство материалов Особого совещания, подчеркнуть их источниковедческое значение, — несомненно, достигнута.

Предлагая второй вариант группировки (учитывающий основной признак формулы документа), С. В. Воронкова харак-

теризует научное значение материалов Особого совещания применительно к шести основным видам документов (положениям, журналам, планам заготовок, актам обследования, учетно-статистическим материалам, переписке). Наряду с источниковедческой характеристикой каждого из этих видов автор определяет приемы работы с ними, уделяя внимание таким вопросам, как установление подлинников, прочтение текстов, восстановление купюр и т. д.

В своих выводах она особо подчеркивает необходимость комплексного использования документов из фондов Особого совещания в силу существующей между ними тесной взаимосвязи. Обращает внимание автор и на важность привлечения документов смежных фондов (стр. 175), к которым относят фонды учреждений, организаций и предприятий, с которыми Особое совещание осуществляло обмен информацией (стр. 185).

Конечно, далеко не все проблемы освещены в работе с одинаковой полнотой, и не все вопросы поставлены. Проявлять это можно на примере журналов Особого совещания, являющихся, по обоснованному заключению исследователями, одним из самых значительных источников среди материалов Совещания (стр. 138). Работа дает четкое представление о целевом назначении журналов, технике их составления и оформления, об их содержании и источниковедческом значении. Однако остался обойденным такой важный, на наш взгляд, вопрос, как типологизация журналов в системе государственного делопроизводства царской России. С какого времени журналы использовались в русской делопроизводственной практике? Можно ли отождествлять журналы с протоколами? Если нельзя, то в чем различие между ними? Наконец, почему для записей заседаний особо важных государственных учреждений России использовались именно журналы?

Несомненный интерес, применительно к материалам Особого совещания, представляет вопрос о подлинности и достоверности делопроизводственной документации. Однако предложить такие вопросы проще, чем включить их в сжатую по объему, но исключительно смкую по насыщенности материалом книгу. Тем более, что многие проблемы, поставленные С. В. Воронковой, требуют специального исследования.

В целом монография является серьезным и оригинальным исследованием, выполненным на высоком научно-теоретическом уровне. Прделанная автором работа имеет практическое значение не только для тех, кто впервые будет открывать для себя богатства архивных фондов Особого совещания по обороне государства, но и для тех, кто неоднократно к ним обращался. Книга привлечет внимание и всех тех, кого интересуют общие проблемы источниковедения.

* В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 307.

Г. А. АРУТЮНОВ, РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА 1910—1914 гг. М., «Наука», 1975, 408 стр., тир. 3450 экз.

Монография Г. А. Арутюнова посвящена исследованию исторической роли российского пролетариата как передового класса и гегемона общенародной освободительной борьбы против царизма, помещиков и буржуазии в годы нового революционного подъема. Автор критически использовал труды своих предшественников и ввел в научный оборот множество новых материалов. Это позволило ему всесторонне и убедительно показать, как большевистские лозунги — демократической республики, 8-часового рабочего дня, копфискация помещичьей земли, уничтожения национального гнета, под знаком которых происходили массовые политические стачки, будили к политической жизни и мобилировали на революционную борьбу широчайшие массы трудящихся.

В основу периодизации рабочего движения этих лет Г. А. Арутюнов положил данные о стачечном движении. Нам кажется, что автор прав, ослабив доводы отдельных историков, которые начало нового революционного подъема относят к Ленским событиям 1912 г. Он не отрицает ни сравнительно скромных масштабов большинства стачек с середины 1910 по март 1912 г., ни разрозненности выступлений рабочих, ни относительного затишья, которое царило в некоторых районах страны (Урал, Донбасс, Кавказ). Тем не менее период со второй половины 1910 г. по март 1912 г. характеризовался общим оживлением рабочего движения, выразившемся в демонстративных выступлениях рабочих и демократической интеллигенции, в росте интереса рабочих к социал-демократической партии, профессиональным союзам и другим пролетарским организациям, к политической литературе и т. д. Все эти факторы подготовили почву для всплеска революционной волны, который принесла с собой весна 1912 г.

В книге дана впечатляющая картина динамики революционного рабочего движения в России в 1910—1914 гг. Проследжены изменения в количественном и качественном составе рабочего класса. Исследуется его экономическое положение, духовный мир. Тщательному анализу подвергнуты все формы классовой борьбы пролетариата — стачки, митинги, демонстрации; деятельность большевиков и их вождя В. И. Ленина, профсоюзов и культурно-просветительных организаций рабочих; идейная борьба в рабочем движении. Большое внимание уделено освещению влияния рабочего движения на развитие общедемократической борьбы в стране, роли пролетариата как гегемона революции. При

этом борьба рабочего класса России рассматривается в тесной связи с международным пролетарским движением, как его наиболее активная часть.

В центре внимания автора находится анализ стачечного движения. Г. А. Арутюнов дополняет и уточняет официальные данные по отчетам фабричных инспекторов, широко привлекая данные Департамента полиции, обществ заводчиков и фабрикантов, сведения рабочей печати и другие материалы.

Касаясь деятельности легальных рабочих организаций в 1910—1914 гг., автор подчеркивает, что наиболее важными из них являлись профсоюзы, которые были связаны с социал-демократией и работали под ее руководством. При этом он отмечает неправильную трактовку роли профсоюзов, данную А. Я. Авреком. Последний полагает, что «в профсоюзах заложена идея невмешательства в политику, за исключением той, которая касается непосредственно экономических интересов рабочих»¹. Г. А. Арутюнов справедливо видит в идее нейтральности, которую А. Я. Аврек считает имманентно присущей профсоюзам, уменьшение их роли и значения. В России принцип нейтральности, указывает Г. А. Арутюнов, не получил поддержки передовых рабочих (стр. 96). В рецензируемой монографии хорошо обрисована также деятельность большевистских организаций по использованию страховых законов в интересах пролетарской борьбы. Мы только не разделяем мнения автора о том, что эти законы были одним из проявлений политики так называемого попечительства в отношении рабочих (стр. 209). На наш взгляд, уже после 9 января 1905 г. обозначился поворот от полицейско-попечительской политики царизма к рабочей политике бонапартистского типа. Не случайно действие страховых законов 1912 г. было распространено лишь на рабочих фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятий, которые занимали первое место в стачечной борьбе и «умиротворение» которых больше всего заботило царское правительство.

Несколько фрагментарно освещена Г. А. Арутюновым избирательная кампания в IV Государственную думу. Автор остановился лишь на выборах по рабочей курии. Между тем социал-демократы принимали активное участие и в выборах по второй городской курии, особенно в городах с отдельным представительством — Петербурге, Москве, Одессе, Киеве и Риге.

¹ А. Я. Аврек. Столыпин и третья Дума. М., 1968, стр. 173.

Глухо сказано в монографии об участии рабочих России в борьбе с шовинизмом и угрозой европейской войны, предвестником которой стали Балканские войны 1912—1913 гг. Только на стр. 270—271 упоминается, что в первомайской прокламации ЦК РСДРП 1913 г. наряду с общими программными лозунгами выдвигались и антивоенные призывы. Но ведь против шовинистической кампании буржуазных партий большевики энергично выступали и на страницах «Правды», и с трибуны Государственной думы.

Автор с полным основанием заявляет, что рабочему классу противостоял единый фронт царизма и буржуазии. Но с этим положением диссонирует следующее его утверждение о том, что «стремящаяся к власти буржуазия в своих классовых интересах не прочь была порой направлять рабочее движение в русло политической борьбы против царизма» (стр. 310).

Разумеется, при выработке своей тактики буржуазные политики считали нужным учитывать общее «полезенше» страны. Но трудно согласиться с тем, что буржуазия в период нового подъема рабочего движения перед войной вытаскала направить его «в русло политической борьбы против царизма».

Да и сам по себе тезис о стремлении буржуазии к власти представляется нам далеко не безупречным. В. И. Ленин неоднократно разъяснял, что русская буржуазия боялась даже «думать об организации

своего класса и государственную силу»². В полемике с «веховцем» А. С. Изгоем, полагавшим, что «место падающего класса стремится занять другой класс», В. И. Ленин писал: «Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий, и „стремящийся“ ... изрядно прогнили...». Чувствуя эту свою гнилость, либеральная буржуазия боится занять место падающего класса, а все усилия направляет на то, чтобы «только не доводить падающего до „падения“»³.

Неодолимое тяготение либеральной оппозиции к соглашению с царизмом объяснялось тем, что она гораздо сильнее боялась революции, чем реакции. Страх перед революцией, своего рода пародобаязнь, определял тактику буржуазии еще со времени первой русской революции.

Расхождение с автором рецензируемой книги по некоторым вопросам отнюдь не может поколебать высокой оценки его труда. Богатство источниковой базы, научная объективность исследования и творческий подход к решению отдельных аспектов проблемы составляют важное достоинство этого первого своего труда по истории рабочего движения 1910—1914 гг.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 139; см. также т. 20, стр. 147—156.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 154.

Е. Д. Черменский

Е. Л. РУДНИЦКАЯ Я. ШЕСТИДЕСЯТНИК НИКОЛАЙ НОЖИН. М., «Наука», 1975, 230 стр., тир. 3300 экз.

Имя Н. Д. Ножина мало кому известно, а между тем в истории науки и освободительного движения он занимает особое место и как подвижник в сфере научного поиска, и как общественный деятель. Литература о нем крайне скудна, архив его долгое время считался утраченным. О нем говорили и писали только те, кто изучал деятельность Н. К. Михайловского, у истоков мировоззрения которого стоял Ножин. Из работ самостоятельного значения обращает на себя внимание только статья С. Г. Сватикова¹. Довольно часто встречаются упоминания о Ножине в мемуарах, но, как правило, они относятся к периоду его юности. Особенно тепло и подробно рассказал о нем Н. К. Михайловский в очерках «Вперемежку», где Ножин

фигурирует под именем Бухарцева: «Никогда не встречал я такой силы анализа, такой способности к обобщению, такого быстрого усвоения фактического материала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполне трезво и сознательно: Бухарцев был гениальный ум»².

Недавно вышедшая книга Е. Л. Рудницкой — итог многолетнего изучения ею жизни и деятельности Н. Д. Ножина. Автор собрала значительный материал о Ножине, обнаружила его личный архив. Она тщательно исследовала все стороны мировоззрения и деятельности Ножина. Во введении Е. Л. Рудницкая формулирует задачи исследования, основные положения. Вот главные вопросы на которых она останавливается: 1) Ножин — участник революционного движения 60-х годов, начиная

¹ С. Г. Сватиков. Николай Дмитриевич Ножин. «Голос минувшего», 1914, № 10.

² См. Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1909, стр. 267.

от «воскресников» и первой «Земли и воли». Его жизнь неотделима от деятельности «молодой эмиграции» 60-х годов и революционного подполья после так называемой самоликвидации «Земли и воли». 2) «Социологическая концепция Ножина составляет неотъемлемую часть истории русской прогрессивной общественной мысли» (стр. 7). 3) «Шестидесятник» — это именно то понятие, которое наиболее полно и точно определяет индивидуальный и общественный смысл Николая Ножина» (стр. 8).

Ножин был одним из ярких представителей «жающихся» дворян, отдавший всю свою кипучую энергию и выдающиеся способности борьбе разночинной интеллигенции с царизмом за свободу и счастье народов России. Он преподавал в воскресных школах, был участником революционного кружка русских студентов в Гейдельберге, куда он был направлен по окончании Александровского лицея и где вскоре установил связь с семьей Герцена; помогал В. Бакстину в издательской деятельности, был членом революционного кружка русской молодежи во Флоренции, где он познакомился с Бакуниным и где происходили их знаменитые споры. Н. Ножин был близок к знаменитому «Земли и воли». Осенью 1861 г. Герцен обратился к молодежи с призывом идти в народ. Е. Л. Рудницкая приводит интересные данные о том, что Ножин был занят подбором людей и средств, чтобы «можно было действовать на народ и сблизиться с ним согласно наставлениям Герцена» (стр. 181). Он был убежден в неизбежности и близости революции в России (стр. 212). Нельзя при этом забывать, что Ножин прожил всего двадцать четыре года. Во всех актах практической деятельности он выделялся необыкновенной импульсивностью и страстностью. Печать его индивидуальности лежала на любом деле, за которое он принимался. Е. Л. Рудницкая убедительно доказывает, что Ножин был не только деятельным демократом, но и убежденным социалистом, резко отрицавшим принцип индивидуализма. Понятно, что этот социализм не выходил за рамки утопических систем той эпохи. Еще более интересна научная жизнь Ножина. Это подвижник в науке. Некоторые его выводы и обобщения в области естествознания высоко ценились самыми крупными авторитетами того времени. Автор раскрывает понимание Ножиным роли и значения науки в обществе. Наука, по его мнению, связывается с практической деятельностью людей «в одну неотразимую силу, двигательницу всей строящейся новой общественной жизни». Он был убежден в том, что законы социального прогресса лежат «в законах развития живого мира, в естествознании» (стр. 62). Совершенно справедливо исследователем утверждается, что в полемике с Зайцевым о исхождении негров Но-

жин выдвинул двуединый метод рассмотрения социальных явлений, суть которого состоит в сочетании научного анализа с этической оценкой. Собственно новая социология и опиралась на это. Свои научные работы Ножин печатал в демократической прессе той поры. Он был связан главным образом с «Искрой» и «Книжным вестником». Определяя свое отношение к методологии Ножина, Е. Л. Рудницкая утверждает, что «этот метод служил продолжению вульгарно-материалистических тенденций в понимании общественных явлений... Его теоретические доводы при этом несли в себе зачатки субъективного метода в социологии» (стр. 79). Думаю, что этот вывод вполне верен. Интересны также наблюдения и выводы Е. Л. Рудницкой, сделанные в результате сопоставления взглядов Ножина о «цельных личностях» и утверждений Н. Серно-Соловьевича о необходимости новой науки в обществе. В том и другом случае мы имеем дело с поиском пути достижения социального идеала. Заканчивая свое исследование, автор подчеркивает, что Н. Д. Ножин входил в ту плеяду общественных деятелей, которые представляли «совесть и сознание молодой России» (стр. 221).

Высоко оценивая исследование Е. Л. Рудницкой, следует отметить и некоторые его недостатки. Думается, что автор не вполне точно определяет роль «Земли и воли» в революционном движении 60-х годов. Недоказательно утверждение о том, что революционная деятельность в России «уже с 1861 г. направлялась „Земли и волей“» (стр. 66). Ведь никто толком не доказал, что она возникла ранее 1861 г. Нельзя также считать доказанным, что собою самоликвидации «Земли и воли» было фиктивным. Совсем неубедительны утверждения о совершенстве конспирации эсмеральцев (стр. 90). Думаю, что нельзя революционное движение, связанное с падением крепостного права, называть «эпохой „Земли и воли“» (стр. 12). К сожалению, подобного рода преувеличения не ограничиваются перечисленными.

Два вопроса оказались и на этот раз невыясненными. Автор не смогла сказать ничего нового о содержании спора Бакунина и Ножина. В сущности, и сам предмет спора во многом остается неясным. Как были со времен очерка «Вперемежку», так и остаются загадочными некоторые обстоятельства смерти Ножина. Связано это с отсутствием необходимых источников информации. Вместе с тем нахождение этих источников может существенно повлиять на оценку личности Ножина.

В заключение замечу, что появление исследования Е. Л. Рудницкой дает много фактов и идей для более глубокого постижения революционного движения в России в 60-х годах XIX в.

М. Г. Седов

Н. ПАВЛЕНКО. ПЕТР ПЕРВЫЙ. «Жизнь замечательных людей». Серия биографий, вып. 14 [555]. М., «Молодая гвардия», 1975, вып. 3 [555]; изд. 2. М., 1976. 384 стр. с илл. тир. 100 000 экз.

О Петре Первом — выдающемся государственном деятеле написано чрезвычайно много. О его жизни и деятельности, о событиях его времени, об эпохе, носящей его имя, существует большая литература — научная, популярная, художественная, созданы музыкальные произведения и кинофильмы.

Проходят столетия, но интерес к яркой личности Петра I, к его обильной преобразовательной, законодательной и военной деятельности не ослабевает. Эпоха Петра I и поныне интенсивно изучается не только отечественными, но и зарубежными исследователями как социалистических, так и капиталистических стран¹.

И в XVIII и в XIX столетиях были изданы многотомные труды о «десятиях» и «царствовании Петра Великого». И все же научной биографии Петра I, цельного монографического исследования его жизни и деятельности у нас до сих пор не было. Много из того, что написано о Петре I в

дореволюционное время, устарело. Ряд наиболее известных работ представляют собою по существу не совсем полные хроники биографии Петра I. Так, М. Погодин описывал лишь детские и юношеские годы царя². Н. Устрялов в четырех томах рассматривал события царствования Петра до 1704 г.³, М. М. Богословский довел материалы для биографии Петра до 1700 г.⁴.

Правда, в этой же серии и под таким же названием в 1948 г. вышла книга проф. В. В. Мавродина. Но она является историческим очерком времени правления Петра I, а не его биографией. К тому же книга вышла в то время, когда советская историческая наука делала лишь первые шаги в изучении эпохи Петра I. За минувшие с тех пор более четверти века наша историческая наука совершила качественный скачок в исследовании событий того времени. Изданы ранее не известные первоисточники, в частности, VII—XII тома «Писем и бумаг имп. Петра Великого». Написаны монографические исследования. Подверглись пересмотру многие оценки. Н. И. Павленко выступал и как автор работ, и как редактор ряда изданий, посвященных Петровской эпохе. И вполне закономерно, что своего «Петра Первого» он написал на основании последних научных данных и огромного документального материала. Автор определил характер своего сочинения так: это не история России, а биография Петра. «Именно поэтому многие события истории страны остались за пределами книги» (стр. 6).

Ряд особенностей книги объясняется ее изданием в серии «Жизнь замечательных людей». Это обязывало автора не только приводить точные факты, дать верные оценки событиям и деятелям, но также сделать книгу интересной для самого широкого, массового читателя. Несмотря на это, Н. И. Павленко, по его собственному признанию, «не прибегал ни к беллетризации, ни к нагнетанию драматизма при описании жизни и деятельности Петра. Его жизнь, — пишет автор, — настолько динамична и насыщена таким обилием острых сюжетов, что отсутствовала надобность прибегать к домыслам» (стр. 6). Пол-

¹ См. «Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. Введение, стр. 19—43 (дворянская, буржуазная и советская историография этого периода до 50-х годов XX в.); Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М., 1962; Ю. Р. Клокован. Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX века в советской историографии. («Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков». М., 1969, стр. 29—34); «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сб. статей. М., 1962; «XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970; «Работы советских историков за 1965—1969 гг.». М., 1970; «Развитие советской исторической науки 1970—1974». М., 1975; М. П. Павлова-Сидьяванская. Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I (1947—1970 гг.). («Россия в период реформ Петра I»). М., 1973, стр. 362—382. (В статье приводятся перечень 158 работ); ее же. Проблемы внешней политики и культурных связей России первой четверти XVIII в. в научной литературе социалистических стран. «История СССР», 1972, № 4, стр. 177—184. (Здесь указаны работы за последние 25 лет); С. А. Фейгина. О Петре Великом за последние четверть века. Сб. «Петр Великий». М.—Л., 1947, стр. 390—423; ее же. Петровская эпоха в работах историков капиталистических стран. «История СССР», 1972, № 4, стр. 185—193.

² М. Погодин. Семнадцать первых лет жизни императора Петра Великого. 1672—1689 гг. М., 1875.

³ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, тт. I—IV, СПб., 1858—1863.

⁴ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, тт. I—V, М., 1940—1948.

ностью разделяют это суждение автора. Книга и без беллетризации и домыслов читается с неслабым интересом. Сочинение Н. И. Павленко по анализу собранного фактического материала, по новизне подхода к написанию биографии выдающегося государственного деятеля является историческим исследованием.

Книга открывается кратким вступлением «От автора», в котором сообщаются основные принципы сочинения. Вопросы историографии, высказывания современников, общественных деятелей, ученых о личности Петра I и оценка его деятельности, которые в монографиях обычно даются во введении, здесь помещены в конце книги. Доброе слово следует сказать о помещенных в книге иллюстрациях. Они подобраны со вкусом и, несомненно, хорошо дополняют текст книги.

Главное внимание автор уделяет последним 25 годам жизни Петра I, времени, когда он самостоятельно принимал наиболее зрелые решения. Об этом периоде деятельности повествуют двенадцать из пятнадцати глав книги.

Военные действия во время войны между Россией и Швецией, длившейся 21 год, начиная от поражения русских войск под Нарвой в 1700 г. и до победного мира в Ништадте в 1721 г., изложены в главах: «Между двумя Нарвами», «Годы испытаний и надежд», «Мать Полтавской битвы», «Преславная виктория». «От Балтики к Пруту», «Шпага и перо», «Конец троякоуниверситетской школы».

Автор подробно останавливается на тех битвах, в которых Петр участвовал сам, особенно таких известных, как у Лесной, где под его командованием был разгромлен 16-тысячный шведский корпус генерала А. Левенгаупта, спешивший на соединение с армией короля, и, конечно, сражение под Полтавой, где русская армия одержала «неслыханную викторию», а армия Карла XII потерпела полное поражение.

Н. И. Павленко совершенно правильно указывает, что выдающийся заслугой Петра I как полководца является правильный выбор времени и места для генерального сражения в момент превосходства своих сил, когда неприятель был ослаблен и уже не располагал достаточными силами и средствами для победы. Однако главная причина жестокого поражения шведского войска заключалась в том, что русская армия стала неизмеримо сильнее, чем в первые годы войны. «Раньше, — читаем мы, — инициатива исходила от шведов, теперь — от русских. Раньше свою волю противнику навязывал Карл XII, теперь свою волю диктовал Петр I» (стр. 173). Полтавская виктория была предметом особой гордости Петра. Пройдет несколько лет, и он сравнит с ней первую крупную победу молодого русского военно-морского флота над первоклассной шведской эскадрой у Гангута (стр. 221).

Одержав замечательные победы в Прибалтике в 1710 г. русская армия в следующем году оказалась в окружении турецких войск на Пруте. В этой катастрофической обстановке, когда царю и армии угрожало пленение, тяжелые испытания не сломили боевой дух русских войск. А что касается Петра, то, как пишет Н. Павленко, «капитуляция он предпочитал сражение, а плену — гибель в бою» (стр. 202).

В указанных выше главах речь идет не только о военных действиях, но и о восстании под предводительством К. Булавина, освещаются вопросы политического, дипломатического, культурного, хозяйственного характера. К ним относятся организация губерний, начало реформы центрального аппарата, строительство флота, путешествия Петра по странам Западной Европы, мирный конгресс на Аляндских островах и Ништадский мир, закрепивший за Россией «окно в Европу», т. е. завоевания в Прибалтике. События, описываемые в последних главах книги, происходили тоже во время Северной войны 1700—1721 гг. Учитывая их специфику, важность и значение, автор сгруппировал их по отдельным проблемам. Заключительная глава «На смертном одре» рассказывает о последних месяцах жизни Петра I.

Петр I предстает перед читателем во весь свой исполинский рост. Процесс становления его как государственного деятеля показан в тесной связи с духом эпохи и реальными событиями. Получив в наследие целый комплекс начинаний в экономической, социальной и культурной жизни общества, именуемых историками предпосылками преобразований Петра, он не ограничился пассивным созерцанием того, как зародившиеся задолго до него процессы станут развиваться. «Петр, — пишет Н. И. Павленко, — не только постиг веление времени, но и отдал на службу этому велению весь свой незаурядный талант, темперамент, упорство одержимого, присущее русскому человеку терпение и умение придать делу государственной размах. Петр властно вторгнулся во все сферы жизни страны и намного ускорил развитие начал, полученных в наследие. Но, разумеется, веление времени он понимал и осуществлял с точки зрения класса дворян, в интересах абсолютистского государства» (стр. 39).

В книге показаны все грани его могучего таланта, его неиссякаемая энергия и кипучая деятельность как главы государства и дипломата, воссоздателя и флотоводца, законодателя и преобразователя. Мы видим Петра I — плотника, инженера, корабельного мастера, создателя гражданского шрифта, организатора первой русской газеты, первой русской типографии, основателя Академии наук и т. д. Мы видим также Петра I — человека. Ни что человеческое ему не чуждо. Но, прежде всего, это человек — образец дисциплины и организованности, решительно и до конца

преданный делу, которому служит. И этого он постоянно и настойчиво требует от других. Так, в письме к сыну Петр писал: «Ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть. Лучше будь чужой добрый, неже своей непотребный» (стр. 245). Идея служения государству была сутью жизни Петра. Жизненная цель его — «чтобы жива была Россия», которая при нем, как писал А. С. Пушкин, «вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке тонора и при громе пушек». Если бы автор ограничился, так сказать, простым изложением фактов из жизни Петра, вряд ли у читателя возникли представления о его личности, как о чем-то цельном, монументальном. Слишком противоречивым и мозаичным был характер царя. Можно было встать на путь замалчивания отглаголивающих черт поведения и деятельности Петра и создания иконописного образа государственного деятеля. Н. И. Павленко этого не делает. Он достаточно определенно пишет и о жестокости, нетерпимости, деспотизме царя и не скрывает от читателя варварских приемов борьбы с варварством. Особую нагрузку в раскрытии личности Петра и его деятельности имеют две главы — «Государственное тягло» и «Фортеция правды»⁵. В них Н. И. Павленко ставит коренной вопрос. В чем видел Петр I главный смысл своей жизни и деятельности? И отвечает: в служении «государству сему». Петр глубоко уверовал в идею служения государству. Ей он подчинил свою многогранную и разностороннюю деятельность. Эта идея пронизывала все его начинания. В своей повседневной деятельности Петр выступал в двух качествах: как частное лицо — Петр Михайлов, когда он «служил» на должности — на корабельных верфях, в армии и во флоте, и как царь — Петр Алексеевич.

Все, что Петр делал как монарх, самодержец, имело воспитательное значение, должно было воодушевлять других на трудное, но полезное дело. Автор рассказывает, как Петр заставлял дворян служить, учиться. Дворянин обязан служить «для пользы государства», говорилось в указе о единонаследии. Служить не временно, как прежде в ополчении, а регулярно, постоянно, в войске, во флоте, в канцелярии. Эта служба отличалась и от последующего времени, когда дворянство стало освобождаться от тягот постоянной службы.

Свою «службу» Петр рассматривал как средство воздействия на подданных лич-

ным примером. Приобретение знаний было ему необходимо для успешного выполнения службы. При этом автор подчеркивает, что и служба, и приобретение знаний были подчинены Петром более широкой цели — достижению общего блага для общей пользы.

Смысл идеи «общее благо» расплывчатый, собирательный (стр. 269). Вывод автора: «„Общее благо“ — это в конечном счете способность подданных служить государству» (стр. 280). «Общая польза» в понимании Петра — это способность подданных в зависимости от сословной принадлежности служить «государственному интересу». Творцы идеи «общего блага», включая Петра, исходили из условий существовавшего тогда социального неравенства. Но это последнее, как верно замечает Н. И. Павленко, «вступало в противоречие с идеалистическими представлениями о всеобщем благоденствии» (стр. 280). И он приходит к убедительному выводу, что «общее благо», плодами которого пользовались лишь дворяне и богатейшее кулачество, являлось фикцией.

Законодательные меры и распоряжения Петра, посредством которых он намеревался осуществить «общую пользу» и «государственный интерес», рассматриваются в главе «Фортеция правды». На многочисленных примерах автор показывает их противоречивость, жесткость, классовый характер.

В книге кроме главного героя действуют его многочисленные сподвижники. Петр умел находить талантливых людей и использовать их с максимальной пользой. Каждый из петровских соратников получил в книге краткую, но выразительную характеристику — часто словами самого Петра, современников, близко знавших их.

Собранный в книге большой фактический материал удачно расположен. Хорошо продумана ее структура. Книга несет в себе необходимую глубину и объективность исследования. Описание фактов и оценка событий почти не вызывают сомнений.

Однако, заметим, что за пределами книги остались не только многие события из жизни страны, как об этом пишет сам автор, но и важные страницы из биографии самого Петра, особенно в первых главах книги. В них одни события и факты даны небольшими мазками; другие — только упоминаются; третьи — даже не называются. Ярким примером в этом отношении служит крайне беглое, схематичное (в несколько строк) описание поезда Петра I в Архангельск (стр. 23, 24, 89—90). Между тем путешествия царя к далекому Белому морю, к единственному порту, соединявшему Россию с Западом, имели не только ознакомительный или разведывательный характер. Посадки Петра I на Север предвещали важные исторические события, связанные со стремлением России завоевать выход к другим морям, от ко-

⁵ Основные выводы и наблюдения, изложенные в этих главах, были ранее сформулированы Н. И. Павленко в статье «Петр I (К изучению социально-политических взглядов)». Сб. Россия в период реформ Петра I. М., «Наука», 1973, стр. 40—

торых она была отрезана агрессивными соседями.

Так, после поездки Петра в Архангельск в 1693 и 1694 гг. последовали Азовские походы, имевшие целью завоевать выход к южным морям — Азовскому и Черному. Еще более важные последствия имела поездка царя на Север в 1702 г. По мысли автора, царь отправился тогда в далекий путь, чтобы укрепить единственный русский портовый город. Но если судить по последующим событиям, о которых в книге не упоминается, эта поездка Петра была крупным стратегическим маневром. На обратном пути из Архангельска, пройдя по построенной через лесные чащи «Осударевой дороге», скрытно, неожиданно для друзей и врагов Петр с войсками вдруг появился на Неве, под Нотебургом, откуда началось завоевание побережья Балтийского моря.

Также мимоходом в книге упоминается и другая важная страница из биографии Петра I — его пребывание в Жолкве. Этот населенный пункт в Западной Украине (ныне гор. Нестеров) в течение четырех месяцев являлся русской военной ставкой, центром русской дипломатии, душой которой был Петр I, местом сбора многих иностранных политических деятелей и дипломатов. Там Петр I пытался решить вопрос о новом польском короле (после заключения Августом II сепаратного мира с Карлом XII), а также вопрос мира со Швецией. Жолква дала свое название русскому стратегическому плану обороны страны при вторжении шведов, который

осуществлялся до самой Полтавской битвы⁶. Вся эта деятельность Петра заслуживает большего внимания.

Из фактических данных следует считать неточным число шведских войск под Нарвой в 1700 г. — 12 тыс. (стр. 87). Известные историки прошлого века Д. Бутурлин и Н. Устрялов, ссылаясь на шведские источники, указывали 20 тыс. В «Журнале или полевой записке... Петра Великого» указывается, что Карл XII вышел к Нарве с 18 тысячами отборного войска. Это большая разница по сравнению с утверждением автора.

В главном же «Петр Первый» — замечательный итог многолетнего и упорного труда автора. Книга Н. И. Павленко — достоверная биография Петра. Она — заметное явление в нашей литературе о Петре I и его времени. Едва появившись на прилавках магазинов книга моментально разошлась. Это свидетельствует о большом интересе широкого читателя к отечественной истории, к хорошо написанным книгам на историческую тематику.

В. Е. Шутой

⁶ Н. Г. Устрялов. Петр I в Жолкве. «Древняя и новая Россия», 1976, т. I; Г. И. Гербицкий. Русско-польский союз и жолквский стратегический план. Сб. «Полтава». М., 1959; А. Каминский. Первые годы польско-русского союза 1704—1709. Сб. «Международные отношения Центральной и Восточной Европы и их историография». М., 1966.

В. А. АЛЕКСАНДРОВ. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В РОССИИ. (XVII — НАЧАЛО XIX в.). М., «Наука», 1976, 321 стр., 2100 экз.

Монография В. А. Александрова посвящена проблеме, имеющей обширную историографию и вместе с тем почти не изученной в аспектах, найденных автором.

Автор рассматривает исторические судьбы сельской общины у крепостного русского крестьянства Европейской России в период позднего феодализма (XVII — начало XIX в.). Он опирается на огромный материал, отложившийся в двадцати с лишним вотчинных фондах, включая материалы архивов таких крупнейших феодальных землевладельцев, как Орловы, Панины, Долгорукие, Щербатовы, Самарини, Голыцины.

В. А. Александров смог успешно решить стоявшие перед ним сложные задачи благодаря умелому подбору массовых источников по теме и их тонкому источниковедческому анализу. Главными

источниками стали для него помещичьи инструкции и мирские приговоры. Источники эти и ранее изучались исследователями вотчинного хозяйства, но лишь в рецензируемой монографии они использованы как массовый источник по истории общины.

Проведя хронологическую и типологическую систематизацию этих инструкций, В. А. Александров пришел к важным теоретическим выводам о складывании и функционировании норм частнофеодального права. Детальная разработанность этих норм является важнейшим штрихом в общей картине позднего русского феодализма.

Вместе с тем исследователь убедительно доказывает, что составители даже самых жестких помещичьих инструкций предпочитали действовать, опираясь на общин-

ные традиции и институты, и, хотя в некоторых вотчинах установленный помещицом полицейский режим практически игнорировал общину, такие порядки были скорее исключением. В большинстве вотчин существовали или чисто общинная организация управления вотчиной, или, чаще всего, различные формы смешанного управления, в которых община играла видную роль.

Главная заслуга книги, на наш взгляд, как раз и состоит в детальном анализе основных механизмов функционирования общины в частной вотчине XVII—XIX вв. Подробно освещается структура общинных органов власти, их соотношение с вотчинной администрацией, их связь с разными слоями помещичьего крестьянства. Особенно хочется отметить тщательное и дифференцированное исследование состава и полномочий мирского схода и его комиссий. Повненное сличение участников сходов за определенные промежутки времени позволило сделать важные выводы о наличии слоя крестьян, тесно связанных с функционированием общинных органов власти.

Очень интересна прослеженная В. А. Александровым зависимость между составом схода и характером обсуждаемых на нем вопросов. Благодаря выявлению весьма значительного числа источников стала возможной их статистическая обработка; в результате получены уникальные цифровые данные о компетенции мирских сходов, сведенные в таблицу (стр. 139). Компетенция эта была сравнительно широкой даже в эпоху разгула вотчинно-полицейского произвола. Главными направлениями деятельности мирских сходов были выборы органов общинной администрации, контроль за выполнением частнофеодальных и государственных повинностей и их соответствием тягоспособности отдельных дворов, рекрутчина, разбор частных исков и жалоб. Мирское мнение высказывалось также и по ряду других вопросов, которые согласно законам того времени к компетенции крестьянского мира отнюдь не относились. Из большого количества удивительно ярких примеров, приводимых В. А. Александровым, хочется упомянуть лишь об одном. Оказывается, в немалой зависимости от мира, вопреки всем каноническим правилам, находилось низшее приходское духовенство, на которое мир мог оказывать воздействие. Мирские жалобы на священника, который «на мир навалив и збирает то и другое», приводили подчас к удалению слишком обременительного для общины клирика. Когда в 1786 г. священники с Никольского в точном соответствии с церковными законами сообщили в Синод без согласования с мирским правлением об уклонении крестьян от исповеди, мир послушно уплатил все положенные исповедальные штрафы, но тут же вычел их полную сумму из жалования священников!

Подробное исследование земельного хозяйства в общине в тесной связи с проблемами тягла и тягоспособности крестьянского двора позволяет В. А. Александрову выявить сложную внутреннюю структуру общинного землевладения, его многоступенчатость. Ярко показана в исследовании двойственность психологии общинного крестьянина. Традиционные представления об «общественной» земельной собственности не мешают формированию представлений о возможности внутриобщинной частной земельной собственности. Проследивается преобладание тех или иных тенденций в разных общинах, причем представления об «общественной» земле прочнее держатся в общинах, где слабо развито промысловое предпринимательство крестьян. В целом общинный принцип владения землей остается господствующим.

Наиболее яркие страницы монографии В. А. Александрова посвящены роли общины в функционировании важнейшего института рекрутчины. Автору бесспорно удалось описание поразительной по своему цинизму повседневной практики вотчинников, связанной с торговлей и спекуляцией рекрутами, а также с использованием рекрутчины для расправы помещика с неугодными крестьянами.

Авторская концепция строится как на признании значения общинных традиций и институтов в жизни русской помещичьей деревни, так и на стремлении не идеализировать русскую общину XVII—начала XIX в. В разделе, посвященном рекрутчине, это выступает особенно отчетливо. В. А. Александров показывает, с какой беспощадной жестокостью действует община в вопросах, связанных с рекрутчиной, постепенно распространяя эту тяжкую повинность на маломундир и малосемейные слои деревни, действуя зачастую даже вопреки воле феодала. Очень показателен также фактический материал, свидетельствующий о частичном совпадении интересов феодала и общины в их тенденции использовать рекрутчину для освобождения вотчины от «беспокойных» элементов.

Анализируя показания источников о роли общины в семейном быту крестьян, В. А. Александров приходит к выводу, что община решительно поддерживает патриархальную власть главы семьи, препятствует семейным разделам, руководствуется прежде всего принципом сохранения тягоспособности двора. Не оставя равнодушным читателя взволнованные страницы книги о грубых, жестоких формах помещичьего произвола в сфере крестьянской семейной жизни, о бесчисленных человеческих трагедиях, возникших в результате вотчинной тенденции подчинения семейной жизни крестьян принципам «вещного права» феодалов на «крещенную собственность».

Несмотря на обилие сложных теоретических проблем, В. А. Александрову удалось

создать и яркие образы представителей крестьянских миров, общинных властей и подчас типично шедрицкие персонажи из числа феодалов-вотчинников. Таков, например, образ В. П. Самарина, старательного тупого служаки, у которого «преотменно трудные» обязанности фельдфебеля отнимали все его дневное время, но по ночам он строчил детальнейшие инструкции в свои вотчины, стремясь к жесткой военной регламентации буквально всех сторон сельской жизни, включая подробные правила полоскания белья на реке.

Монографии В. А. Александрова дает нам широкую картину жизни сельских миров и их взаимоотношений с вотчинниками. В советской историографии не было работы, посвященной эту важнейшую проблему позднего феодализма столь всесторонне, на такой богатой источниковой базе.

**Академик А. П. Окладников,
Н. Н. Покровский**

* * *

Исследование В. А. Александрова представляет большой научный интерес для всех медиевистов, безотносительно к их узкой специальности. Это — работа, которой суждено, по-видимому, стать первой в долгой серии исследований на ту же тему. Именно поэтому анализ данной монографии должен быть достаточно тщательным и разносторонним, с тем, чтобы последователи могли воспользоваться как накопленным положительным опытом, так и сумели бы избежать отдельных просчетов, неизбежных в работе такого масштаба.

Универсально-исторический характер сельской общины, закономерностей ее генезиса, основных фаз ее эволюции и, наконец, причин ее конечного разложения оправдывает, на мой взгляд, попытку сравнительно-исторического рассмотрения рецензируемой работы. Цель настоящей статьи — попытаться поставить в связь наблюдения и выводы указанной работы с состоянием проблемы на материалах стран Западной Европы. В послевоенной историографии этих стран история сельской общины снова выдвинулась в ряд проблем особо актуальных. Немаловажную роль в ее актуализации сыграл «критический пересмотр» традиционных построений в этой области, предпринятый западногерманской школой историков, возглавляемой Теодором Майером¹.

Не имея возможности в рамках данной статьи изложить концепцию «новой критической школы», укажем только, во-первых,

что ею полностью отрицается генетическая связь сельской общины периода развитого феодализма XIII—XV вв. с какими бы то ни было древними формами коллективного землевладения и землепользования. Исторически засвидетельствованная община (XII—XV вв.), заключающая истории этой «школы», возникла на базе индивидуальных форм землевладения и землепользования, следовательно, в хозяйственном отношении община — вторичное образование, во-вторых, община была вызвана к жизни необходимостью регулировать пользование неопделенными угодьями; наконец, в-третьих, в большинстве случаев у коллибели общины стоял вотчинник. Поскольку время возникновения общины совпадает со временем расцвета феодальной вотчины, «правоммерно заключить», что община имеет вотчинное происхождение. В связи со сравнительно поздним формированием вотчины феодального типа в России генезис и последовательность фаз эволюции общины здесь выступает в наиболее чистом виде. Поэтому материалы по истории общины в России (в особенности предельной общины) имеют выдающееся общеметодологическое и общестороннее значение. Это обстоятельство, вне сомнения, хорошо сознавал и автор рецензируемого исследования.

Одной из лучших глав книги является, по нашему мнению, глава историографическая. В большинстве случаев подобного рода главы почти не представляют научного интереса. Истинная цель историографических очерков, заключающаяся в выявлении того, как развивалась, складывалась данная область научного знания, как и почему менялись в ней бытовавшие в различные периоды суждения, представления, аргументы и доказательства, отодвигаются, как правило, на задний план. «Историографический обзор», предпосланный рецензируемому исследованию, — большое и самостоятельное научное достижение его автора. Прежде всего, в нем обоснован громадный и долго сохранявшийся интерес русской историографии к истории общины, показано развитие общественной мысли в предреформенной и пореформенной России; наконец, предельно отчетливо обрисован процесс формирования основных историографических концепций в данной области, в советской историографии. В итоге, при сравнительно небольшом объеме этой главы ее организующая и направляющая функция в исследовании поразительно.

Не могу пройти мимо одного наблюдения: оказывается, историография русской общины и историография общины в странах Западной Европы развивались почти синхронно, в частности, приблизительно в одно и то же время менялись историографические школы. Более того, характеристика этих школ очень близка. Так, например, читая о взглядах славянофила И. Д. Беляева, исходящего из концеп-

¹ См. Th. Mayer. *Mittelalterliche Studien*. Lindau-Konstanz., 1960. I. Titow. *Medieval England and the Open-field system. «Pastands present»*. № 32, 1965.

ции исконного единения народа с властью, рассматривавшего общину в качестве «органа, отражающего значение крестьян в жизни общества», трактовавшего «общину более с правовой стороны» (стр. 7), вспоминаешь, что почти в тех же выражениях и почти в то же время писал об общине германской Георг фон Маурер. Более того, мнение Беляева о том, что после установления крепостного права положение и значение крестьян как сословия «нисколько не изменялось», почти дословно повторяет суждение Маурера (только на примере Германии). Наконец, Беляев, как и Маурер, признавал сосуществование в вотчине «двух властей» — «мирской и владельческой» (стр. 8). Это наблюдение служит свидетельством универсальности закономерностей, регулирующих не только течение истории, но и историографический процесс. Нечто подобное мы наблюдаем и когда автор переходит к характеристике взглядов И. Е. Забелина. Удивительно, как много черт обличает их с воззрениями представителей вотчинной теории в странах Западной Европы. Разумеется, маловероятно, что Забелин был знаком с работами Инамы-Штернега, когда он создавал свой труд «Большой боярин...», однако в обрисовке судеб сельской общины, оказавшейся под властью вотчины, между ними очень много общего.

Опираясь на воззрения Маркса, Энгельса, Ленина по вопросам социально-экономической сущности сельской общины и ее исторических судеб и учитывая состояние вопроса в советской историографии, В. А. Александров следующим образом формулирует стоявшую перед ним проблему: «Настоящая книга посвящена только одному периоду истории сельской общины, а именно — ее судьбе у крепостного русского крестьянства европейской части России (вплоть до Урала) в позднефеодальное время (XII — начало XIX в.), „когда крепостное право достигло своего апогея“» (стр. 43). Но это означало необходимость создания дифференцированной картины феодального освоения общины и ее трансформации в ходе развития этой системы, выявления внутренней противоречивости хозяйственного и общественного положения вотчинной общины и установления исторического своеобразия форм и судеб в Центральной России — этой цитадели крепостничества. Обоснование автором такой постановки проблемы обнаруживает и остроту исторического видения и вместе с тем склонность к детальной проработке каждого вопроса, что позволило ему создать труд, отличающийся богатством фактического содержания и широтой поставленных вопросов. Тем не менее одно замечание буквально напрашивается: отсутствующие теоретико-познавательного обоснования терминологии, используемой в работе. Сельская община, вотчинная община, владельческая община, крепостная община — все эти категории употребляются в рабо-

те «свободно». Между тем, очевидно, что именно ввиду их широкой общности, каждая категория заслуживала специального авторского комментария. И в этой связи представляется сомнительной правомерность термина «частнофеодальный (-ая)», поскольку он состоит из несочетаемых юридических понятий: феодальный — это род связей, противостоящий определению «частный», в особенности, если речь идет о землевладении (другое дело — частновотчинный). Точно также, не кажется исторически правомерным оперировать термином «феодал» в применении к русским условиям XVIII в., хотя социологически этот термин, разумеется, вполне уместен (В. И. Ленин, прибегая к социологическому термину вместо исторического, зачастую специально отмечал — «говоря социологически»). Вообще, не лучше ли историк оперировать историческими категориями, более точно отражающими суть явлений (в данном случае: вотчинник, помещик, крепостник и т. д.).

Основные типы источников, использованные при написании рецензируемой монографии, — вотчинные инструкции и мирские приговоры — известны и в истории стран Западной Европы. Но последние восходят к XII—XV вв. и отличаются от первых по существу, что обусловлено формами крестьянской зависимости, равно как и формами феодальной ренты, соотношением вотчины и деревни, особенностями сельской общины. Совокупность перечисленных обстоятельств объясняет, почему в вотчинных инструкциях, к примеру в Англии, почти полностью игнорируется существование особой, отличающейся от манора мирской организации, предусматривается полная подотчетность вотчинной администрации «домовой канцелярии» и т. п. (в лучшем случае община «проглядывает» только в указаниях на «должностных» зависимых держателей на «должности» старост, полowych обездчиков, «наблюдателей» за барщинными работами и т. п.). Что же касается так называемых мирских приговоров, то в странах Западной Европы они как таковые не сохранились для классического средневековья. Частично их заменяют (в средневековой Англии) протоколы маюриальных курий, а в средневековой Германии — так называемые вайстюмер — записи крестьянско-помещичьих отношений и общинного права (в Англии — кустумали). Мы остановились на этих параллелях не случайно. Они лишь раз подчеркивают, насколько более живучей была сельская община в средней полосе России даже в момент апогея крепостного права в сравнении с общиной западноевропейской (если последнюю рассматривать на аналогичном этапе развития). Хотелось бы заметить, что познавательные возможности указанных источников проанализированы в работе недостаточно полно, хотя в отдельных главах содержится тщательный источ-

николедческий анализ вопросов. менее важных. Наконец, такой очерк был тем более необходим, что некоторые типы источников были впервые привлечены и изучены специально для данной цели. При этом следовало резко подчеркнуть, что даже в так называемых мирских приговорах (не говоря уже о вотчинных инструкциях) бытие сельской общины отражено косвенно, односторонне, неполно. Община в этих источниках предстает прежде всего в функциях, которые интересовали вотчинную администрацию, и лишь эпизодически сквозь вотчинную рутину проглядывают черты общины, связанные с интересами самих общинников (регулирование семейного быта крестьян, решение споров, исков и т. п.). Однако было бы более чем ошибочно думать, что и эти «остаточные» функции сельской общины, восходившие к периоду ее независимости, были свободны от вторжения вотчинных интересов. Последние буквально пронизывали все стороны общинного бытия.

Решить стоявшую перед автором задачу — осветить внутреннюю жизнь сельской общины в условиях крепостнического хозяйства — можно было следуя по пути либо локального, либо типологического анализа общины. Автор придерживался по преимуществу последнего направления и, на наш взгляд, поступил правильно. Только в этом случае можно было вырваться из плена фактографичности и превратить сугубо локальные (поместные) источники в основание для построения широкой общерусской картины форм взаимодействия общины и вотчины. С этой целью в качестве отправных автор выделил два основных противоположных вида взаимодействия общины и вотчины, между которыми могли бы уложиться все многообразные промежуточные варианты. Этими видами оказались общины в системе вотчинно-полицейского режима и общины, функционировавшие практически по «собственному уставу». Естественно, что первый из указанных типов взаимодействия общины и вотчины, как правило, характерен для барщинной вотчины, второй тип чаще всего обнаруживается в вотчине оброчной. Важно не упускать из виду, что во всех случаях речь шла лишь о фактическом положении вещей, поскольку в эпоху крепостничества все стороны жизни крепостной деревни (за исключением сферы общегосударственных повинностей и особо тяжких уголовных преступлений) были по существу «отданы на усмотрение помещиков» (стр. 47). То, что государство выдавало крепостному «с голдой» вотчиннику, еще не заключает в себе ничего специфического, это факт общесервильского «землеустройства» в соответствующую эпоху. Специфическим для русского крепостничества изучаемой автором эпохи является то, каким образом вотчинники распоряжались полученной над крестьянской общиной властью. Если с этой точки зрения сопо-

ставить «образцовые» вотчинные инструкции, изученные автором, с вотчинными инструкциями, к примеру, той же Англии в XII—XIII вв., то нельзя удержаться от заключения, что характер и формы регламентации жизни земледельца в данном случае не соотставимы. Для России XVIII — начала XIX в. они красноречиво отражали неутолимую жажду прибавочного продукта, охватившую крепостников, в условиях становления капиталистической экономики в странах Западной Европы и активизации торгово-экономических связей с ней России.

Предельный случай такой чисто полицейской регламентации всех сторон жизни подвластной деревни зафиксирован в инструкции А. П. Волинского (1725 г., стр. 55). Автор рецензируемой книги охарактеризовал ее как «ранний пример максимального освоения» деревни феодалом (стр. 57). Расписать жизнь крестьянина «по часам» с тем, чтобы она была полностью подчинена «пользе» господина — не в этом ли заключается предел мечтаний крепостника! Естественно, что в подобных условиях община функционировала лишь постольку, поскольку она казалась «полезной» вотчиннику. Подобная полицейская система управления вотчинами олицетворяла один полюс бытия общины, полюс фактически полного ее отрицания. Второй полюс ее бытия представлен случаями, когда вотчинники, оставляя за собой лишь общий надзор, предоставляли общине более или менее широкие права по самоуправлению. Однако так же, как и в первом случае, нельзя сбрасывать мирское начало со счетов только на том основании, что вотчинник в своих «Инструкциях» его игнорировал, точно так же неправильно переоценивать диапазон общинного «самоуправления» во втором случае. В. А. Александров нашел объективную меру для оценки общественно-исторической роли общины в этот наиболее трудный период ее существования. С одной стороны, он отчетливо видит, что в условиях товарного производства только крепостное право предохраняло общину от неминуемого — в других условиях — процесса разложения. С другой стороны, он нарисовал впечатляющую картину общей придавленности мирского начала, оказавшегося под властью вотчины. Двойственность образующих начал сельской общины, на которую в набросках письма В. И. Засудич, указывал Маркс², раскрывалась в период господства крепостного права как дуализм функций вотчинной общины: функций обеспечения регулярного отправления крестьянами повинностей и функций прямо противоположных — коллективного сопротивления феодальному нажиму на членов общины. Эту внутреннюю диалектику исторической роли вотчин-

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 404.

ной общины В. А. Александров ярче всего обрисовал в главах III—V. Большая заслуга автора заключается в том, что он детально изучил разнообразие формы общинной организации, показал ее функционирование в различных сферах сельской жизни. Большой интерес, с этой точки зрения, представляют данные таблицы I (стр. 139), озаглавленной «Компетенция мирских сходов». Ничего подобного исследователи по всеобщей истории составить не могут, поскольку они почти полностью лишены такого источника, как общинные приговоры для соответствующего периода средневековья. В этой связи особого внимания заслуживают две функции вотчинной общины, не имеющие аналогий в западноевропейском средневековье, а именно: распределение угодий внутри сложных общин и тяглое обложение крестьянских дворов. Выводы автора по этому вопросу заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания. Периодически за каждым селением, в соответствии с объемом наложенного на него тягла, закреплялось определенное количество пашенной земли и сенокосов. В случае недостатка прилегающих к селению пахотных земель, крестьянам выделялись свободные полосы, расположенные вблизи других селений. Подобные междеревенские (и в то же время внутриобщинные) переверстки, носившие периодический характер, западно-му средневековью уже неизвестны.

В рецензируемом исследовании показано, что переверстки носили ограниченный характер (стр. 191). При всеобщих переверстках речь шла лишь о прирезках недостающих данному селению (как единице раскладки — в сложных общинах — тягла) полос, или отрезках от него пустых полос, понадобившихся другому селению. В целом же границы деревенских «владений» сохранялись на основе не только обычая, но и государственных документов. Из факта подеревенского обособления «владений» должна была логически вытекать и тенденция к устойчивости подворного «владения». Автор, к сожалению, этого вопроса не коснулся в должной мере³. Вместе с тем частновладельческая тенденция крестьянского двора находит свое подтверждение, во-первых, в констатации автором факта крупных хозяйственно-экономических различий между крестьянскими дворами и, во-вторых, в следующем выводе: «Общинная практика тяглой раскладки повинностей в соответствии с хозяйственными возможностями двора вовсе не означала стремления к хозяйственной нивелировке крестьян-общинников» (стр. 219). Наконец, о нали-

чий тенденции, ведущей к мобилизации земельных ресурсов внутри общины, свидетельствует развитие межкрестьянской аренды и других скрытых форм мобилизации земли в руках верхушки общины.

Отражение того же процесса мы находим и в разделе рецензируемой работы, посвященном тяглому обложению крестьянских дворов. Рамки рецензии не дают возможности привлечь внимание читателя ко многим другим новаторским приемам исследования и наблюдениям по сложнейшим вопросам истории крепостной общины. Укажем только на важный вывод о существовании в XVIII в. двух подходов к тяглому обложению общины. Там, где общины сохраняли право разверстки повинностей, они стремились прежде всего подойти к раскладке с хозяйственно-экономической точки зрения. В этом автор справедливо усматривает проявление «общинного чувства самосохранения» (стр. 219): честь тягелоспособность отдельного двора означало уберечь малоимущих общинников от разорения и обнищания. В то же время часть помещиков путем повенечного оклада стремилась к максимальному использованию рабочих возможностей крестьянских семей. Анализ этих тенденций привел автора к заключению: «Важнейшим представляется вопрос о противоборстве собственно общинных и частновладельческих тенденций... Земельное хозяйство сельской общины... находилось отнюдь не в статичном... но в изменяющемся состоянии» (стр. 236). Подведем итоги нашим наблюдениям. Несомненно, что исследованию В. А. Александрова предостоят долгая и плодотворная жизнь в историографии. Книга его требует переиздания — в этом также нет никаких сомнений. Но именно поэтому хотелось бы обратить внимание автора на ряд вопросов, которые либо нашли в настоящей работе слабое отражение, либо остались вне поля зрения исследователя. При этом хотелось бы напомнить, что эти вопросы вырисовываются, если рассматривать работу прежде всего с позиций сравнительно-исторических.

Прежде всего о структуре вотчинной общины. Автор рецензируемого исследования справедливо подчеркивает, что эта структура полностью определялась границами вотчины, ее составом. Уменьшение или увеличение помещичьих владений неизбежно отражалось на границах и составе общины. Итак, речь идет о сложной общине, по сути, об общине волостного характера. Однако уже из того, что автор указал на существование деревенского «владельческого права» на основные земельные угодья, следует, что под покровом сложной общины должна была существовать и функционировать община сельская в узком, буквальном смысле слова. Правда, эта община прямо не отражена в мирских приговорах, выписанных сложными общинами. Тем не менее ее можно проследить по «представительству»

³ Он привел лишь мнение И. Болтина: «Крестьянин каждый имеет свою собственность, не законом утвержденную, а по всеобщим обычаям, которые имеют силу не меньшую закона» (стр. 208).

отдельных селений в общемирских сходах, в общемирских комиссиях, по деятельности общемирских институтов при разборе жалоб, исков и т. д. Этот упрек тем более обоснован, что сам автор рассматривает существование сложной общины как явление вторичное, вызванное структурой вотчины и, тем самым, как бы ставит вопрос: что же представляла собой община как факт первичный, изначальный, довотчинный? И в этой связи — какой, пусть даже предположительно, рисуется структура этой первичной общины, как она соотносилась с вотчиной, продолжала ли она функционировать, войдя в состав сложной общины? Вообще следует подчеркнуть, что функционирование общины в качестве хозяйственной организации рассмотрено в работе слабее в сравнении с функциями окладно-фискального характера. Разумеется, в этой диспропорции повинны прежде всего источники, тем не менее, если бы автор со свойственной ему тщательностью проанализировал характер частных жалоб и исков не иллюстративно, а систематически, жизнь сельской общины вырисовывалась бы полнее и полнокровнее.

Далее можно только согласиться с автором, когда он связывает ивизирующую тенденцию в вотчинной общине с крепостничеством, с интересами вотчины. Однако и после внимательного чтения рецензируемой работы все же остается без ответа вопрос: какова позиция автора по вопросу о происхождении уравнильно-передельного принципа внутриобщинного землепользования? Несомненно, ответ на данный вопрос увел бы его далеко за пределы данного исследования. Тем не менее в какой-то форме все же необходимо было на него ответить. Во всяком случае, ясно, что автор не связывает возникновение этого принципа ни с государственным, ни с вотчинными повинностями. Уравнильно-передельный принцип предшествовал подушному обложению и вотчинному освоению общины и сохранялся в пореформенной России. О том, что уравнильные передельные нельзя выводить из обстоятельств, связанных с фиксацией границ общины, с наступлением земельной тесноты, свидетельствует исторический опыт стран Западной Европы. Периодические передельные здесь вышли из употребления, по-видимому, очень рано. По крайней мере, ко времени Салической правды (нач. VI в.) от них не осталось и следа. Единственное, что связывается в истории этих стран с земельной теснотой, это — введение принудительного севооборота в тех регионах, где его до этого не практиковали, равно как и регулирование пользования общинными угодьями. В связи с поднятым вопросом мы позволим себе указать на одно обстоятельство: община в средней полосе России сохраняла право распоряжения не только неподеленными угодьями, но и паханными землями, в отличие от общин в странах Западной Европы, право распо-

ряжения которых уже на заре средневековья было ограничено неподеленными угодьями. Другими словами, ко времени феодального освоения общины в средней полосе России пахотный надел общинника еще не превратился в аллод — свободно обрабатываемого владения, над движением которого община уже не властна. Короче говоря, если бы автор подробно остановился на вопросе об особенностях среднерусской земледельческой общины, то был бы сделан значительный шаг и в объяснении уравнильно-передельного принципа ее землепользования. В одном отношении трактовка автором указанного вопроса заставляет по-новому смотреть на суть вещей. Всеобщие передельные в общине XVIII в. были редкостью, уравнильный принцип разверстки ничего общего не имел с имущественным уравниванием общинников, внутри передельной общины уживалась и набирала силу тенденция частнособственническая со всеми вытекающими последствиями. Освещение автором этой стороны проблемы — одна из лучших частей исследования.

По этому вопросу в исследовании собран богатейший материал, но, тем не менее, проблема имущественной дифференциации в среде общинников не поставлена. Материал этот разбросан по различным разделам, не объединен единой постановкой вопроса. Между тем такая постановка буквально напрашивается, начиная с вопроса об организации мирского управления и кончая разделом, посвященном рекрутчине. Во всех этих случаях наличие довольно глубокой хозяйственной розни внутри общины, более того — элементов эксплуатации «добрыми домоводцами» своих вливших в нищету соседей, использования ими власти и влияния в мирском управлении для укрепления и расширения своих хозяйств, не оставляют никаких сомнений. Очевидно, что в том же направлении действовали на общину проникновение в нее товарно-денежных отношений, развитие торговли, промыслов и т. п. В этой связи находились и такие явления, как рост межкрестьянской задолженности, открытая и скрытая аренда, заклады и отчуждения земельных участков и т. п. Разумеется, интенсивность этих процессов была различной в вотчинах барщинных и вотчинах оброчных, в вотчинах пригородных и отдаленных от торжищ. Все эти наблюдения следовало объединить с данными о переоброчках. В целом анализ процесса расслоения общины мог бы оказаться благодарнейшей исследовательской задачей.

Разумеется, что пожеланий к работе тем больше, чем она значительней по богатству наблюдений, идей и заключений. Труд В. А. Александрова будут читать и перечитывать все, кто пожелает проникнуть в механизм повседневного функционирования крепостной общины и вотчины. Он также очень полезен медиевистам, работаю-

щим на материале стран Западной Европы, которые найдут в нем такую форму общины, которая на Западе сравнительно рано выродилась и поэтому очень важна для понимания специфики сохранившегося там общинного уклада, и такую форму

крепостничества, которую страны Запада никогда не знали, но которая интересна, крайне важна для понимания тенденций, заложенных в любой форме феодальной зависимости.

М. А. Барр

Р. Г. СКРЫННИКОВ. РОССИЯ ПОСЛЕ ОПРИЧНИНЫ. ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. Изд-во ЛГУ, 1975, 222 стр., тир. 5500 экз.

Р. Г. Скрынников хорошо известен как автор ряда исследований по истории России XVI в., в частности, монографией об опричнине, получивших высокую оценку научной общественности*. В своей новой работе он продолжает изучение кардинальных проблем истории XVI в. Давая общую оценку внутренней и внешней политики последнего десятилетия царствования Ивана IV, исследователь отмечает, что политика опричнины в 1565—1572 гг. «не была чем-то единым... и никогда не отличалась последовательностью» (стр. 7). В разные годы своего существования опричнина направлялась против самых разных социальных групп. Наряду с верхами бывшей удельно-княжеской аристократии, ударам опричного террора подвергались и «те социальные слои, которые издавна служили наиболее прочной опорой монархии» (и политики централизации Руси) (стр. 7). Автор считает, что в 1572 г. произошла не мнимая, а подлинная отмена опричнины: упразднение особой опричной территории и особого корпуса опричников (стр. 8). Однако уже через три года опричнина фактически восстанавливается — правда, в сокращенном варианте, в виде «удела» князя Ивана Московского, связанного со своеобразным политическим фарсом («бсббулатовщиной»). Следовательно, отмена опричнины в 1572 г., хотя и не была чисто формальным актом, не привела, тем не менее, к сколько-нибудь существенному изменению характера и методов политики Ивана IV, а следовательно, и к стабилизации внутреннего положения страны. Автор показывает, что своеобразная реставрация опричнины была на этот раз направлена против руководителей старой опричной Думы и ее приказного аппарата. Во всяком случае, «новая опричнина» не была долговечной и не сыграла существенной роли.

Излагая события последних кампаний Ливонской войны и давая краткую характеристику дипломатических переговоров, приведших к миру с Польшей и Швецией,

Р. Г. Скрынников обоснованно считает причинами поражения России экономическую катастрофу (запустение обширных районов в результате гибели или массового отлива трудового населения) и внешнеполитическую изоляцию России, оказавшейся перед лицом могущественной коалиции. Поместная конница, вооруженная холодным оружием, и плохо обученные отряды стрельцов не могли противостоять пероклассным по тем временам вражеским армиям.

Поражение в Ливонской войне обострило внутрисполитический кризис в стране. Последние годы царствования Ивана Грозного проходят в попытках найти выход из этого тупика. Известное значение в этом плане имеет Собор 1580 г., означавший, по мнению Р. Г. Скрынникова, попытку царя найти компромисс с верхами церковной иерархии. Автор считает, что это был единственный собор, созывавшийся в последние годы правления Ивана IV, и что данные о втором соборе (1581 г.), имеющиеся в литературе, основаны на использовании известия, дублирующего в искаженном виде сведения о соборе 1580 г. (стр. 69—70).

Однако политика Ивана IV и в конце правления отнюдь не отличалась последовательностью. Так, попытки обеспечить престол за наследником (царевич Федор) сопровождаются настоячивыми, но тщетными переговорами об очередном браке царя с родственницей английской королевы и даже о «политическом убежище» царя в Англии.

Нельзя не согласиться с мнением Р. Г. Скрынникова, что политика Ивана IV во второй половине его царствования означала фактический отход от программы реформ Избранной рады и что опричнина была попыткой решать проблемы внутренней политики «не посредством реформирования политических институтов страны в интересах дворянства, самой массовой и широкой политической опоры монархии, а путем раскола дворянства и Думы на земскую и дворовую половины» (стр. 86) и создания исключительных привилегий «для меньшинства дворян, зачисленных в

* Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966; его же. Опричный террор. Л., 1969.

охранный корпус» (стр. 108). Крупные внешние и внутриполитические неудачи показали несостоятельность этой политики. Иван IV не пережил краха созданной им системы внутреннего управления, а новое правительство, фактическим главой которого вскоре стал Б. Ф. Годунов, «в значительно большей мере ориентировалось на дворянство в целом» (стр. 108).

Большое внимание уделяется в исследовании проблеме закрепощения крестьянства в 80—90-х годах XVI в. Постановка ее в книге о послеопричной России закономерна: закрепощение крестьян в значительной степени было ускорено опричной политикой и ее последствиями. В то же время вопрос о закрепощении имеет и более широкое значение, так как длительное основной массы крестьян остатков их свободы было следствием и итогом длительных процессов развития феодального земледелия и хозяйства на протяжении веков.

Обобщая наблюдения над новгородским поместьем, содержащиеся в его предыдущих работах, Р. Г. Скрынников показывает, что барская пащца росла на протяжении всего XVI в. и считает, что на первом этапе существования поместья — в конце XV — начале XVI в. «едва ли не решающую роль в обработке господской запашки» играло весьма многочисленное страдное население челядинных дворов (стр. 125).

Наиболее характерной чертой развития феодальной эксплуатации в XVI в. автор считает рост барщины. Подмечая у А. Л. Шавиро и Г. В. Абрамовичем, он показывает, что «к концу века развитие барщины достигло того пункта, когда возникли значительные участки и наделы, обрабатываемые исключительно трудом барщинных крестьян» (стр. 137).

Серьезное внимание уделяет Р. Г. Скрынников конкретным причинам и характеру закрепощения крестьян. Непосредственной предпосылкой отмены Юрьева дня он считает массовый разброд сельского населения, вызванный прежде всего голодом и мором 1567—1571 гг. и ростом податного бремени в центре страны (стр. 162—165). Наиболее же существенную причину отмены Юрьева дня Р. Г. Скрынников видит в переходе от оброчной системы к барщинной, т. е. изменении формы феодальной эксплуатации. С такой постановкой вопроса можно согласиться, отметив, однако, что одним из важных моментов аграрной истории России во второй половине XVI в. было почти полное уничтожение черной крестьянской волости в центре страны в

результате массовых раздач волостных земель в руки помещиков и вотчинников. Центральные и северо-западные уезды страны превратились к концу XVI в. в совокупность феодальных поместий и вотчин. Это привело к исчезновению резерва рабочей силы для феодального владения и сделало невозможным дальнейшее функционирование традиционного Юрьева дня. Представляется поэтому, что в России (как и в других странах Европы) отмена права крестьянского выхода логически и исторически была связана с уничтожением относительно свободной крестьянской общины.

Характеризуя ход закрепощения крестьян, Р. Г. Скрынников, в отличие от большинства исследователей, не придает существенного значения известным о «заповедных годах», содержащимся в нескольких грамотах, составленных местной администрацией по одному из станов Деревской пятины. Анализируя данные ряда источников, он приходит к выводу, что «практически правила Юрьева дня утратили свою силу задолго до того, как в источниках появились первые определенные сведения о «заповедных годах» (стр. 183—184). Старый порядок крестьянских переходов «разладился» в момент наивысшего разорения страны, в годы массового передвижения крестьянского населения на рубеже 70—80-х годов. Следующий этап закрепощения относится к началу 90-х годов и связан с введением «урочных лет» для сыска белых крестьян. Первое упоминание о таком сроке встречается в 1594 г., а по указу 1597 г. пятилетний срок сыска распространен на всю страну. Этот указ и означал «момент превращения чрезвычайных и временных мер в постоянное законодательство» (стр. 215).

Таким образом, Р. Г. Скрынников, поставив перед собой задачи весьма сложные как в историографическом и источниковедческом планах, так и по существу, решил их на высоком научном уровне.

В новой работе проявились сильные стороны Р. Г. Скрынникова как исследователя — прежде всего стремление к тщательному анализу источников и к точности выводов. «Россия после опричины» достойно завершает трилогию, посвященную проблеме опричины, и в то же время выходит за рамки этой темы, поднимая вопросы, связанные с изучением «смутного времени» и нового периода истории нашей страны.

Ю. Г. Алексеев





ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

И. В. МИХАЙЛОВ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РАБОЧЕМ КОНТРОЛЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Рабочий контроль над производством и распределением — одна из ярких страниц борьбы пролетариата России за революционное преобразование общества. Он сыграл большую роль в борьбе с саботажем капиталистов, спасении промышленности от полного развала, в подготовке социалистической революции.

После победы Октября рабочий контроль стал первым шагом к ликвидации капиталистического способа производства, формой непосредственного участия рабочих страны в восстановлении промышленного производства, в создании социалистической экономики.

И в наши дни исторический опыт проведения рабочего контроля в революционной России имеет большое международное значение, ибо, как указывал В. И. Ленин: «Первым, основным шагом, который обязателен для всякого социалистического, рабочего правительства, должен быть рабочий контроль»¹.

Советская историография уделяет значительное внимание изучению опыта рабочего контроля в России. Вышло большое количество работ, раскрывающих его сущность, задачи и историческое значение². В ряде исследований дан критический анализ концепций некоторых буржуазных историков по этому вопросу³, хотя специально данный сюжет еще не рассматривался. В сообщении делается попытка частично восполнить этот пробел.

Вплоть до настоящего времени большинство буржуазных историков США и Великобритании дают крайне негативные оценки опыту проведения рабочего контроля в революционной России. Рабочий контроль изображается ими, как проявление некоего «хаоса и дезорганизации», которые якобы возникли в ходе подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Еще в 30-е годы У. Чемберлин в работе «Русская революция 1917—1921 гг.» заявил: «При системе рабочего контроля, который начал официально действовать с 27 ноября и

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 139.

² См. Т. А. Игнатьенко. Советская историография рабочего контроля и национализация промышленности СССР в 1917—1967 гг. М., 1967; Е. Г. Гимпельсон. Советский рабочий класс (1918—1920 гг.). М., 1974; Г. А. Трукан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975.

³ См. В. А. Виноградов. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1964, стр. 49—54; В. И. Селницкий. Рабочий контроль в Советской России в освещении буржуазного историка. «Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 203—204; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства М., 1965, стр. 23 и др.

который фактически распространился раньше, в промышленности господствовало нечто, похожее на анархию»⁴.

Эта точка зрения нашла отражение и в поздних трудах буржуазных советологов. А. Мазур, например, утверждает, что «...рабочие без продуманной системы продолжали захватывать фабрики и управляли ими через фабричные комитеты, увеличивая административный хаос и еще более снижая производство»⁵. А. Ноув изображает рабочий контроль как «анархо-синдикалистское» явление и «орудие разрушения»⁶. Подобные оценки содержатся и в работах У. Уолша⁷, В. Блэквела и др.⁸.

Попытки буржуазных советологов представить рабочий контроль как проявление «анархии», «хаоса» и т. п. не оригинальны. Еще в период подготовки и проведения Октябрьской революции кадеты, меньшевики и эсеры, считая буржуазную государственность пределом для России, также рассматривали зарождавшийся рабочий контроль как анархический, антигосударственный, направленный только на разрушение⁹.

Все эти измышления не имеют ничего общего с реальной историей рабочего контроля. Большевицкая партия, возглавившая пролетариат России в его революционной борьбе, выдвигая лозунг рабочего контроля, всегда ставила его *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней¹⁰, разъясняла, что рабочий контроль — это борьба за новый государственный порядок, за новый тип государства.

Рабочий контроль действительно был направлен на слом капиталистических производственных отношений. Но главной стороной его деятельности было создание, налаживание производства и новых, социалистических производственных отношений. Война и хозяйничанье буржуазии подрывали экономику страны. С марта по октябрь 1917 г. в России было закрыто 800 предприятий, потушены 44 доменные печи. Разрухой был охвачен железнодорожный транспорт, безудержно росла инфляция и безработица¹¹, стране грозила экономическая, а вместе с ней и национальная катастрофа.

Опираясь на опыт 1905—1907 гг., рабочие России еще в ходе Февральской революции приступили к организации и проведению контроля над предприятиями. Уже в марте 1917 г. фабзавкомы, советы старост и другие рабочие органы стали вводить контроль за наймом и увольнением. 7 марта он был введен на Харьковском заводе электрической компании, 21 марта — на Невском судостроительном и механическом заводе¹². Одновременно Советы рабочих депутатов и фабзавкомы стали предпринимать меры по введению контроля над производством, по пресечению подрывных действий со стороны капиталистов. Так, весной и летом 1917 г. в Симаковском районе Москвы из 19 фабзавкомов 12 участвовали в выработке правил внутреннего распорядка, два коми-

⁴ W. Chamberlin. The Russian Revolution. 1917—1921, vol. 1. N. Y., 1935, p. 456.

⁵ А. Мазур. Russia Tzarist and Communist. N. Y., 1966, p. 379.

⁶ A. Noe. An Economic History of the USSR. Lnd., 1969, pp. 49—50.

⁷ W. Walsh. Russia and the Soviet Union. The Ann Arbor, 1958, p. 138.

⁸ W. Blackwell. Industrialization of Russia. N. Y., 1970, p. 74.

⁹ См., напр., П. Н. Миллюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1—3. София, 1921, стр. 12—14, 196; Н. Суханов. Записки о революции. Берлин — Петербург — Москва, 1922—1923. Кн. IV, стр. 171—172; С. Н. Прокопович. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923, стр. 10—11 и др.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 306.

¹¹ См. В. А. Виноградов. Указ. соч., стр. 29—30.

¹² См. «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М., 1957, стр. 486; «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий. М., 1957, стр. 254.

тета контролировали получение и расходование сырья¹³. В ряде городов — Царицыне, Херсоне, Самарканде и др. — фабзавкомы и Советы пресекали попытки предпринимателей закрыть предприятия¹⁴. Подобную деятельность под руководством большевистских организаций проводили фабзавкомы Центрального Промышленного района, Донбасса, Урала, Украины и других районов. К осени 1917 г. в ряде мест было установлено рабочее самоуправление предприятиями. Только в сентябре было зарегистрировано 33 случая введения такого самоуправления¹⁵.

Конечно, в период от Февраля до Октября рабочий контроль не мог решить все вопросы борьбы с саботажем и палаживания производства, так как пролетариат России не имел еще государственной власти. Эта возможность появилась только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в декабре 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что рабочий контроль и национализация банков «есть первые шаги к социализму»¹⁶.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что попытки буржуазных историков изобразить рабочий контроль анархией, отрицать его созидательную роль не имеют ничего общего с действительностью.

Характеризуя процесс становления рабочего контроля и его органов — фабзавкомов, ряд буржуазных историков признает, что они возникли еще в ходе Февральской революции. Так, например, известный английский историк Э. Карр отмечает, что в это время «...быстро возникали на заводах рабочие комитеты ...которые пытались вмешаться в управление фабриками»¹⁷. На это же указывает и автор работы «Большевики и рабочий контроль в 1917—1921» М. Бринтон¹⁸. Эту точку зрения разделяют Ф. Каплан¹⁹, П. Аврич²⁰.

Но при этом буржуазные историки всячески стремятся доказать, будто рабочий контроль и его органы — фабзавкомы были лишь слепым орудием разрушения в руках большевиков. Так, Э. Карр, характеризуя начальный период деятельности фабричных комитетов, заявляет: «Большевики делали все, чтобы усилить возрастающую напряженность (которая создавалась в результате конфликтов между фабзавкомками и владельцами фабрик. — *И. М.*)... Возраставшая на фабриках анархия служила их революционным целям»²¹. Примерно та же мысль проводится в работе Ф. Каплана. «До захвата власти, — пишет он, — большевики поддерживали рабочих в создании фабричных комитетов и проведении через эти организации контроля над фабриками. Политика большевиков в вопросе о рабочем контроле направлялась на подрыв военной экономики Временного правительства». Ему вторит М. Бринтон, считающий, что большевики поддерживали рабочий контроль и его ор-

¹³ См. «Революционное движение в России в июле 1917 г.», М., 1959, стр. 356, док. 292.

¹⁴ В. А. Виноградов, Указ. соч., стр. 32.

¹⁵ См. А. М. Панкратова, Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику, М., 1923, стр. 8—9; «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий, т. 1, М., 1961, стр. 268.

¹⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 26, стр. 361.

¹⁷ E. Carr, The Bolshevik Revolution 1917—1923, Vol. II, Ld., 1966, p. 63.

¹⁸ M. Brinton, The Bolsheviks and Workers Control, 1917—1921, Ld., 1970, p. XIII.

¹⁹ F. Kaplan, Bolshevik Ideology and the Soviet Ethics of Labour, N. Y., 1968, p. 373.

²⁰ P. Avrich, The Russian Anarchists, Princeton, 1967, p. 140.

²¹ E. Carr, Op. cit., p. 64.

ганы — фабзавкомы якобы только потому, что они служили средством разрушения буржуазного государства²².

Таким образом, в какой-то мере признавая руководящую роль большевиков в деятельности органов рабочего контроля, буржуазные историки рассматривают само революционное вмешательство пролетариата в организацию капиталистической экономики лишь как проявление анархо-синдикализма, не видят закономерности и необходимости этого вмешательства, обусловленного прежде всего экономическим кризисом в стране.

В этих условиях передовому пролетариату приходилось явочным порядком проводить «установление действительного рабочего контроля»²³.

В результате борьбы большевистской партии за объединение усилий фабзавкомов, железнодорожных, транспортных комитетов и других рабочих организаций (профсоюзов, кооперативов) в деле проведения рабочего контроля возникли районные и общегородские центры фабзавкомов. Уже в июне 1917 г. такие центры появились в Петрограде, Екатеринославле, Харькове, Одессе и других городах²⁴. Первая Всероссийская конференция фабзавкомов, состоявшаяся 17—22 октября 1917 г., отметила, что политика партии большевиков по вопросу рабочего контроля являлась руководящей политикой для всех рабочих, независимо от их партийной принадлежности²⁵.

Вся история рабочего контроля в период от Февраля до Октября наглядно свидетельствует о том, что ему были чужды дезорганизация, саботаж и другие «меры», проповедуемые анархистами и анархо-синдикалистами, что его задачей было налаживание и организация производства. Фабзавкомы многих предприятий создавали сторожевые посты по охране фабрик и заводов, контролировали сохранность сырья, его рациональное использование и т. д. Так, сторожевой пост на Харьковском заводе К. Шяманского помог предотвратить попытку хозяев завода вывезти сталь и уголь в целях остановки производства. Заводской комитет Русско-американского завода в Петрограде обеспечивал предприятие сырьем и топливом; фабзавкомы Охтинского завода взрывчатых веществ в Петрограде и Глуховской мануфактуры под Московской разработали ряд мер по увеличению производства²⁶. Осенью 1917 г. Советы закрепили за фабзавкомами отдельные права, уже завоеванные рабочими явочным порядком. В частности, Московский Совет рабочих депутатов 23 октября 1917 г. издал декрет о праве контроля со стороны фабзавкомов за наймом и увольнением рабочих²⁷.

Э. Карр — один из тех буржуазных историков, которые пытаются более обстоятельно осветить интересующий нас сюжет. Он широко привлекает документальные материалы, обращается к трудам В. И. Ленина. При рассмотрении вопроса о рабочем контроле в дооктябрьский период особое внимание Э. Карр уделяет ленинским рабо-

²² F. Kaplan. Op. cit., p. 372; M. Brinton. Op. cit., p. 14.

²³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», стр. 490.

²⁴ См. А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923, стр. 195; Д. А. Коваленко. Борьба фабрично-заводских комитетов Петрограда за рабочий контроль над производством (март — октябрь 1917 г.). «ИЗ», 1957, т. 61, стр. 83; И. Ш. Черномаз. Борьба рабочего класса Украины за контроль над производством (март 1917 г. — март 1918 г.). Харьков, 1958, стр. 21—22.

²⁵ См. «Октябрьская революция и фабзавкомы», ч. II. М., 1927, стр. 113—114.

²⁶ См. И. Ш. Черномаз. Указ. соч., стр. 49; «Революционное движение в России в апреле 1917 г.», стр. 338; И. И. Минц. История Великого Октября, т. I. М., 1970, стр. 263.

²⁷ Н. Силантьев. Рабочий контроль и совнархозы. М., 1957, стр. 48—49.

там, написанным в апреле — мае 1917 г. Однако трактовка им отдельных ленинских высказываний не верна. Камнем преткновения для английского историка является ленинское понимание рабочего контроля как диалектического единства контроля сверху и снизу. Э. Карр противопоставляет их друг другу и даже пытается найти это противопоставление в трудах Ленина: «Когда Ленин в 1917 г. доказывал, что сахарный синдикат должен перейти в руки государства под контролем рабочих и крестьян, — указывает Э. Карр, — он давал конкретный принцип „советского“ или государственного контроля... Когда несколькими годами позже Ленин утверждал, что в рабочих кругах растет сознание необходимости пролетарского контроля над фабриками и синдикатами и что пролетарский контроль может быть эффективным... он сказал нечто новое»²⁸. В этом выводе автора — пролетарский контроль есть «нечто новое» по сравнению с советским государственным контролем — обнаруживается его непонимание классовой сущности рабочего контроля, четко раскрываемой в трудах В. И. Ленина. В апреле — мае 1917 г., когда пролетариат России еще не взял власть в свои руки, необходимо было ставить вопрос о рабочем контроле как «выходе из создавшейся разрухи... разъяснить положение массам и указывать им на ряд практических мер: взять в свои руки синдикаты — контролировать их через Советы Р. и С. Д. и т. д.»²⁹. Следовательно, в тех условиях рабочий класс должен был добиваться установления своего контроля снизу, в явочном порядке, опираясь на местные Советы и другие массовые пролетарские организации. Однако Временное правительство, выступая против рабочего контроля снизу, 5 мая 1917 г. объявило о создании «общественного контроля». Разоблачая фиктивность последнего, В. И. Ленин в своей статье «Идут наперерез» и сказал: «В рабочих кругах растет сознание необходимости пролетарского контроля за фабриками и синдикатами»³⁰, а ему идут наперерез. Эти конкретные обстоятельства и не замечает Э. Карр в своих поисках «противоречий» в ленинских положениях о рабочем контроле.

При освещении истории рабочего контроля после победы Великого Октября буржуазные историки США и Великобритании безуспешно пытаются доказать некий «неизбежный анархо-синдикализм фабзавкомов», их «расхождение с большевиками», «несовместимость идей рабочего контроля и социализма» и т. п. «После Октябрьской революции, — заявляет, например, Ф. Каплан, — различие между целями большевистской партии и многих фабричных комитетов стало очевидно... В фабричных комитетах существовало сильное движение установить на каждой фабрике через фабричные комитеты общее владение ею рабочими... Эта идея была диаметрально противоположна большевистской»³¹. «Неизбежной тенденцией фабричных комитетов, — указывает Э. Карр, — было принятие решений в интересах рабочих данной фабрики или данного региона. Рабочий контроль как форма организации тут же изжил себя в первые недели революции»³².

Следует отметить, что подобные оценки рабочего контроля не новы. Еще в ноябре 1917 г. при обсуждении большевистского проекта закона о рабочем контроле на заседании Петроградского Совета профсоюзоприступавшие там меньшевики призывали ликвидировать рабочий

²⁸ E. Carr. Op. cit., p. 64.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 446.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 38.

³¹ F. Kaplan. Op. cit., p. 372.

³² E. Carr. Op. cit., p. 68.

контроль³³. Эти предложения меньшевиков, отражавшие их неверие в силы рабочего класса и в возможность построения социализма в России, были отвергнуты. Присутствовавшие одобрили ленинские положения о том, что без первого шага (рабочего контроля) «нельзя сделать второго шага к социализму, т. е. перейти к рабочему регулированию производством»³⁴. Эта ленинская идея легла в основу декрета о рабочем контроле, принятие которого было с энтузиазмом встречено трудящимися массами страны. Повсеместное введение рабочего контроля развивало творческую инициативу трудящихся. Решительно пресекая саботаж предпринимателей, рабочие Московской Раменской текстильной фабрики самостоятельно пустили предприятие в ход³⁵. В ответ на саботаж хозяев Петроградского металлического завода рабочие взяли управление предприятием в свои руки. В ноябре 1917 г. было предотвращено закрытие одного из крупнейших машиностроительных предприятий страны — Сормовского завода. Самарский совет фабзавкомов, чтобы не допустить остановки кожевенного завода Ушакова, передал его рабочим³⁶. Рабочие Урала пресекли попытки заводчиков закрыть предприятия и успешно осуществляли мероприятия по демобилизации промышленности в соответствии с наказом Первой областной конференции фабзавкомов Урала³⁷. Уфимский Совет рабочего контроля, образованный в декабре 1917 г., за пять месяцев охватил своей деятельностью все отрасли промышленности города, добился демобилизации предприятий и наладил выпуск продукции для населения³⁸. Таким образом, рабочий контроль после победы Октября не только не «изжил» себя, но, став контролем и «сверху» и «снизу», явился необходимым шагом к регулированию производства и обобществлению промышленности.

Грубым искажением действительности являются и попытки изобразить рабочий контроль после победы Октября как «движение» за установление «на каждой фабрике общего владения ею рабочими». Несомненно, переход предприятий в руки трудящихся был сложным и трудным делом. Фабзавкомы нередко были вынуждены брать предприятия в свои руки без санкции органов Советской власти. К такой практике, ввиду ожесточенного саботажа капиталистов, в условиях борьбы против Каледина, прибегают, например, в 1917 г. рабочие Донбасса³⁹. Однако это были временные меры. Вот почему, когда К. Каутский упреждал на наличие в России анархо-синдикализма, В. И. Ленин с полным основанием отвечал ему, что «ни одна фабрика не была „присвоенна“ рабочими, а все передавались в собственность республики»⁴⁰. Этот ответ можно адресовать тем буржуазным историкам, которые и ныне пытаются извратить историю рабочего контроля в революционной России.

³³ См. «Московский металлист», 1917, № 6, стр. 19.

³⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 185.

³⁵ «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», 30 ноября 1917 г.

³⁶ См. «Национализация промышленности в СССР». Сб. документов и материалов. 1917—1920. М., 1954, стр. 137—138, 178—179; «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии». Документы и материалы. Куйбышев, 1957, стр. 272—273.

³⁷ См. «Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918)». Сб. док. Свердловск, 1958, стр. 51—55.

³⁸ См. В. А. Виноградов. Указ. соч., стр. 56.

³⁹ См. Д. А. Баевский. Указ. соч., стр. 46.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 328.

Характеризуя декрет о рабочем контроле, М. Бринтон категорически заявляет, что он «не дал ничего нового». Ф. Каплан утверждает, будто большевики приняли декрет только из-за того, что боялись потерять поддержку рабочих. Примерно так же оценивает декрет о рабочем контроле П. Арвич⁴¹.

На самом деле этот декрет явился новым важным шагом на пути перехода от анархии и дезорганизации, которые вносили в производство капиталисты, к строжайшему порядку, дисциплине и охране имущества⁴². Так, в первом пункте декрета говорилось: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных... предприятиях... вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия»⁴³. В декрете предусматривалось участие в контроле всех рабочих через фабзавкомы, советы старост и другие выборные органы. Устанавливалась структура органов рабочего контроля — местные Советы рабочего контроля из представителей профсоюзов, фабзавкомов и рабочих кооперативов и Всероссийский Совет рабочего контроля как высшая инстанция. Декретом отменялась коммерческая тайна и устанавливалась обязательность выполнения владельцами предприятий решений органов рабочего контроля. Таким образом, в декрете нашла свое отражение генеральная линия партии на постепенное преобразование экономики на социалистических началах.

Факты истории свидетельствуют о том, что, опираясь на этот декрет, рабочие сделали первый шаг к национализации промышленности. Эти факты опровергают и заявления о некоем «тактическом» характере декрета о рабочем контроле. На самом деле он положил начало социалистическому контролю над производством.

Буржуазные историки нередко выдвигают тезис, будто большевики, сделав определенную уступку, узаконив рабочий контроль, стремились постепенно отстранить рабочих от власти⁴⁴. Искажая всю историю перехода от рабочего контроля к рабочему управлению, Э. Карр и Ф. Каплан, например, считают, что средством отстранения рабочих от управления экономикой страны был ВСНХ⁴⁵. П. Арвич рассматривает объединение профсоюзов и фабзавкомов в единую организацию также как средство борьбы с рабочим контролем⁴⁶. М. Бринтон в своих нападках на пролетариат России, на Советское государство идет еще дальше. Он пишет, что «создание ВСНХ... подчинение профсоюзам фабзавкомов привели к тому», что государство уже «не являлось на деле институтом, управляемым рабочим классом»⁴⁷.

Все эти домыслы буржуазных историков не имеют ничего общего с действительностью. Рабочий контроль, который к началу 1918 г. был введен почти на всех промышленных предприятиях страны, закономерно подводил к следующему шагу на пути к социализму — к созданию ВСНХ, рабочему управлению. На базе органов рабочего контроля шло формирование Советов народного хозяйства во главе с ВСНХ. На III Всерос-

⁴¹ М. Brinton. Op. cit., p. 15; F. Kaplan. Op. cit., p. 373—374; P. Arvich. Op. cit., pp. 165—166.

⁴² В. И. Ленин. ПСС, т. 34 стр. 192.

⁴³ См. «Правда», 17 ноября 1917 г.

⁴⁴ См., напр., М. Brinton. Op. cit., p. 18; P. Arvich. Op. cit., p. 166.

⁴⁵ E. Carr. Op. cit., p. 79; F. Kaplan. Op. cit., pp. 373—374.

⁴⁶ P. Arvich. Op. cit., p. 169.

⁴⁷ М. Brinton. Op. cit., p. 23.

сийском съезде Советов (январь 1918 г.) В. И. Ленин говорил: «От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства»⁴⁸. В создании ВСНХ и всей системы СНХ огромную роль сыграли фабзавкомы, их Центральный Совет, контрольные комиссии, профсоюзы. Так, например, Совет народного хозяйства Северного района стал фактически преемником Центрального Совета фабзавкомов Петрограда⁴⁹. Именно передовые рабочие, получившие закалку в фабзавкомах, контрольных комиссиях, в Советах рабочего контроля, выдвигались в первую очередь на работу в ВСНХ, в областные, губернские и уездные СНХ, в правления национализированных предприятий, трестов. Именно из органов рабочего контроля и профсоюзов были выдвинуты большевистской партией такие руководители и талантливые организаторы промышленности, как В. Я. Чубарь, Я. Рудзутак, Д. Вейнберг, А. В. Шотман и др. Согласно отчету ВСНХ, в 1920 г. среди членов Президиума ВСНХ и президиумов губернских СНХ было 57,2% рабочих, а в коллегиях главных управлений, отделов рабочие составляли 51,4%⁵⁰. Много рабочих входило и в заводууправления. Так, на 63 национализированных текстильных предприятиях Московского промышленного района среди членов заводууправлений рабочие составляли 54,75%⁵¹. Столь же необоснованны выводы буржуазных советологов относительно слияния фабзавкомов и профсоюзов. На самом деле эта мера отразила процесс укрепления политических и экономических позиций диктатуры пролетариата. В связи с расширением задач социалистического строительства повышалась и роль всех государственных и общественных организаций. Необходимо было приобщать к активному созидательному труду широкие слои трудящихся масс. Этим и объясняется слияние фабзавкомов с профсоюзами, а следовательно, и повышение роли последних в деле воспитания, мобилизации и организации трудящихся масс как самых массовых организаций рабочего класса.

Таким образом, современная англо-американская буржуазная историография, пытаясь в искаженном виде представить практику проведения рабочего контроля в период Октябрьской социалистической революции имеет вполне определенную цель — дискредитировать опыт первой в мире социалистической революции, марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 274.

⁴⁹ Д. А. Басевский. Указ. соч., стр. 30.

⁵⁰ См. «Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов». М., 1920, стр. 14.

⁵¹ См. В. З. Дробижев. К истории органов рабочего управления на промышленных предприятиях в 1917—1918 гг. «История СССР», 1957, № 3, стр. 45—46.

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА СТРАНИЦАХ НОРВЕЖСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ (60—70-е годы)

В 1960 г. в статье «К истории скандинавской славистики» А. Стендер-Петерсен указывал на несистематический характер исследований по данной проблематике в Скандинавских странах¹. Он отмечал и отсутствие специальных учреждений, которые могли бы объединить ученых-славистов Скандинавии.

¹ А. Стендер-Петерсен. К истории скандинавской славистики. «Scando-Slavica», t. VI, 1960, стр. 5—18.

Эти замечания А. Стендер-Петерсена можно отнести и к состоянию изучения славистики в Норвегии. Вплоть до конца 60-х годов единственным учреждением, объединявшим норвежских специалистов в области славянской истории и филологии, была основанная в 1896 г. кафедра славистики на историко-философском факультете Университета в Осло. Лишь несколько лет назад был организован специализированный Институт славянско-балтийских исследований (Slavisk-Baltisk Institut) при Университете в Осло, объединивший специалистов в области славянской истории и филологии.

Для норвежской славистики характерно преимущественное внимание к русской истории и филологии, в то время как язык, литература и история других славянских народов практически не изучаются. Работы по славистике публикуются в различных журналах Норвегии. Центральным изданием исторического профиля является «Исторический журнал» («Historisk tidsskrift»), выходящий в Осло при «Норвежском историческом обществе»². Основная задача этого издания — разработка важнейших вопросов норвежской и скандинавской истории в целом. В нем публикуются статьи, сообщения, рецензии, ежегодная библиография работ по скандинавистике, вышедших в Норвегии и других странах. Значительное внимание уделяется средневековой истории Скандинавии и, как одному из ее аспектов, скандинаво-русским связям эпохи феодализма.

Два издания Норвежской академии наук: «Доклады» («Avhandling») и «Записки» («Skrifter»), выходящие с начала 60-х годов, публикуют исследования по истории и филологии³.

С 1972 г. начали издаваться «Сообщения Славянско-балтийского института» («Slavisk-Baltisk Institut, Meddelelser») ⁴. В основном они содержат исследования по филологии. Однако два выпуска были посвящены библиографии работ по культуре славянских и балтийских народов⁵. Библиография содержит обширный (более 200 наименований в выпуске) перечень вышедших в Скандинавии работ по данному вопросу с указанием рецензий на них.

Издаваемый «Норвежским археологическим обществом» ежегодник «Викинг» («Viking») ⁶ содержит статьи по проблемам древнейшей и средневековой истории Скандинавских стран, сообщения и отчеты о производимых в Скандинавии (преимущественно в Норвегии) раскопках. Статьи в «Викинге» поднимают ряд теоретических и методологических проблем исторического и археологического исследования средневековья⁷. Довольно широко освещаются связи Скандинавии с Русью, Визан-

² Общество основано в 1869 г., журнал выходит с 1871 г. 4 раза в год. Редакторы журнала с 1971 г. — П. Фуглум и Ф. Сейерстед.

³ Проблемам древнерусского и сравнительного языкознания посвящены работы: R. Røed, *Zwei Studien über den prädikativen Instrumental im Russischen*. «Avhandling», 1966, в. 12; Chr. Stang, *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen*. «Skrifter», 1972, в. 11; A. Gallis, *Beiträge zur Syntax der Richtungsverba in den Slavischen Sprachen*. «Skrifter», 1973, в. 12.

⁴ Ответственный редактор этого издания С. Лунден. Особое внимание журнал уделяет истории русской литературы XIX — начала XX в. Так, изучению творчества М. Горького в Норвегии и его влияния на норвежское рабочее движение посвящена работа: G. Kjetsaa, *Maksim Gor'kij Norge*. «Meddelelser», 1975, № 6.

⁵ См. E. Egeberg, *Norsk litteratur om de slaviske og baltiske folks kultur. Materiale til en bibliografi*. «Meddelelser», 1973, в. 3; 1974, в. 5.

⁶ Ежегодник издается с 1936 г. Ответственные редакторы — Б. Хоуген и А. Шельсвальд.

⁷ См., напр., K. R. Møllenhuis, *Språk, etnogenetikk og arkeologi*. «Viking», 1965, в. 29, с. 191 — 198.

тней, а также странами Западной Европы. На страницах журнала публикуются и работы зарубежных ученых по вопросам средневековой истории.

Начиная с 1968 г., «Норвежское археологическое общество» приступило к изданию еще одного журнала — «Норвежского археологического обозрения» («Norwegian Archaeological Review» — ответственный редактор Б. Мюре), перед которым поставлена задача обсуждения важнейших методологических проблем истории и археологии Европы и других регионов. Публикация проблемных статей должна, по мнению редколлегии, сопровождаться их обсуждением на страницах журнала специалистами как из Норвегии, так и из других стран. Опыт дискуссии по статье советского исследователя Д. А. Авдусина⁸, посвященной оценке археологических материалов по «варяжскому вопросу», продемонстрировал ценность таких обсуждений. Она позволила не только уточнить и систематизировать уже известные данные, но и наметить пути дальнейшего изучения археологических источников и поставить ряд важных методологических вопросов, в частности, об этнической идентификации археологического материала.

Изучение истории Древней Руси занимает значительное место в работах норвежских исследователей, посвященных проблемам средневековья. Однако достаточно широко разрабатываются лишь отдельные, традиционные для скандинавской науки вопросы. Славистика в Скандинавии развивалась в XIX — начале XX в. преимущественно как одна из отраслей языкознания: на первый план были выдвинуты различные аспекты изучения славянских языков, а также сравнительное славяно-германское языкознание. Поэтому проблемам древнерусского языка и русско-германских языковых связей посвящено значительное число работ. Тематика исторических исследований в основном связана с историей русско-скандинавских связей эпохи средневековья. Этим сюжетам посвящены исследования в области источниковедения, социально-экономической и социально-политической истории.

Проблемам источниковедения уделяют значительное внимание крупнейшие норвежские слависты К. Сельнес, К. Станг и др. Значительный интерес представляют указания К. Сельнеса⁹ на фольклорные (легендарные) элементы в исландских сагах, сообщающих о походах на Русь и в Восточную Европу, перекличку этих элементов с фольклорными мотивами в русских летописях¹⁰. Сопоставление рассказа в «Саге о Бьярни» о единоборстве Бьярни, состоящего на службе у русского князя Вальдимара, с иноземным богатырем Кальдимаром и повествования русских летописей о поединке с Редедой представляется достаточно обоснованным, как и предположение К. Сельнеса о проникновении славянских фольклорных мотивов в Скандинавию в результате миграции населения. Разумеется, исследование одного сюжета не может дать достаточных оснований для более широких выводов, однако оно в опреде-

⁸ D. Avdusin, Smolensk and the Varangians according to the Archaeological Data. «Norwegian Archaeological Review», 1969, vol. 2, pp. 52—62. Выступления скандинавских специалистов см. 1970, vol. 3, 1971, vol. 4; выступления советских археологов см. 1973, vol. 6.

⁹ Kåre Selnes, магистр славистики, преподаватель русской истории в Университете в Осло, автор ряда статей и монографии «Norge-Russland grannfolk gjennom tusend år» (Oslo, 1972). См. рецензию И. П. Шаскольского. «История СССР», 1974, № 2, стр. 196—199.

¹⁰ K. Selnes, Russisk historie i norrøn saga. «Historisk tidsskrift», 1965, b. 44, h. 2, s. 141—150.

ленной мере подтверждает плодотворность высказанного А. Стендер-Петерсеном предположения о широком культурном (и, в частности, литературном) взаимовлиянии Византии, Руси и Скандинавии в X—XII вв.¹¹

Публикация трех русских документов¹², обнаруженных О. Брохом во время его пребывания в Москве в конце 1920-х — начале 1930-х годов, позволяет осветить отношения Норвегии и Руси в первой половине XVII в.¹³ Это отчеты русских чиновников, посланных правительством на Кольский полуостров и побережье Белого моря (Терский берег) для сбора дани с местного населения. Они содержат сведения о сферах влияния Норвегии и России, об отношении саамов к акциям как той, так и другой страны, любопытный этнографический материал. Издание оригинальных текстов снабжено переводом их на норвежский язык, примечаниями и кратким комментарием.

Учебные цели преследует публикация отрывков из «Повести временных лет», осуществленная С. Лунденом¹⁴. Рассчитанные на студентов-славистов комментарии, как и введение, написанное К. Сельнесом, опираются на современный уровень исследования «Повести временных лет» и, не претендуя на специальное изучение материала, с достаточной полнотой раскрывают перед студентами широкий круг вопросов ранне-средневековой истории Руси.

Комплексный характер носит исследование Б. Клейбера (Финляндия) о топонимах, сохранившихся в норвежской рунической надписи из Альстада (Vitaholm и Ustaholm)¹⁵. Автор исходит из материалов раскопок, произведенных Б. А. Рыбаковым в 1959—1961 гг. в г. Витичеве, в результате которых было обнаружено сооружение, интерпретированное Б. А. Рыбаковым как сигнальная башня, на верхней площадке которой разводился костер для передачи сигнала об опасности в Киев¹⁶. Рассматривая летописный Витичев как пункт передачи световых сигналов в Киев, Б. Клейбер сопоставил его название с древнеисландским *viti/vete*, обозначающим «штабель дров для световой сигнализации». Предполагая, что световая сигнализация была неизвестна славянам и являлась специфически скандинавским обычаем, автор пришел к выводу, что славяне заимствовали обычай сигнализации и термин *viti*, его обозначающий. Последний и послужил, по мнению Б. Клейбера, основой для образования названия города, где впервые была применена световая сигнализация. Определяя время введения сигнализации и, соответственно, образования города, Б. Клейбер обращается к сообщению «Повести временных лет» об основании князем Олегом укреплений для защиты Киева от кочевников. Он считает, что именно тогда дружинниками Оле-

¹¹ См. A. Stender-Petersen. *Varägersage als Quelle der Allrussischen Chronik*. [«Acta jütlandica», Århus, vol. VI, № 1], 1934.

¹² ЦГАДА. Датский архив. Русские акты №№ 113, 115, 117.

¹³ O. Broch, Chr. Stang. *Russiske Aktstykker fra det 17de Arhundrede til Finnmarks og Kolahalvøens historie*. «Avhandlingar», 1961, № 1. Подробнее об этом издании см.: И. П. Шаскольский. Публикация документов ЦГАДА в Норвегии. «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 106—109.

¹⁴ «Gammel-russiske tekster fra Povest' vremennych let», med gloser og kommentarer ved S. Sv. Lunden. Universitet i Oslo. Slavisk-Baltisk Institut. 1973, Oslo.

¹⁵ B. Kleiber. *Alstadsteinen i lyset av nye utgravninger ved Kiev*. «Viking», 1965, b. 29, s. 61—75.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси». «Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965 г.)». М., 1965, стр. 33—38; его же. Владимирова крепость на Стугне. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 100. М., 1965, стр. 126—129.

га, скандинава по происхождению, имевшего, очевидно, варяжскую дружину, и был основан г. Витичев как один из пунктов передачи световых сигналов в Киев.

Выводы Б. Клейбера вызывают существенные возражения.

Во-первых, световая сигнализация была известна далеко не только скандинавам, а и народам лесостепной и степной зоны Восточной Европы. Поэтому скандинавы вряд ли могли передать этот обычай славянскому населению, уже знакомому с ним. Это обстоятельство лишает правдоподобия саму мотивацию заимствования слова *viti-vete*.

Во-вторых, слоев, датируемых концом IX в., в городищах Витичева обнаружено не было. Первое же упоминание Витичева содержится в сочинении Константина Багрянородного (948—952 гг.)¹⁷; таким образом, предположение об основании Витичева в IX в. ничем не подтверждается. Наиболее раннее указание в русских летописях (1095 г.) относится собственно не к г. Витичеву, а к Витичевскому холму, на котором Святополк основал город. Каково взаимоотношение топонимов* *Витичев* Константина — *Витичевский холм* летописи и современного г. *Витичев* — сказать трудно. Не лишено основания предположение М. Н. Тихомирова о том, что г. Витичев эпохи Константина на какое-то время потерял свое значение и был заброшен вплоть до конца XI в.¹⁸, название же старого города закрепилось в форме прилагательного за высоким берегом Днепра, который и стал называться Витичевским холмом.

В-третьих, этимология, предложенная Б. Клейбером, вызывает большие сомнения. Если оформление скандинавского слова формантом *-ev* еще можно было бы объяснить топографически, то наличие промежуточного суффикса *-иц-* или *-ч-* совершенно неясно.

В настоящее время не представляется возможным установить происхождение названия *Витичев*¹⁹, однако и сопоставление его с древнеисландским *viti* не может считаться правомерным. Что же касается топонима *vitaholm* в рунической надписи из Альстада, то его сопоставление с названием *Витичев* (вне связи как того, так и другого с древнеисландским *viti*) или *Витичевский холм* — представляется допустимым. По свидетельству «Повести временных лет», топоним *Витичевский холм* бытовал именно в XI в., когда русские князья неоднократно приглашали скандинавские наемные отряды для борьбы со своими политическими противниками как на Руси, так и за ее пределами. Руническая надпись из Альстада также относится к концу XI в. Не исключено, что Торальд, в честь которого установлен памятник из Альстада, был дружинником в отряде, отражавшем нападения кочевников, и погиб где-то поблизости от брода у Витичевского холма.

Среди статей, характеризующих отдельные аспекты исторических связей Древней Руси и Скандинавии, можно отметить работу К. Сельнеса, посвященную взаимоотношениям русского и скандинавского древнейшего права²⁰. Автор замечает, что большинство скандинавских исследователей считает бесспорным влияние шведского областного права на нормы права русского, следы чего они обнаруживают в «Русской правде», особенно в ее краткой редакции. К. Сельнес справедливо пока-

¹⁷ «Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio». Ed. G. Moravcsik, t. 1. Dumbarton Oaks, 1967, p. 59.

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 14.

¹⁹ См. С. Роспюнд. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. «Восточнославянская ономастика». М., 1972, стр. 14.

²⁰ K. Selnes. Gamalrussisk rett og nordisk lov. «Historisk tidskrift», 1963, b. 42, h. 2, s. 113—127.

зывает, что многие черты сходства правовых норм обеих стран обусловлены общими для них процессами исторического развития и могут поэтому рассматриваться как типологические, а не генетические. Он указывает на некоторые общие тенденции в развитии права: постепенную замену денежными штрафами обычая кровной мести (в «Русской правде» и норвежских областных судебныхниках); введение церковных наказаний — ордалий и т. д. Сходство отдельных статей «Русской правды» и «Законов Гулатинга» (один из областных норвежских судебныхников) еще не дает основания, по мнению К. Сельнеса, говорить о непосредственном влиянии скандинавского права на «Русскую правду». Автор показывает, что «Русская правда» была создана на русской почве и отразила условия жизни древнерусского, а не какого-либо иного общества.

Статья Э. Хоуген о торговле и торговых путях в эпоху викингов носит в основном обзорный характер, суммируя уже известные данные²¹. Представляется справедливым мнение исследовательницы о том, что сокращение археологического материала к XI в. обусловило парадоксальное положение, при котором характеристика торговых отношений Скандинавских стран как с Западной, так и Восточной Европой значительно менее подробно и полна для XI в., чем для предшествующего периода. Поэтому автора преимущественно интересует торговля именно в XI в. Пользуясь данными археологических и особенно нумизматических исследований, Э. Хоуген выясняет основные направления торговли, а также маршруты скандинавских купцов в торговые центры Западной и Восточной Европы. Особенно ценно выявление автором предметов импорта и экспорта в скандинавской торговле с другими странами, в том числе и с Древней Русью, а также анализ ее интенсивности в различные периоды времени.

* * *

Хотя количество работ по истории Древней Руси в норвежской периодике последних 15 лет невелико, большинство из них посвящено вопросам, сохраняющим свою актуальность и в настоящее время. Эти работы позволяют более полно, а иногда и с новой стороны осветить отдельные периоды или эпизоды в русско-скандинавских отношениях средневековья. Заслуживает внимания и постановка ряда вопросов методологического характера в области археологии и истории; их дальнейшая разработка будет способствовать расширению и уточнению наших знаний о русской и скандинавской истории X—XI вв.

²¹ E. Hougén. Handel og samferdsel i nordens vikingtid. «Viking». 1965, b. 29, s. 167—190.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ЧЕШСКО-РУССКИХ, СЛОВАЦКО-РУССКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЯХ

В связи с 250-летием Академии наук СССР чехословацкие ученые опубликовали ряд работ, посвященных истории научных связей народов наших стран. О двух книгах из этой серии пойдет речь ниже¹.

Автор одной из них — Я. Вавра — известен советским исследователям как специалист в области чешско-русских связей XVIII—XIX вв. Книга «Чешско-русские научные связи в эпоху Просвещения. Игнац Борн, Чешское общество наук и Петербургская Академия наук в годы 1774—1791» является плодом его многолетних исследований. Работа написана на основании документальных материалов, извлеченных автором из Архива Академии наук в Ленинграде, Архива внешней политики России (фонд «Сношения России с Австрией»), Архива Баварской академии наук (Мюнхен), Австрийского государственного архива (Вена) и архива Королевского Чешского общества наук. Автор использовал и опубликованные источники, в том числе «Протоколы заседаний Императорской Академии наук» за 1726—1803 гг., корреспонденцию Й. Добровского, Матея Беда, ряда чешских научных обществ и другую научную периодику и прессу Петербурга, Праги, Парижа, Вены и некоторых городов Германии.

Следует отметить, что данная тема еще недостаточно освещена в литературе². Я. Вавра обстоятельно показывает русско-чешские научные связи 70-х годов XVIII в., отмечая их интенсивный характер. Первопроходцем в налаживании чешско-русских контактов был И. Борн, химик и минералог, основатель Чешского общества наук в Чехии. На основании архивных материалов Я. Вавра рисует энергичные действия И. Борна по налаживанию контактов с Петербургской Академией наук. Стремление чешского ученого стать иностранным членом Академии объясняется, по мнению автора, высоким научным авторитетом последней. И. Борн был избран членом Петербургской Академии наук в 1776 г., и как ее иностранный член имел право получать академические издания, а также обязан был присылать в Петербург свои труды. Начался интенсивный обмен литературой и научной информацией. И. Борн переписывался с П. С. Палласом и другими русскими академиками.

В 80-е годы XVIII в. он усовершенствовал метод извлечения драгоценных металлов из руд и информировал об этом ученых Петербургской Академии³. Открытие чешского исследователя вызвало большой интерес в России — в Австрию были посланы специалисты для ознакомления с новым методом. Бергколлегия попросила выслать на русские заводы специалистов из Чехии и Словакии, однако австрийское правительство не дало на это своего согласия⁴.

Связи между чешской и русской наукой в XVIII в., отмечается в рецензируемой работе, проявлялись прежде всего в контактах специалистов в области естественных наук. Однако, как указывает Я. Вавра, имели место и связи в области гуманитарных исследований. Так, в Чехии были известны исторические сочинения М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, Г. З. Байера, А. Л. Шлецера. Выдержки из работ этих ученых имеются в трудах Ф. Пубички, Г. Добнера, А. И. Фойгта.

Я. Вавра замечает, что в 80-е годы XVIII в. в библиотеке Пражского университета имелись периодические издания Петербургской Академии наук, начиная с 1726 г. Впрочем, этот факт не явился результатом прямых контактов ученых обеих стран. В 1780 г. в университетскую библиотеку поступило собрание книг Кинских. Связи этой семьи с Россией установились еще в эпоху Петра I: в 1721 г. С. Кинский был первым австрийским послом в России. В фонде Кинских и хранились издания Академии.

¹ J. Vávra, *Osvícenská éra v česko-ruských vědeckých stycích. Ignac Born, česká společnost nauk a Petrohradská akademie věd v letech 1774—1791*. Praha, 1975, 154 str.; «Nastíní vztahů mezi československou a sovětskou vědou». Praha, 1975, 114 str.

² Отдельные сюжеты затрагивались в статьях Я. Вавры и некоторых других чехословацких историков. Из работ советских исследователей отметим в этой связи монографию А. С. Мыльниковой. См. А. Мыльников, *Vznik osvícenského ideologie v českých zemích 18. stol.* Praha, 1974.

³ Это письмо найдено Я. Ваврой в ААН ЛО и публикуется в книге (см. стр. 98—100).

⁴ На стр. 102—110 публикуется переписка по данному вопросу между русским послом в Австрии кн. Д. М. Голицыным и президентом Иностранной коллегии России И. А. Остерманом (извлечено из АВПР).

Об осведомленности чешских ученых о достижениях русской науки свидетельствуют публикации журнала «Abhandlungen der Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften zu Prag» — орган Частного общества наук. Здесь был напечатан перевод одного из математических трактатов Л. Эйлера, статья чешского ботаника И. Майера, дополнявшая труд русского академика И.-Г. Гмелина «Флора Сибири», изданный Петербургской Академией наук в 1747—1749 г.

Автор ставит в своей книге ряд важных вопросов, в том числе проблему отражения в чешской науке того времени славянского самосознания и об использовании в ней славянских языков.

Я. Вавра подчеркивает момент, стимулировавший интерес чешских ученых к русской науке. Ученые России в своей деятельности пользовались не только западноевропейскими и латинскими языками, но и языком национальным. Это имело огромное значение для чехов, поскольку требование права пользоваться родным языком являлось одним из важнейших элементов борьбы чешского народа за национальные права.

Вторая работа — «Очерки истории связей между чехословацкой и советской наукой» — подготовлена коллективом чехословацких историков в составе К. Германа, осуществившего общую редакцию работы, Ч. Аморта, Зд. Сладека, В. Лассу и Я. Вавры. Книга прослеживает основные вехи чешско-русских, словацко-русских и чехословацко-советских научных связей. Таким образом, эта работа является первой попыткой написания обобщающего труда по данной теме.

В разделе, посвященном периоду XVIII — первой половине XIX в., отмечается большое значение открытия Академии наук в Петербурге, высокий научный авторитет этого учреждения. О связях ученых Академии с чешскими учеными свидетельствует переписка чешского астронома, физика и синолога К. Славичка с петербургскими академиками Ж. Делилем и Т. С. Байером. Последний переписывался также с руководителем Братиславского евангелического лицея М. Белом.

Дальнейшее развитие научных контактов авторы работы относят к концу XVIII — началу XIX в., связывая его прежде всего с деятельностью Чешского общества наук. В рецензируемой работе подчеркивается, что в начале XIX в. большое развитие получают связи в области гуманитарных наук. Представляется справедливым и вывод о том, что причину следует искать в возросшем интересе к славистике как в России, так и в Чешских землях. В России это выразилось прежде всего в деятельности кружка Н. П. Румянцева, которая была невозможна без обмена результатами научных изысканий, прежде всего по проблемам изучения древнеславянского, церковнославянского и древнерусского языков. В работе справедливо указывается, что книга великого чешского ученого И. Добровского «Основы славянского языка» получила широкую известность в России. Однако утверждение, что она легла в основу всей русской славистики (стр. 28) вызывает возражение. Известно, например, что А. Х. Востоков разделял далеко не все положения И. Добровского. Основы русской славистики выросли скорее на отечественной почве.

Следует согласиться с выраженной в «Очерке» мыслью, что в первой половине XIX в. научные связи значительно расширились, а Прага стала центром подготовки русских специалистов по изучению западных и южных славянских народов.

Вторая половина XIX в. справедливо характеризуется в «Очерке» как время интенсификация научной жизни в Чехии и Словакии (открытие в 1862 г. Словацкой матицы, а в 1890 г. — Чешской Академии наук и искусств). Видимо, из-за краткости «Очерка» его авторы нишут о русской богемистике второй половины XIX в. весьма бегло. Может создаться впечатление, что в русской богемистике и славистике вообще в этот период произошло мало изменений по сравнению с первой половиной века. На самом деле это не так. Русские специалисты по истории Чехии не только пошли по новому пути в изучении гуситского движения (что отмечено в «Очерке»), но и разработали отличающуюся от прежней концепцию истории догуситской Чехии (А. Н. Яценский), вызвавшую полемику в чешской литературе, открыли важные материалы по идеологии послегуситского периода и др.

В работе указано, что русский славист Н. В. Ястребов выступил за разоблачение известных фальсификаций — рукописей Краледворской и Зеленогорской (РКЗ), ставших объектом полемики на многие десятилетия. Приходится пожалеть об отсутствии в «Очерке» научного аппарата, так как в литературе нет сведений об этом выступлении Н. В. Ястребова. Известно, что с разоблачением РКЗ выступали многие русские историки, в том числе В. Ламанский, В. Макушев и др. В этой связи не вполне ясно, почему в рецензируемом издании не отмечены эти известные исследования работы.

Касаясь периода конца XIX и начала XX в., авторы «Очерка» рассказывают о плане созыва съезда филологов славянских стран, а также о задуманном издании «Энциклопедии славянской филологии». Автором плана этого издания в работе назван знаменитый славист И. В. Ягич (стр. 38). Здесь следовало бы внести некоторые уточнения. Вероятнее всего, И. В. Ягич работал совместно с рядом членов Отделения русского языка и словесности Петербургской Академии наук. Во всяком случае, когда в 1903 г. в Петербурге состоялся «Предварительный съезд славянских филоло-

гов», то план издания «Энциклопедии» излагался в докладе акад. А. А. Шахматова, а его исторический раздел был разработан А. Н. Ясинским. Председательствовавший на предварительном съезде И. В. Ягич произнес лишь вступительную речь.

В «Очерке» приводятся некоторые сведения о связях между советскими и чехословацкими учеными межвоенных лет. Понятно, что этот раздел невелик; ведь период 1918—1945 гг. характеризовался резким ослаблением и даже полным разрывом научных связей между Чехословакией и Советским государством.

После окончания второй мировой войны чехословацкие ученые оказали эффективную помощь в становлении науки молодого Чехословацкого социалистического государства. В рецензируемой работе характеризуются основные линии развития чехословацкой науки за последние четверть века. Научные связи двух стран авторы подразделяют на два этапа: 1952—1965 гг. и 1965—1975 гг. На первом этапе произошел переход от обмена информацией к практическому сотрудничеству, выполнению совместных исследований. Для второго периода характерно выполнение совместных долгосрочных перспективных программ во всех областях знаний. Авторы «Очерка» справедливо подчеркивают, что совместные исследования ученых Чехословакии и Советского Союза способствуют повышению экономического потенциала, служат дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества их народов.

Подводя итог, следует отметить, что ученые ЧССР подготовили две интересные работы, которые вносят ценный вклад в изучение истории научных связей народов Чехословакии и Советского Союза.

Л. П. Лаптева

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1975, N 5.

Internationales Symposium des IML zum 30. Jahrestag der Befreiung.

В журнале помещено сообщение о Международном симпозиуме, посвященном 30-летию Победы над фашизмом, организованном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ 7—8 апреля 1975 г., и опубликованы выступления ученых ГДР, СССР и других социалистических стран, в которых отмечается всемирно-историческое значение победы Советского Союза во второй мировой войне и освобождения народов Европы от фашизма.

«Slavia orientalis», Warszawa, 1976, N 1.
Z. Wójcik. Polska a Rosja w wieku XVII. Zagadnienia rozwoju wewnętrznego.

В статье «Польша и Россия в XVII в. Проблемы внутреннего развития» З. Вуйчик характеризует отношения между Польшей и Россией в XVII в. в тесной связи с важнейшими моментами в их социально-экономическом развитии и внутривосточной истории. Автор отмечает значительный рост экономического могущества России XVII в. и укрепление Русского централизованного государства, рассматривает причины внутренней слабости Речи Посполитой в этот период.

G. Kurpisowa. Dekabryści a sprawa polska. W stu pięćdziesięciolecie powstania dekabrystów.

В статье «Декабристы и польский вопрос. К 150-летию восстания декабристов» Г. Курписова на основании советских и польских документальных публикаций, а также ряда исследований польских и советских авторов характеризует связи декабристов с польскими революционерами, а также анализирует позицию декабристов по польскому вопросу, отраженную в их программных документах.

«Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego», Nauki humanistyczno-społeczne, Łódź, 1975, N III.

V. Бортиновский. К вопросу об участии грузин в польском партизанском движении в 1941—1944 гг.».

В основу статьи В. Бортиновского положен доклад, прочитанный автором в 1972 г. на историческом факультете Тбилисского университета. В работе освещается история создания и деятельности польских партизанских отрядов, в которых участвовали советские военнопленные грузинской национальности, а также самостоятельных партизанских формирований советских граждан. Статья написана на материалах исследований польских и советских исто-

риков, а также архивов ПНР (Центральный архив ЦК ПОРП, Архив Военно-исторического института и Архив Главного управления Союза борцов за свободу и демократию).

A. M. Brzeziński. Próby porozumienia angielsko-rosyjskiego w 1903—1904 r.

В статье «Попытки заключения англо-русского соглашения в 1903—1904 гг.» А. М. Бжезинский анализирует англо-русские отношения начала XX в., характеризует попытки Англии заключить соглашение с царской Россией накануне и в период русско-японской войны 1904—1905 гг. В работе использованы материалы русских, английских и французских публикаций дипломатических документов, периодической печати, мемуарная литература, а также работы ряда советских и зарубежных авторов.

W. Baranowski. Agatona Gillera rozważania nad stosunkami społecznymi i kulturą ludową rosyjskiej wsi na Zabajkalu.

В статье «Размышления Агатона Гиллера над общественными отношениями и народной культурой русской деревни в Забайкалье» В. Барановский рассматривает содержание трехтомной монографии известного польского политического деятеля XIX в. А. Гиллера, посвященной русской деревне Забайкалья первой половины XIX в., подчеркивает ценность этой работы для современной науки.

Eu. Iwaniec. Kontakty środowiska «Kołokoła» ze staroobrzędowcami na Mazurach.

В статье «Контакты сотрудников „Колокола“ со старообрядцами на Мазурах» Э. Иванец рассматривает взаимоотношения редакции герценовского «Колокола» со старообрядцами на Мазурах (в настоящее время Ольштынское воеводство ПНР), и ее стремление привлечь старообрядцев

к революционной борьбе против царского правительства. Статья написана на основании переписки Н. Огарева и А. Герцена с Павлом Пруским и Константином Голубевым, а также на материалах русской периодики 60-х годов XIX в. («Литературное наследство», «Современная летопись» и др.).

«Slovansky prehled», Praha, 1976, N 1.

F. Šrom. Leninské řešení rolnické otázky v SSSR a některé otázky boje s revizionismem.

Ф. Шром в статье «Ленинское решение крестьянского вопроса и некоторые проблемы борьбы с ревизионизмом» подвергает критике ревизионистские концепции коллективизации сельского хозяйства в СССР. Автор приходит к выводу, что борьба против ревизионистских извращений общих закономерностей социалистической революции и строительства социализма в СССР, а также ленинских принципов решения аграрного вопроса — важнейшее направление идеологической борьбы на современном этапе.

«Slovansky prehled», Praha, 1976, N 2.

J. Vávra. Československo-sovětský institut v letech 1950—1954. K. Herman. Československo-sovětský institut ČSAV v letech 1954—1964.

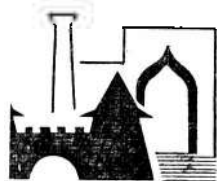
Č. Amort. Československo-sovětský institut ČSAV v letech 1964—1976.

J. Hrozičnik. Československo-sovětský Institut Slovenkej akadémie vied.

В журнале опубликованы статьи Я. Вавры, К. Германа, Ч. Аморта, об основных направлениях деятельности Чехословацко-советского института в Праге за 1950—1976 гг., а также статьи И. Грозиенчика о работе его филиала — Чехословацко-советского института Словацкой академии наук в Братиславе.



ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ



В. А. КУЧКИН

О НИЖНИХ НОВГОРОДАХ — «СТАРОМ» И «МЕНЬШОМ»

Среди известий о средневековом Нижнем Новгороде внимание исследователей нижегородской старины давно привлекают к себе летописные описания событий 1445 г. В этих описаниях упоминаются Нижний Новгород «старый» и Нижний Новгород «меньшой». Что это были за города, когда возникли (в XV в. или раньше), где они были расположены — в этом и заключалась загадка, над решением которой еще с прошлого столетия бились историки Нижнего Новгорода, но так и не пришли к единому выводу. Некоторые из них со «старым» городом связывали вообще начало Нижнего Новгорода. И этот вопрос о генезисе одного из крупнейших городов России не может не вызывать серьезного научного интереса и по сей день. Конечно, для его решения требуется привлечение не только письменных, но и различных других источников, в частности, археологических и фольклорных. Тем не менее указания на «старый» и «меньшой» Нижние Новгорды в XV в. нуждаются в подробном самостоятельном рассмотрении, результат которого может существенно повлиять на представления о возникновении Нижнего.

Однако, прежде чем остановиться на научных мнениях относительно двух городов при слиянии Оки и Волги в XV в., необходимо рассмотреть тот летописный материал, в котором содержатся упоминания о Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом».

Различные русские летописные своды варьируют описание событий 1445 г. Так, в Ермолинской летописи, в основе которой лежит свод 1472 г., под 1445 г. читается следующий текст: «Царь прииде къ Мурому отъ Новагорода отъ Нижняго, и князь великы поиде противу ему къ Володимерю и посла на него воеводы, они же шедше и побиха татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костянтиновича въ Гороховцѣ под Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого князь Феодоръ Давидовичъ да панъ Юшко Драница»¹. Речь, как видно из приведенного отрывка, идет о нападении царя (татарского хана Улуг-Мухаммеда) на Нижний Новгород, выступлении против него великого князя Василия Васильевича, поражении татарских отрядов. Далее текст не вполне ясен, бесспорно лишь то, что в «Новом» сели в осаду («затворишася») два русских воеводы.

Неясности текста Ермолинской летописи — древнейшей из сохранившихся с описанием русско-татарских столкновений 1445 г. — выявля-

¹ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. XXIII. СПб., 1910, стр. 151.

ются и устраняются при обращении к более поздним летописным сводам, текст которых, тем не менее, восходит к более древним источникам, чем текст Ермолинской летописи.

Так, в Московском своде 1479 г. те же события описаны несколько иначе: Василий II вместе с союзными князьями выступил из Москвы к Владимиру «противу царя Махмута, пришелъ бо и сель в Новгороде Нижнем старом и отуду поиде к Мурову. Князь же велики слышав то, взя крещение в Володимери, поиде противу ему со всею братьею и со всеми людми къ Мурому. Цар же слышав то, возвратися з бегом к Новугороду. А передни полци великого князя биша татар под Муромом и в Гороховце и во иных местех. А царь сиде в Муроме, а Татарове в то же время, коли царь под Муром приходилъ, воевали. И князь велики възвратився, иде к Суздалю, а оттоле к Володимеру, а из Володимера прииде на Москву в пяток велики вечере». Однако вскоре Улуг-Мухаммед снова начал военные действия против московского великого князя. Он отправил в поход «детей своих Мамутека да Ягуба; князь же велики, заговев Петрово заговинье, поиде противу их с Москвы. Пришедшу же ему в Юрьевъ, и тут прибегоша к нему воеводы Новгородские, князь Феодор Долгогоф да Юшко Драница, град зжегши, поне же бо изнемогоша з голоду»². Текст свода 1479 г. сохранился в списке позапрошлого столетия, и надо сказать, что писец XVIII в. скопировал древний памятник не совсем точно. Это выявляется при сопоставлении текста Московского свода 1479 г. с Симеоновской и Воскресенской летописями, где в качестве источника был использован тот же свод 1479 г., но только в иных, более древних списках. Так, вместо слов списка XVIII в. «поиде к Мурову» в этих летописях правильно читается «поиде къ Мурому»³. Вместо слов «татарове... коли царь под Муром приходилъ, воевали» — «татарове... коли царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ восвали»⁴. В остальных текстах Симеоновской и Воскресенской летописей совпадают в данном месте с текстом Московского свода 1479 г., как совпадает с ним и текст сводов 1497 и 1518 гг.⁵

Особые детали содержит рассказ в Софийской II и Львовской летописях. В первой из них сообщается, что «тое же зимы князь великий Василей Васильевич поиде ратью съ своею братиею на царя Махмута. Бѣ бо царь сей пришелъ къ Новугороду Нижнему и хотѣ ту зимовати, и по Крещении прииде къ Мурому, а князь велики поиде противу ихъ; они же слышавше побѣгоша отъ Мурома, а воеводы великого князя угониша ихъ и лобиша ихъ подъ Муромомъ, и у Гороховца, подъ Гороховцемъ, и въ Нижнемъ Новѣгородѣ старомъ, а въ меншомъ затворишася воеводы великого князя. Тогда же князь велики и самъ былъ въ Муромѣ; и Татаръ били по селомъ. Тогда застрѣлили Александра Иванова Костянтиновича въ ротъ; и на боихъ руки знобили. Того же лѣта Татарове Лухъ воевали». Далее, как и в Московском своде 1479 г., сообщается о новых военных действиях татар, «и князь же велики, заговѣвъ Петрова говѣйна, поиде съ Москвы противу ихъ. Пришедшу же ему въ Юрьевъ, и ту побѣгоша къ нему воеводы Ноугородскии, князь Федоръ Долголадовъ да Юшка Драница; градъ же сжегши, понеже изнемогоша съ голоду»⁶. Софийская II и Львовская летописи имели общий источник —

² ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 395 и 262.

³ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 193; т. VIII. СПб., 1859, стр. 112.

⁴ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 193; т. VIII, стр. 112.

⁵ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 103, 270.

⁶ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 170; ПСРЛ, т. XX, ч. I. СПб., 1910, стр. 257.

свод 1489 г. митрополита Геронтия⁷. Следовательно, рассказ 1445 г. в этих летописях восходит по меньшей мере к источнику конца XV в.

Наиболее обстоятельное описание событий 1445 г. помещено в Никоновской летописи, составленной, как показали новейшие исследования, в конце 20-х — начале 30-х годов XVI в. В этом своде рассказывается о том, как великий князь Василий Васильевич выступил «противу царя Улу-Махмета; пришедъ бо съѣсть въ Новгородъ въ Нижнемъ Старомъ. Прежде бо сего пришелъ ис Поля, согнанъ з Болшиа Орды отъ брата своего Кичи-Ахмета, и прииде къ Бѣлеву и сядеся въ Бѣлевъ. И князь велики послалъ на него князей и бояръ и воеводъ своихъ, и богъ попустилъ за грѣхи наша, многихъ нашихъ Татарове побили, а Татаръ было тогда добръ мало. Изъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ Нижнему и засаде Новгородъ Нижней Старой, и тако зла отъ него много бываше; и изъ Новогорода изъ Нижнего изъ Старого поиде къ Мурому. Слышавъ же то князь великий Василей Васильевичъ, и взя крещение въ Володимерь и поиде противу его со всею братьею и со всѣми людми къ Мурому. Царь же Улу-Махметъ, слышавъ, възвратися бѣгомъ къ Новугороду къ Нижнему Старому, въ немъ же живяше. А преднии полци великого князя биша Татаръ подъ Муромомъ и въ Гороховцѣ и во иныхъ мѣстехъ, а царь сѣде въ Муромѣ; а Татарове въ то же время, коли царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ воевали. И князь великий, възвратився, иде къ Суздалью, а оттолъ иде къ Володимерю, а изъ Володимеря прииде на Москву въ пятокъ великий вечеръ». После этого читается текст о том, как на московского князя «отпустилъ... царь Улу — Махметъ дѣтей своихъ, Мамутяка да Ягуба, изъ Новогорода изъ Нижнего изъ Старого, гдѣ сѣдьяше. Князь же великий, заговѣвъ Петрово говѣино, поиде противу ихъ съ Москвы ратню. Пришедшу же ему въ Юрьевъ, и ту прибѣгоша къ нему воеводы Новгородския, князь Феодоръ Долголдъ да Юшка Драница, градъ ноцию зжегше и сами ноцию избѣжавше, понеже бо изпемогоша з голоду великаго: что было запасу хлѣбнаго, то все переѣли, и уже терпѣти не мочно голоду и истомленна отъ Татаръ; и тако ноцию, зжегше градъ, избѣжаша»⁸.

Сопоставление между собой приведенных летописных отрывков позволяет прийти к следующим выводам. В Ермолинской летописи сокращен текст, близкий тексту Софийской II летописи, причем сокращен не вполне удачно. В отрывок о поражениях татар в Гороховце, под Гороховцем (в Ермолинской допущена описка: вместо «подъ Гороховцемъ», как в Софийской II, читается «под Орѣховцемъ»; но города с таким названием на востоке Русского государства в XV в. не было) и в Нижнем Новгороде попала фраза о смерти Александра, сына Ивана Константиновича, разорвавшая связное изложение. В отличие от Софийской II летописи, в Ермолинской опущено указание на то, что татар побили в Нижнем Новгороде «старом». В то же время в Ермолинской указано отчество князя Федора — одного из нижегородских воевод. В Софийской II летописи отчество Федора не приведено, но зато дана его фамилия. Кроме того, в Ермолинской летописи Юшка Драница назван паном, чего нет в Софийской II. Эти разночтения свидетельствуют о том, что в статье 1445 г. Ермолинской летописи сокращен текст не собственно Софийской II летописи, а близкого к ней свода.

⁷ А. Н. Насонов, Летописные памятники Тверского княжества. «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук». 1930, № 9, стр. 721.

⁸ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 63—64.

Сравнение статей 1445 г. Московского свода 1479 г. и Никоновской летописи показывает, что в Никоновском своде, составленном позднее Московского, использован текст, восходящий к своду 1479 г. Текст этот распространен исторической справкой об Улуг-Мухаммеде (отрывок от слов «Прежде бо сего пришедь ис Поля...» до слов «и тако зла отъ него много бываше» включительно), а также литературно. Вместо фразы Московского свода «князь же велики слышав то» в Никоновской читается «слышавъ же то князь великий Василей Васильевичъ» (добавлено имя князя); вместо «цар же слышав то, возвратиса з бегом к Новугороду» — «Царь же Улу-Махметъ, слышавъ, възвратиса бѣгомъ къ Новугороду къ Нижнему Старому, въ немъ же живяше» (добавлено имя хана, уточнено название города и сделано пояснение в соответствии с приведенной ранее исторической справкой); вместо выражения «отпустиль... детей своих Мамутека да Ягуба» Московского свода 1479 г. в Никоновской летописи стоит «отпустиль... дѣтей своихъ Мамутяка да Ягуба изъ Новагорода изъ Нижнего изъ Старого, гдѣ сѣдяще» (такие же уточнение и пояснение, что и в приведенном выше примере); вместо фразы свода 1479 г. «поиде противу ихъ съ Москвы» в Никоновской читается «поиде противу ихъ съ Москвы ратию». Наконец, составители Никоновской летописи попытались более подробно объяснить, почему нижегородские воеводы оставили город и бежали к великому князю. Поздний и чисто литературный характер такого объяснения вскрывается повторением фраз о бегстве Федора Долгодова и Юшки Драницы: «градъ нощию зжегше и сами пощию избѣжавше» и «такое пощию, зжегше градъ, избѣжаша». О характере исторической справки речь пойдет ниже.

Таким образом, текст Ермолинской летописи сокращает более ранний рассказ, но содержит некоторые штрихи, указывающие на древность своего источника. В Никоновской летописи текст распространен за счет исторической справки и литературных амплификаций. Основной материал о событиях 1445 г. содержат Московский свод 1479 г. и Софийская II летопись. Описывая одни и те же эпизоды, обе летописи взаимно дополняют друг друга. Для историка Нижнего Новгорода чрезвычайно важным является то, что при описании русско-татарских отношений 1445 г. в обоих памятниках упоминается Нижний Новгород «старый», а в Софийской II летописи содержится еще и дополнительное указание на «меньшой» Нижний Новгород. Становится очевидным, что в середине 40-х годов XV в. эти два Нижних Новгорода различали. Что же это были за города?

Теперь, когда приведены и источниковедчески разобраны летописные тексты, легче будет обратиться к обзору мнений о двух Нижних Новгородах. Легче потому, что можно сразу же выявить ту источниковую основу, на которой строили свои выводы авторы, и читатель данной работы может вполне самостоятельно составить себе представление о достоинствах или недостатках тех или иных ученых объяснений, проверяя правильность последних летописными текстами.

Первым из историков отметил существование «старого» Нижнего Новгорода Н. М. Карамзин. События 1445 г. он пересказывал, скорее всего, по Воскресенской летописи, восходящей в их описании, как говорилось выше, к Московскому своду 1479 г. Во всяком случае, весь пересказ Н. М. Карамзина повторяет данные свода 1479 г.⁹ Других источников, в частности Львовскую летопись, сходную с Софийской II,

⁹ Н. М. Карамзин. «История государства Российского», кн. II, т. V, изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, стб. 180.

Н. М. Карамзин не привлекал. Поэтому известие о «меньшом» Нижнем Новгороде ему осталось неизвестным. По своеобразное название «старый Нижний Новгород» он ввел в текст своей «Истории» и попытался объяснить его с помощью цитаты из Нижегородского летописца, где упоминался старый городок¹⁰. Своих комментариев к тексту летописей Н. М. Карамзин не дал.

Одному из первых и наиболее обстоятельных нижегородских историков — Н. И. Храмцовскому — были известны летописные упоминания и о «старом» и о «меньшом» Нижних Новгородах. Не аргументируя специально свою точку зрения, он отождествил «старый» Нижний Новгород с нижегородским кремлем, и «меньшой» — с цитаделью, построенной местным князем Дмитрием Константиновичем¹¹. Искусственность последнего отождествления очевидна. Цитадель, о которой идет речь у Н. И. Храмцовского, это часть каменной стены с башней нижегородского кремля, заложенные нижегородским великим князем Дмитрием Константиновичем в 1372 г.¹² Назвать в XV в. «меньшим» городом эту незаконченную постройку было совершенно невозможно, как невозможно было продержаться здесь в 1445 г. продолжительное время двум воеводам Василия II. Тем не менее объяснение Н. И. Храмцовского без критической проверки было принято позднейшими исследователями, его, в частности, разделил И. А. Кирьянов¹³.

С наиболее интересными комментариями относительно двух Нижних Новгородов XV в. выступил известный писатель и историк Нижегородского края П. И. Мельников (Андрей Печерский). В 1877 г. на IV Археологическом съезде в Казани он сделал доклад «О старом и новом городах в Нижнем Новгороде». В своих разысканиях П. И. Мельников опирался исключительно на текст Софийской II летописи. Основное, что интересовало исследователя, — это возникновение Нижнего Новгорода и происхождение его названия. Но такие вопросы он мог решить, лишь предварительно установив местоположения «старого» и «нового, или меньшого» городов XV в.¹⁴ Нужно сказать, что определение «меньшого» города как «пового» целиком принадлежало самому П. И. Мельникову. Источник — Софийская II летопись — знал лишь термин «меньшой» город, а не «новый, меньшой», как писал П. И. Мельников. Эта незначительная, на первый взгляд, поправка к показанию летописи нужна была П. И. Мельникову для того, чтобы сделать более убедительными свои конечные выводы относительно строительства Нижнего Новгорода и происхождения его названия. При обосновании своих выводов П. И. Мельников исходил из того, что местные русские и мордовские предания указывали на существование мордовского городка, предшествовавшего Нижнему Новгороду. Этот городок П. И. Мельников считал тем самым «старым» Нижним Новгородом, о котором упоминала Софийская II летопись. Где же он находился? П. И. Мельников настаивал на том, что «старый» город был на вершине горы Гремячей, в кото-

¹⁰ Там же, прим. 322 к V т., стр. 134. Эта цитата приведена ниже, при рассмотрении работы П. И. Мельникова.

¹¹ П. И. Храмцовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. 1. Н.-Новгород, 1857, стр. 41 и стр. 10, прим. 83.

¹² ПСРЛ, т. XV, вып. I. Пгр., 1922, стб. 100; ср. «Нижегородский летописец», работа А. С. Гапшского. Н.-Новгород, 1886, стр. 17.

¹³ И. А. Кирьянов. Нижегородский Кремль. Горький, 1956, стр. 19; то же, изд. 2. Волго-Вятское кн. изд-во, 1968, стр. 12. В последнем издании своей книги И. А. Кирьянов пишет уже не о городе Дмитрия Константиновича, а о детинце, существование которого никак не доказывает и даже не отмечает в предложенной самим же на стр. 23 реконструкции нижегородского кремля в XIV—XV вв.

¹⁴ П. И. Мельников. О старом и новом городах в Нижнем Новгороде. «Труды IV Археологического съезда», т. 1, Казань, 1884, стр. 180.

рую теперь упирается плашкоутный через Оку мост. Старый город был цел до второй половины XV столетия». При таком допущении легко отыскивалось местоположение и «меньшого» города. По мнению П. И. Мельникова, так назывался собственно нижегородский кремль. «Что новый город, нижний, меньший был построен Юрием Всеволодовичем на Часовой горе, на том месте, где теперь кремль, доказательством служит то, что церкви, первоначально построенные Юрием: Спаса святого, ныне Спасопреображенский кафедральный собор, и Архистратига Михаила, бывшие при дворе великокняжеском, — несколько раз после того перестроенные, доселе находятся внутри кремля»¹⁵. Подыскивалось правдоподобное объяснение того, почему основанный Юрием город был назван Новгородом Нижним. «Мне кажется, — писал П. И. Мельников, — что он назван новым в отличие от находившегося в полутора версте от него старого города, а Нижним — потому, что был ниже старого по течению реки. Меньшим называли его не от того, что он был меньше старого города; напротив, он был обширнее его. Слово меньший должно принимать в смысле младший по времени»¹⁶. Так удачно, на первый взгляд, увязывались название города на Оке — Новгород — и его определение «новый, меньшей», которым оперировал П. И. Мельников. «Меньшой» город, т. е. нижегородский кремль, существовал и во времена П. И. Мельникова. Куда же девался «старый» город? Нижегородский историк постарался ответить и на этот нелегкий вопрос. Судьба старого города, по рассказу Нижегородского летописца, была такова: «Шестой тысячи в Нижнем Новгороде под старым городком была слобода на берегу Оки. Изволением Божиим, грех ради человеческих, гора оползла и с лесом сверху на слободу и на старый город и засыпало в слободе сто пятьдесят дворов с людьми и со всякою животиною. И тот город поставлен был, как великие князья суздальские ходили на выискание, где поставить город и распространить княжение свое Суздальское на Низовской земле за Волгой и за Окой реками...»¹⁷. Далее П. И. Мельников писал, что «против нынешнего моста через Оку на утесистой, почти отвесной горе Гремячей заметен уступ внутрь материковой земли, а под ним огромная насыпь. Это следы огромного оползня. Здесь стоял старый город до второй половины XV века»¹⁸. Так бесследно исчез один из Нижних Новгородов, упоминаемых в 1445 г. русскими летописями.

Остроумная гипотеза П. И. Мельникова, объясняющая многое в загадочной истории двух Нижних Новгородов XV в., хотя и не находила особых приверженцев, заставляла считаться с собой. В частности, некоторые топонимисты и краеведы, говоря о происхождении названия Нижний Новгород, ссылались на работу П. И. Мельникова¹⁹. Однако детальной проверки правильности выводов П. И. Мельникова до сих пор не производилось. Между тем отправная точка всех заключений П. И. Мельникова — отождествление «старого» города с поселением на Гремячей горе — оказывается сомнительной. В самом деле, никаких аргументов в пользу подобной идентификации П. И. Мельников не привел. Если же попытаться сделать это за него, используя привлеченные им материалы, то такое обоснование сведется к единственному серьезному

¹⁵ П. И. Мельников в. Указ. соч., стр. 181—182.

¹⁶ Там же, стр. 182.

¹⁷ Там же. Относительно слов «я на старый город» П. И. Мельников писал, что они встречаются лишь в некоторых списках Нижегородского летописца, в том числе в принадлежавшем ему списке этого памятника XVIII в. (там же, прим. 2).

¹⁸ П. И. Мельников в. Указ. соч., стр. 182.

¹⁹ См., напр., В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 108.

доводу. В том списке Нижегородского летописца, которым пользовался П. И. Мельников, указывалось, что вместе со слободой, стоявшей на берегу Оки, был засыпан и «старый» город. Отсюда возможность сближения двух «старых» городов, упоминаемых в Нижегородском летописце XVII в. и Софийской II летописи XV в., и определения места последнего из них. Все было бы хорошо, если бы слова «и на старый город» того списка Нижегородского летописца, которым пользовался П. И. Мельников, не являлись бы позднейшей и явно искусственной вставкой. В самом деле, фраза Нижегородского летописца, приведенная П. И. Мельниковым: «...гора оползла и с лесом сверху на слободу и на старый город и засыпало в слободе сто пятьдесят дворов с людьми и со всякою животиною», ясно показывает, что выделенные слова являются в ней лишними. В тексте даже не говорится, сколько дворов старого города было засыпано, пострадали ли люди и т. д. Такие сведения относятся только к приокской слободе, о которой говорится и до, и после указания на «старый» город.

Так обстоит дело с тем текстом, который цитировал П. И. Мельников. Что касается других списков Нижегородского летописца, в том числе более древних, чем принадлежавший П. И. Мельникову, то в них интересующих нас слов нет совсем²⁰. Вставка оказывается совершенно очевидной. Использовать ее для каких-либо исторических построений нельзя.

Не помогает определению местоположения «старого» города XV в. и указание Нижегородского летописца (на сей раз читающееся во всех его списках) на то, что разрушенная оползнем слобода стояла «под старым городком». В данном случае под этими словами составители Нижегородского летописца могли разуместь не только какой-то неизвестный город, расположенный рядом со слободой на берегу Оки, но и стоявший неподалеку нижегородский кремль. Таким образом, ничего однозначного для выяснения местонахождения «старого» Нижнего Новгорода из Нижегородского летописца извлечь нельзя. Приходится еще раз констатировать, что утверждение П. И. Мельникова о существовании «старого» города на Гремячей горе было произвольным. А раз так, то необоснованными становятся и отождествление П. И. Мельниковым «меньшого» города с нижегородским кремлем, и его конечные выводы об основании и наименовании Нижнего Новгорода.

Попытаемся, вчитываясь в приведенные в начале статьи летописные тексты, определить, где же находились «старый» и «меньшой» Нижние Новгороды. Начнем со «старого». Что вообще известно о нем? Эпитет «старый» в приложении к Новгороду Нижнему встречается в рассказах о событиях 1445 г. Московского свода 1479 г. и Софийской II летописи. Как показано было выше, рассказы эти разные. Наличие в них одного и того же определения города на средней Волге свидетельствует о том, что Нижний Новгород «старый» был достаточно известен на Руси. Можно также утверждать, что это был большой город. В статье 1445 г. Никоновской летописи сохранилось свидетельство о том, что в Нижнем Новгороде «старом» с 1437 г. жил со всей своей ордой татарский хан Улуг-Мухаммед, изгнанный соперником из южнорусских степей. Некоторые историки принимали это показание Никоновской летописи за достоверное²¹. Если свидетельство свода XVI в. соответствовало бы действительности, то оно явилось бы важным доводом в пользу общирности

²⁰ «Нижегородский летописец», работа А. С. Гациского, стр. 28.

²¹ См., напр., В. В. Вельяминов-Зерлов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1 СПб., 1863, стр. 8—10.

«старого» города: многотысячная орда просто не могла в течение 8 лет жить в маленькой крепости, вроде той, которая, по мнению П. И. Мельникова, была засыпана оползнем. Однако известие Никоновской летописи о многолетнем пребывании Улуг-Мухаммеда в Нижнем Новгороде читается в той исторической справке о татарском хане, которая явно вставлена в первоначальный текст. Следовательно, свидетельство это позднейшее, а потому возбуждает сомнение в своей достоверности. Прямо противоречит Никоновской летописи указание другого источника — Казанской истории — о пребывании Улуг-Мухаммеда после 1437 г. в Казани²².

Г. З. Кунцевич, а вслед за ним М. Г. Сафаргалиев считают, что сообщение Казанской истории соответствует действительности²³. К мнению названных ученых следует присоединиться. В его пользу можно привести еще один аргумент. В русских актовых материалах сохранилось упоминание о нижегородском князе Данииле Борисовиче, который «вышел на свою отчину от Махметя царя в другий ряд»²⁴. 8 мая 1442 г. Даниил Борисович дал жалованную грамоту на земли в Нижегородском уезде нижегородскому Благовещенскому монастырю²⁵. Следовательно, в 1442 г. в Нижнем Новгороде управлял не Улуг-Мухаммед, а Даниил Борисович, и свидетельство Никоновской летописи о бесперывном 8-летнем «сидении» в Нижнем Новгороде «старом» татарского хана является ошибкой. Ермолинская летопись, оставшаяся вне поля зрения М. Г. Сафаргалиева (в момент выхода работы Г. З. Кунцевича Ермолинская летопись не была еще издана), сообщает, что только в 1444 г. «царь Махметь нача помышляти къ Новугороду къ Нижнему, и князь велики повель осады крепити»²⁶. Согласно цитированным выше текстам Московского свода 1479 г. и Софийской II летописи Улуг-Мухаммед обосновался в «старом» Нижнем Новгороде до Крещения, т. е. до 6 января 1445 г. Из города татарская орда ушла 25 августа 1445 г.²⁷ Следовательно, татары жили в Нижнем довольно долго — примерно 8 месяцев. Незваные гости были многочисленны. Зимой 1445 г. они одновременно воевали и Муром, и Лух. В войсках сыновей Улуг-Мухаммеда Мамутяка и Якуба, отправленных отцом летом 1445 г. из Нижнего Новгорода против Василия II, было не менее 3,5 тыс. человек²⁸. В каком же месте волжского города могли жить в течение ряда месяцев несколько тысяч татар?

Ясно, что не в таком миниатюрном городке, который мог быть, по мысли П. И. Мельникова, совершенно уничтожен оползнем. «Старый» Нижний Новгород, который занял Улуг-Мухаммед, должен был быть достаточно вместителен. В 40-х годах XV в. таким мог быть только сам нижегородский кремль. Этот вывод, полученный на основании косвенных данных, находит прямое подтверждение в летописях. П. И. Мельников и другие исследователи нижегородской старины прошли мимо интереснейшего описания похода русских войск на Казань в 1469 г. Во вре-

²² ПСРЛ, т. XIX, С116., 1903, стб. 19.

²³ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905, стр. 247—248; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды, «УЗ Мордовского ун-та», вып. XI. Саранск, 1960, стр. 246—247.

²⁴ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. 1. М., 1951, стр. 205.

²⁵ Там же, стр. 204—205, грамота № 233. Датировка грамоты уточняется по изданию: «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. III. М., 1964, № 294, стр. 321.

²⁶ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 151.

²⁷ ПСРЛ, т. XXV, стр. 263.

²⁸ Там же.

мя этого похода спускавшаяся на ладьях по Оке рать «пюдоша из Оки под Позьгород под старю, сташа под Николою на Бечевь и вышед ис суд, идоша в город к старой церкви Преображенья господня... и отоля шед тако же и у святаго Николы молебнаа створиша...»²⁹. Новгород «старый», расположенный на выходе из Оки,— это нижегородский кремль. П. И. Мельников, отождествляя место первоначальной постройки Нижнего Новгорода «меньшого» с современным ему кремлем, в качестве доказательства указывал на существовавшие в кремле церкви. Источник, оставленный без внимания исследователем, содержит сведения о тех же самых церквях. Летописное указание на старую церковь Преображения — Спасопреображенский собор — служит лучшим доказательством того, что сохранившийся до наших дней горьковский кремль считался 500 лет назад не «меньшим», а «старым» городом. Подтверждается и высказанная ранее мысль о том, что наименование Нижнего Новгорода «старым» в XV в. было распространено.

Если «старый» город летописных статей 1445 г.— это нижегородский кремль, то что же такое «меньшой» город? Несомненно, что это была крепость: воеводы Василия II в ней «затворишася». Князь Федор Давидович и Юшка Драница выдерживали осаду в «меньшом» городе довольно долго — примерно от Крещения до Петрова заговенья (поста), т. е. с начала января до 20-х чисел июня 1445 г., почти полгода. Определить местонахождение крепости трудно. Если воеводы московского князя сели в осаду после того, как татар разбили под Муромом, у Гороховца и в Нижнем Новгороде, то общее направление движения русских ратей, возможно, указывает и на местоположение «меньшого» города. Несомненно, что московские войска двигались от Мурома вниз по Оке. На правом берегу этой реки и должен был стоять «меньшой» город. Повидимому, он являлся предградием, укрепленным острогом Нижнего Новгорода, возможно, одной из тех «осад», которые повелевал крепить в 1444 г. ввиду опасности татарского нахождения Василий II и о которых сообщает Ермолинская летопись³⁰. Судьба городка известна: по свидетельству Московского свода 1479 г. и Софийской II летописи его сожгли при отступлении летом 1445 г. укрывавшиеся в нем русские воеводы. Таким образом, летописные сведения XV в. о «старом» и «меньшом» Нижних Новгородах относятся к нижегородскому кремлю и острогу. На их основании нельзя строить заключений о возникновении Нижнего Новгорода и происхождении его названия. Для этого нужны иные данные.

²⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 282.

³⁰ К сожалению, остается неясным, что понимать под словом «повый» статьи 1445 г. Ермолинской летописи («а въ Новомъ затворишася воеводы...»). Это может быть иное название «меньшого» города, и в таком случае оно будет указывать на недавнее построение крепости. Но поскольку в данной статье Ермолинской летописи были произведены перестановки текста и сокращения, слово «Новомъ» может быть просто полным названием Новгорода Нижнего.





В Отделении истории АН СССР

ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ

В марте состоялось годовое общее собрание Отделения истории АН СССР, посвященное обсуждению итогов исторических исследований в СССР в девятой пятилетке и задач советской исторической науки в свете решений XXV съезда КПСС. С докладом на эту тему выступил академик-секретарь Отделения акад. Е. М. Жуков. Он отметил, что исторические документы XXV съезда КПСС, основополагающие выводы, содержащиеся в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева съезду, имеют исключительное значение для объективной оценки состояния советской исторической науки, ее достижений, а также будущих направлений творческой активности историков СССР. Историческая наука призвана сыграть большую роль в идейном воспитании тружеников развитого социалистического общества. Для выполнения этой задачи советские историки в десятой пятилетке должны прежде всего обеспечить подготовку фундаментальных исследований, раскрывающих объективные исторические закономерности в рамках определенных социально-экономических формаций. Эти работы, в число которых входят и исследования по историографии, должны быть проникнуты духом активной борьбы против буржуазных, ревизионистских и маоистских концепций и толкований истории.

Докладчик остановился на задачах популяризации исторической литературы, создания высококачественных учебников для школы и вузов, говорил об участии историков в проведении крупных политико-пропагандистских мероприятий, связанных с историческими, юбилейными датами, с предстоящим 60-летием Великого Октября. Важная роль принадлежит историкам в создании энциклопедий и научно-справочных изданий, в проведении консультаций для творческих работников, создающих художественные произведения на исторические темы. Все это — конкретные задачи, стоящие перед исторической наукой и вытекающие из решений XXV съезда КПСС.

В деле выполнения заданий новой пятилетки — пятилетки качества и эффективности — советская историческая наука может опереться на те образцы научного исследования, которые уже нашли высокую оценку партии и народа, в том числе такие труды по истории СССР, как удостоенный Ленинской премии трехтомный труд акад. И. И. Минца «История Великого Октября»; отмеченные Государственной премией пятитомник «История Сибири», созданный коллективом под руководством акад. А. П. Окладникова; двухтомник «История рабочих Ленинграда» и др. Докладчик рассказал об успешной деятельности историков союзных республик, выразившейся в создании таких фундаментальных исследований, как 26-томная «История городов и сел Украинской ССР», выпуске многотомных историй союзных республик, повышении удельного веса и авторитета научных выступлений представителей национальных кадров историков на международных форумах, в частности, на недавнем XIV Международном конгрессе историков в Сан-Франциско.

Вместе с тем в докладе было указано на определенные недостатки в координации научно-исследовательской деятельности между центральными учреждениями От-

деления и научными центрами на местах, на необходимость улучшить систему планирования исторической науки. Значительную часть доклада заняла характеристика актуальных проблем исследования, стоящих перед различными отрядами советских историков в свете важнейших теоретических положений, выдвинутых в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС. Для специалистов в области отечественной истории важные исследовательские задачи встают, в частности, в связи с изучением тех разделов доклада Л. И. Брежнева, в которых говорится о развитом социалистическом обществе, о борьбе партии за повышение материального и духовного уровня жизни советских людей. Героическая история советских пятилеток не может не стать крупным самостоятельным разделом истории советского общества. Научное изучение и обобщение истории планирования в СССР, этапов его развития и совершенствования, организации социосоревнования, развития движения за коммунистическое отношение к труду в условиях научно-технической революции будет иметь существенное значение для практики коммунистического строительства. Важнейшей задачей является освещение истории развития советской демократии. Для историков, исследующих внешнюю политику СССР, чрезвычайно важны положения доклада Л. И. Брежнева о процессе постоянного сближения стран социалистического содружества и роли Советского Союза в этом процессе. Далее, необходимо продолжить изучение истории взаимоотношений СССР с развивающимися странами — этой летописи бескорыстной поддержки советским народом национально-освободительного движения. Заслуживает специальных исследований — не только международников, но и историков — борьба за реализацию советской Программы мира и за разоружение.

Решение всех этих проблем требует усилий представителей различных общественных наук. Последовательное соблюдение принципа партийности в науке в сочетании с комплексным подходом к решению названных проблем, координация исследовательской деятельности — залог успешного выполнения историками задач, вытекающих из решений XXV съезда КПСС.

Выступая в прениях по докладу, директор Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкий сказал, что в институте подготовлены крупные монографии о советском народе — новой исторической общности людей и о социально-экономических проблемах развитого социалистического общества в СССР. На очереди разработка проблемы социально-политического развития советского государства в последнее десятилетие, изучение процессов создания материально-технической базы коммунизма. Вопросам изучения зрелого социализма будет уделено достойное внимание в подготавливаемых институтом с участием представителей научных центров ряда союзных и автономных республик региональных историях и фундаментальных многотомных изданиях по истории рабочего класса и крестьянства. В области изучения внешней политики хорошим примером сочетания фундаментальности и актуальности является многотомник «СССР и ООН».

О необходимости более интенсивной и активной разработки проблем зрелого социалистического общества в СССР, об общих задачах советских историков говорили в своих выступлениях академик-секретарь Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбатзаде, вице-президент АН Киргизской ССР Б. Д. Джамгерчинов и другие. Обмен мнениями показал, что различные направления и аспекты исследовательской деятельности национальных отрядов советских историков объединяет задача объективного исторического освещения животворной силы интернационализма и советского патриотизма. Директор Института истории АН УССР А. Г. Шевелев говорил о том, что украинских историков в рамках общей проблематики истории рабочего класса привлекает задача изучения рабочего класса Донбасса — индустриального района, охватывающего как территорию УССР, так и РСФСР. Чл.-корр. АН СССР президент АН Молдавской ССР Я. С. Гросул в своем выступлении отметил, что общими усилиями историков России, Украины, Белоруссии и Молдавии в текущей пятилетке будут исследованы исторические корни и традиции дружбы и сплоченности этих народов.

На важность всестороннего исследования проблем пролетарского интернационализма указал в своем выступлении акад. И. И. Минц. Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», возглавляемый И. И. Минцем, ставит задачу исследования пролетарского интернационализма комплексно, в плане творческого сотрудничества с учеными-историками социалистических стран; при этом будет уделено необходимое внимание научной критике антиисторических фальсификаций буржуазной историографии. Вице-президент АН Латвийской ССР А. А. Дризул остановился на задачах советских историков в борьбе против искажений в буржуазной националистической историографии проблемы истории революций 1940 г. в Прибалтике. О трудах сотрудников научных и высших учебных заведений советского Дальнего Востока, разоблачающих буржуазные и маоистские извращения истории, информировал в своем выступлении чл.-корр. АН СССР, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР А. И. Крушапов. Актуальным вопросам изучения проблем культуры были посвящены выступления акад. Б. А. Рыбакова, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова, чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлея.

Участники собрания приняли постановление по итогам обсуждения доклада Е. М. Жукова, ориентирующее историков СССР на выполнение исторических решений XXV съезда КПСС.

А. М. Филитов

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ

В апреле в Москве состоялось координационное совещание историков, созванное Отделением истории АН СССР. В нем участвовали директора институтов Отделения, руководители научных советов, научно-исследовательских учреждений союзных республик, работники высших учебных заведений, ученые ряда городов. Открывая пленарное заседание, академик-секретарь Отделения истории акад. Е. М. Жуков во вступительном слове отметил, что решения XXV съезда КПСС, потребности науки вызывают необходимость определить важные задачи дальнейшей координации исследовательской деятельности, повысить уровень этой работы.

С докладом «Координация — путь повышения качества и эффективности исторических исследований в свете решений XXV съезда КПСС» выступил чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко. Он подчеркнул, что XXV съезд КПСС высоко оценил роль науки, в том числе общественных наук, в развитии советского общества. «Серьезные достижения, — указывал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе съезду, — имеются в философской, экономической, исторической науках, в изучении социальных и политических проблем»¹. Вместе с тем, определяя дальнейшие перспективы коммунистического строительства в нашей стране, съезд поставил перед советскими учеными важные задачи и наметил пути их решения. Основной из этих задач является дальнейшая углубленная разработка актуальных проблем марксистско-ленинской теории. Говоря о развитии науки, Л. И. Брежнев подчеркнул, что на нынешнем этапе развития страны «потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей. Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных»².

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 72.

² Там же.

Развернутая программа исследований во всех областях науки, данная в документах XXV съезда КПСС, ориентирует советских историков на фундаментальное и комплексное изучение важнейших процессов и явлений общественного развития на всех его этапах, и особенно в современную эпоху, на повышение качества научной работы. Решение задач, выдвинутых партией, требует от историков прежде всего повышения идейно-теоретического и научно-методологического уровня исследований, концентрации сил ученых на фундаментальной разработке актуальных проблем, на создании обобщающих трудов, имеющих общетеоретическое и мировоззренческое значение, расширения фактической основы и совершенствования методов этих исследований, усиления критики буржуазной, ревизионистской и маоистской социологии и историографии. Только на этом пути можно добиться повышения качества и эффективности исторических исследований, увеличения вклада советской исторической науки в практику коммунистического строительства.

Исторические исследования в нашей стране в последние годы получили огромный размах. Достаточно сказать, что библиографический бюллетень «Новая советская литература по истории, археологии и этнографии» ежегодно фиксирует в среднем 18 тыс. названий. В указатель «Работы советских историков за 1970—1974 гг.», подготовленный к XIV Международному конгрессу исторических наук и включающий лишь монографии и важнейшие сборники статей на русском языке, вошло более 4600 названий. Процесс дифференциации исторических исследований достиг в настоящее время такого масштаба, что его дальнейшее развитие без соответствующей интеграции, без создания обобщающих трудов, включающих итоги локальных и частных изысканий, не будет давать должного исследовательского эффекта. В интересах дальнейшего развития исторической науки необходимо целенаправленно сочетать частные и обобщающие работы. Таким образом, состояние исторической науки и задачи, стоящие перед ней, настоятельно требуют усиления внимания к координации деятельности советских историков.

Очевидно, что координация должна охватывать все аспекты, связанные с содержанием и организацией исторических исследований. Ее исходным пунктом является выделение главных направлений и важнейших научных проблем, отвечающих потребностям практики коммунистического строительства, на разработке которых должны быть сосредоточены основные усилия ученых.

Далее докладчик охарактеризовал работу в области координации деятельности историков, которую проводят Отделение истории и его головные институты, научные советы по проблемам, исторические институты союзных республик, научных центров и филиалов Академии наук, соответствующие подразделения и научные советы министерств высшего образования и просвещения и других учреждений. Важную роль в этой области играют научные конференции, исторические журналы. При всем том положительно, что дает нынешняя практика координации научной работы историков, следует указать и на существенные недостатки; главный из них состоит в том, что координация не охватывает всех учреждений страны, в которых ведутся исследования по истории. Она носит в большой мере ведомственный характер и является разобщенной.

Отделение истории, его головные институты и научные советы фактически не располагают сколько-нибудь полной информацией о состоянии фронта исторических исследований в нашей стране. Без этого невозможна разработка необходимого сводного плана по координации, которая, следовательно, не имеет единой направленности и четкой системы, т. е. оказывается недостаточно эффективной. Недостатки координационной работы проявляются и в том, что не всегда удается сконцентрировать усилия наиболее компетентных историков в тех или иных областях — независимо от места их работы — на подготовке фундаментальных коллективных трудов. Такие труды порой носят ведомственный характер, создаются прежде всего сотрудниками соответствующих учреждений.

Особо следует подчеркнуть, что координироваться должны не только научная проблематика, расстановка сил, но и содержание ведущихся исследований во всем

его многообразия, начиная с определения целей, постановки проблем и кончая методикой и техникой исследования. Это особенно важно применительно к широким проблемам, которые изучают многие историки, не объединенные в авторские коллективы и индивидуально публикующие результаты своих изысканий. Такие исследования должны создавать основу, допускать возможность их дальнейшего обобщения, особенно в тех случаях, когда они базируются на обработке и анализе однотипных комплексов массовых исторических источников и данных. «Стихийная» же разработка таких проблем делает их результаты несводимыми.

Эффективность координации снижается из-за отсутствия четкого разделения соответствующих функций между различными подразделениями, которые ее осуществляют. Такого разделения нет между головными институтами и научными советами по проблемам, а также между головными институтами и институтами академий союзных республик и другими учреждениями. Наконец, головные институты и научные советы чаще всего проводят координационную работу без взаимного согласования и объединения усилий.

В заключительной части доклада И. Д. Ковальченко подробно охарактеризовал меры, которые следовало бы провести в жизнь в интересах повышения уровня координационной деятельности. Необходимо, чтобы в Отделение истории были представлены всеми историческими учреждениями планы исследований на текущую пятилетку установленным порядком. Анализ таких планов, проведенный под руководством Отделения головными институтами и научными советами, может во многом способствовать сосредоточению научных сил на важнейших направлениях, координация их деятельности. Всесоюзный координационный план основных исторических исследований на десятую пятилетку должен достойно представлять историческую науку. Именно выполнение этих работ будет контролироваться Отделением истории, его головными институтами и научными советами. Степень представительства соответствующих учреждений и ведомств в этом плане и его реализация явятся основным показателем их достижений в научной работе.

Наряду с этим планом институты Отделения, а также координирующие учреждения в республиках и регионах, в министерствах должны иметь свои, более детальные координационные планы.

Важнейшей задачей координационной работы в дальнейшем должна быть разработка единых конкретно-методологических основ, целевых установок, принципов, путей и методов решения наиболее важных и сложных проблем, в изучении которых принимают или будут принимать участие многие историки, а также использоваться массовые исторические данные. Это прежде всего необходимо сделать применительно к изучению истории научно-технической революции, закономерностей и черт развитого социализма, новой исторической общности — советского народа и многих других проблем. Все они находятся на стыке разных наук, и уже одно это обуславливает особое внимание к вопросам методологии и методов их исследования.

Координация требует выработки соответствующих ее форм, четкой организации, разграничения функций координирующих органов, распределения контролируемых объектов. Координацию и контроль за выполнением исследований, включенных в сводный всесоюзный план, осуществляют Отделение истории и его головные институты и научные советы. Должно быть предусмотрено участие в координации определенных проблем и тем институтов академий наук союзных республик и вузов. Важнейшая роль научных проблемных советов в координации должна проявляться в анализе состояния исследований в соответствующих областях, в определении задач дальнейшей работы, выявлении проблем методологии, источниковедения и методов исследования, нуждающихся в специальной разработке. В работе по координации по-прежнему большое значение должно придаваться научным конференциям, симпозиумам, совещаниям. Историческим журналам нужно активизировать свои усилия прежде всего в освещении проблем методологии и историографии, источниковедения и методов исторического исследования, шире отражать научную жизнь на местах, особенно в вузах.

Улучшение работы в области координации исторических исследований будет действовать выполнению важных задач, поставленных перед исторической наукой в свете решений XXV съезда КПСС.

Выступая в прениях по докладу, акад. И. И. Минц (Москва) отметил, что еще не удалось добиться координации исследовательской деятельности историков, работающих в академических учреждениях и в университетах. Нет пока необходимой координации между академическими отделениями по общественным наукам, например, в разработке проблем научно-технической революции. Что касается самого плана координации в области исторической науки, то он, по-видимому, должен охватывать изучение наиболее важных проблем, но отнюдь не все то, чем занимается каждый институт Академии наук СССР и союзных республик. Необходимо, далее, издание периодического печатного органа в основном историографического характера; это позволило бы решить вопрос об информации относительно научной работы в центре и на местах.

Председатель секции истории Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР А. М. Сахаров подчеркнул, что научная работа в высшей школе является не только составной частью исследовательской деятельности всех наших ученых, но имеет важное значение для научного обеспечения учебного процесса. В этой связи следует отметить, что без тесных контактов ученых академических учреждений и университетов повысить научную квалификацию научных кадров трудно. В данном случае координация приобретает многоплановый характер, способствуя не только ликвидации дублирования в исследовательской деятельности, но и повышению общего уровня научной работы, улучшению профессиональной подготовки кадров.

Чл.-корр. АН СССР М. П. Ким (Москва) высказал мнение, что главной задачей координации является определение важнейших направлений исследовательской деятельности на пять — десять лет.

Большое значение имеет разработка проблем истории советской культуры, нравственной культуры в том числе. Она требует привлечения многих специалистов. Далее он указал на необходимость в интересах улучшения координационной работы установления более тесного контакта с Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Директор Института истории СССР акад. А. Л. Нарочницкий подчеркнул, что главное свое выражение координация находит в осуществлении комплексных совместных исследований институтов академической системы, а также учреждений Министерства высшего и среднего специального образования. Поэтому первоочередного внимания, по-видимому, требует планирование совместных комплексных трудов и их организация. При подборе авторов и руководителей коллективов, формируемых для создания крупных работ, следует избегать ведомственного подхода. Институт истории СССР стремится привлечь к работе над такими трудами, как «История рабочего класса СССР» и «История крестьянства СССР», большое число историков из союзных республик, многих ученых из высших учебных заведений.

Научные и организационные вопросы, сказал в своем выступлении директор Института славяноведения и балканистики, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков, безусловно, не могут противопоставляться в координационной работе, ибо в ее основе лежат общие научные принципы. Представляется необходимой разработка планов, проектов по большим историческим проблемам, которые могли бы объединить ученых многих союзных республик. Директор Института истории АН Украинской ССР А. Г. Шевелев сказал, что в республике разрабатывается ряд тем, которые носят региональный, межреспубликанский характер. Исходя из практики в этой области, хотелось бы предложить, чтобы в таком случае руководство темой осуществлял головной московский институт, а не республиканский, обеспечивая выполнение плана в установленный срок.

Академик-секретарь Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбатзаде высказался за то, чтобы вопросы координации были возложены

на научные советы, а не на институты. При этом институты должны оказывать помощь научным советам. Требуется тщательного согласования между собой проблематика научных советов в центре и в республиках. Следовало бы ввести в проблемные научные советы в Москве по одному представителю от республиканских проблемных научных советов. Директор Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова М. К. Мухарямов (Казань) отметил важную роль, которую призваны сыграть ученые на местах в подготовке фундаментального труда по истории трех революций в нашей стране. В интересах совершенствования координации было бы хорошо, если бы историки на местах имели возможность знакомиться с годовыми итогами научной работы институтов Отделения истории; научные журналы, правда, публикуют такие материалы, однако в сжатом виде и недостаточно оперативно.

Председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт указал на то, что ученые исследуют общее и особенное не только в развитии исторического процесса, но и в развитии самой исторической науки. Следовало бы в историографическом труде показать специфическую роль отдельных научных центров в развитии науки, обратить внимание на такой социологический фактор, как возникновение научных школ у тех народов нашей страны, каждый из которых в большинстве своем до революции вообще не знал, что такое наука. Речь идет, следовательно, о рассмотрении самого развития исторической науки как результата социалистических преобразований.

Касаясь значения конференций, С. О. Шмидт сказал, что в последние годы они были проведены в Таллине, Перми, Геленджике и Вологде по источниковедению, археографии и другим специальным дисциплинам, позволили не только получить информацию о достигнутых результатах, но и определить основные направления дальнейших исследований в этих областях исторической науки, проверить возможности осуществления комплексных работ.

А. Н. Чистозвонов (Москва) констатировал, что, к сожалению, еще допускается параллелизм, дублирование в области координации со стороны различных научных советов, в том числе отраслевых и соответствующих институтов. Следовало бы уточнить обязанности и права научных проблемных советов. И. М. Кирьянов (Москва) сообщил, что в Институте военной истории Министерства обороны СССР учитываются темы исследований, посвященные военной истории. Существенными вопросами, относящимися к координации, являются и формирование авторских коллективов, назначение их руководителей, наиболее целесообразная расстановка кадров. Л. Е. Кертман (Пермь) призвал к стимулированию изучения истории социалистической культуры.

Работа координационного совещания была продолжена на отдельных рабочих заседаниях по проблемам отечественной истории, всеобщей истории, славяноведения и балканистики, востоковедения, археологии, этнографии.

На рабочем заседании по проблемам истории СССР председательствовавший А. Л. Нарочницкий подробно охарактеризовал основные темы исследований, проводимых Институтом истории СССР, и план предстоящей работы. При институте создается комиссия по истории рабочего класса СССР и было бы важно, чтобы в нее вошли ведущие специалисты по этой проблеме из институтов академий наук союзных республик, различных научных центров страны. Комиссия по истории крестьянства при институте уже расширена и реорганизована. Институт будет координировать работу по созданию четырех фундаментальных трудов в области отечественной истории — региональных историй народов Средней Азии, народов Закавказья, народов Прибалтийских республик, народов Северного Кавказа. Основной состав авторов должен состоять из ученых союзных республик. Очень важное значение имеет подготовка многотомной истории советской культуры. В этой связи необходима соответствующая координация с Министерством культуры СССР и его учреждениями. К написанию этого фундаментального труда следует привлечь многих историков нашей страны.

В связи с феодальным периодом истории нашей страны ставится вопрос о создании фундаментального труда по истории Киевской Руси — колыбели русского, украинского и белорусского народов, государства с высоким уровнем культуры, одного из крупнейших в средневековой Европе.

Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанов (Владивосток) высказался за более активное привлечение местных специалистов к работе по подготовке важнейших трудов, включающих в себя дальневосточную проблематику. Заместитель директора Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили Н. И. Стурца сказал о том, что в связи со сводным координационным планом Отделения истории институтам в союзных республиках целесообразно, по-видимому, пересмотреть свои планы, чтобы внести необходимые поправки и уточнения. М. А. Алексеев (Москва) отметил, что Институт военной истории считает своей задачей на ближайшее время в области координации разработку проблематики по военной истории как для монографий, так и для докторских диссертаций.

Координация исторических исследований, сказала М. А. Ахупова — директор Института истории АН Узбекской ССР, проводится институтом при участии ученых академических учреждений и вузов республики. Что касается региональных историй, о которых шла здесь речь, то это общее и важное дело головного и республиканских институтов, и ученые республик должны внести весомый вклад в их подготовку. Ф. Г. Сафронов (Якутск) обратил внимание на недостаточность изданий, специально посвященных информации о готовящихся и вышедших в свет исторических работах. Директор Института истории, языка и литературы Х. С. Сайрапов (Уфа) высказал мнение, что Министерство высшего образования должно ориентировать вузы на активное участие в координационной работе.

Директор Института истории АН Киргизской ССР К. К. Орозалиев подчеркнул, что координация должна прежде всего отражать важнейшие направления в развитии исторических исследований, содействовать правильному повсеместному использованию научных кадров. Директор Научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР В. Г. Гусев отметил, что институту постоянно оказывают помощь головные институты Отделения истории. Желательно, чтобы Институт истории СССР привлекал удмуртских ученых к работе в подготовке трудов общего характера. Директор Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР Б. И. Искандаров сказал, что ученые головных академических учреждений установили тесный контакт с таджикскими коллегами. Несомненно, настоящее совещание будет способствовать улучшению координационной работы вообще и принесет пользу в ее совершенствовании на местах. Директор Института истории АН Белорусской ССР П. Т. Петриков говорил о необходимости больше внимания уделить вопросам истории культурного строительства.

На заключительном заседании координационного совещания было принято решение о том, чтобы с учетом итогов состоявшегося обсуждения состояния и задач координационной работы Отделение истории приняло сводный координационный план исторических исследований.

М. П. Польский

В Институте истории СССР АН СССР

Продолжаем публиковать ответы руководителей отделов и секторов института на вопросы редакции о проделанной работе, о том, над чем сейчас трудятся ученые, о планах на будущее (начало см. «История СССР», 1976, № 1, 2, 3, 4).

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА — СОЗДАТЬ ОБОБЩАЮЩИЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

член-корреспондент АН СССР М. П. К и м,
заведующий сектором истории советской культуры

Сектор истории советской культуры нашего института сравнительно молод — начало его деятельности относится к первым годам минувшей пятилетки. Кадры сектора тоже молодые — среди них только три доктора наук и четыре кандидата наук. Будучи составной частью головного института по отечественной истории, наш сектор видит главное направление своей деятельности в исследовании истории советской культуры как единого, общесоюзного процесса духовного развития советского народа. Разработка локальных тем, узких отраслевых проблем не входит в круг коренных исследовательских задач сектора.

Основным объектом нашей работы в истекшем пятилетии была «Хроника культурной жизни СССР. 1917—1975 гг.» — пятитомное научное издание, рассчитанное на специалистов и широкий круг преподавателей и пропагандистов. Первый том, охватывающий первое десятилетие культурной революции в СССР и второй, посвященный периоду довоенных пятилеток, вышли в свет; третий, освещающий культурную жизнь военных лет, находится в производстве. Два последних тома будут изданы в 1977—1978 гг.

В период между XXIV и XXV съездами КПСС сотрудники сектора подготовили и выпустили также и другое хроникальное издание — «Ленин и культурная революция. Хроника событий (1917—1923 гг.)». В основе книги лежат факты из жизни и деятельности В. И. Ленина, показывающие его решающую роль в разработке теории культурной революции и отражающие ленинское руководство строительством советской культуры. В работе опубликованы ленинские документы и воспоминания соратников Ленина, первых советских деятелей культуры (Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, П. А. Семашко и др.).

В 1972 г. вышла в свет монография С. А. Федюкина «Великий Октябрь и интеллигенция». В ней на большом фактическом материале, в том числе и архивном, всесторонне раскрывается политика Коммунистической партии и Советского государства по отношению к старой, дореволюционной интеллигенции, освещается сложный процесс перехода различных ее отрядов на позиции Советской власти и активного участия в социалистическом строительстве. С. А. Федюкин завершил работу над другой монографией на важную тему: «Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к взлупу».

Сотрудники сектора подготовили сборник статей «Вопросы теории и истории культуры развитого социализма», в котором исследуется широкий круг вопросов культурного прогресса СССР на современном этапе, анализируются достижения и проблемы культуры развитого социализма. Наши ученые выступили с рядом статей в научных журналах и коллективных изданиях. Они приняли участие в работе многих научных конференций и симпозиумов — всесоюзных и региональных, — посвященных проблемам культуры. Их доклады и выступления помещены в сборниках материалов соответствующих научных форумов.

В настоящее время коллектив сектора работает над завершением «Хроники культурной жизни СССР», продолжается подготовка двух монографий: «Историография советской культуры» (В. Т. Ермаков) и «Формирование советской научной интеллигенции» (Л. В. Иванова). Некоторые сотрудники сектора участвуют в написании коллективных трудов других секторов института — по истории рабочего класса СССР, истории советского крестьянства и др.

В числе важнейших проблем развитого социализма и перерастания его в коммунизм, требующих первоочередного исследования, XXV съезд КПСС назвал «развитие

нашей многогранной культуры». В исторической науке эта установка партии должна получить свое преломление и реализацию в глубоком и всестороннем исследовании истории становления и развития социалистической культуры в СССР, в обобщении исторического опыта КПСС и советского народа в деле претворения в жизнь культурной миссии социализма. Поэтому одним из важнейших направлений работы историков и коллективов ученых ныне является создание обобщающих трудов по истории советской культуры.

История культуры, как известно, исследуется в двух планах: общем и специальном (отраслевом). В первом случае культура рассматривается как система в целом, в единстве всех ее компонентов; во втором — отдельные компоненты ее, отрасли культуры (наука, литература, музыка, кино, живопись и т. д.). Специальная, отраслевая историография культуры имеет достаточно четко определенную предметную область и круг задач. Этим в значительной мере объясняются более успешные результаты, достигнутые ею. Так, уже созданы фундаментальные сводные труды по ряду отраслей культуры.

Хуже дело обстоит в области общей историографии культуры. Она пока не содержит капитальных трудов, в которых был бы обобщен громадный опыт культурной революции в СССР, духовного обогащения советского народа. Это объясняется в основном двумя причинами: с одной стороны, большой сложностью предмета общей историографии культуры; с другой — отсутствием совершенной и четкой историографической концепции изучения культуры. Этими обстоятельствами обусловлены также недостатки, которыми страдают существующие общие работы по истории культуры. Те немногие работы по общей культуре, которые созданы историками, в сущности не имеют своего «жанрового лица», представляют собой своды мало связанных друг с другом очерков, посвященных отдельным направлениям культурной жизни. Их авторы сбиваются на пересказ содержания специальных исследований (по истории народного образования, науки, литературы и других видов искусства и т. д.), мало заботясь об освещении истории культуры в единстве и взаимодействии всех ее компонентов, культуры как целостной системы. В них обедненно представлен процесс формирования и развития социалистической культуры, без внимания оставляются отдельные важные составные части культурного процесса. Например, из поля зрения авторов книг по общей истории культуры выпадает история формирования и развития социалистической нравственной культуры советских людей, а это не позволяет охарактеризовать всю полноту и цельность системы духовной культуры.

Духовная культура — сложный феномен, охватывающий духовную жизнь человека во всех ее проявлениях и на всех уровнях развития. Она сподит в единую систему разные по характеру и функциональной роли явления и институты. В то же время культурная система представляет собой не простую сумму частей, а совокупность их в органическом единстве взаимодействий и взаимопроникновений. Особое место в системе духовной жизни занимает идеология, которая составляет идейную основу культуры, определяет ее социальную направленность, нормативную роль, типологическую особенность культуры. Культура рабочего класса, как культура нового типа, характеризуется социалистической идеологией. Поэтому, кстати сказать, неправомерно пытаться, как это делают некоторые авторы, проводить типологическое различие между пролетарской и социалистической культурой.

Научное исследование истории культуры предполагает рассмотрение ее в контексте всех общественных явлений — политических, социально-экономических, этнических и т. д. В. И. Ленин не мыслил культуру вне связи и взаимодействия с остальными сферами жизни. Он писал об экономических задачах культуры, о политической культуре, культуре быта, культурных аспектах национальных отношений и т. д. Контекстуальный подход к культуре необходим не только потому, что лишь при таком подходе раскрывается во всей полноте и разносторонности социальная функция культуры, но и потому, что вне такого подхода нельзя раскрыть и суть культуры, определить ее уровень и достижения. Духовные ценности и духовный мир человека сами по себе, в своем «автономном бытии» не поддаются, или почти не поддаются точному учету и измере-

нию. Человечество не изобрело, к примеру, сенсерометр — инструмент для измерения искренности. Оно не изобрело и, наверное, не изобретет вообще прибора, при помощи которого можно было бы точно измерить нравственную высоту человека, степень его культурности. Но здесь нет непоправимой беды. По поводу сенсерометра В. И. Ленин заметил: «В таком инструменте мы и не нуждаемся, зато инструментом для определения направлений мы уже обладаем»¹.

О направлениях человеческой мысли, об интеллектуальном уровне и нравственном кредо человека можно и нужно судить по образу жизни и практическим делам его, по тому, как раскрывается его личностная сущность в жизнедеятельности. В связи с данным сюжетом особо нужно подчеркнуть важность для строителей коммунизма политической культуры. Политика — это область отношений классов; политическое сознание — отражение этих отношений в сознании человека. Социалистическое сознание в политике — это синтетическое выражение научного понимания природы классов и классовых противоречий и отношения к классам с позиции социалистической морали. Политическая сознательность строителя коммунизма — это основанные на научных знаниях непримиримость к эксплуататорам и их порядкам и преданность делу социализма и коммунизма. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Л. И. Брежнев, говоря о задачах партии в деле дальнейшего духовного формирования советских людей, подчеркнул: «В области идейного воспитания большое значение имеет **политическое просвещение**»². Понятно, что в истории советской культуры большое место занимает история формирования политической культуры советского народа, его политического просвещения.

Центральная проблема истории советской культуры — «Советский народ — субъект культуры». К сожалению, в нашей исторической науке это проблемное направление должным образом не разрабатывается. Исследователи обычно ограничиваются общим признанием решающей роли народных масс в культурном прогрессе. Необходимо перейти к конкретному раскрытию этого положения. При этом следует исходить прежде всего из того, что в культурном развитии социалистического общества ведущую роль играет рабочий класс, что обусловлено его творческой активностью в создании духовных ценностей, идеологическим лидерством и социальным заказом культуре, культурно-организационной деятельностью этого авангарда советского народа. Залача науки — всесторонне и глубоко, без вульгарно-упрощенческого подхода к вопросу раскрыть роль рабочего класса как главного субъекта культуры, ее творца. Разумеется, ведущая роль рабочего класса не исключает, а напротив, предполагает большую и важную роль интеллигенции, прежде всего творческой ее части (научной и художественной) в создании духовных ценностей общества, в приумножении духовного потенциала народа.

Особое место в структуре народа как субъекта духовного производства занимает Коммунистическая партия. Руководящая и направляющая деятельность КПСС — коренное условие успеха советского народа в строительстве и совершенствовании социалистической культуры. Этот успех связан также и с культурно-организаторской и воспитательной функцией Советского государства. Естественно, что раскрытие руководящей и направляющей роли партии и государства — это одно из ключевых направлений историографии советской культуры.

Духовная культура, как дело и достояние советского народа, не остается в статическом состоянии; она непрерывно изменяется, обогащается; с каждым новым этапом прогресса в ней появляются новые грани, свойства, черты. Так, современная советская культура, культура развитого социализма отличается от культуры прошлых ее этапов не только несравненно более высоким уровнем общей и специальной культуры народа, но и большими сдвигами в соотношении своих компонентов, новыми тенденциями и закономерностями своего развития. Усиленный процесс социальной интеграции и интернационализации и связанный с ним процесс гомогенизации, укрепления общечеловеческих начал в социалистической культуре, возрастание значения «экологической куль-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 248.

² «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 74.

туры» и другие новые аспекты духовной жизни — все это характеризует дальнейшее развитие, обогащение, совершенствование культуры социализма. Естественно, что задача углубленного исследования многогранной советской культуры, сформулированная XXV съездом КПСС, — задача, требующая творческого решения.

В настоящее время сектор истории советской культуры приступил к созданию фундаментального своданого труда «История советской культуры». Ученые сектора, поставившие перед собой столь серьезную задачу, хорошо сознают трудности, стоящие на пути реализации этого замысла. Они надеются на сотрудничество специалистов по культуре в смежных науках — философов, социологов, этнографов, литературоведов, искусствоведов и др.

Сейчас наш коллектив занят разработкой проспекта многотомного труда «История советской культуры». В ближайшие месяцы предполагается вынести этот проспект на обсуждение научной общественности.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ КАПИТАЛИЗМА

В. И. Неупокоев,
заведующий сектором истории периода капитализма

Важнейшим направлением деятельности коллектива сектора истории СССР периода капитализма является исследование коренных проблем истории России XIX в.: социально-экономическое развитие страны, внутренняя политика самодержавия, классовая борьба пролетариата и крестьянства, общественно-политическая мысль и революционное движение, история культуры.

Социально-экономическая история России в XIX в. разрабатывается сектором в плане изучения генезиса капитализма, развития капитализма в сельском хозяйстве и в промышленности в пореформенный период. Главное внимание при этом уделяется дискуссионным и недостаточно освещенным вопросам.

В аспекте изучения генезиса капитализма и истории крестьянского вопроса в период разложения и кризиса крепостнической системы мной подготовлена к печати монография «Крестьянский вопрос в Литве в XIX в.». В настоящее время я работаю над монографией «Государственные повинности крестьян России в конце XVIII — первой половине XIX вв.». В ней рассматриваются крепостнический характер податной системы и раскладка податей и сборов, их роль в бюджете крестьян, влияние податей и сборов на крестьянское хозяйство, отходничество и развитие обмена; соотношение между феодальной рентой и системой податей и сборов, отражающее крепостническую эксплуатацию «тяглого сословия» государством; попытки правительства преобразовать систему податей и сборов и несостоятельность решения этой проблемы на крепостнической основе. К этой теме примыкает запланированное исследование Л. И. Пляшкевич «Податная политика царизма во второй четверти XIX в.», цель которого — вскрыть влияние государственных повинностей на положение крестьян в период кризиса крепостнической системы. Обширные документальные материалы по крестьянскому вопросу будет содержать запланированный сектором сборник документов «Крестьянский вопрос в России в первой половине XIX в.». В дальнейшем ставится задача подготовить к публикации такой же сборник по второй половине XIX в.

Главное внимание сектор обращает на историю развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности в пореформенный период.

А. М. Анфимов закончил работу над большой монографией по истории крестьянства Европейской России в конце XIX — начале XX в., в которой исследуется крестьянское хозяйство и революционная борьба крестьян в сложной социально-экономической

и политической обстановке. Автор пересматривает тезис о преобладании в сельском хозяйстве России второй половины XIX в. феодально-крепостнических пережиточных отношений; это касается, в частности, вопроса о характере оградок.

На стыке процессов экономического развития города и деревни П. Г. Рындзюнский исследует тему «Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века». В монографии под таким названием на материалах 80—90-х годов рассматривается вопрос о конкретном выражении в России и в отдельных крупных ее районах роста противоположности города и деревни как одного из важных аспектов капиталистического развития. В центре работы стоит также проблема об исторических условиях взаимодействия рабочего класса и крестьянства в общественном движении. Выясняется своеобразие общественно-экономической структуры городских и негородских местностей, предпосылки и формы горообразованиевых процессов.

В последние годы активно исследуется история сельской общины. Сектор наметил разработку этой проблемы на материалах Вольного экономического общества (работа Л. И. Кучумовой «Сельская поземельная община по анкетным данным Вольного экономического общества»).

Истории промышленного развития в пореформенный период посвящена монография А. М. Соловьевой «Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX века», которая недавно вышла в свет. Автор раскрывает основные этапы становления и развития государственно-капиталистической системы хозяйства на железнодорожном транспорте России. Развитию капитализма «вглубь» и «вширь» посвящена запланированная монография А. И. Алексеева «Освоение Дальнего Востока и Русской Америки русскими в XIX в. (1799—1867 гг.)». Это исследование связано с изучением характера и путей развития капитализма, роли окраин и народов восточных районов в развитии страны.

Требует пристального внимания историков процесс начавшегося формирования в недрах феодального общества новых классов — буржуазии и пролетариата. В секторе начата разработка важного вопроса формирования экономической программы русской буржуазии, ему посвящена запланированная монография Л. В. Куприяновой «Общество для содействия русской промышленности и торговле (1867—1900 гг.)». В. И. Коханенко в работе «Земская оценочная статистика как источник по истории промышленности и рабочего класса» предполагает на обширном материале земской статистики исследовать положение рабочего класса и политику царизма и буржуазии по рабочему вопросу в конце XIX в.

Новой, еще мало исследованной проблеме посвящена подготовленная к печати монография В. А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия (М. П. Катков и его издания)». В работе характеризуются социально-экономическая политика и влияние новых процессов на идеологию самодержавия в пореформенный период.

Одной из важнейших задач изучения промышленного развития России в XIX в. является история промышленной революции. В разработке этой проблемы много спорного и нерешенного. Исследование этой темы составляет ближайшую перспективу сектора.

По пятилетнему плану (1976—1980 гг.) сектору предстоит принять участие в подготовке коллективных трудов: «История рабочего класса СССР» и «История крестьянства СССР (с древнейших времен до 1917 года)». Это позволит объединить усилия коллектива на важнейших вопросах социально-экономической истории России в XIX в.

Советская историческая наука рассматривает капитализм в России как общественно-экономическую формацию, развитие которой совершалось по тем же объективным экономическим законам, которые характеризуют капиталистическое развитие стран Западной Европы и Америки. Исследование глубинных процессов эволюции многоукладной капиталистической системы России открывает широкое поле деятельности для дальнейшего изучения на новом, более высоком уровне науки закономерностей исторического развития общества и, прежде всего, складывания материальных и политических предпосылок его революционных преобразований. В самой теоретической постановке этих актуальных научных проблем ряд историков не избегал серьезных методологиче-

ских ошибок. Были сделаны неправомерные попытки теоретического обоснования «многоукладности» как особого общественно-экономического строя пореформенной России. Одновременно имели место ошибочные утверждения об искусственном пасаждении российского капитализма. Исследования в этой области подтверждают основополагающие положения о развитии России в указанный период в общем русле мирового исторического процесса.

В центре внимания сектора находится история общественно-политической мысли и революционного движения в XIX в.

Подготовлена к печати монография Н. И. Казакова «Декабристы — борцы за свободу России. (Формирование революционных идей. Тайные организации. Планы восстания)». Запланирована монография Е. А. Дудзинской «Славянофилы в эпоху падения крепостного права». Н. М. Пирумова готовит монографию «Земская интеллигенция в общественно-политической борьбе». Вышли в свет две монографии Б. С. Итенберга: «Россия и Парижская коммуна» (М., 1971) и «Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность» (М., 1974).

Разработке проблемы истории культуры посвящена монография Г. И. Шетининой «Университеты в России и устав 1884 года» (М., 1976). Книга является комплексным исследованием внутренней политики и общественно-политической роли университетов России, участия профессоров в либеральной оппозиции и студенчества в революционном и демократическом движении пореформенной России.

По пятилетнему плану сектор готовит двухтомный коллективный труд «Вторая революционная ситуация в России (1878—1882 гг.)». В этом исследовании будет рассмотрен процесс революционного движения в пореформенной России, приведший к утверждению марксизма, к созданию партии рабочего класса.

Решения XXV съезда КПСС обязывают сектор повысить научно-идейный уровень исследований, сосредоточить усилия ученых на главных направлениях исторической науки.

БАНКРОТСТВО МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ РОССИИ В 1917—1922 ГОДАХ

Симпозиум в г. Калинин

В декабре минувшего года в г. Калинин проходил симпозиум на тему «Банкротство мелкобуржуазных партий России в 1917—1922 годах». Организаторами симпозиума были Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и Калининский государственный университет, которые привлекли к участию в его работе более 50 ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Еревана, Тбилиси, Риги, г. Калинин, г. Горького, Казани, г. Куйбышева, Одессы, Симферополя, Петрозаводска и Архангельска.

Во вступительном слове акад. И. И. Минц (Москва), в частности, отметил, что история политического и идейного банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий России привлекает все большее внимание историков.

Не все проблемы истории мелкобуржуазных партий и их краха разработаны с достаточной полнотой. Лучше других изучена деятельность партий эсеров и левых эсеров, несколько слабее — меньшевиков; что же касается ряда других мелкобуржуазных партий, то их история еще ждет своих исследователей.

Следует критически оценить проделанную работу, обсудить те вопросы истории мелкобуржуазных партий России 1917—1922 гг., которые не получили надлежащего освещения в литературе последних лет, а также наметить круг проблем, которые нуждаются в первоочередной разработке.

Ряд докладов на симпозиуме был посвящен теме складывания блока соглашательских партий после победы Февральской революции. К. В. Гусев (Москва) остановился на вопросе о теоретических основах этого блока. Отметив, что и программы, и их обоснование, и точки зрения на задачи, движущие силы и пути развития революции в России у меньшевиков и эсеров были не одинаковы, докладчик далее поставил вопрос: чем же можно объяснить то обстоятельство, что политическая линия тех и других после Февральской революции была практически единой? Ответ заключается в том, что теоретические основы блока связаны с мелкобуржуазным характером обеих партий, их программ и теорий, с такими общими для правого социал-реформизма и левого мелкобуржуазного революционаризма чертами, как неспособность определить роль и место каждого класса в революционном процессе, пути построения социалистического общества, закономерности развития революции, с их тяготением к буржуазии, приверженностью к так называемой «чистой демократии» и т. д. Особо остановившись на оценке меньшевиками и эсерами роли различных классов в революции, докладчик отметил, что отрицание ведущего положения рабочего класса, его роли авангарда всей массы трудящихся и эксплуатируемых, утверждение, что капитализм якобы еще не исчерпал своих политических возможностей, а социализм слишком молод и, если попытается встать у государственного руля, обречен на неудачу, привели эти партии к коалиции с буржуазией.

Х. М. Астрахан (Ленинград) проанализировал социальные основы соглашательского блока, соотношение сил внутри него, его эволюцию. Важной особенностью блока было лидирующее положение в нем меньшевиков, несмотря на то, что они значительно уступали эсерам и по численности своих организаций, и во влиянии на массы. Объяснялось это, по мнению докладчика, тем, что меньшевистская теория, предсказывавшая длительный период буржуазной власти, больше отвечала задачам соглашательского блока, чем эсеровская концепция сравнительно быстрого перехода к новому общественному строю. Падение авторитета соглашательских партий, выявившееся с развитием революции, привело к усилению разногласий внутри блока. Это не изменило его отношения к союзу с буржуазией. Как эсеры, так и меньшевики считали, что всякая попытка российского пролетариата установить власть, аналогичную Парижской коммуне, обречена на поражение. Более радикальная позиция ряда современных мелкобуржуазных партий по сравнению с аналогичными им партиями в России в 1917 г., подчеркнул в заключение докладчик, обусловлена в значительной степени тем, что Великий Октябрь опрокинул пессимистические представления о судьбе пролетарской революции.

Эволюции блока соглашателей с буржуазными партиями в первые месяцы после Февраля посвятил свой доклад В. И. Старцев (Ленинград). Он остановился на сотрудничестве меньшевиков и руководителей народнических групп с радикальной частью прогрессистов и левыми кадетами в рамках IV Государственной думы и ряда конспиративных политических организаций. Что касается периода марта - мая 1917 г., то на первом его этапе блок мелкобуржуазных и буржуазных партий осуществлялся в виде «контроля» Совета над деятельностью правительства и согласования их действий через «контактную комиссию»; на втором — тесное сотрудничество соглашательского исполкома Петроградского Совета с Временным правительством вылилось в создание коалиционного правительства.

К названным докладом, поднимавшим основные проблемы политики соглашательских партий в 1917 г., примыкала группа сообщений, посвященных отдельным аспектам их истории этого же периода. Так, Г. И. Злоказов (Москва) осветил историю меньшевистской фракции Петроградского Совета. Он, в частности, отметил значительное отставание в организационном оформлении меньшевистской фракции по сравнению с фракцией большевиков (большевики создали самостоятельную фракцию уже 9 марта, а меньшевики — только 13 апреля), в размахе ее деятельности (сами меньшевики признавали, что работа их фракции «велаась не с той интенсивностью, какая, по-видимому, проявлялась в жизни большевистской фракции»). Все это привело к тому,

что уже к июлю большевистская фракция почти вдвое превышала меньшевистскую (соответственно около 400 человек и несколько больше 200).

В ряде выступлений был показан провал попыток соглашателей (главным образом, меньшевиков) повести за собой организации рабочего класса. В сообщении М. В. Спиридонова (Петрозаводск) говорилось о банкротстве мелкобуржуазных партий в профсоюзах и анализировалось своеобразие процесса большевизации последних в сравнении с аналогичными процессами, протекавшими в фабзавкомках и Советах. П. Е. Любаров (Одесса) рассмотрел вопрос о постепенном выходе из-под влияния меньшевиков торговых служащих (так называемых «пролетариев прилавка»). В сообщении М. Л. Иткина (Москва) был показан крах попыток мелкобуржуазных партий противопоставить большевистскому лозунгу рабочего контроля требование государственного контроля при участии революционной демократии.

В сообщении В. И. Миллера (Москва) были охарактеризованы попытки меньшевиков создать свои военные организации и повести за собой многомиллионную русскую армию. Отметив значительное влияние, которым пользовались меньшевики в армии в первые месяцы после Февраля, автор отметил далее, что разоблачение большевиками курей соглашателей на продолжение войны и их стремления сохранить в армии власть реакционного офицерства привело к быстрому спаду этого влияния.

О национальной политике соглашательских партий в 1917 г. шла речь в двух выступлениях. В докладе Г. П. Макаровой (Москва) был показан отход партий меньшевиков и эсеров от их программных требований по национальному вопросу. Так, меньшевики стали утверждать, что пункт социал-демократической программы о правах наций на самоопределение якобы слишком формален, чтобы на его основе «делать конкретные построения», и перешли к поддержке националистического лозунга культурно-национальной автономии. Что же касается эсеров, то, на словах предложив план федеративного устройства России, они вплоть до победы Октябрьской революции осуждали всякие попытки национальных районов «явочным порядком» решить вопрос об автономии. Национальной политике двух небольших народнических партий — трудовиков и народных социалистов, в середине 1917 г. объединившихся в одну — трудовую народно-социалистическую, было посвящено сообщение А. И. Муджпри (Тбилиси).

В сообщении А. В. Купцова (Рига) была рассмотрена история межрайонной организации объединивших социал-демократов. Автор проанализировал причины, по которым несколько оттянулось вступление «межрайонки» в партию большевиков. В частности, пополнение состава этой организации вернувшимися из эмиграции троцкистами и вперёдсмотрями на некоторое время привело к усилению разногласий с большевиками по ряду политических вопросов. История межрайонной организации наглядно показывает закономерность банкротства центристских образований по мере назревания социалистической революции.

Н. Ф. Славян (Петрозаводск) выступил с сообщением на тему «К вопросу об оценке В. И. Лениным возможности компромиссного соглашения с эсерами и меньшевиками в начале сентября 1917 г.». Он указал, в частности, что В. И. Ленин не только обратил внимание на появление минимальной возможности компромисса, но и вел решительную борьбу с теми, кто переоценивал эту возможность и отказывался от курса на вооруженное восстание.

Группа докладов и сообщений была посвящена отношениям между большевиками и левыми эсерами в ноябре 1917 — июне 1918 гг. З. Л. Серебрякова (Москва) поставила ряд вопросов, связанных с участием левых эсеров в областных объединениях Советов. Будучи сторонниками децентрализации Советского государства, левые эсеры видели в областях опорные пункты автономий, рассчитывали противопоставить их центральной власти. Отсюда их согласие участвовать в областных исполнительных органах Советов весной 1918 г., когда они уже вышли из Советского правительства. Р. Г. Цыпкина (Москва) указала на имеющиеся в нашей литературе неточности при изложении вопроса о партийном составе военно-революционных комитетов. В двух сообщениях — Л. И. Великовой (г. Калинин) и Э. М. Шагина (Москва) — рассматривался комплекс проблем, связанных с соглашениями между большевиками, с

одной стороны, и рядом мелкобуржуазных партий — с другой — на Дальнем Востоке. При этом Э. М. Шагин проанализировал особенности отношений между большевиками и левыми эсерами в 1917—1918 гг. и показал, что совместная борьба против интервентов на Дальнем Востоке привела к сохранению блока в период, когда в Центральной России он уже прекратил свое существование. Л. И. Беликова сосредоточила свое внимание на совместной борьбе большевиков и ряда мелкобуржуазных группировок (анархистов, левых эсеров и максималистов) против интервентов в 1918—1920 гг.

Т. Д. Ионкина (Москва) охарактеризовала состав и деятельность фракций мелкобуржуазных партий на всероссийских съездах Советов (1917—1920 гг.) и показала, как потеря влияния в массах приводила к постепенному исчезновению мелкобуржуазных партий с политической арены и с трибуны всероссийских съездов. Ю. И. Шестаков (г. Куйбышев) обратил внимание на особенности тактики большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазных партий. В частности, те мелкобуржуазные партии, которые поддерживали Советскую власть, большевики привлекали к советской, хозяйственной, профсоюзной работе, одновременно разоблачая их попытки поставить под сомнение необходимость диктатуры пролетариата и затуманивать разницу между пролетариатом и мелким хозяйчиком. И если эти партии не смогли сохранить самостоятельного существования, то причина такой их участи — в банкротстве мелкобуржуазной идеологии и политики в социалистической революции.

Один из аспектов этой большой проблемы — влияние политики партии большевиков и Советского государства на расхождение среди анархистов — избрал темой доклада С. Н. Канев (Ленинград). Несмотря на то, что в первые годы Советской власти мелкобуржуазные слои населения составляли большинство населения в стране, анархистам не удалось повести их за собой даже в такие моменты, когда проявились наибольшие колебания среди этих слоев населения (весной 1918 г. и весной 1921 г.). Распространению влияния анархистов на массы препятствовала классовая, пролетарская политика большевиков, которая отвечала интересам трудящихся. Другой стороне этой же проблемы — краху идеологии и политики «Союза эсеров-максималистов» — посвятил свое выступление В. Х. Тумаринсон (Архангельск). Он показал, как участие в общей работе с большевиками в Советах привело большинство членов Союза к решению о вступлении в РКП(б).

В сообщении В. В. Кабанова (Москва) о кооперации в Октябрьской революции был, в частности, дан анализ статистических материалов мелких кредитных учреждений, который опровергает слухи, распускавшиеся эсеро-меньшевистской кооперативной верхушкой о разрушении кооперации Советской властью и показывает ее рост после Октября.

В нескольких докладах и сообщениях были рассмотрены вопросы о поражении и последующем распаде ряда мелкобуржуазных партий и групп, выступивших после Октября против Советской власти и ее политики. В сообщении «Банкротство аграрной политики эсеров (1917—1918 гг.)» П. А. Луцкий (Москва) показал, как борьба против аграрной политики Советской власти сначала привела к отходу крестьянских масс от партий правых и левых эсеров, а затем и к распаду самих партий. В. В. Гармиза (Москва) проанализировал общие закономерности возникновения, деятельности и ликвидации эсеро-меньшевистских правительств, существовавших в 1918 г. в ряде районов страны. Отметив известные различия в проведении тех или иных аспектов политики правительств «демократической контрреволюции», докладчик подчеркнул, что все эти различия носили частный характер и принципиального значения не имели. Определяющим в политике всех эсеро-меньшевистских правительств был возврат к капиталистическим отношениям, восстановление капитализма в городе и деревне. А реставрация капитализма сделала ненужными сами мелкобуржуазные правительства, и там, где власть эсеров и меньшевиков не была ликвидирована наступлением Красной Армии, она была задрана самой буржуазией и монархическим офицерством. О том, как повлияли эти события на положение в партии правых эсеров, говорилось в сообщении И. А. Чермерисского (Москва) «Правозесеровская группа „Народ“ и ее распад (1919—

1922 гг.». Крах политики «третьей силы» привел часть эсеровских лидеров к выводу о необходимости примирения с Советской властью.

Темой выступлений ряда ученых было политическое банкротство местных организаций мелкобуржуазных партий, действовавших в различных районах страны. А. Л. Литвин (Казань) проанализировал литературу, посвященную краху мелкобуржуазных партий в Поволжье, и указал на те стороны этой проблемы, которые нуждаются в углубленном исследовании. В. А. Полушкина (г. Горький) и Ю. М. Гамрецкий (Киев) осветили в своих сообщениях процесс распада организаций российских эсеров и меньшевиков на Украине. В. Н. Сергеев (Симферополь) сказал, что на Дону соглашатели уже во время каледнинщины являлись пособниками генеральской контрреволюции. В сообщении А. С. Ветровой (г. Куйбышев) было выявлено, как поправление бундовского руководства, его сближение с сионистскими партиями в 1917 г. привело к усилению левого крыла Бунда, особенно в его низовых организациях. М. М. Червякова (г. Калинин) говорила о политическом банкротстве и распаде Бунда после победы социалистической революции. Она проследила эволюцию официального руководства Бунда и его левого крыла в годы гражданской войны, показала, как проходил переход той части еврейских рабочих, которые вначале поддерживали бундовцев, на позиции большевиков.

В некоторых выступлениях была освещена деятельность мелкобуржуазных партий после окончания гражданской войны. А. И. Лукьянов (г. Калинин) сделал сообщение о мелкобуржуазной контрреволюции 1921—1923 гг., Ю. В. Мухачев (Москва) — о провале тактики эсеров, разработанной ими при переходе к нэпу, В. В. Кокин (г. Калинин) — о своей работе над историей мелкобуржуазной эмиграции после Октября.

Симпозиум принял рекомендации, которые предусматривают издание сборника статей по материалам докладов и сообщений, проведение периодических совещаний, симпозиумов и семинаров по истории мелкобуржуазных партий России и их краха, усиление внимания к истории мелкобуржуазных партий, действовавших в национальных районах страны, а также установление контактов с учеными, исследующими историю мелкобуржуазных партий в братских социалистических странах.

В. И. Миллер

К 70-ЛЕТИЮ С. С. ДМИТРИЕВА

В сентябре этого года профессору исторического факультета Московского государственного университета Сергею Сергеевичу Дмитриеву исполнилось 70 лет. Крупный ученый с широкой эрудицией, талантливый педагог, воспитавший немало учеников, среди которых есть и признанные ученые, человек высокой культуры, С. С. Дмитриев — один из известных специалистов в области отечественной истории XIX в.

С. С. Дмитриев родился 4 сентября 1906 г. в г. Ярославле. Здесь он окончил среднюю школу и поступил на историко-литературный факультет Ярославского педагогического института. Годы учебы были для него нелегкими. Приходилось совмещать учебу со службой — сначала в качестве сотрудника Ярославского статистического бюро, а затем — библиотекаря научной библиотеки при Ярославском историческом музее. Уже тогда проявился у С. С. Дмитриева интерес к изучению источников, к их глубокому и всестороннему анализу, интерес к библиографии, к книге вообще, что стало его отличительной чертой как ученого.

После окончания Ярославского педагогического института в 1929 г. С. С. Дмитриев был рекомендован для подготовки к научной деятельности. Однако до поступления в аспирантуру у него заняла несколько лет работа в Ивановском областном архиве, а потом в музее-усадьбе Кусково. Работа в этом крупнейшем историко-культурном музее нашей страны способствовала углублению интереса С. С. Дмитриева к истории русской культуры, проявлявшегося еще в годы учебы в институте. Историко-культурным проблемам были посвящены его первые научные и научно-популярные статьи: «Сотрудничество Л. Н. Трефолева в русских исторических журналах» (1930 г.), «Рабочий фольклор XVIII столетия» (1935 г.), брошюра «Кусково. Историко-бытовой музей XVIII века» (1934 г.).

В 1934 г. Сергей Сергеевич был принят в аспирантуру вновь восстановленного исторического факультета Московского университета. Он пришел сюда, имея достаточно большой опыт научно-библиографической и музейно-экскурсионной работы, ряд научных публикаций в журналах и сборниках.

Исторический факультет в те годы был одним из крупнейших центров марксистской исторической науки, в его стенах работали видные советские ученые; здесь читали лекционные курсы и вели семинарские занятия А. М. Панкратова, В. С. Сергеев, Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, В. И. Пичета. Занятия в аспирантуре, активное участие в жизни факультета были для С. С. Дмитриева серьезной школой научного и педагогического труда.

В 1940 г. С. С. Дмитриев защитил кандидатскую диссертацию «Экономические воззрения славянофилов 1830—1850-х годов». Основанная на тщательном изучении широкого круга источников, его работа явилась важным этапом в изучении славянофильства как течения общественной мысли XIX столетия, течения сложного и противоречивого по своей политической и философской сущности. При этом экономические воззрения славянофилов были наименее изученной стороной их мировоззрения.

Исходя из марксистско-ленинского положения о необходимости конкретно-исторического подхода к изучению исторических явлений, С. С. Дмитриев выступил против распространенного толкования славянофильства как реакционно-феодального течения, ничем не отличавшегося от официальной идеологии. Диссертация С. С. Дмитриева содержала ряд положений, опровергавших эту неправильную точку зрения: славянофилы были противниками крепостного права, требовали освобождения крестьян с земель, были сторонниками широкого развития промышленности, проведения железных дорог, преобразования отсталой финансовой системы. Объективно идеология славянофилов была выражением интересов определенной группы дворян-землевладельцев, хозяйство которых в той или иной степени испытывало воздействие капиталистических отношений. Вскоре после защиты диссертации С. С. Дмитриев выступил на заседании сектора истории СССР XIX—XX вв. Института истории АН СССР с обширным докла-

дом, посвященным общей характеристике и оценке славянофильского течения 1830—1850 гг. Развивая свои взгляды, высказанные в диссертации, С. С. Дмитриев подробно остановился на противоречивом характере славянофильского течения, соответствовавшего противоречивому характеру российской действительности предреформенных десятилетий. Если теологические и философские построения, проповеди самобытного пути развития России, монархизм славянофилов были реакционными сторонами их учения, то прогрессивные начала заключались в их экономических и социально-политических воззрениях. В самом важном для эпохи 40—60-х годов вопросе — о крепостном праве — славянофилы занимали относительно прогрессивную позицию.

Изучение огромного фактического материала и тщательность научного анализа позволяли С. С. Дмитриеву сделать важный, смелый для того времени вывод о том, что идеология славянофилов была идеологией буржуазно-помещичьей по своей классовой сущности, умеренно-либеральной по своей политической направленности. Важным положением работы С. С. Дмитриева был тезис о научной несостоятельности отождествления славянофильства с теорией официальной народности, феодально-клерикальной, реакционной идеологией, стремившейся обосновать незыблемость феодально-монархического строя. Эти положения, ставшие предметом широкого обсуждения, встретили поддержку со стороны ведущих советских историков. Теперь эти положения прочно вошли в советскую историографию¹.

Несколько лет назад на страницах журнала «Вопросы литературы» проводилась дискуссия о проблемах литературной критики ранних славянофилов. С. С. Дмитриев участвовал в этой дискуссии и в своем выступлении подчеркнул, что в исторической науке в целом славянофилы рассматриваются как течение, которое не отождествляется с официальной идеологией².

В своей дальнейшей деятельности С. С. Дмитриев стал признанным специалистом в области изучения общественной мысли и русской культуры XIX — начала XX в. Он выступал как автор и редактор работ по истории освободительной борьбы русского крестьянства, разрабатывал историю русских исторических журналов, исследовал некоторые вопросы источниковедения истории России XIX — начала XX в., в частности, русской периодической печати, личные архивные фонды, частную переписку, дневники, мемуары как исторический источник. Интересны работы С. С. Дмитриева по истории русской церкви. Исследуя проблему отношений церкви и государства и роль русской православной церкви в культурно-историческом процессе, он рассматривал церковь как крупнейшую реакционную силу, выступавшую надежным и главным союзником самодержавия и крепостничества³. Результаты изучения С. С. Дмитриевым культуры русского и других народов России занимают видное место в учебной и научно-популярной литературе⁴.

В течение многих лет С. С. Дмитриев принимал активное участие в создании учебников и учебных пособий по истории СССР. Во второй половине 30-х годов, в связи с изменениями в преподавании истории, задача составления новых учебников на основе марксистско-ленинской исторической концепции была одной из самых важных и актуальных. С. С. Дмитриев был одним из авторов учебника «История СССР» для исторических факультетов, вышедшего под редакцией М. В. Нечкиной (1-е изд. — 1940 г., 2-е изд. — 1949 г.). Вместе с М. Н. Тихомировым он участвовал в подготовке учебника «История СССР» для неисторических вузов (1948 г.). В последнем издании учебника «История СССР» для исторических факультетов университетов (т. I — 1956 г., т. II — 1959 г.) С. С. Дмитриевым написаны главы по истории русской культуры и культуры

¹ См. С. С. Дмитриев. Славянофилы и славянофильство (из истории русской общественной мысли середины XIX в.). «Историк-марксист», 1941, № 1. Ср. статьи «Славянофилы» в БСЭ (т. 32, М., 1956) и СИЭ (т. 13, М., 1971).

² См. «Вопросы литературы», 1969, № 10.

³ С. С. Дмитриев. Православная церковь и государство в предреформенной России. «История СССР», 1966, № 4.

⁴ См. «Очерки истории СССР 1861—1904 гг.», М., 1960; «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1968, сер. 1, т. VI.

народов России в XIX — начале XX в., по истории присоединения Средней Азии. Многочисленные источниковедческие изыскания С. С. Дмитриева обобщены в ряде разделов вузовского учебника «Источниковедение истории СССР» (1974 г.).

В научной и научно-популярной работе С. С. Дмитриева значительное место занимают различного рода публикации, материалы, адресованные учителю средней школы. Он является составителем «Хрестоматии по истории СССР», выдержавшей несколько изданий (т. II — совместно с М. В. Нечкиной; т. III), редактором библиографических указателей по истории СССР⁵.

Много работает С. С. Дмитриев как редактор. Под его редакцией вышли коллективные труды, отдельные монографические исследования, сборники аспирантских работ.

Научно-исследовательская работа С. С. Дмитриева тесно связана с его педагогической деятельностью. Еще во время учебы в аспирантуре, с 1935 г., началась его самостоятельная педагогическая работа в московских вузах. Он читал лекционные курсы и вел семинарские занятия в Московском областном педагогическом институте, МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского, в Историко-архивном институте, в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. За активное участие в подготовке руководящих комсомольских кадров С. С. Дмитриев в 1948 г. был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Еще в предвоенные годы основная педагогическая деятельность С. С. Дмитриева сосредоточивается в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. В течение многих лет он читает лекционные курсы по истории России XIX в., по истории русской культуры XVIII — начала XX в., ведет просеминары и спецсеминары, руководит дипломными работами, осуществляет научное руководство аспирантами. Можно с уверенностью сказать, что за годы своей педагогической деятельности С. С. Дмитриев создал научную школу, через которую прошло немало студентов и аспирантов. Признанием больших заслуг С. С. Дмитриева как талантливого педагога, воспитателя научной молодежи явилось присуждение ему в 1969 г. звания профессора. Его лекции всегда вызывают живой интерес у студентов. Их отличает высокий научный уровень, широкая эрудиция, прекрасная культура речи.

Имя С. С. Дмитриева как одного из ведущих исследователей отечественной истории и популяризатора советской исторической науки широко известно. Его работы по истории культуры и другим проблемам истории России XIX в. опубликованы во Франции, Швеции, Италии, ГДР и Чехословакии. Он выступал с лекциями и научными докладами в университетах в Варшаве, Познани, Кракове, Катовице. Многократно С. С. Дмитриев был научным руководителем стажеров из ряда социалистических и капиталистических стран. С. С. Дмитриев ведет большую научно-общественную работу. Он является членом секции исторических наук Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР, а с 1960 г. — членом редакционной коллегии журнала «История СССР», вклад в работу которого трудно переоценить.

Сергей Сергеевич Дмитриев отличается широта интересов не только в области науки. Он любитель и тонкий ценитель искусства, музыки, театра, знаток поэзии. Общение с Сергеем Сергеевичем всегда обогащает: будь то его лекция или разговор по поводу прочитанной книги, увиденного в театре спектакля, выставки картин. Те, кто учился у С. С. Дмитриева, знают, как ненавязчиво и мудро умеет он привить своим младшим коллегам и эту широту интересов, и чувство самостоятельности в научных поисках, выборе темы исследования, аргументации ее основных положений.

Поздравляя Сергея Сергеевича с юбилейной датой в его жизни, мы желаем ему здоровья, больших творческих успехов в научной деятельности и в благородном деле воспитания молодежи.

**Академик Н. М. Дружинин,
член-корреспондент АН СССР И. Д. Ковальченко,
Л. В. Кошман**

⁵ «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». Под ред. проф. С. С. Дмитриева. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И. И. Орлик — Социалистическое содружество и провал «стратегического контроля»	3
Г. Б. Куликова — Повышение роли местных Советов в развитом социалистическом обществе	20
В. И. Тропин, А. Ю. Чиковани — Критика В. И. Лениным меньшевистской фальсификации гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 годов	41

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, Н. В. Сивачев — Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке	60
Н. В. Елисеева — Новый источник по истории помещичьего хозяйства Европейской России конца XIX века	93
В. Б. Павлов-Сильванский — К историографии источниковедения писцовых книг («Приравочные книги»)	99

Сообщения и заметки

Э. Э. Январк — Основные изменения в социальной и национальной структуре населения советских республик Прибалтики (По данным всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.)	119
А. П. Купреева (Минск) — Помощь братских республик в возрождении народного хозяйства Белоруссии (сентябрь 1943 г.— 1945 г.)	137
С. П. Стрелкопытов — Из истории международных научно-технических связей СССР (1921—1925 гг.)	147
М. А. Додолев — Записки русского дипломата об Италии (1816—1822 гг.)	157
Т. Н. Джексон — «Восточный путь» исландских королевских саг	164

Критика и библиография

Н. Б. Лебедева — Новые исследования о советском рабочем классе в первые годы пролетарской диктатуры	171
---	-----

Рецензии

О. И. Чистяков — «Советский народ — новая историческая общность людей. Ставоление и развитие»	178
М. И. Куличенко — «Современные этнические процессы в СССР»	182
Г. Л. Соболев (Ленинград) — Андреев. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции	184
Н. Ф. Бугай — П. Т. Петриков. Ревкомы Белоруссии	187
Т. Д. Крупина — С. В. Воронкова. Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование	189
Е. Д. Черменский — Г. А. Арутюнов. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг.	191

М. Г. Седов — Е. Л. Рудницкая. Шестидесятник Николай Ножин	192
В. Е. Шутой — Н. Павленко. Петр Первый	194
Акад. А. П. Окладников, Н. Н. Покровский (Новосибирск), М. А. Барг — В. А. Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.)	197
Ю. Г. Алексеев (Ленинград) — Р. Г. Скрынников. Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории	204

История СССР за рубежом

И. В. Михайлов — Англо-американская буржуазная историография о рабочем контроле в период Великого Октября	206
Е. А. Мельникова — История Древней Руси на страницах норвежских периодических изданий (60—70-е годы)	213
Л. П. Лаптева — Новые исследования о чешско-русских, словацко-русских и чехословацко-советских научных связях	219
По страницам журналов социалистических стран	221

Историческое краеведение

В. А. Кучкин — О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом»	223
---	-----

Научная жизнь

В Отделении истории СССР АН СССР

А. М. Филитов — Годичное собрание	232
М. П. Польский — Координационное совещание историков	234

В Институте истории СССР АН СССР

Чл.-корр. АН СССР М. П. Ким — Главная задача — создать обобщающий труд по истории советской культуры	240
В. И. Неупокоев — Разработка проблем истории капитализма	243
В. И. Миллер — Банкротство мелкобуржуазных партий России в 1917—1922 годах. Симпозиум в г. Калинин	245
Акад. Н. М. Дружинин, чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, Л. В. Кошман — К 70-летию С. С. Дмитриева	250

CONTENTS

Articles

- | | |
|---|----|
| I. I. Orlik — Socialist Community of Nations and the Failure of the «Strategic Control» | 3 |
| G. B. Kulikova — Rise of the Role of Local Soviets in the Developed Socialist Society | 20 |
| V. I. Tropin, A. Yu. Chikovani — V. I. Lenin's Critique of the Menshevik Falsification of the Hegemony of the Proletariat in the 1905—1907 Revolution | 41 |

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Study

- | | |
|--|----|
| Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences I. D. Kovalchenko, N. V. Sivachev — Structuralism and Structural-Quantitative Method in Modern Historical Science | 60 |
| N. V. Yeliseeva — A New Source in the History of Landlord Economy of European Russia in the Late 19th Century | 93 |
| V. B. Pavlov-Silvansky — On the Historiography of the Source Study of Scribe Books («pripravochnye knigi») | 99 |

Communications and Notes

- | | |
|--|-----|
| E. E. Yaanyark — Basic Changes in the Social and National Structure of the Population of the Soviet Baltic Republics (data of the all-union census of 1959 and 1970) | 119 |
| A. P. Kupreeva (Minsk) — Help of the Fraternal Republics in the Restoration of Belorussia's Economy (September 1943—1945) | 137 |
| S. P. Strekopytov — From the History of International Scientific and Technological Ties of the USSR (1921—1925) | 147 |
| M. A. Dodolev — Notes of a Russian Diplomat on Italy (1816—1822) | 157 |
| T. N. Jackson — The «Eastern Way» of Icelandic Royal Sagas | 164 |

Book Reviews and Bibliography

- | | |
|---|-----|
| N. B. Lebedeva — New Studies on the Soviet Working Class in the First Years of the Proletarian Dictatorship | 171 |
|---|-----|

Book Reviews

- | | |
|---|-----|
| O. I. Chistyakov — «The Soviet People — A New Historical Community of Peoples. Formation and Development» | 178 |
| M. I. Kulichenko — «Modern Ethnical Processes in the USSR» | 182 |
| G. L. Sobolev (Leningrad) — A. M. Andreev, Garrison Soldiers of the Russian Army in the October Revolution | 184 |
| N. F. Bugai — P. T. Petrikov, Revolutionary Committees in Belorussia | 187 |
| T. D. Krupina — S. V. Voronkova, Materials of the Special Council on the Defence of the State. A Study of Sources | 189 |

Ye. D. Chermensky — G. A. Arutynov. Workers' Movement in Russia in the Period of the New Revolutionary Upsurge 1910—1914	191
M. G. Sedov -- Ye. L. Rudnitskaya. Nikolai Nozhin, Man of the Sixties	192
V. Ye. Shutov -- N. Pavlenko. Peter the Great	194
Acad. A. P. Okladnikov, N. N. Pokrovsky (Novosibirsk), M. A. Barg— V. A. Aleksandrov. Rural Community in Russia (17th Century— Early 19th Century)	197
Yu. G. Alekseev (Leningrad) -- R. G. Skrynnikov. Russia after the Oprichnina. Essays in Political and Social History	204

History of the USSR in Foreign Studies

I. V. Mikhailov — British and American Bourgeois Historiography on Workers' Control During the Great October Revolution	206
Ye. A. Melnikova. History of Ancient Russia in Norwegian Periodicals (1960's—1970's)	213
L. P. Lapteva — New Studies on Czech-Russian, Slovak-Russian and Czechoslovak-Soviet Scientific Ties Through the Pages of Historical Periodicals in Socialist Countries	219 221

Study of Local History

V. A. Kuchkin — On the Two Nizhny Novgorods: «Elder» and «Smaller»	223
--	-----

Academic Life

At the Department of History of the Academy of Sciences of the USSR

A. M. Filitov — The Annual Meeting	232
M. P. Polsky -- The Coordinating Conference of Historians	234

At the Institute of History of the USSR

Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M. P. Kim — The Main Task Is to Prepare a Synthetical Work on the History of Soviet Culture	240
V. I. Neupokoev — Elaboration of the Problems of History of Capitalism in Russia	243
V. I. Miller — Bancruptcy of Petty-Bourgeois Parties in Russia in 1917—1922. A Symposium in Kalinin	245
Acad. N. M. Druzhinin, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences I. D. Kovalchenko, L. V. Koshman — S. S. Dmitriev Is 70 Years Old	250

Технический редактор Сироткина Т. И.

Сдано в набор 7/VI-1976 г. Т-09100 Подписано к печати 13/VIII-1976 г. Тираж 10 000 экз.
Зак. 4181. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 22,4. Бум. л. 8,0. Уч.-изд. л. 25,7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА:

Статьи	Промышленное развитие СССР в годы девятой пятилетки Русская культура XVIII века. Предмет и задачи изучения
Историография, источниковедение, методы исторического исследования	Исторический факт: структура, форма, содержание Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе
Сообщения и заметки	Некоторые итоги развития промышленности Москвы в годы девятой пятилетки Развитие сельского хозяйства Украинской ССР в девятой пятилетке Русско-турецкая война 1877—1878 годов: некоторые аспекты мемуарного наследия
История СССР за рубежом	Содружество историков социалистических стран (1945—1975 гг.)

Публикуются также различные материалы под рубриками: «Критика и библиография», «Научная жизнь».